МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Казанский юридический институт

КРИМИНОЛОГИЯ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Учебник
под редакцией доктора педагогических наук,
заслуженного сотрудника органов внутренних дел РФ
генерал-майора полиции
Ф.К. Зиннурова

Казань
КЮИ МВД России
2019

ББК 67.51
К 78

Одобрено редакционно-издательским советом КЮИ МВД России

Рецензенты:
доктор юридических наук, профессор В.В. Бабурин
(Омская академия МВД России);
доктор юридических наук, профессор Э.Г. Юзиханова
(Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России);
доктор юридических наук, доцент Е.В. Рогова
(Восточно-Сибирский институт МВД России).

К 78 **Криминология:** Общая часть: учебник / под общей редакцией Ф.К. Зиннурова. – Казань: КЮИ МВД России, 2019. – 358 с.

В учебнике рассматриваются современные представления о предмете криминологии, личности преступника, криминогенных детерминантах, механизме индивидуального преступного поведения. Отражены вопросы прогнозирования и планирования в деятельности органов внутренних дел. Анализируется система мер предупреждения преступлений. Особое внимание обращено на виктимологическую профилактику. Отдельные главы учебника посвящены истории российской криминологии, зарубежным теориям преступности, международному сотрудничеству в сфере предупреждения и противодействия преступности.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, адъюнктов, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

ISBN 978-5-906977-58-8 **ББК 67.51**

© Казанский юридический институт МВД России, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 6
Введение 8
Глава I. Криминология как наука и учебная дисциплина 10
§ 1. Понятие, предмет и задачи российской криминологии 10
§ 2. Структура современной криминологии 14
§ 3. Криминологическое исследование как форма приобретения и приумножения знаний о преступности 27
§ 4. Взаимосвязь криминологии с другими науками 32
§ 5. Основные тенденции развития российской криминологии 38
Глава II. История отечественной криминологии 48
§ 1. Российская криминология до 1917 г. 48
§ 2. Советский период развития отечественной криминологии ... 55
§ 3. Отечественная криминология в конце XX – начале XXI столетий 63
Глава III. Преступность и ее характеристики 71
§ 1. Эволюция преступности 71
§ 2. Криминологическое значение показателей преступности 74
§ 3. Понятие и признаки преступности как социального явления . 75
§ 4. Количественные показатели преступности 77
§ 5. Качественные показатели преступности 79
Глава IV. Латентная преступность и способы ее оценки 88
§ 1. Понятие и виды латентной преступности 88
§ 2. Факторы, способствующие латентной преступности 94
§ 3. Методы оценки латентной преступности 100
§ 4. Минимизация латентной преступности 104
Глава V. Причины и условия преступности 110
§ 1. Введение в проблему 110
§ 2. Причинность в криминологии 115
§ 3. Классификация причин и условий преступности 123
§ 4. Причины преступности в современной России 127
§ 5. Изучение причин и условий преступности органами внутренних дел 135

Глава VI. Механизм преступного поведения (причины конкретного преступления) 138
§ 1. Понятие и структура механизма преступного поведения 138
§ 2. Мотивация преступления 143
§ 3. Конкретная жизненная ситуация как непосредственная причина совершения преступления 147
§ 4. Принятие решения, планирование преступления, совершение преступления. Посткриминальное поведение 149
Глава VII. Личность преступника и ее криминологические характеристики 156
§ 1. Сущностная характеристика личности преступника и его ценностные ориентации 156
§ 2. Социально-ролевой подход в изучении личности преступника 168
§ 3. Классификационная типология личности преступника 171
§ 4. Детерминация потребностей и мотивационных характеристик преступника в социально-экономической среде 176
Глава VIII. Криминологическая виктимология 181
§ 1. Жертва преступления как категория криминологической виктимологии: понятие и содержание 181
§ 2. Криминологическая классификация жертв преступлений 184
§ 3. Виктимологическая оценка последствий современной российской преступности 192
§ 4. Виктимологические факторы и виктимологические ситуации криминального поведения 204
§ 5. Виктимологическое направление воздействия на преступность 209
Глава IX. Криминологическое прогнозирование и планирование 224
§ 1. Понятие криминологического прогнозирования 224
§ 2. Цели, задачи, виды криминологического прогнозирования ... 229
§ 3. Методология и методика криминологического прогнозирования 233
§4. Планирование борьбы с преступностью 240
Глава X. Концептуальные основы предупреждения преступности 244
§ 1. Понятие и приоритетные направления предупреждения преступности 244

§ 2. Объекты и субъекты предупреждения преступлений 249
§ 3. Правовые основы предупреждения преступлений 252
§ 4. Общесоциальное предупреждение преступности 256
§ 5. Индивидуальное предупреждение преступлений 261
§ 6. Оперативно-розыскное предупреждение преступлений 267
Глава XI. Зарубежная криминология. Генезис криминологических теорий: от позитивизма к постмодернизму 279
§ 1. Криминологическая теория: понятие, типы, критерии оценки 279
§ 2. Позитивистская парадигма в криминологии 288
§ 3. От интеракционизма к феноменологии и конструктивизму 300
§ 4. Конфликтологический подход, радикально-критическая и феминистская криминология 304
§ 5. Постмодернистская теория преступности 315
§ 6. Интеграция криминологических знаний: теории и перспективы 320
Глава XII. Международное сотрудничество в сфере предупреждения и противодействия преступности 337
§ 1. Правовое регулирование международного сотрудничества в сфере предупреждения и противодействия преступности 337
§ 2. Международные правоохранительные организации и их система 342
§ 3. Совершенствование деятельности ОВД в укреплении международного сотрудничества 346
Заключение 351
Список рекомендуемой литературы 353
Сведения об авторах 356

ПРЕДИСЛОВИЕ

В различные исторические периоды выдающиеся мыслители, философы, ученые, государственные деятели пытались объяснить причины преступного поведения, выявить особенности личности преступника и на этой основе предложить обществу эффективные меры профилактики (сдерживания) криминальных проявлений. При этом теоретическое осмысление проблемы противостояния преступности прошло путь от древних религиозных представлений, философских концепций эпохи Возрождения и Просвещения до современного научного осмысления с позиции специальной отрасли знаний – криминологии.

Криминология – учение о преступности, ее причинах и условиях, личности преступника и жертвы, предупреждении и противодействии современным видам преступных посягательств. Изучение данной дисциплины – важный элемент профессиональной подготовки, в первую очередь, юриста, а также педагога, психолога, экономиста, эколога, медицинского работника и даже архитектора. Каждый, кто хочет разобраться в экономических, управленческих и социально-культурных хитросплетениях общественной жизни, найдет немало познавательного и интересного в данном учебнике.

Долгое время считалось, что более нравственное, развитое общество способно избавиться от преступности. К сожалению, все оказалось сложнее и мечта человечества об «идеальном» социуме «всеобщего благоденствия» оказалась недостижимой. Современная цивилизация продолжает искать способы построения наиболее справедливого и приемлемого для большинства граждан общества, но данный процесс весьма далек от завершения. Преступности свойственно не только динамическое (количественное) развитие, но и изменение ее качественных характеристик (структуры, характера, географии и др.).

В настоящий период криминология доказала свою научную состоятельность и практическую значимость. Сейчас трудно представить эффективную организацию противодействия преступности без использования современных криминологических знаний и методик. Они необходимы при управлении социальными процессами, в законотворческой и правоприменительной деятельности. Выработка научных рекомендаций и конструктивных предложений по минимизации (сдерживанию) преступности является одним из приоритетных направлений современной криминологии.

В учебнике рассматриваются современные представления о предмете криминологии, личности преступника, криминогенных детерминантах, механизме индивидуального преступного поведения. Отражены вопросы

прогнозирования и планирования в деятельности органов внутренних дел. Анализируется система мер предупреждения преступлений. Особое внимание обращено на виктимологическую профилактику. Отдельные главы учебника посвящены истории российской криминологии, зарубежным теориям преступности, международному сотрудничеству в данной сфере.

Криминология, являясь общетеоретической наукой о преступности, имеет непосредственное прикладное значение. В последние годы в нашей стране стало очевидным, что реформирование любой сферы жизнедеятельности связано с преодолением или минимизацией организованного криминала, преступного насилия, корыстных преступлений, коррупционных проявлений. Эта идея стала ключевой при подготовке данного учебника.

Авторы стремились из всего многообразия криминологической информации выделить ее ключевые элементы, представляющие наиболее устоявшиеся положения, соответствующие требованиям, предъявляемым к обучению в высших учебных заведениях системы МВД России. Материалы учебника можно рекомендовать использовать курсантам и слушателям при подготовке к семинарским и практическим занятиям по курсу «Криминология. Общая часть», а также при написании рефератов, контрольных, курсовых и выпускных квалификационных работ. Профессорско-преподавательский состав найдет много полезной информации по междисциплинарным курсам и отдельным аспектам предупреждения и противодействия преступности. Учебник будет интересен адъюнктам, аспирантам, научным работникам и практическим сотрудникам органов внутренних дел.

ВВЕДЕНИЕ

Преступность представляет собой проблему, которая сопровождала человеческое общество на протяжении всего его существования. Все это время человечество было вынуждено искать новые способы и методы борьбы с преступностью. Выдвигались многочисленные теории, с помощью которых ученые пытались объяснить причины и условия преступности, понять мотивы противоправной деятельности, ответить на вопрос: «Почему человек совершает преступление?».

В своем становлении криминологическая наука прошла непростой путь. Криминология как наука доказала свою способность к динамическому развитию и своевременному реагированию на новые угрозы, представляющие опасность гармоничному развитию общественных отношений. Особенностью криминологической науки является широкий охват проблем современного общества, а именно влияние их на преступность в целом и ее отдельные виды. Что, в свою очередь, позволяет разработать эффективные способы криминологического воздействия (минимизации преступности) и внедрить их в практическую деятельность правоохранительных органов.

Преступность постоянно подстраивается под складывающиеся общественные отношения. Старые криминальные обычаи и традиции уходят в прошлое, им на смену приходят другие. Отчасти причина, по которой современные «воры» не наносят татуировок, не придерживаются уголовного жаргона, приобретают вид успешных бизнесменов, стараются не выделяться в обществе, объясняется тем, что они не хотят отказываться от преимуществ и возможностей глобализации.

Сегодня намного «выгоднее и безопаснее» совершать экономические, компьютерные, экологические, коррупционные преступления, нежели деяния общеуголовной направленности. При этом современные достижения цивилизации уже в ближайшее время позволят использовать новые технологии в предупреждении и противодействии преступности (искусственный интеллект, развитие генной инженерии, робототехника, профайлинг, 3D-принтеры, глобальные навигационные системы, распознание преступников и поиск пропавших людей на основе нейронных сетей, «Большие данные» и квантовая криптография станут средством противостояния современному преступнику)[1].

Криминология предлагает широкий спектр возможностей для оперативного реагирования на криминогенную ситуацию и социально-негативные явления, обусловливающие преступность (наркоманию, алкоголизм, проституцию, игроманию, сектантство, безнадзорность, суицид и проч.).

[1] Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. М.: Книжный мир, 2017. С. 4-10.

При изучении курса «Криминология. Общая часть» обучающийся должен:

знать:

- понятие и признаки преступности;
- основные детерминанты противоправного поведения;
- характеристику личности преступника (типологию и классификацию);
- структуру и элементы механизма преступного поведения;
- основы виктимологии;
- современные возможности прогнозирования преступности;
- систему мер предупреждения и противодействия уголовно наказуемым деяниям;

уметь:

- выполнять профессиональные задачи в соответствии с нормами морали, профессиональной этики и служебного этикета;
- принимать оптимальные организационно-управленческие решения;
- применять методы прикладных научных исследований, обрабатывать полученные результаты;
- анализировать правоприменительную и правоохранительную практику, научную информацию, статистические данные, отечественный и зарубежный опыт противодействия преступности;

владеть навыками:

- объяснения причин и условий преступности на современном этапе;
- проведения криминологических и исследований;
- анализа количественных и качественных показателей преступности;
- оценки и прогнозирования криминогенной ситуации;
- применения средств и методов предупреждения преступлений.

Глава I
КРИМИНОЛОГИЯ КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

§1. Понятие, предмет и задачи российской криминологии

Современная мировая криминология – динамично развивающаяся наука, не имеющая единого подхода к ее пониманию, содержанию, структуре и методологии познания. В зависимости от научных традиций криминологических школ, личных интересов исследователей, потребностей правоохранительной деятельности исследователи-криминологии по-разному определяют ее содержание, структуру и место в системе научных знаний. В современной мировой криминологической науке существует множество подходов к определению места криминологии в системе наук гуманитарного цикла.

Российская (советская) криминологическая наука рассматривалась ранее и рассматривается сейчас отечественными специалистами с нескольких мировоззренческих позиций: а) как часть (отрасль) науки уголовного права; б) как часть социологии, а именно социологии девиантного (отклоняющегося) поведения; в) как самостоятельная комплексная социолого-правовая или социолого-уголовно-правовая наука; г) как самостоятельная общетеоретическая юридическая наука для дисциплин антикриминального цикла; д) как комплексная отрасль права.

При этом наличие множества научных подходов к криминологии как науке и учебной дисциплине не меняет ее сущности как науки, изучающей преступность, ее причины, личность преступника, жертву и вырабатывающей меры по противодействию этому негативному социальному явлению. Представленное определение криминологии как науки и учебной дисциплины является традиционным для современных отечественных криминологов.

Не обращаясь к дискуссии о месте криминологии в системе наук гуманитарного цикла, мы лишь поддержим позицию профессора Г.Н. Горшенкова, который обоснованно констатировал, что современная российская криминологическая наука – это, в первую очередь, юридическая наука, поскольку формируется и изучается преимущественно юристами. При этом не исключается, что вклад в развитие криминологической науки и криминологического образования могут вносить не только юристы, но и специалисты других отраслей знаний (социологи, экономисты, политологи, философы, педагоги, психологи, медики и т.д.).

Предмет криминологии многообразен. По устоявшемуся в отечественной криминологии мнению, он включает в себя следующие обязательные (основные) элементы криминологических знаний:

- преступность, а точнее, тенденции и закономерности ее существования и распространения;
- причины преступности, причины отдельных групп преступлений и причины конкретного преступления;
- личность преступника;
- предупреждение (профилактика и/или противодействие) преступности.

Вместе с тем в предмет криминологических знаний входят и иные направления, связанные с основными элементами криминологии. В их число следует отнести такие разделы, как:

- история криминологии;
- криминальная и/или криминологическая виктимология;
- методология, методика и технологии криминологических исследований, а также преподавания криминологии в образовательных организациях (криминологическая педагогика);
- криминологическое прогнозирование;
- криминологическое планирование;
- криминологическое законодательство[1];
- зарубежная криминология[2];
- исследование отдельных видов преступности (экономической, несовершеннолетних, миграционной, военнослужащих, коррупционной, организованной, наркобизнеса, экологической, корыстной, насильственной, политической, рецидивной, профессиональной, экстремизма и терроризма и т.д.) и мер противодействия им.

Разумеется, представленный перечень предмета криминологии не является окончательным и исчерпывающим, по мере развития криминологии как науки и с учетом личных пристрастий исследователей он постоянно расширяется и дополняется.

Следует иметь в виду, что задачи криминологии как науки и как учебной дисциплины нельзя отождествлять. Они не одинаковы, хотя и определяются ее предметом и природой, но формируются разнонаправлено, в зависимости от поставленных перед ними целей. Задачи криминологии

[1] Шестаков Д.А. Контроль преступности и криминологическое законодательство // Организованная преступность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы: сборник научных трудов. Калининград, 1999. С.11-23; Гаджиев Д.М. Совершенствование криминологического законодательства в Республике Дагестан // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2004. №1(7). С.159-186.

[2] Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М., 2007; Сморгунова А.Л. Современная зарубежная криминология: критическое направление: монография. СПб., 2005.

как науки направлены, в первую очередь, на достижение теоретических (познавательных) и прикладных (правотворческих и правоприменительных) целей – научное обеспечение государственной политики противодействия преступности. В то же время задачи криминологии как учебной дисциплины направлены на достижение образовательных целей – получение криминологических знаний и/или криминологического образования[1].

В российской криминологической науке сложилось несколько мнений по поводу основных задач криминологии как науки. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, основными задачами криминологии как самостоятельной комплексной юридической науки являются:

а) аналитическая: исследование состояния преступности в обществе, ее отдельных видов, личности преступника, причин преступности, эффективности противодействия преступности;

б) прогностическая: высказывание обоснованных предположений о возможном развитии криминологических явлений и процессов;

в) практизация криминологических знаний: внедрение криминологических рекомендаций в законотворческую и правоприменительную деятельность;

г) международная: изучение и использование международного опыта борьбы с преступностью.

В учебной литературе встречаются и иные подходы к определению задач криминологии с учетом специфики объекта и предмета криминологических исследований. Приведем лишь некоторые из них. Так, профессор В.Н. Бурлаков определяет следующие задачи науки криминологии:

а) научное обеспечение уголовной политики борьбы с преступностью;

б) создание и внедрение в практику научно обоснованных методик по изучению и прогнозированию преступности, рекомендаций по профилактике наиболее распространенных и опасных видов преступлений;

в) изучения опыта предупреждения преступности и отдельных ее видов в зарубежных странах;

г) криминологическое просвещение населения[2].

Несколько необычной выглядит позиция авторов учебного пособия «Криминология», подготовленного для образовательной деятельности Российской правовой академии Министерства юстиции РФ и Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя на задачи криминологии на совре-

[1] Мелешко Н.П. Криминологическое образование – основа подготовки кадров – юристов уголовно-правовой специализации в России // Криминологические проблемы управления социальными процессами в современной России // Ученые записки ИУБиП. Ростов-на-Дону, 2007. С.111-114.

[2] Бурлаков В.Н. Задачи науки криминологии // Криминология: учебное пособие. Стандарт третьего поколения / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2013. С.14.

менном этапе развития общества, которые выделяют общие и специальные задачи криминологии. К общим задачам криминологии они относят:

а) изучение факторов, причин и условий, способствующих либо препятствующих преступности, влияющих на ее состояние, уровень, структуру и динамику, закономерностей существования и развития преступности, отыскание причин роста отдельных видов преступлений;

б) комплексное исследование отдельных видов преступности, механизмов их совершения для определения эффективных методов противодействия;

в) изучение и классификация типов личности преступника, их социальный и психологический портрет, соотношения личности и социальной среды, взаимосвязи и влиянии друг на друга биологического и общественного факторов в становлении личности преступника;

г) определение основных направлений и мер предупреждения и профилактики преступности;

д) изучение и обобщение зарубежной практики борьбы с преступностью, в том числе и профилактики преступности;

е) разработка стратегии борьбы с преступностью;

ж) оптимизация (совершенствование) прогнозирования преступности.

Специальные задачи криминологии как науки авторами определены – разработка мер борьбы с преступлениями, представляющими угрозу национального масштаба: терроризмом; организованной преступностью; коррупцией; экономическими преступлениями; тяжкими насильственными преступлениями[1].

Безусловно, сформулированные отечественными криминологами задачи современной криминологической науки многоаспектны, разнонаправлены, взаимосвязаны и взаимодополняемы. Их перечень не может быть окончательным. По мере развития криминологических знаний они обязательно будут уточняться, изменятся и дополняться.

Если задачи криминологии как науки в значительной мере освещаются в научной и учебной криминологической литературе, то задачи криминологии как учебной дисциплины формулируются крайне редко. Однако если обратиться к содержанию некоторых учебных и учебно-методических изданий, то в той или иной степени они указывают на цели и задачи криминологической подготовки студентов образовательных организаций, а также получение конкретных криминологических знаний и профессиональных криминологических навыков[2]. Анализ литературных источников

[1] Боков А.В., Солодовников С.А., Антонян Е.А. и др. Криминология: учебное пособие для студентов вузов / под ред. проф. С.М. Иншакова. М., 2005. С.17-18.

[2] Щедрин Н.В., Дамм И.А. Криминология: учебная программа дисциплины. Красноярск,

позволяет сформулировать основную цель криминологического образования – формирование криминологической компетентности обучающихся, а также основных задач, стоящих перед криминологической подготовкой:

- знание теоретических основ современной криминологии как учения о преступности, ее причинах, личности преступника, жертвах преступности и мерах противодействия ей;
- формирование криминологического мировоззрения (криминологического правосознания и криминологического мышления);
- формирование криминологической культуры;
- формирование навыков профессионального поведения при осуществлении противодействия преступности;
- формирование навыков криминологического консультирования;
- формирование навыков криминологического просвещения;
- умение осуществлять криминологическую (правовую и антикоррупционную) экспертизу нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в сфере противодействия преступности;
- умение подготавливать проекты нормативных правовых актов в сфере противодействия преступности и ее отдельным видам (криминологическое правотворчество);
- обладание навыками криминологического прогнозирования и криминологического планирования;
- владение навыками организации и проведения прикладных криминологических исследований.

Представленное нами видение целей и задач криминологии как науки и учебной дисциплины позволяет сделать вывод о том, что, невзирая на их общий предмет, они имеют разные цели и задачи, которые взаимосвязаны между собой. При этом криминологическая наука является не только средством приращения криминологических знаний, но продолжением криминологического образования и/или самообразования исследователей феномена преступности, ее причин и мер противодействия этому социальному злу.

§ 2. Современная структура криминологии

Структура криминологии как науки и учебной дисциплины длительное время не вызывала каких-либо научных дискуссий. По устоявшимся в от-

2008. С.3-4; Эминов В.Е., Королева М.В., Орлов В.Н. Криминология: учебная программа / под ред. В.Е. Эминова. М.: МГЮА им. О.Е. Кутафина, 2012. С.4-7; Лебедев С.Я., Иванцов С.В., Страунинг Ю.А. Криминология: рабочая учебная программа для проведения вступительных испытаний в адъюнктуру. М.: Московский университет МВД России, 2015. С.4-5; Бурлаков В.Н., Суслина Е.В., Шахтина Н.С. Криминология/Criminology: рабочая программа учебной дисциплины. СПб.: СПбУ, 2013. С.3-4 др.

ечественной криминологии традициям она условно делилась на Общую и Особенную части. В Общей части рассматривались общие проблемы криминологии, образующие ее предмет: преступность, причины преступности, личность преступника, предупреждение преступности, а в Особенной – криминологическая характеристика и предупреждение отдельных видов преступности. Лишь в начале 90-х годов XX века стали высказываться идеи о том, что структура отечественной криминологии принимает новые черты. Накопленный объем криминологических знаний потребовал выделения в ее структуре более крупных единиц, чем виды преступности, среди которых уже стали выделяться самостоятельные подвиды. Такие укрупненные криминологические единицы было предложено именовать частными криминологическими теориями, по подобию тех, которые существовали за рубежом и критиковались советскими криминологами[1].

Изменение представлений о структуре криминологии как науки и формирование новых научных направлений оживило дискуссии ученых о структурных элементах отечественной криминологии. В первую очередь ставили под сомнение возможности выделения внутри отечественной криминологии каких-либо новых разделов или частных криминологических теорий, опасаясь за целостность криминологии в рамках устоявшейся парадигмы.

Первыми начали выделить частные теории в структуре отечественной криминологии представители Санкт-Петербургской криминологической школы. Именно они обнаружили в структуре криминологии такие направления, как: семейная криминология, виктимология, социальная патология, экономическая криминология. По мере активизации научных исследований в структуре криминологических знаний отечественные специалисты стали дополнительно выделять новые научные направления: пенитенциарную и политическую криминологии, криминологию закона, криминологию средств массовой информации.

Разделение криминологии на криминологические теории разного уровня было поддержано Г.Ф. Хохряковым в учебнике «Криминология». Согласно его представлениям, деление отечественной криминологии на Общую и Особенную части выглядит уже анахронизмом. По его мнению, современная структура криминологии выглядит следующим образом: общая криминология, частные криминологические теории и теория предупреждения. К частным криминологическим теориям Г.Ф. Хохряков относил: региональную криминологию, криминологию городской и сельской преступности, криминологию женской преступности, криминологию молодежной пре-

[1] Никифоров Б.С. Реакционная американская биокриминология // Труды Института права. 1951. Т.1. С.159-181.

ступности, криминологию профессиональной преступности, пенитенциарную криминологию, криминологию организованной преступности, виктимологию, криминологию латентной преступности[1].

В последующем этой точки зрения, с незначительными и не принципиальными, на наш взгляд, расхождениями и оговорками по поводу структуры криминологии стал придерживаться и ряд других отечественных специалистов. Например, Я.И. Гилинский, рассматривая традиционную структуру криминологии, выходит за ее пределы и полагает, что в процессе исторического развития криминологии сформировались следующие частные криминологические теории: виктимология, пенитенциарная криминология, география преступности, семейная криминология, криминология политической преступности, экономическая криминология, криминотеология. Отдельные авторы, рассматривая структуру криминологии, выделяют следующие обособленные направления, выходящие за ее пределы: коммуникативную криминологию (криминологию массовых коммуникаций, или криминологию масс-медиа); криминальную армалогию (криминологию оружия); виктимологию; криминологическую фамилистику (семейную криминологию); налоговую криминологию.

Профессор В.С. Устинов выделял следующие частные криминологические теории: виктимология, региональная криминология, семейная криминология, криминология средств массовой коммуникации, криминология женской преступности, политическая криминология, военная криминология, психиатрическая криминология, которые, по его мнению, являются составными элементами современной отечественной криминологии[2].

Профессор В.Н. Бурлаков выделяет в структуре криминологии частные криминологические теории (отрасли): семейная криминология; пенитенциарная криминология; экономическая криминология; политическая криминология; криминология СМИ[3].

По мнению профессора О.В. Старкова следует выделять следующие частные (специальные) криминологические теории: криминологию массовых коммуникаций, или криминологию масс-медиа, или коммуникативную криминологию; криминальную армалогию, или криминологию оружия; виктимологию; семейную криминологию; криминопенологию; криминотеологию[4].

---

[1] Хохряков Г.Ф. Криминология: учебник / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Юристъ, 1999. С.78; 193-412.

[2] Устинов В.С. Криминология. Общая часть: учебное пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2001. С.20-21.

[3] Бурлаков В.Н. Система курса криминологии // Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2002. С.17.

[4] Старков О.В. Истоки новых направлений в криминологии // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / под ред. проф. А.И. Долговой. М., 2001. С.516-517.

Профессор В.А. Номоконов, исследуя структуру криминологии как науки, выделяет: «юридическую» криминологию; «прикладную» криминологию, к которой он относит «педагогическую», «экономическую» и «оперативно-розыскную» криминологии; отраслевые разделы – частные криминологические теории, которые характеризуют отдельные виды преступности. Им предлагаются новые криминологические направления без указания их «статуса»: теоретическая («философская») криминология; сравнительная криминология; международная (мировая) криминология[1].

Этот перечень можно было бы и продолжить, но и приведенного уже достаточно, чтобы разглядеть многообразие подходов современных отечественных криминологов к структуре криминологии как науки.

Анализ высказанных суждений по структуре криминологии как науки позволяет сделать промежуточный вывод о том, что к началу XXI века отечественная криминология приобрела значительную базу новых знаний и новых специалистов, вышла на качественно новый этап своего развития.

В отечественных работах, посвященных структуре криминологии как науки, следует отметить, что классификация ее структурных элементов происходит по различным основаниям и, как правило, без указания целей и причин такой классификации, вне специального научного анализа данной проблемы.

Нам представляется, что классификация структурных элементов криминологии как науки может быть произведена по различным основаниям. Однако наиболее распространенными в отечественной криминологии являются следующие критерии: территориально-национальный признак; объем; содержание; социальные сферы, пораженные преступностью; особенности личности преступника; средства достижения преступниками целей преступления; мотивация преступного поведения; методы познания криминальных явлений и процессов и др.

По территориально-национальному признаку можно выделить следующие элементы структуры криминологии как науки, которые уже нашли свое отражение в исследованиях отечественных и зарубежных специалистов.

Мировая криминология – учение о закономерностях развития мировой преступности, отдельных ее видов и выработке мер по борьбе с ней международным сообществом, его институтами и национальными общностями. В определенной мере проблемы мировой криминологии рассматриваются в ряде работ профессора В.В. Лунеева[2].

---

[1] Номоконов В.А. Современная криминология: традиционные подходы и новые направления // Организованная преступность, миграция, политика / под ред. проф. А.И. Долговой. М., 2002. С.134-136.

[2] Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997.

Континентальная криминология (африканская, американская, евразийская и т.д.) – учение о закономерностях развития преступности, отдельных ее видах и выработке мер по ее сдерживанию на определенном континенте.

Международная региональная криминология – учение о закономерностях преступности, отдельных ее видов и выработке мер по ее предупреждению в группе государств, расположенных в рамках одного континента (североамериканская, южноамериканская, европейская, азиатская).

Национальная криминология – учение о закономерностях изменения преступности, отдельных ее видов, ее причинах, личности преступника и выработке мер по ее предупреждению в определенном государстве.

Национальная региональная криминология – учение о закономерностях развития преступности, отдельных ее видов и выработке мер по ее предупреждению в пределах конкретных регионов (штатов, округов, губерний, земель, республик, областей и т.д.) определенного государства.

Криминология городской преступности – учение о закономерностях изменения преступности, ее отдельных видов и выработке мер по ее предупреждению в городской местности.

Криминология преступности в сельской местности (криминология села[1]) – учение о закономерностях трансформации преступности, ее отдельных видов и выработке эффективных мер по ее предупреждению в сельской местности.

По объему криминологию как науку можно условно разделить на три самостоятельные, но взаимозависимые и взаимообусловленные группы: общетеоретические направления криминологии, отрасли криминологии и частные криминологические теории, которые существенно отличаются друг от друга по объему и содержанию.

Общетеоретические разделы криминологии – это сложившиеся и длительное время существующие теоретические направления криминологической науки, без которых невозможно получение новых криминологических знаний. Они могут формироваться из меньших по объему криминологических отраслей и частных криминологических теорий. В них входят основные элементы системы криминологии: преступность, личность преступника, жертва преступного поведения, причины преступности, предупреждение преступности, методы их познания, ныне объединенные Общей частью криминологии.

Отрасли криминологии – это меньшие по объему и значимости, чем общетеоретические разделы, структурные элементы криминологии, которые могут также включать в себя частные криминологические теории. Они, как

[1] Забрянский Г.И. Криминология. Избранные статьи: Общество и преступность. Криминологическая статистика. Криминология села. Криминология несовершеннолетних. М., 2013. С.149-235.

правило, формируются в пределах одной сферы жизнедеятельности и исследуют закономерности развития преступности в этой сфере, ее отдельных видов, личностные характеристики тех, кто их совершает, их жертв, а также меры противодействия преступности и их отдельным видам в этой сфере.

Частные криминологические теории – это разновидность познания обособленных отдельных видов преступности, их причин, личности преступника, совершающего преступления данного вида, и меры предупреждения конкретного вида преступности. Они могут подразделяться между собой по различным основаниям. В качестве разумных критериев такого деления выступают: видовая принадлежность преступления; инструментарий преступного посягательства; субъективный состав преступного посягательства; сфера преступного посягательства[1].

По содержанию научные направления современной криминологии можно условно разделить на следующие самостоятельные взаимосвязанные и взаимозависимые разделы.

Общая теория криминологии – общетеоретический раздел криминологических знаний, характеризующий количественные и качественные показатели преступности в мире, на континенте, в государстве или его регионе, методологию ее познания, историю криминологии, прогнозирование изменения показателей преступности и криминологии в будущем.

Криминальная антропология – общетеоретический раздел криминологии, исследующий особенности личности преступника или отдельных ее видов в целях выработки адекватных мер воздействия на однородные группы лиц и исключения повторения ими преступного поведения в будущем. Внутри криминальной антропологии возможны и существуют самостоятельные частные криминологические теории (криминальная политическая антропология[2] и криминальная экономическая антропология[3]), которые формируются исходя из антропологических, социально-демографических, правовых и иных признаков преступника.

Криминальная этиология – общетеоретический раздел криминологии, который включает в себя теоретические знания о причинах преступности в обществе или отдельных ее видов в различных социальных сферах, теоретические основы классификации причин преступного поведения.

Криминальная или криминологическая виктимология – общетеоретический раздел криминологии, который включает в себя сведения: о характе-

[1] Криминология / под общ. ред. Ю.Ф. Кваши. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. С.42.
[2] Кабанов П.А. Криминальная политическая антропология как частная политико-криминологическая теория: лекция. Нижнекамск, 2006.
[3] Марданов А.Б. Криминальная экономическая антропология как направление отечественной криминологии. СПб., 2014.

ристике жертв преступления; об отношениях, связывающих преступника и жертву; о ситуациях, которые предшествуют преступлению; о посткриминальном поведении жертвы; о системе мероприятий профилактического характера, в которых учитываются и используются защитные возможности как потенциальных, так и реальных жертв; о путях, возможностях, способах возмещения причиненного преступлением вреда, и в первую очередь физической реабилитации жертвы. Внутри данного общетеоретического раздела уже активно формируются новые частные криминолого-виктимологические теории, исследующих отдельные виды жертв. Например, ювенальная виктимология, криминальная политическая виктимология, виктимология экономической преступности или экономических преступлений, виктимология коррупции, виктимология терроризма и другие.

Микрокриминология – общетеоретический раздел криминологии о «присущей несовершенному человеческому духу деструктивности, генезисе преступления, анализе его оснований, причин и условий»[1]. При новизне наименования раздела он имеет достаточно прочную теоретическую научно-исследовательскую базу, раскрывающую ее структуру и содержание.

Криминологическая теория предупреждения преступности – общетеоретический раздел криминологии о взаимодействии средств профилактики преступности и объекта воздействия. Иногда данная теория именуется «криминологической профилактикой» – учением о совокупности мер по выявлению и устранению (локализации, блокированию, нейтрализации) причин, условий, иных детерминант преступности и связанных с нею правонарушений. В других случаях именуется борьбой с преступностью – теорией о сложной системной деятельности, представляющей собой единство трех подсистем: общей организации борьбы; предупреждения преступности и правоохранительной деятельности.

По социальным сферам отечественные криминологи выделяют целую группу отраслей и частных криминологических теорий, по которым имеется значительное количество проведенных исследований и опубликованных научных или учебных работ. Вот только некоторые из них, которые «прижились» в криминологии и активно разрабатываются как в России, так и за рубежом.

Семейная криминология – это отрасль криминологических знаний, которая в рамках общей криминологии изучает криминогенные факторы семейной сферы и обусловленное ими преступное поведение, а также специальное воздействие на них в целях противодействия преступности[2].

[1] Кондратюк Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). М., 2001. С.6.
[2] Шестаков Д.А. Семейная криминология: Криминофамилистика. 2-е изд. СПб., 2003. С.94.

Экономическая криминология – это отрасль криминологических знаний, которая изучает специфическую систему социальных отношений, складывающихся в результате воспроизводства преступной экономической деятельности[1]. В рамках этой отрасли криминологических знаний возможно существование и развитие частных криминологических теорий. Например, криминологии налоговой преступности, или налоговой криминологии[2].

Политическая криминология – это отрасль криминологии, изучающая преступность в сфере политики, ее причины, личность политического преступника и меры предупреждения преступности в сфере политики[3]. Внутри данной отрасли сформировалась частная криминологическая теория – электоральная криминология, изучающая электоральную преступность, ее причины, личностные характеристики преступника и его жертвы, а также вырабатывающая меры ее предупреждения[4].

Экологическая криминология – это отрасль криминологии, изучающая преступность, посягающую на экологическую безопасность в обществе, ее причины, личность экологического преступника и меры предупреждения преступности в этой сфере жизнедеятельности[5].

Военная криминология – это отрасль криминологии, основанная на исследовании проявлений преступности в Вооруженных Силах[6].

Криминология массовых коммуникаций – это отрасль криминологической науки, в которой осуществляется систематизация знаний о природе, закономерностях преступности в сфере оборота массовой информации и возможностях предупредительного воздействия на нее, а также возможностях массово-коммуникативных методов в оптимизации функционирования системы противодействия (любым видам) преступности[7].

Криминотеология – это отрасль криминологии о религиозной преступности и преступном поведении, их типах, подтипах, показателях, теологических границах, закономерностях, причинах и условиях, профилактике и иных формах воздействия на них, а также криминологических параметрах

[1] Колесников В.В. Основы экономической криминологии // Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. проф. Д.А. Шестакова. СПб., 2003. С.199.

[2] Истомин П.А. Налоговая криминология как часть криминологии экономической // Гуманитарные и юридические исследования. 2013. № 2. С. 49-52.

[3] Российская политическая криминология: словарь / под общ. ред. П.А. Кабанова. Нижнекамск, 2003. С.94-95.

[4] Кабанов П.А. Электоральная криминология как частная теория российской политической криминологии: определение предметного поля // Следователь. 2003. №6. С.52-55.

[5] Тангиев Б.Б. Экокриминология (oikoscrimenlogos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения / под общ. ред. В.П. Сальникова; предисловие Д.А. Шестакова. СПб., 2005. С.159-172.

[6] Иншаков С.М. Военная криминология // Российская криминологическая энциклопедия / Под общ. ред. проф. А.И. Долговой. М., 2000. С.310.

[7] Горшенков Г.Н. Криминология массовых коммуникаций. Н. Новгород, 2003. С.28.

религиозных явлений – религии и преступности в истории и политике; иерархии, функций, ритуалов, противоречий, парадоксов различных религий и их проявлений в преступности; характеристике верующих и атеистов по их криминальной направленности[1].

Спортивная криминология – частная криминологическая теория исследующая преступность в сфере профессионального спорта; преступность среди спортсменов; место спорта в системе предупреждения преступности, в том числе тюремный спорт[2].

Медицинская криминология – это частная криминологическая теория, исследующая преступные проявления в сфере медицины, закономерности их возникновения и развития, прогнозирующая состояние медико-криминологической ситуации, разрабатывающая основы антикриминогенной стратегии в области медицинской социальной политики[3].

Криминология закона – это отрасль криминологических знаний, исследующая влияние преступного закона; системы наказаний и уголовной ответственности; криминологического законодательства на состояние преступности[4].

Одним из самых распространенных критериев выделения видов преступности в отечественной криминологии являются особенности личности преступника. Это криминологическое основание, на наш взгляд, является и основанием деления криминологических теорий на их различные виды в рамках криминальной антропологии как наиболее общего раздела криминологических знаний. В связи с этим в отечественной криминологии можно условно выделить следующие наиболее разработанные в теоретическом плане отрасли и частные криминологические теории.

Ювенальная криминология – это отрасль криминологических знаний о преступности несовершеннолетних, ее причинах, социально значимых особенностях несовершеннолетних преступников и мерах ее предупреждения[5].

Криминология женской преступности – это частная криминологическая теория, изучающая состояние женской преступности, ее причины, о социально значимых особенностях женщин, совершивших преступление, и мерах ее предупреждения[6]. Иногда эту криминологическую теорию именуют

[1] Старков О.В., Башкатов Л.Д. Криминотеология: религиозная преступность. СПб., 2004. С. 162.
[2] Алексеева А.П. Спортивная криминология: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2014.
[3] Клейменов М.П. Понятие и предмет медицинской криминологии // Сибирский криминологический журнал. 2006. №1. С.13-19.
[4] Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. СПб., 2011. С.7.
[5] Горшенков Г.Н., Шарапова В.В. Преступность несовершеннолетних и ее предупреждение: теоретическая модель и региональная практика: монография. Н. Новгород, 2003. С.9.
[6] Аджиева Л.З. К вопросу о формировании криминологии женской преступности // Следователь. 2003. № 10. С.30-31.

феминистической криминологией, по наименованию соответствующего криминологического журнала (Feminist Criminology).

Гендерная криминологическая теория изучает гендерные различия преступности: особенности мужской и женской преступности, закономерности ее развития, формы проявления; основные качественные и количественные характеристики; специфика личности мужчины-преступника и женщины-преступницы; виктимологическая характеристика женской и мужской преступности; меры предупреждения мужской и женской преступности[1].

Геронтологическая криминология (криминальная геронтология[2]) – это частная криминологическая теория, изучающая особенности преступного поведения лиц пожилого возраста, причины преступного поведения пожилых людей и меры по сдерживанию преступности этой категории лиц.

Этнокриминология – это формирующаяся частная криминологическая теория, изучающая особенности преступного поведения лиц определенной национальности, причины преступного поведения в этнической группе и меры противодействия этнопреступности и ряд других смежных с ними вопросов[3].

Криминопенология – это отрасль криминологии или учение о наказательной преступности и пенальном преступном поведении, их закономерностях, причинах и условиях, типах, профилактике и иных формах воздействия на них, криминологических параметрах наказаний и их типов, видов пенального преступного поведения[4].

Пенитенциарная криминология – это отрасль криминологии, изучающая преступность в местах лишения свободы, ее причины, личность осужденного преступника, вновь совершившего преступление, и мерах ее предупреждения[5].

Криминология организованной преступности или мафиология – это отрасль криминологических знаний об организованной преступной деятельности, ее генезисе, особенностях функционирования преступных организаций и мерах по нейтрализации этой деятельности.

Криминология «привилегированной» преступности – это частная криминологическая теория, изучающая преступное поведение правонару-

[1] Куприянова А.В. Женская преступность несовершеннолетних как объект исследования гендерной криминологии // Известия Байкальского государственного университета. 2007. № 1. С. 57-60.

[2] Антонян Ю.М. Криминальная геронтология // Актуальные проблемы советской криминологии и исправительно-трудового права: сборник научных трудов / отв. ред. В.Е. Эминова. М.: ВЮЗИ, 1989. С.25-35.

[3] Клейменов М.П. Понятие и предмет этнокриминологии // Правовая наука на рубеже XXI столетия: сборник научных трудов. Омск, 2000. С.23.

[4] Старков О.В. Криминопенология: учебное пособие. М., 2004. С.65.

[5] Антонян Ю.М. Пенитенциарная криминология как научная дисциплина и отрасль криминологии // Пенитенциарная криминология: учебник / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. Рязань, 2009. С.14-23.

шителей, находящихся в привилегированном положении[1]. Внутри данной частной криминологической теории возможны формирования новых криминологических теорий, изучающих «юридическую» (в сферах законодательства, правоприменения, судебной системы, юстиции, контрольно-ревизионной деятельности), властно-элитную и бизнес-элитную («олигархическую») преступность[2].

Криминология корпоративной преступности – частная криминологическая теория, изучающая (девиантное) преступное поведение юридических лиц[3].

Патосексуальная криминология – частная криминологическая теория и раздел медицинской психиатрической науки, представляющий собой изучение преступника-патосексуала по методике А.О. Бухановского, в целях блокирования патосексуальной деятельности, оздоровления условий его жизни, от которых зависит, проявится ли и в какой форме болезнь, а следовательно, может быть совершено преступление[4].

Безусловно, этот перечень можно было бы и продолжить, включив в него криминологию рецидивной, профессиональной и иных видов преступности, но дальнейшее перечисление не может быть исчерпывающим, а поэтому мы обратимся к иным критериям формирования научных направлений в криминологии.

По методам исследования основного предмета криминологии отечественные и зарубежные специалисты выделяют следующие самостоятельные криминологические теории.

Сравнительная криминология – это общетеоретический методологический раздел криминологической науки, изучающий в сопоставлении общие мировые, региональные и специфические национальные тенденции и другие характерные черты преступности, ее причинной базы и мер противодействия, а также основные теории о происхождении преступности, ее обусловленности и путях предупреждения[5].

Социология преступности (уголовная или криминальная социология) – это общетеоретический методологический раздел криминологических

[1] Шовер Н., Хохстетлер Э. «Привилегированная» преступность // Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели, пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. С.345.
[2] Кузнецова Н.Ф. К вопросу о современной стратегии российской криминологии // Государство и право. 2004. №3. С.101; Мещеряков А.В. Олигархическая преступность как субъект криминальных банкротств // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №8 (30). С.198-201.
[3] Федоров А.Ю. Корпоративная преступность. Введение в проблему: монография. Саратов, 2012.
[4] Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. 2-е изд., доп. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. С.103.
[5] Клейменов И.М. Понятие и предмет сравнительной криминологии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. №3 (24). С.191-196.

знаний, основанный на социологических методах познания преступности, ее причин, личности преступника и выработке мер по ее сдерживанию[6].

Психология преступности[7] (Psychosocial Criminology, или криминальная психология[8]) – это общетеоретический методологический раздел криминологических знаний, основанный на психологических методах познания преступного поведения, его причин, личности преступника и мерах его предупреждения.

Философия преступности («философская» криминология) – это общетеоретический методологический раздел криминологических знаний, основанный на общенаучных (философских) методах познания преступности, ее отдельных видов, ее причин, личности преступника и мерах ее предупреждения[9].

Культуральная криминология (Cultural Criminology) – учение о преступности как элементе определенной культуры, исследующей данный феномен в контексте развития культуры[10].

Оперативно-розыскная криминология – это комплексная частная межотраслевая криминологическая теория, изучающая взаимосвязи оперативно-розыскных и криминологических средств в борьбе с преступностью[11].

Аналитическая криминология – это дисциплина, изучающая криминогенные явления и процессы, различные связанные с ними физические, биологические и социальные явления (процессы) с помощью математических, в том числе статистических и вероятностных, методов[12].

По средствам достижения преступных целей научные направления криминологических знаний можно разделить на следующие группы.

Криминология или криминологическая теория насильственной преступности – частная криминологическая теория, изучающая различные формы криминального насилия, его причины, личность насильственного преступника и меры ее предупреждения[13].

---

[6] Яковлев А.М. Социология преступности (криминология). Основы общей теории. М., 2001.
[7] Дриль Д.А. Психология преступности // Юридический вестник. 1887. №2-4; № 6-7; № 11-12.
[8] Ковалев О.Г., Ушатиков А.И. Криминальная психология. учебное пособие. М. - Воронеж, 2007.
[9] Бабичев Д.С. Политико-правовое исследование философии преступности (Теория и практика): дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2004.
[10] Гилинский Я.И. Современные тенденции мировой криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. №3 (21). С.8-9.
[11] Егорова Е.В., Исиченко А.П., Фумм А.М. Оперативно-розыскная криминология: пенитенциарный аспект: монография. М., 2011. С.5.
[12] Ольков С.Г. Аналитическая криминология (курс лекций): учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. Казань, 2008. С.15.
[13] Шарапов Р.Д. Парадигма взаимодействия уголовного права и криминологии (на примере криминологической теории насильственной преступности) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2006. № 1. С. 75-80.

Криминальная армалогия (криминология оружия) – формирующаяся частная криминологическая теория, предметом изучения которой является вооруженная преступность, детерминанты и механизм вооруженных преступлений, применение оружия для пресечения преступлений и задержания преступника[1].

Терроролология – частная криминологическая теория, изучающая террор, основные виды и формы его проявления, причины, личность террориста, меры по предупреждению террора и терроризма[2].

Криминология коррупции (криминальная коррупциология) – частная криминологическая теория, изучающая коррупционное поведение, его причины и условия (факторы, детерминанты), личность коррупционера и корруптера, а также разрабатывающая основы государственной политики противодействия коррупции[3].

Наркокриминология – частная криминологическая теория, изучающая наркоманийную преступность, незаконный оборот наркотиков, их причины и меры противодействия наркотической угрозе[4].

По мотивации преступного поведения научные направления криминологии можно условно разделить на самостоятельные частные криминологические теории.

Криминология корыстной преступности (корыстоведение) – частная криминологическая теория, изучающая корыстную преступность, лиц, обусловленных осознанным стремлением последних к получению безвозмездной противоправной имущественной выгоды (корыстью)[5], причины данного вида преступности и меры по ее предупреждению.

Криминология политической преступности – частная криминологическая теория российской политической криминологии, изучающая политическую преступность, ее причины, личность политического преступника и меры ее сдерживания[6].

Криминология неосторожной преступности – частная криминологическая теория, изучающая неосторожную преступность, ее причины, личность неосторожного преступника и меры ее предупреждения.

---

[1] Корецкий Д.А. Криминальная армалогия: понятие и содержание // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. №3. С.155.

[2] Путянин В.Д. К вопросу о необходимости введения спецкурса «терроролология – учение о терроре» в учебный процесс // Вестник транспорта. 2011. № 7. С. 37-40.

[3] Хомич В.М. Криминология коррупции и коррупционных деликтов // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2009. № 1. С. 77-90.

[4] Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. 2013. №1. С.4-27.

[5] Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С.28.

[6] Зорин А.В. Криминология политической преступности как частная криминологическая теория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. №1. С.88-94.

Предложенная нами классификация структуры криминологии как науки и учебной дисциплины не является окончательной и исчерпывающей. Безусловно, она будет постоянно изменяться, в ней будут появляться новые структурные элементы, определяемые новыми социальными процессами, а поэтому изучение структуры криминологии является одним из перспективных направлений криминологических исследований в будущем, уже названное отечественными специалистами криминологической таксономией[1].

§3. Криминологическое исследование как форма приобретения и приумножения криминологических знаний

Современные отечественные специалисты рассматривают криминологические исследование в основном как способ приращения криминологических знаний, то есть как форму развития криминологии как науки[2] и в меньшей степени как одну из эффективных форм обучения криминологии[3]. Однако, невзирая, на некоторую разнонаправленность целей, достигаемых при проведении криминологических исследований в учебном процессе и исследовании криминологических явлений и процессов для развития теоретических и прикладных вопросов противодействия преступности, их организация совпадает.

Криминологическое исследование – это процесс получения новых криминологических знаний, представляющий собой единую систему методологических, методических, организационных, технологических процедур, которые объединены единой целью – получить достоверные сведения об исследуемом криминологически значимом явлении или процессе. В связи с этим в отечественной криминологии часто обращается внимание на методологию, методику и организацию криминологических исследований. При этом под методологией обычно понимается совокупность принципов либо совокупность процедур, техник и методов научного познания[4]. Под

[1] Кабанов П.А. Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксономические единицы и основания их группировки // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. №1-2. С.25-29.

[2] Иншаков С.М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии: монография. М., 2012; Жигарев Е.С. Методология криминологии: проблемы, поиски, решения: монография. М., 2012; Тисленко Д.И. Проблемы эффективности криминологических исследований: к вопросу усовершенствования методологии // Общество, право, правосудие: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2014. С. 204-212; Бахарев Д.В. Пространственное мышление в криминологии. Часть I. Теоретические предпосылки и методологические основы применения методов пространственного анализа в познании механизма детерминации преступности // Право и политика. 2016. №3. С.306-312.

[3] Горшенков Г.Н. Научное исследование как форма обучения криминологии: учебное пособие. Н. Новгород, 2006.

[4] Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т.1. Теория и методология. М., 2003. С.868.

методом понимается система правил и приемов изучения социальных явлений и процессов; пути или способы достижения определенных результатов в познании предмета исследования, приемы изучения тенденций и закономерностей развития объективной действительности[1]. Под технологией исследования понимается совокупность знаний о способах, приемах, методах и средствах проведения криминологических исследований[2].

Криминологическое исследование может быть нескольких видов: прикладное, теоретическое и смешанное.

Теоретическими направлениями криминологических исследований являются исследования, направленные на:

- обоснование и раскрытие содержания криминологических понятий (дефиниций);
- классификацию и систематизацию криминологических знаний;
- соотношение криминологии с другими науками и их взаимосвязь;
- определение места криминологических знаний в системе наук;
- методологию криминологической науки[3];
- обоснование необходимости разработки отдельных направлений государственной политики противодействия преступности и др.

Прикладными направлениями криминологических исследований являются исследования, направленные на обобщение практики противодействия отдельным видам преступности для получения представления о результативности такого противодействия со стороны правоохранительных органов или иных субъектов противодействия преступности.

Криминологическое исследование может быть направлено на достижение одновременно нескольких основных целей – теоретических и прикладных. Такое исследование именуется «теоретико-прикладным криминологическим исследованием»[4].

Выбор вида криминологического исследования определяется целями и задачами исследования, сформулированными в программе исследования. Для теоретических криминологических исследований целями могут выступать разработка научных категорий криминологии и концепций развития криминологических знаний; разработка проектов нормативных

[1] Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т.I. Общая часть. М., 2011. С.233-234.

[2] Харламов В.С. Современные криминологические технологии органов внутренних дел в семейной сфере // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. Т.58. №2. С.123-126; Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Криминологические технологии: теория и методология // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. №2. С.8-12.

[3] Сторубленкина Е.Г., Самуткин В.Л. Методологические основы географии и топографии преступности // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2015. №6. С.41-46.

[4] Шапиев С.М. Преступность и общество (криминологическое теоретико-прикладное исследование): дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2000.

правовых актов. Целями прикладных криминологических исследований являются оценка деятельности по противодействию преступности и выработка мер по совершенствованию этой деятельности. Целью теоретико-прикладных криминологических исследований является достижение одновременно нескольких теоретических и прикладных целей: увеличения объема криминологических знаний и совершенствование системы мер противодействия преступности.

При планировании криминологических исследований необходима постановка задач исследования или промежуточных целей.

Современные фундаментальные и прикладные криминологические исследования основываются на широкой эмпирической базе, статистических данных и практике деятельности правоохранительных органов и судов. В связи с этим криминологами активно используются статистические и социологические методы.

В качестве статистических методов в современной российской криминологии наиболее часто используется статистическое наблюдение за:

учтенной преступностью и ее отдельными видами;

лицами, совершающими преступления;

последствиями преступности;

потерпевшими от преступлений.

В результате статистического наблюдения создается фактологическая база криминологического исследования для последующей статистической сводки и группировки и оформления в виде статистических таблиц, наглядно иллюстрирующих все наиболее существенные стороны исследуемого явления.

С помощью статистического наблюдения можно выявить тенденции и закономерности развития исследуемого явления и с применением методов математического моделирования осуществить прогноз его развития на определенный срок.

Наиболее популярными методами криминологических исследований становятся социологические методы. Здесь наибольшее значение приобретает анализ документов для получения первичной криминологической информации и в первую очередь анализ уголовных дел[1], личных дел осужденных, дел прокурорского надзора, дел об административных правонарушениях и отказных материалов на основе разработанной справки-анкеты. Иногда метод исследования текстов документов именуют контент-анализом.

[1] Гамраев Ю.П., Хориноев А.О. Примерный алгоритм изучения и анализа уголовного дела // Администратор суда. 2014. №3. С.39-48.

Исследователь-криминолог должен использовать и такое средство социологического инструментария, как опрос – в форме анкетирования, или в форме интервью (непосредственный опрос). В современной криминологической науке наиболее широко используется анкетный опрос (анкетирование) для получения сведений: а) об оценке состояния преступности и безопасности в обществе; б) об эффективности деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью[1].

Кроме того, современные криминологи достаточно часто используют метод экспертных оценок результативности противодействия преступности и/или ее отдельным видам как на международном[2], так и на национальном уровне[3]. Содержание этого метода заключается в том, что исследователь получает, обрабатывает и адекватно интерпретирует мнения и суждения специалистов по определенным вопросам, предусмотренным исследованием для подтверждения или опровержения гипотезы исследования.

Крайне ограничен в использовании метод социального эксперимента, который может быть использован исключительно в разработке организационных мер противодействия преступности и/или отдельным ее видам либо при осуществлении криминологического (виктимологического) просвещения населения. Цель применения этого метода – получение криминологической информации при соблюдении двух условий. Во-первых, когда невозможно получить необходимую криминологическую информацию, применяя иные средства получения информации о преступности и ее причинах. Во-вторых, когда социальный эксперимент не создает криминогенных ситуаций, а также условий, способствующих распространению преступности.

В современной российской криминологической науке начал активно развиваться и широко использоваться сравнительный метод познания преступности и/или ее отдельных видов, причин этого явления и мер противодействия этому социальному злу[4]. При этом сравнительный анализ проводится не только состояния преступности между государствами, но и сравнитель-

[1] Лабутин А.А. О некоторых результатах социологического опроса жителей Республики Татарстан по оценке уровня доверия к органам внутренних дел и проблемах борьбы с преступностью в 2010 году // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. №7. С.24-28.

[2] Заблоцкий П.Н., Заблоцкий Р.Л. Проблемы применения экспертных оценок в борьбе с преступностью на международном уровне // Международное право и современный мир: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Н.Ю. Жуковской, Е.В. Калининой. Липецк, 2016. С.44-47.

[3] Таланов С.Л. Экспертная оценка преступности в среде несовершеннолетних: структура, тенденции, профилактика // Вестник Приволжского института управления. 2010. №2. С.134-141.

[4] Квашис В.Е. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы и перспективы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. №5. С.89-93.

ный анализ преступности и эффективности противодействия ей внутри Российской Федерации между ее регионами[1]. В результате увеличения количества сравнительных криминологических исследований уже сформировалась и начала активно развиваться относительно самостоятельная отрасль криминологической науки – сравнительная криминология[2].

Особое место в криминологических исследованиях занимают психологические методы познания. Наиболее значимыми из них являются клиническая беседа и психологическое тестирование. Для применения и использования этих методов в криминологическом исследовании требуется специальная подготовка исследователя. К настоящему времени специалистами в области психологии разработано множество тестов по изучению личности преступников и мотивации преступного поведения[3], в том числе и отдельных категорий преступников[4]. Развитие психологической науки и востребованность ее результатов для криминологии повлекло за собой развитие криминальной психологии и ее отдельных направлений, изучающих криминальное поведение отдельных категорий преступников.

Криминологи-исследователи довольно часто использует системный метод познания, интересующих их объектов. При этом происходит представление преступности, ее причин и мер противодействия ей как системы, а выделение отдельных криминологических проблем как подсистемы (теория преступных подсистем[5]).

Рядом с системным методом находятся структурные исследования, с помощью которого можно исследовать сложные явления путем расчленения сложного объекта криминологического исследования на его составные части (например, преступность на ее отдельные виды). Именно с помощью структурного анализа дается структурная характеристика исследуемого объекта, в том числе и самой криминологии[6].

В современную криминологическую науку медленно проникает синергетический метод познания криминологических явлений и процессов современного общества – хаотического моделирования, когда явления и процессы изучаются в состоянии хаоса (или энтропии). Благодаря использованию синергетического метода познания в российской криминологи-

[1] Шамилев С.Р. Сравнительный анализ преступности в регионах РФ // Экономика. Бизнес. Информатика. 2015. №5. С.14-21.
[2] Клейменов И.М. Сравнительная криминология: монография. М., 2012.
[3] Калинина Н.П. Паталогическая ревность. Горький, 1976.
[4] Кирсанова О.С. Психология криминальной мотивации женщин, осужденных к лишению свободы: дис. … канд. психолог. наук. Рязань, 2011.
[5] Шестаков Д.А. Школа преступных подсистем (парадигма, отрасли, влияние вовне) // Российский криминологический взгляд. 2005. №1. С.45-53.
[6] Честнов И.Л. Структура криминологии. (Эпистемологические единицы) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2004. №1. С.39-49.

ческой науке при исследовании преступности, появилось новое направление – синергетическая криминология[1].

Современная российская криминология активно развивается за счет взаимодействия с математическими науками, используя математические методы познания при осуществлении статистического изучения преступности или ее отдельных видов либо в выборочных исследованиях[2].

Методология и методика криминологических исследований важнейшее направление дальнейшего развития отечественной криминологии, которое уже достойно того чтобы внутри криминологической науки появилось новое научное направление, исследующее методологию и методику криминологии – инструментальная криминология. О необходимости формирования и развития отечественной инструментальной криминологии упоминается уже более десяти лет, но крупных криминологических исследований по этому направлению до сих пор не появилось.

§ 4. Взаимосвязь криминологии с другими науками

Криминология как наука о преступности и мерах противодействия ей имеет множество связей со многими общественными и естественными науками. Такое положение обусловлено рядом причин. Во-первых, многообразием проявления преступности в современном обществе. Во-вторых, многообразием подходов к исследованию преступности. В-третьих, особенностями личности преступника, методикой и технологиями ее познания. В-четвертых, разнонаправленностью и комплексностью причин преступного поведения в обществе. В-пятых, многообразием мер противодействия преступности и ее отдельным видам – от общесоциальных до специальных технических мер.

В первую очередь, современная российская криминология имеет объективные связи с юридическими науками криминального цикла (уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, уголовным процессом, прокурорским надзором, криминалистикой, оперативно-розыскной деятельностью). Эти связи обусловлены историческим развитием российской криминологии, когда она рассматривалась и формировалась в рамках уголовного права. Нынешнее ее состояние и взаимосвязь с уголовным правом и уголовно-исполнительным правом формально определяется паспортом научной специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

[1] Горшенков Г.Н. Синергетический подход в криминологии: учебное пособие. Н. Новгород, 2009. С.55-59.
[2] Утаров К.А. Математические методы в криминологии: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004.

Взаимосвязь криминологии с уголовным правом обусловлена не только и не столько паспортом научной специальности, сколько содержанием взаимопроникновения этих наук. Во-первых, уголовное законодательство определяет границы предмета криминологии, что именно является преступным. Во-вторых, именно уголовное право предоставляет криминологии базовые определения (преступление, соучастие, вина, рецидив, организованная группа, преступное сообщество и т.д.), а в некоторых случаях и критерии классификации преступности на виды (экономическая, экологическая, компьютерная, несовершеннолетних и т.д.). В-третьих, уголовное право вырабатывает основные меры борьбы с преступностью как одного из направлений противодействия преступности.

Криминология существенным образом влияет на уголовное право и уголовное законодательство: именно она обнаруживает общественно опасные деяния, которые требуется криминализировать, и наоборот – обнаруживает деяния, которые утратили общественную опасность и требуют декриминализации. В современном уголовном праве уже появился соответствующий термин, объединяющий эти науки, – криминологическое обоснование уголовного закона. Более того, криминологическое исследование эффективности исполнения уголовно-правовых мер борьбы с преступностью позволяет совершенствовать уголовное законодательство и обогащать уголовно-правовую науку.

Криминология имеет устойчивые связи с уголовно-исполнительным правом, поскольку оно направлено на исправление осужденных, предупреждение совершения ими новых преступлений (частная превенция), а также предупреждение совершения преступлений иными лицами, склонными к противоправному поведению (общая превенция). Для научного обеспечения реализации функции уголовно-исполнительного права частной превенции – изучения преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы, причин совершения ими преступлений, а также выработке мер предупреждения криминальных явлений во время исполнения наказаний в виде лишения свободы, было сформировано новое междисциплинарное научное направление – пенитенциарная криминология.

В качестве основных мер борьбы с преступностью важное место занимают уголовно-процессуальные меры. Именно в процессе расследования конкретного уголовного дела лицо, производящее расследование, помимо раскрытия преступления, установления виновных, обязано устанавливать причины и условия совершения преступления и принимать меры по их устранению, внеся соответствующее представление

в организацию или должностному лицу (ч.2 ст.158 УПК РФ). В то же время суд при рассмотрении дела при выявлении обстоятельств, способствующих совершению преступления, вносит частное определение или постановление для принятия необходимых мер (ч.4 ст. 29 УПК РФ). Следует иметь в виду, что именно нормы уголовного процессуального права определяют, кого следует признавать потерпевшим по уголовному делу (ст. 42 УПК РФ), и тем самым определяют предмет современной криминологической виктимологии.

Внепроцессуальная деятельность лица, осуществляющего предварительное расследование, и суда позволяет формировать необходимую криминологическую статистику путем оформления статистических карточек о результатах расследования преступления и судебного рассмотрения, которые позволяют получать важные криминологические сведения о количестве зарегистрированных преступлений, о личности привлеченных к уголовной ответственности (осужденных), о потерпевших и другую важную информацию.

Криминологическая наука, обрабатывая полученные данные, в том числе и мерах, направленных на устранение причин и условий, выявленных в процессе расследования конкретных уголовных дел, предлагает меры как по совершенствованию правоприменительной практики, так и по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Криминология обладает связями с криминалистикой, которая разрабатывает систему специальных приемов, методов, средств собирания, фиксации, исследования и использования доказательств, в том числе и обстоятельств, способствующих совершению преступления, в результате чего в современной России развивается самостоятельное направление криминалистики – криминалистическая профилактика преступлений[1]. Внутри криминалистической профилактики уже появляются частные криминалистические теории, направленные на профилактику отдельных видов преступлений: несовершеннолетних, экстремистской направленности, пенитенциарных и постпенитенциарных, против военной службы и др.

Криминология связана с прокурорским надзором, который является эффективным инструментом профилактической деятельности при осуществлении федерального государственного надзора и контроля за исполнением законодательства, в том числе и криминологического (о профилактике

[1] Крюкова Н.И., Алиева Г.А. Криминалистическая профилактика преступлений: прошлое, настоящее и будущее // Российский следователь. 2014. №17. С.37-41; Махтаев М.Ш., Яблоков Н.П. Криминалистическая профилактика: история становления, современные проблемы: монография. М., 2016.

правонарушений[1], о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних[2], о противодействии коррупции[3] и др.).

Криминология связана с различными юридическими науками не криминального цикла: административным, конституционным, международным, финансовым, семейным, трудовым и гражданским правом, гражданским процессом и другими отраслями права.

Взаимосвязь криминологии с большинством отраслевых юридических наук обусловлена формированием специальных отраслевых деликтологических научных теорий. Поэтому криминология связана с административным правом, поскольку та и другая наука изучают административные правонарушения и преступления, те и другие являются результатом общих социальных причин, а различия между административным правонарушением и преступлением носят лишь степенью общественной опасности деяния либо степенью общественной опасности личности, при некоторых повторных административных правонарушениях. Более того, средства предупреждения административных правонарушений и преступлений во много совпадают, а иногда и регулируются единым криминологическим законодательством[4]. На стыке криминологии, уголовного и административного права в России сформирована и активно развивается административная деликтология[5], которая уже стала не только самостоятельной научной дисциплиной, но и самостоятельной учебной дисциплиной, а вопросам соотношения криминологии и административной деликтологии уже посвящены отдельные самостоятельные научные исследования.

Самостоятельные деликтологические теории формируются в сфере налогообложения (налоговая деликтология), обеспечения конституционных прав граждан (конституционная деликтология), гражданского права (гражданско-правовая деликтология), а также в сфере трудовых отношений. Более того, возникло даже самостоятельное межотраслевое направление – криминологическая деликтология предпринимательства. К тому

[1] Кебеков Т.М., Степанова О.Н. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о профилактике правонарушений (опыт Псковской области) // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. Т.47. №3. С.47-53.

[2] Курохтина Е.С. К вопросу об осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. №1 (5). С.18-21.

[3] Козлов Т.Л. Проблемы организации профилактики коррупционных правонарушений в государственных и муниципальных органах на основе практики прокурорского надзора // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. №18. С.29-34

[4] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2016 года №182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. №26 (Часть I). Ст.3851.

[5] Дерюга А.Н. Концептуально-прикладные основы развития административной деликтологии: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012.

же развитие налоговой деликтологии помогает в формировании частной криминологической теории – налоговой криминологии, являющейся частью современной отечественной экономической криминологии.

Взаимосвязь криминологии с семейным правом обусловлена статусом семьи как объекта совместного исследования. Если российское семейное право регулирует семейные отношения, то криминология исследует негативное и позитивное влияние семейных отношений на состояние криминогенной обстановки в обществе. Для совместного решения социально значимых вопросов в рамках российской криминологии создана и активно развивается семейная криминология, а также формируется система нормативных правовых актов о профилактике насилия в семье (семейного неблагополучия).

Криминология взаимодействует не только с юридическими науками, но и значительным комплексом других наук: социологией, философией, экономическими науками, антропологией, психологией, психиатрией, педагогикой, конфликтологией, статистикой, демографией и др.

Криминология взаимодействует с социологией в силу исторически сложившихся обстоятельств, поскольку использует социологические методы познания в качестве инструментов криминологических исследований, в связи с этим иногда криминология именуется социологией преступности[1]. Результаты криминологических исследований широко используются социологами, особенно в рамках социологии девиантного (отклоняющегося) поведения, и наоборот – результаты социологических исследований проблем преступности и мер противодействия ей находят свое применение в современной криминологии.

Криминология имеет методологическую связь с философией: именно современные отечественные криминологические теории базируются на применении общенаучных методов (анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция). Только на основе глубоких криминологических и философских знаний можно сформировать криминологическое мировоззрение. Философские исследования феномена преступности позволили начать формирование философии преступности современным отечественным специалистам[2].

Криминология обладает междисциплинарной связью с экономическими науками, изучающими экономическую преступность, теневую (криминальную) экономику и влияние экономических явлений и процессов на криминализацию современного российского общества. Именно на стыке экономических наук и криминологии начала формироваться и развиваться экономическая криминология как самостоятельная отрасль криминоло-

[1] Яриков П.С. Социология преступности: подходы к анализу проблемы // Гуманитарные науки в XXI веке. 2014. №XII. С.214-216.
[2] Бабичев Д.С. Политико-правовое исследование философии преступности (теория и практика): дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2004.

гических знаний[1]. Экономическая криминология не только изучает взаимосвязи преступности и экономики, но и активно разрабатывает меры по декриминализации экономики, ее отдельных отраслей, сфер и секторов.

Криминология имеет исторически обусловленную взаимосвязь с антропологией, во взаимодействии с которой разрабатывает криминальную (криминологическую) антропологию – учение о личности преступника и различных их видах и типах, а также средствах по воздействию на них с целью нейтрализации личных криминогенных качеств. Это направление обусловлено развитием медицины, биологии, генетики, геронтологии, ювенологии, психиатрии и психологии, которые связаны с исследованием развития преступного поведения в обществе и особенностей личности преступников, их типологией и мерах коррекции их поведения.

Особую связь криминология имеется со статистикой и ее различными отраслями. В первую очередь, криминология связана с юридической статистикой (моральной, судебной, правовой), изучающей количественную сторону массовых юридически значимых явлений и процессов в обществе в целях выявления тенденций и закономерностей их развития. Наибольшую связь криминология имеет с уголовно-правовой статистикой, изучающей количественную сторону преступности, судимости и деятельности правоохранительных органов и судов по борьбе с преступностью, и ее отдельными видами. В рамках юридической статистики формируется криминологическая статистика, отслеживающая криминологически значимые явления и процессы, не отражающиеся в уголовно-правовой статистике. Современная российская криминология широко использует статистические методы сбора, группировки и анализа показателей о состоянии преступности и мерах борьбы с ней.

Криминология связана с педагогикой при исследовании причин преступного поведения в обществе и мер противодействия ей. Недостатки воспитания в семье, школе, в процессе профессиональной деятельности или отбытия наказания осужденными, которые изучает педагогика, имеют важное криминологическое значение и могут использоваться в выработке мер по противодействию преступности. На стыке криминологии, педагогики и других наук разрабатываются педагогическая криминология[2], пенитенциарная педагогика[3] и постпенитенциарная педагогика[4].

---

[1] Колесников В.В. Криминальная экономика в системе экономической криминологии: понятие и структура // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. №2. С.16-29.

[2] Алексеев А.И. Педагогические основы предупреждения преступлений органами внутренних дел: учебное пособие. М., 1984.

[3] Ветошкин С.А. Пенитенциарная педагогика как наука и область практической деятельности: дис. … д-ра педагог. наук. М., 2002.

[4] Злобин С.И. К проблеме определения понятия и предмета постпенитенциарной педагогики // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. №4. С.52-55.

Криминология имеет связь с современной географией при исследовании особенностей преступности, ее причин и разработке мер по сдерживанию преступности в российских регионах. В результате такого взаимодействия появилось новое направление – география преступности, которое является как частью социальной географии[1], так и частью криминологии. Территориальные различия отдельных видов преступного поведения в российском обществе изучаются именно в рамках криминологической географии[2].

Разумеется, исчерпывающий перечень научных отраслей знаний, с которыми взаимодействует криминология сегодня, подготовить невозможно, как и невозможно перечислить все точки соприкосновения различных наук с криминологией. Поэтому их поиск, фиксация, описание и интерпретация являются важнейшим направлением развития современной российской криминологической науки.

§5. Основные тенденции развития российской криминологии

Научные исследования в сфере противодействия преступности формируются, как правило, по двум направлениям, вызванным потребностями правоприменительной, в том числе и правотворческой, деятельности и потребностями научно-исследовательских коллективов или отдельных специалистов в разработке и/или создании новых криминологических теорий. В отдельных случаях основные направления развития научных, в том числе и криминологических, исследований, закрепляются ведомственными нормативными актами[3]. При этом постоянно обновляется перечень перспективных направлений, а специалисты, критически относясь к имеющимся научным наработкам, предлагают новые направления в виде отраслей или частных криминологических теорий. Эта тенденция не только российской криминологической науки и практики противодействия преступности, но и зарубежной. Анализ текущей информации о состоянии криминологических исследований и потребностей современной правоприменительной практики позволяет определить некоторые тенденции криминологии как науки и на основе этого спрогнозировать ближайшие и отдаленные перспективные направления криминологии как самостоятельной отрасли научных знаний и учебной дисциплины.

[1] Бадов А.Д. География преступности в России в постсоветский период: дис. … д-ра географ. наук. Владикавказ, 2009.

[2] Лунеев В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997-1999 гг.) // Государство и право. 2000. №11. С.34-41; Немерюк Е.Е., Банников А.Ю., Масова Н.В. География преступности несовершеннолетних (на примере Приволжского федерального округа) // Географический вестник. 2014. №2. С.26-33.

[3] Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 01.04.2016. № 155.

Основные тенденции развития современной российской криминологической науки характеризуются целым рядом взаимосвязанных и взаимообусловленных признаков.

Во-первых, наблюдается расширение научных связей отечественных криминологов с зарубежными коллегами. Отечественные специалисты все чаще публикуются в научных криминологических изданиях за рубежом, а авторитетные зарубежные криминологи – в российских научных периодических изданиях. Наиболее значимые монографические исследования зарубежных криминологов стали переводиться на русский язык и переиздаваться в российских издательствах, а российские научные работы – переводятся на иностранные языки. В результате происходит влияние зарубежных криминологических теорий на развитие отечественной криминологии. Данное обстоятельство влияет на увеличение объема криминологической информации и качество криминологических знаний. Более того, публикуются результаты совместных криминологических исследований российских и зарубежных специалистов. Это свидетельствует о тенденции интеграции российской криминологической науки в общемировое криминологическое пространство и ее развитии.

Во-вторых, происходит расширение криминологических знаний за счет формирования и использования новых источников криминологической информации, в результате чего криминологические исследования становятся востребованными в смежных науках и сферах жизнедеятельности и обогащают их. Например, формирование новых видов статистического учета – количества потерпевших от преступлений и развитие виктимологической статистики позволяют расширять объем знаний не только в области статистики, но и криминологии.

В-третьих, развитие отраслей и частных криминологических теорий позволяет им переходить в другие отрасли знаний, насыщая и дополняя их необходимой криминологической информацией. Например, увеличение объема знаний о преступности несовершеннолетних и мерах противодействия ей позволяет развивать не только ювенальную криминологию, но ювенальную педагогику и другие направления, связанные с оказанием помощи несовершеннолетним.

В-четвертых, развитие мировой криминологии и потребностей международных организаций формирует заказ на проведение криминологических исследований по наиболее актуальным направлениям противодействия преступности (организованной преступности, терроризму, экстремизму, коррупции, компьютерной преступности, наркобизнесу и др.), в том числе совместных международных и междисциплинарных.

В-пятых, дифференциация и глубокая специализация высшего образования, связанная с делением на разные сроки и уровни подготовки: бакалавриат, специалитет, магистратуру и аспирантуру – требует формирования разных по объему и содержанию специализированных курсов по вопросам противодействия преступности и ее отдельным видам. Это обстоятельство делает востребованным разработки новых междисциплинарных частных криминологических теорий и, на их базе, внедрения в учебный процесс новых специальных курсов, в том числе и межотраслевых для обучения студентов (магистрантов, аспирантов) по различным направлениям подготовки, а не только юриспруденции. Примером формирования такого специализированного междисциплинарного курса является учебная дисциплина, основанная на результатах исследования феномена коррупции и мерах противодействия ей, именуемая в зависимости от направления подготовки либо особенностей образовательного процесса в вузе «Противодействие коррупции», «Антикоррупционная политика» либо производными от них.

В-шестых, развитие отечественной криминологии как науки и увеличение объема исследований повлекло за собой появление специализированных криминологических научных периодических изданий – научных междисциплинарных криминологических журналов: «Российский криминологический взгляд»; «Криминология: вчера, сегодня завтра»; «Всероссийский криминологический журнал»; «Криминологический журнал».

В начале текущего тысячелетия появились отечественные специализированные криминологические журналы, рассматривающие вопросы отдельных частных криминологических теорий и отраслевых направлений криминологии: «Наркоконтроль»; «Антинаркотическая безопасность»; «Виктимология».

В-седьмых, развитие криминологических знаний потребовало от отечественных криминологов объединения своих усилий по координации и взаимодействию при проведении крупных криминологических исследований; в результате возникли криминологические общественные организации – Российская криминологическая ассоциация; Союз криминологов и криминалистов; Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, взаимодействующие с международными и зарубежными общественными объединениями криминологов.

В-восьмых, увеличение объема криминологических знаний невозможно без организации творческих коллективов исследователей для противодействия преступности из числа представителей различных наук, в результате чего в России появились относительно самостоя-

тельные криминологические школы коллег-единомышленников (Невско-Волжская криминологическая школа[1] и Дальневосточная криминологическая школа[2]).

В-девятых, значительный рост преступности в 90-х годах XX века и снижение ее в начале текущего привлек внимание не только криминологов, но и журналистов, писателей детективного жанра, сценаристов и кинематографистов, в результате чего стали формироваться и активно развиваться два направления, основанные на обыденных представлениях о преступности. Эти направления можно условно назвать «криминологическая публицистика» и «популярная криминология». Криминологическая публицистика – это направление журналистики, описывающее и объясняющее как отдельные «резонансные» преступления, так и причины их существования и распространения, а «популярная криминология» – это направление «культурной криминологии» и/или культурологии, формирующее бытовое криминологическое мировоззрение населения на основе художественных произведений[3].

В-десятых, появилось значительное количество принятых федеральных и региональных законов и иных нормативных правовых актов по вопросам противодействия преступности и ее отдельным видам. Процесс криминологического правотворчества не останавливается, а количество принимаемых законов постоянно возрастает. Данное обстоятельство ставит вопрос о необходимости систематизации современного российского криминологического законодательства и научной разработки мониторинга практики его применения в современных условиях.

Анализ нормативных правовых актов по вопросам противодействия преступности и ее отдельным видам, научных и учебных литературных источников по криминологии, подготовленных отечественными и зарубежными специалистами, позволяет сформировать некоторый перечень общих и частных вопросов современной отечественной криминологии. Отдельные вопросы предстоит решать уже в ближайшее время, исходя из криминологической ситуации – решение других возможно лишь в отдаленной перспективе.

В число наиболее важных общетеоретических вопросов современной российской криминологии следует отнести несколько направлений, которые взаимообусловлены и взаимосвязаны между собой.

[1] Чураков А.В. Этапы становления Невско-Волжской криминологической школы // История государства и права. 2007 №15. С.7-8.
[2] Номоконов В.А. Дальневосточная криминологическая школа: проблемы причинности, наркотизма и организованной преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. №16. С.79-88.
[3] Уилсон Дж. Р. Слово «криминология»: филологическое исследование и определение // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т.10. №3. С.227-251.

Во-первых, формирование научных основ криминологической таксономии – учения о классификации и систематизации криминологических знаний. Здесь важнейшим направлением выступает не столько заимствование оснований классификации из зарубежных источников, сколько разработка собственных. В последующем криминологическая таксономия может стать основой для объединения всех основных направлений криминологических знаний в большой по объему учебный курс под наименованием «Фундаментальная криминология», о котором уже говорят отечественные специалисты[1].

Во-вторых, провести пересмотр основных положений теории предупреждения преступности в связи с широким использованием в современной российской правотворческой деятельности словосочетания «противодействие преступности» и ее отдельным видам (экстремизму, терроризму, коррупции и т.д.). При этом следует уделить внимание не столько соотношению терминов, используемых в этой теории, сколько сущности и особенностям предупредительной деятельности в новых социальных условиях.

В-третьих, пересмотреть позиции по криминологическому планированию противодействия преступности с учетом развития стратегического криминологического планирования противодействия отдельным видам девиантного поведения и преступности (коррупции, экстремизму, наркотизму и терроризму) и обеспечения национальной безопасности, в том числе и от криминальных угроз.

В-четвертых, важнейшим направлением российской криминологии в ближайшее время может оказаться криминологическая регионалистика[2], исследующая не только особенности преступности в различных регионах и причины таких различий, но и специфику правового регулирования противодействия преступности и ее отдельным видам, а также особенности практики противодействия преступности в субъектах Российской Федерации.

В-пятых, потребуются дополнительные исследования в области теории криминологической безопасности[3], не только современного российского общества и отдельных социальных групп, но и криминологической безопасности личности от криминальных угроз[4].

---

[1] Фадеев В.Н. Фундаментальная криминология // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. №9. С.13-18.

[2] Федотов В.П. Криминологическая регионалистика как перспективное направление современной криминологии // Труды Академии управления МВД России. 2016. №2 (38). С.38-42.

[3] Плешаков В.А. Концепция теории криминологической безопасности как частной криминологической теории // Криминологический журнал. 2004. №1 (6). С.36-39.

[4] Сидоренко Э.Л. Криминологическая безопасность личности в свете тенденций вооруженного насилия // Российский криминологический взгляд. 2011. №2. С.213-221.

В-шестых, развитие криминологических знаний потребует уточнения терминологического инструментария, вызванного не только принятием криминологического законодательства, но и развитием филологического подхода к криминологической терминологии, в результате которого следует в отдаленном будущем ожидать возникновения нового междисциплинарного направления «криминологической этимологии».

Развитие общетеоретических вопросов криминологии как науки повлечет за собой и развитие отраслевых направлений криминологических знаний и частных криминологических теорий и наоборот – исследование частных вопросов криминологии неминуемо приведет к обогащению общей криминологической теории.

В числе наиболее перспективных отраслевых криминологических научных исследований, на наш взгляд, должны становится исследования в области криминологической виктимологии как отрасли криминологических знаний. Об этом свидетельствуют не только современные исследования в области криминологии, но и потребности правоприменительной практики, направленные на обеспечение виктимологической безопасности в обществе. Некоторые исследователи прямо указывают на то, что в современных условиях необходимо систематическое осуществление исследований криминальной виктимизации. Такие виктимологические исследования отечественными специалистами проводятся, но не на постоянной плановой основе и систематически, а выборочно, касаясь криминальной виктимизации отдельных социальных групп (несовершеннолетних, осужденных, предпринимателей, женщин и т.д.) либо населения отдельных регионов.

До настоящего времени вне глубокого научного анализа отечественных исследователей остаются вопросы сравнительно-криминологических исследований криминальной виктимности населения различных регионов Российской Федерации и различных социальных групп, в связи с этим следует активно формировать такое направление виктимологических знаний, как ***сравнительная виктимология***, уже имеющую своих разработчиков за рубежом. Отдельные международные исследования отечественных и зарубежных ученых в этом направлении в настоящее время проводятся. Одним из наиболее доступных инструментов данного направления мог бы стать виктимологический мониторинг ситуации в российских регионах, поэтому научная разработка теоретических основ виктимологического мониторинга может стать важнейшим направлением современной российской криминальной (криминологической) виктимологии. Здесь важнейшими вопросами, подлежащими исследованию, могут оказаться: понятие виктимологического мониторинга, его предназначение и криминологиче-

ская сущность; основные количественные и качественные показатели виктимологического мониторинга; механизмы, инструменты и технологии виктимологического мониторинга; а также практика осуществления виктимологического мониторинга. Отдельные вопросы использования виктимологического мониторинга как средства оценки виктимизации населения уже исследовались отечественными и зарубежными специалистами.

Развитие отечественной криминологической виктимологии должно сопровождаться качественным информационным обеспечением, отражающим сведения о количестве жертв преступлений, их видах, социально-демографических и иных характеристиках. В связи с этим должна активно формироваться межотраслевая частная криминологическая теория – виктимологическая статистика – являющаяся, с одной стороны, частью криминологической виктимологии, а с другой – частью криминологической статистики.

В рамках криминологической виктимологии перспективным представляется формирование частных виктимологических теорий, исследующих виктимизацию не только отдельных групп населения, но жертв отдельных видов преступности и групп преступлений, а также мер их виктимологической профилактики. В связи с этим уже к имеющимся частным виктимологическим теориям (ювенальная виктимология; виктимология коррупции; виктимология терроризма; криминальная политическая виктимология; виктимология экономической преступности; виктимология тоталитаризма) в ближайшее время могут присоединиться новые, обусловленные развитием общей теории виктимологии. К таким частным виктимологическим теориям следует отнести ряд направлений, исследующих как отдельные виды преступности, так и отдельные социальные группы с повышенной криминальной виктимностью. К частным виктимологическим теориям, требующим активной научной разработки в ближайшей перспективе, основанным на классификации жертв преступности, можно отнести:

а) криминальную корпоративную виктимологию, исследующую в качестве жертв преступлений юридических лиц и разрабатывающую меры по их девиктимизации;

б) криминальную геронтологическую виктимологию, исследующую в качестве жертв преступности лиц пожилого возраста и разрабатывающую меры по их девиктимизации;

в) криминальную миграционную виктимологию, изучающую криминальную виктимность мигрантов и разрабатывающую меры по их девиктимизации.

Потребность в научных исследованиях по обозначенным выше частным направлениям обусловлена как минимум двумя объективными об-

стоятельствами. Во-первых, постоянным увеличением в структуре жертв российской преступности названных категорий лиц. Во-вторых, необратимыми процессами миграции и старения населения во всем мире. Возможно, кому-то из специалистов захочется исследовать криминальную виктимность других социальных групп с повышенной виктимностью – лиц с ограниченными физическими возможностями (инвалидов) либо детей-сирот. Такие исследования подлежат одобрению и поддержке, поскольку эти научные исследования легко вписываются в перечень новейших направлений современной российской криминологической виктимологии.

К перспективным в научном плане частным виктимологическим теориям, исследующим жертв отдельных видов преступности, можно отнести:

а) виктимологию автотранспортной преступности, исследующую жертв дорожно-транспортных преступлений и разрабатывающую меры по снижению их виктимизации;

б) виктимологию экологической преступности, исследующую жертв экологической преступности и разрабатывающую меры по их девиктимизации, иногда именуемую термином «Green Victimology»[1];

в) виктимологию компьютерной преступности, изучающую жертв компьютерной преступности и разрабатывающую меры по их девиктимизации (кибервиктимология);

г) виктимологию войны или военную виктимологию[2], исследующую жертв военных преступлений, преступлений против мира и безопасности человечества и меры по их девиктимизации.

Перспективные направления отечественной криминологической науки не исчерпываются лишь криминологической виктимологией, а включают в себя множество иных отраслей и частных криминологических теорий, которые могут привлечь взгляды современных исследователей. Например, в рамках традиционной современной российской ювенальной криминологии, имеющей более чем вековую историю, до сих пор не исследованы на монографическом уровне вопросы компьютерной преступности несовершеннолетних, а в рамках семейной криминологии не нашлось места монографическим исследованиям по вопросам виктимологической профилактики внутрисемейного насилия. Указанные примеры лишь свидетельствуют о поиске перспективных научных исследований в рамках междисциплинарного взаимодействия. В связи с этим следует обратить внимание на необходимость формирования частных криминологических

[1] Hall M. Environmental harm and environmental victims: Seeping out a «green victimology» // International Review of Victimology. 2014. №20 (1). P.129-143.
[2] Ставило С.П. Защита мира и военная виктимология // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. №9. С.58-59.

теорий на основе междисциплинарных исследований. Такие теории уже зарождаются. К ним следует отнести криминальную (криминологическую) геронтологию – учение о преступности лиц пожилого возраста и мерах противодействия ей. Эта частная криминологическая теория формируется в рамках криминологии и геронтологии и может считаться как частью одной науки, так и частью другой. К таким же частным междисциплинарным теориям можно отнести криминальную конспирологию – частную криминологическую теорию, исследующую незаконное смещение законно избранных органов государственной власти и высших должностных лиц национального государства в результате совершения насильственного захвата власти (государственных переворотов, путчей и «цветных революций»), относящуюся как к политической криминологии, так и политологии и политической социологии.

Информационные процессы современного общества, проникающие во все сферы жизни общества, не могли не отразиться и на отечественной криминологии. На стыке информатики и криминологии появилось новое научное направление – киберкриминология. На сегодняшний день киберкриминология – это частная криминологическая теория, изучающая преступность в киберпространстве (киберпреступность), ее причины, особенности личности киберпреступника и меры противодействия этому явлению. Способствовать развитию этого направления в ближайшее время могут исследования, проводимые не только российскими криминологами, но и зарубежными, а также обмен криминологическими знаниями, опубликованными в специализированных междисциплинарных журналах, в том числе международном научном журнале «International Journal of Cyber Criminology».

Приведенные примеры междисциплинарных связей криминологии с другими науками, в результате которых формируются межотраслевые частные криминологические теории, развивающие не только криминологию, но и те дисциплины, с которыми такие связи возникают. Этого же мнения придерживаются и российские криминологи[1].

Следует иметь в виду, что перечень рассмотренных нами перспективных направлений не является исчерпывающим и окончательным. В процессе развития мировой и отечественной криминологии он будет постоянно изменяться, расширятся и пополнятся – это естественный процесс научно-технического развития человечества.

[1] Антонян Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2014. №4 (30). С.67-75.

Вопросы для самоконтроля:

1. Криминология как наука и учебная дисциплина: ее цели и задачи.
2. Структура современной российской криминологии: основные подходы к пониманию.
3. Криминологические исследования: методология, методика и технологии.
4. Место криминологии в системе наук и учебных дисциплин.
5. Перспективы развития современной мировой и российской криминологии.

Литература:

Горшенков Г.Н. Проблемы криминологии: курс лекций. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2016. – 260 с.

Криминология: учебник для аспирантов / под ред. И.М. Мацкевича. – М.: Норма, 2017. – 368 с.

Криминология: учебник / отв. ред. В.Е. Эминов. – М.: Проспект, 2015. – 368 с.

Лунеев В.В. Криминология: учебник. – М.: Юрайт, 2017. – 686 с.

Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала. – М.: Книжный мир, 2017. – 288 с.

Глава II
ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КРИМИНОЛОГИИ

§ 1. Российская криминология до 1917 г.

Преступность – сложное социально-негативное явление. Ее изучением занимаются юристы и социологи, психологи и культурологи, медики и педагоги, историки и экономисты, но особое значение отводится криминологам.

Криминология – это комплексная, междисциплинарная, постоянно развивающаяся наука, теснейшим образом связанная с жизнью людей, ее проблемами и конфликтами. Она использует достижения уголовного права и процесса, оперативно-розыскной деятельности, социологии, психологии. Вместе с тем эта наука создает собственные (криминологические) теории, относящиеся к ее предмету и методу. Криминология - наука о преступности, ее причинах и условиях, механизме преступного поведения, личности преступника и жертвы преступного посягательства.

Сущность криминологии заключается в том, что она анализирует сложившуюся криминогенную ситуацию и предлагает меры по ее стабилизации. Основным результатом криминологических исследований является разработка научно-практических рекомендаций по профилактике, предотвращению и пресечению преступлений. Особое внимание уделяется прогнозированию, программированию и планированию борьбы с преступностью.

В истории отечественной криминологии принято выделять несколько периодов: дореволюционный, советский, российский[1].

В научной и учебной литературе имеется несколько подходов к периодизации развития отечественной криминологической науки. Один из них представляет В.В. Лунеев в подробном изложении истории отечественной криминологии в своем учебном курсе[2]. Он предлагает деление на три периода:

1. История отечественной криминологии (до 1917 г.)

2. Советская криминология после революции (1917–1950 гг.) – без выделения периода 1920–1930-х гг.

3. Советская и российская криминология (с постсталинского периода до наших дней).

[1] Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э. Отечественная криминология: история, современное состояние, перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 4 (14). С. 48.

[2] Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / В. В. Лунеев. М.: Юрайт, 2011. С. 159-232.

В подробном обзоре истории отечественной криминологии, который содержится в учебнике под редакцией О.С. Капинус, представлен несколько иной подход, выделяющий четыре периода в развитии криминологии в России[1]:

1. Криминология в дореволюционной России (до 1917 г.).

2. Становление и развитие российской криминологии в 20 – 30 годы XX века (до начала 1950-х гг.).

3. Возрождение отечественной криминологии на рубеже 60-х годов XX века (с 1960-х гг. до 1991 г.).

4. Развитие криминологии на рубеже веков (с периода реформ 1990-х гг. XX века до настоящего времени).

Похожая точка зрения высказывается в учебнике по общей части криминологии под редакцией Ю.С. Жарикова, в котором главу об истории российской криминологии написал В.П. Ревин. Называются четыре этапа развития науки в России, но внутренняя их хронология значительно отличается, чему дается свое обоснование[2]:

А). Первый этап – история российской криминологии на рубеже XIX – XX веков.

При этом уточняется, что отечественная криминология возникла не в конце XIX века, а несколько раньше – с конца XVIII века и в XIX веке, она традиционно развивалась в рамках уголовно-правовой науки с преобладанием социологического направления. Начало ее развитию положили такие видные российские деятели, как профессор С.Е. Десницкий (1740 – 1789 гг.) и А.Н. Радищев (1749 – 1802 гг.), становление криминологии в России как относительно самостоятельной науки отмечено в XIX веке[3].

Первые шаги в создании научных основ теории и практики криминологических исследований В.П. Ревиным относятся к началу 20-х годов XX века. По его мнению, с этого периода и до своего нынешнего уровня развития отечественная криминология прошла еще три основных этапа.

Б). Второй этап – формирование предмета советской науки криминологии (с 1920-х до 1950-х годов прошлого века);

В). Третий этап – превращение криминологии в самостоятельную отрасль научных знаний (с 1950-х до 1960-х годов);

Г). Четвертый этап – становление советской криминологии как самостоятельной науки, расширение масштабов криминологических исследований (начиная с 1970-х годов до настоящего времени).

---

[1] Криминология. Общая часть: учебник / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2016. С. 66-107.

[2] Жариков Ю.С. Криминология. В 2 т. Том 1. Общая часть: учебник / Ю.С. Жариков, В.П. Ревин, В.Д. Малков, В.В. Ревина. 2-е изд. М.: Юрайт, 2017. С. 55-70.

[3] Там же. С.59.

Объединяя выделяемые в других научных работах как отдельные этапы 1960-х – 1980-х гг. и 1991 г. – до наших дней, авторы учебника специально указывают, что обоснование такого подхода состоит в том, что достижения советской криминологии в полной мере (за исключением ее идеологического компонента) были восприняты современной российской криминологической наукой. Кроме того, как начальные годы современного этапа развития отечественной криминологии указаны не 1960-е гг., как в других исследованиях, а 1970-е годы.

Наиболее развернутую периодизацию истории отечественной криминологической науки дал О.В. Старков, с указанием сущностных черт каждого из пяти выделяемых им этапов[1]:

дореволюционный (до 1917 г.);

стихийное развитие криминологии в 1920 – 1930-е годы);

«скрытый этап» (1930 – 1950-е гг.);

этап массовых эмпирических криминологических исследований 1960 – 1970-х гг.;

современный этап создания теоретических основ и новых направлений криминологии (80-е гг. XX – XXI вв.).

Этапы развития криминологии в России, по мнению О.В. Старкова, отличались тем, что первые исследования преступности в России провели статистики так же, как это было и в зарубежных странах, но в России – раньше, чем за рубежом, причем на прочной основе изучения и построения основ теории уголовной статистики в 1801 г., а затем в 1823 г.

Антропологическое или биосоциальное направление в России возникло также раньше, чем за рубежом, и развивалось как врачами – П.Н. Тарновской, В.Ф. Чижом, так и юристами – Д.А. Дрилем, Н.А. Неклюдовым, А.П. Лихачевым.

I этап берет свое начало со статистических исследований преступности. Еще в конце XVIII в. А.Н. Радищев провел фактически первое интересное криминологическое исследование, которое было опубликовано под названием «О законоположении» (1801 г.), где была предложена довольно стройная криминологическая концепция. Таким образом, по мнению О.В. Старкова, именно в России появились:

а) первое уголовно-статистическое исследование в 1801 г. А.Н. Радищева и Ш. Эрмана в 1823 г.;

б) первое биосоциальное исследование Н.А. Неклюдова в 1865 г., предвосхитившее появление первой работы Ч. Ломброзо на 6 лет;

[1] Старков О.В. Криминология: Общая, Особенная и Специальные части: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. С. 48-64.

в) именно в России, а более нигде за рубежом, появились споры о том, что предмет уголовного права должен включать в себя причины преступности, личность преступника; в 1905 г. в книге М.Н. Гернета «Общественные факторы преступности» было обосновано название новой науки криминологии или этиологии преступления;

г) первый криминологический закон в мире был издан в России в 1832 г.;

д) наиболее ярко именно в России были представлены художественные изыскания психологии преступника и социальных причин преступности.

II этап охватывает период 20-30-х годов XX века, его можно назвать этапом стихийных, массовых эмпирических криминологических исследований. Автор подчеркивает, что подобного взрыва в развитии криминологии не было более ни у нас в стране, ни за рубежом, как ранее, так и позднее[1].

III этап – этап полного прекращения криминологических исследований, массовых репрессий в отношении криминологов как представителей «буржуазной лженауки» (с середины 1930-х до середины 1950-х гг.).

IV этап – с середины 1950-х годов начинается новый период в развитии российской криминологии, который можно охарактеризовать как период выдвижения гипотез и массовых криминологических (называвшихся тогда «конкретными») исследований различных криминальных явлений, создания теоретических основ советской криминологии, продолжавшийся до начала 1990-х годов. Этот период эмпирический – сбор фактического материала – начался он с выхода нескольких теоретически статей в периодической печати, в которых ставились криминологические проблемы, гипотетически предлагались направления их исследований.

V этап – с середины 90-х годов XX в. Этот продолжающийся этап можно назвать периодом создания и развития новых криминологических теорий (авторских учебников).

Интересной новацией в изучении истории криминологии стала высказанная В.Н. Орловым точка зрения, что в настоящее время криминология рассматривается не только как наука и учебная дисциплина, но и как комплексная отрасль права, а одним из важнейших элементов предмета криминологии как науки, учебной дисциплины и комплексной отрасли права является криминологическое законодательство.

В истории российского криминологического законодательства автор (с определенной долей условности) выделяет четыре основных этапа:

1) законодательство средневекового периода (X-XVII вв.);

2) законодательство Нового времени (XVIII в. – 1917 г.);

[1] Старков О.В. Указ. соч. С. 54.

3) законодательство советского времени (1917-1990 гг.);

4) законодательство постсоветского периода (с 1991 г.)[1].

Данная периодизация несколько отличается от предлагаемой в теории криминологии периодизации становления и развития криминологии как науки. Однако развитие криминологического законодательства включали в свои обзоры развития отечественной криминологической науки такие уважаемые исследователи, как В.В. Лунеев, О.В. Старков и др. Видимо, вопрос о развитии ранних криминологических взглядов и криминологического законодательства в контексте развития криминологии как науки нуждается в дальнейшем изучении.

Говоря о первоначальном периоде развития криминологических взглядов в России, Лунеев В.В. отмечал, что история развития криминологической мысли в России отражала примерно те же особенности, которые были характерны для мира в целом, теории модифицировались и развивались. Он указывал на теологическую теорию в объяснении преступности как «греха», которая преобладала в России в средневековье, хотя она и не оставила в православной стране такого страшного следа, как инквизиторские суды в католической Западной Европе.

В контексте развития на Руси криминологических представлений в XI – XIX веках В.В. Лунеев упоминает Русскую Правду XI века, иные ее редакции, Псковскую и Новгородскую судные грамоты, первый общероссийский Судебник Ивана III–го 1497 года, царский Судебник Ивана Грозного 1550 г., Соборное Уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича, Воинский артикул 1715 г. Петра Великого, указы императоров, Полное собрание законов Российской империи, изданное при участии М.М. Сперанского в 45 томах в 1830 г., Свод законов Российской империи 1832 г. (15 томов). При этом отмечается, что краткий перечень законодательных актов по российскому уголовному праву мало что дает для уяснения истории отечественной криминологии, так как эффективность применения данного законодательства представляется чрезвычайно низкой[2].

В 1832 г. повелением императора Николая Павловича был составлен 14-й том Уставов Благочиния, в 4-ю часть которого вошел Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений. Кто был автором этого закона, какова его теоретико-методологическая основа и криминологическое обоснование – до сих пор науке не известно. Свод 1832 г. и его последу-

[1] Орлов В.Н. Становление и развитие криминологического законодательства в России Лекция «Криминологическое законодательство» // Российский криминологический взгляд. 2015. № 3.

[2] Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть.- М.: Юрайт, 2011. С.165.

ющие редакции 1842, 1857, 1876, 1890 гг. были переизданы в 2000-е гг. в нескольких номерах журнала «Российский криминологический взгляд».

По мнению профессора О.В. Старкова, данный Свод являлся исторически первым криминологическим законом в мире, отдельные нормы Свода по-прежнему актуальны и сегодня.

Анализируя Свод Уставов о предупреждении и пресечении преступлений, О.В. Старков сделал несколько выводов: во-первых, именно со Свода уставов de jure началось развитие криминологии в России (de facto – с выхода в свет книги в 1801 г. А.Н. Радищева «О законоположении»); во-вторых, этот Свод объединял и административно-правовые нормы, и уголовно-исполнительные, и нормы криминологического права, исходя при этом из приоритета предупреждения преступлений; в-третьих, подробное регулирование сферы предупреждения преступлений в данном Своде дает положительный пример современному законодателю[1].

Высоко оценивает роль А.Н. Радищева в выдвижении криминологических идей и В.В. Лунеев. Он считает, что А.Н. Радищев первым не только затронул сущность социологического объяснения преступности, но и указал на важнейшие статистические и социологические методы ее изучения, которые сегодня активно используются. Работа «О законоположении» была представлена А.Н. Радищевым в Комиссию по выработке законов, куда его пригласил сам царь, однако его идеи не были услышаны и реализованы. Их ценность неоспорима, но, к великому сожалению, в полной мере они остаются нереализованными и по сей день[2].

В России в XVIII и XIX веках важные криминологические идеи и положения высказывали и обосновывали в своих трудах российский академик, экономист и статистик Герман Карл Федорович (Карл Готлоб Мельхиор или Карл Теодор) (1767 – 1838 гг.), который провел первое своеобразное статистико-криминологическое исследование «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России за 1819 – 1820 гг.»; будущий «декабрист» П.И. Пестель, написавший свой проект преобразований под названием «Русская Правда»; общественные деятели В.Г. Белинский (1811 – 1848 гг.), А.И. Герцен (1812 – 1870 гг.), Н.Г. Чернышевский (1828 – 1889 гг.), П.Я. Чаадаев (1794 – 1856 гг.), П.А. Кропоткин (1842 – 1921 гг.) и другие. Они составляли элиту российской общественной мысли, но арестовывались, направлялись на каторгу, умирали от голода или заканчивали жизнь самоубийством, их работы за-

[1] Орлов В. Н. Становление и развитие криминологического законодательства в России Лекция «Криминологическое законодательство» // Российский криминологический взгляд. 2015. № 3.

[2] Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. М.: Юрайт, 2011. С. 170-171.

прещались к публикации: А.Н. Радищев – из-за многолетней ссылки покончил жизнь самоубийством; К.Ф. Герман – работы не публиковались; П.И. Пестель – повешен в числе пяти главных «декабристов»; В.Г. Белинский – осужден на каторгу; А.И. Герцен – эмигрировал; Н.Г. Чернышевский – подвергнут лишению всех прав, «гражданской казни», осужден на каторгу и ссылку; П.Я. Чаадаев – объявлен сумасшедшим; П.А. Кропоткин – арестован, эмигрировал, вернулся в Россию, умер от голода[1].

Одним из обстоятельств, определяющих своеобразие отечественной криминологии, М.П. Клейменов считает то, что она создавалась на основе опыта тех, кто сам имел горький опыт российской каторги. Например, уникальное криминологическое значение имеют записки великого русского писателя Ф. М. Достоевского (1821 – 1881 гг.) о четырех годах, проведенных им в остроге (тюрьме). «Записки из Мертвого дома», «Дневник писателя», «Преступление и наказание», «Бесы» – сочинения, где глубокому анализу подвергнуты психология и личность преступника, даны оценки влиянию внешней среды на формирование преступника, раскрыты причины преступности и преступлений[2].

Таким образом, на формирование криминологических взглядов в России в XIX веке значительное влияние оказывала великая русская литература в лице Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, Ф.М. Достоевского и др.

Другие своеобразные черты российской криминологии в период ее формирования заключаются в том, что российская криминология выросла из уголовного права. Один из основателей криминологии Ч. Ломброзо был судебным медиком и психиатром; американская криминология создавалась преимущественно социологами, а фундамент российской криминологии закладывался классиками российского уголовного права М.В. Духовским, И.Я. Фойницким, А.А. Пионтковским, М.П. Чубинским и др. Знание уголовного права – это сильная сторона российских криминологов, которая определяла предметность их криминологических исследований и практическую направленность выводов.

В период становления криминологической науки отечественные ученые придерживались комплексного подхода к анализу преступного поведения и преступности. В этом направлении развивал антропологическую школу криминологии Д.А. Дриль (1846 – 1910 гг.), который видел в преступлении результат взаимодействия особенностей сложившейся психофизической организации преступника и особенностей внешних воздействий окружающей

[1] Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. М.: Юрайт, 2011. С. 178.
[2] Клейменов М.П. Криминология: учебник. 3-е изд., перераб и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С.37.

его естественной и общественной среды. В трудах Д. Дриля «Преступность и преступники», «Учение о преступности и мерах борьбы с ней» была показана широкая картина факторов преступности. В работах С.В. Познышева (1870 – 1942 гг.) «Криминальная психология. Преступные типы»; М.Н. Гернета (1874 – 1953 гг.) «Социальные факторы преступности» наряду с признанием продуктивности антропологического изучения преступника большое внимание уделялось анализу социальных причин преступности.

Среди видных представителей отечественной криминологической науки тех лет следует назвать также Х.М. Чарыхова, П.И. Люблинского, М.М. Исаева, Н.Н. Полянского, Н.С. Таганцева, Н.Д. Сергиевского, С.К. Гогеля, Е.Н. Тарновского и др.

Преступность преимущественно изучалась в рамках социологической школы уголовного права. Одним из важнейших методов исследования закономерностей развития преступности считался статистический анализ. Представители социологического направления, хоть и признавали определенное значение индивидуальных свойств личности в генезисе преступления, но при этом основную роль отводили влиянию внешних (объективных) факторов на формирование готовности субъекта совершить преступление.

К концу XIX века сложилась русская социологическая школа уголовного права, она приобрела популярность в Европе, стала основой научной криминологии в нашей стране. Сосуществовали в различных комбинациях и пересечениях разные течения криминологической мысли – теологическое, биоантропологическое, социологическое, которые наслаивались друг на друга, порождая комплексное изучение преступности с преобладанием уголовно – правовых и социологических подходов. Вводился в научный оборот огромный объем эмпирического, фактического, статистического материала о преступности в связи с данными о политическом, экономическом, культурном, морально-нравственном развитии российского общества.

§ 2. Советский период развития отечественной криминологии

После событий 1917 г. в советской России криминологические исследования в основном вели те же ученые, что и в царский период. Криминологические идеи развивались представителями дореволюционной профессуры (М.Н. Гернет, А.А. Жижиленко, А.Н. Трайнин, М.М. Исаев, А.М. Винавер и др.). Однако в советской России основой криминологии быстро стал марксизм – учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ульянова (Ленина), которое являлось идеологией классовой борьбы, социалистической революции, на протяжении всего существования власти коммунистов и Советов (октябрь 1917 – 1991 гг.) считалось непререкаемым. Экономический детерми-

низм марксизма признавал определяющими производственные отношения - «базис» общества, на основе которого формировались все остальные общественные отношения, – «надстройка»: политические, идеологические, культурные, психологические отношения, в том числе связанные с преступностью. В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина содержались ценные для развития криминологической науки положения. Они правы в том, что преступность детерминируется неравенством в обществе, нищетой, безработицей, социальной несправедливостью и другими социальными противоречиями, но утверждения об отмирании преступности при социализме и коммунизме не выдержали проверку временем.

Значительную роль в области изучения личности преступника и криминогенных факторов сыграли создаваемые в тот период криминологические кабинеты в Петрограде (1917 - 1918 г. – сведений о нем почти не сохранилось), в Саратове при управлении местами заключения (он назывался кабинетом криминальной антропологии и судебно-медицинской экспертизы) в 1922 г., в Москве при Мосздравотделе был создан кабинет по изучению личности преступника и преступности (1923 г.), в Киеве – юридическая клиника при юридическом факультете Киевского института народного хозяйства (1924 г.), в Ленинграде криминологический кабинет был организован при Леноблсуде (1925 г.), в Ростове-на-Дону (1926 г.), в Баку при местах заключения был создан кабинет по изучению преступности и борьбе с ней (1926 г.), в Тифлисе – Государственный кабинет по изучению преступности и преступника (1930 г.).

В целях координации криминологических исследований в марте 1925 г. при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР был образован Государственный институт по изучению преступности и преступника. В его составе функционировали социально-экономическая, пенитенциарная, биопсихологическая и криминалистическая секции. На основании изучения уголовных дел и преступников институт проводил комплексные исследования таких характерных для того времени преступлений, как растраты, убийства, хулиганство; изучал личности преступников и заключенных, осужденных к высшей мере наказания. Институт являлся ведущим криминологическим учреждением в стране, но был ликвидирован уже в 1931 г.

К числу фундаментальных исследований того периода следует отнести труды А.А. Герцензона, Д.П. Родина, В.И. Куфаева, Е.И. Тарновского, А.С. Шляпочникова и др. Особое значение имеют труды заслуженного деятеля науки РСФСР (представителя дореволюционной профессуры) М.Н. Гернета. Кроме известного 5-томного курса «История царской тюрьмы», М.Н. Гернет создал основы пенитенциарной психологии и

педагогики, криминопенологии, моральной статистики, издал крупные монографии по криминологии.

Е.Н. Тарновский – крупнейший русский судебный статистик и криминолог, опубликовавший важные исследования дореволюционной и постреволюционной статистики. После революции 1917 г. он продолжил работу в Министерстве юстиции РСФСР и фактически был первым статистиком и криминологом, профессионально анализирующим состояние преступности в стране. Ему принадлежит разработка методов статистического и социологического обследования преступности и личности преступника. В 1920–1926 гг. он пытался выяснить особенности городской и сельской преступности, систематизировать данные о личности преступника с учетом пола, возраста, семейного положения, места жительства.

Криминологические исследования в 1920-е гг. носили прикладной характер, их объектом становились различные виды преступности группы преступников, социальные и психологические предпосылки преступлений, личность правонарушителя, психология несовершеннолетних преступников. Проводимые в то время криминологические исследования страдали серьезными недостатками. Ученые не всегда владели анализом социальных факторов преступности, находились под влиянием биологических теорий причин преступности, что отражалось на уровне научных исследований, а также эффективности борьбы с преступностью [1].

Криминологические учреждения в 1920-х гг. проделали в целом большую и полезную работу. Однако партийная власть посчитала, что научные труды по криминологии недостаточно выдержаны и актуальны. Классовым врагом становились те, кто имел научные взгляды, которые расходились с марксистским мировоззрением. Поэтому в сталинских лагерях оказалось много ученых, а некоторые науки были признаны «прислужницами буржуазии» и запрещены. В их число попала и криминология.

Криминология оказалась для государственной власти не только лишней, но и политически вредной наукой. Начало политических гонений на криминологию положила статья С.Я. Булатова «Возрождение Ломброзо в советской криминологии», напечатанная в первом номере журнала «Революция права» за 1929 г. В этой статье подвергались безоговорочной критике деятельность криминологических учреждений в области исследования личности преступника, привлечение психиатров и психологов к криминологическим исследованиям. После этой публикации в секции права и государства Коммунистической академии состоялся диспут, на котором

[1] Жариков Ю.С., Ревин В.П., Малков В.Д., Ревина В.В. Криминология. В 2т. Том 1. Общая часть: учебник. 2-е изд. М.: Юрайт, 2017. С. 63.

ученым, критикуемым в статье, пришлось раскаяться и признать свои «методологические ошибки».

Кабинеты по изучению личности преступника были закрыты, а Государственный институт по изучению преступности и преступника в 1931 г. был реорганизован в институт уголовной и исправительно-трудовой политики и передан в ведение Наркомюста РСФСР. Психологические исследования больше не проводились, а к 1936 г. прекратились криминологические исследования. Институт уголовной и исправительно-трудовой политики был реорганизован во Всесоюзный институт юридических наук, в то же время были окончательно ликвидированы все криминологические кабинеты[1]. Директор Института А.С. Шляпочников был арестован и пробыл в заключении семнадцать лет, но в 1954 г. после реабилитации невинно осужденных все же сумел вернуться в науку.

Криминологические учреждения ликвидировали по идеологическим соображениям, многие ученые и сотрудники исследовательских криминологических центров были репрессированы. Криминология как самостоятельная отрасль научного знания прекратила свое существование до конца 50-х годов XX века.

Среди немногих выживших ученых-криминологов уцелел А.А. Герцензон (1902 – 1970 гг.) – специалист в области уголовного права и криминологии. Окончив Московский государственный университет, учился в аспирантуре Института советского права и одновременно работал старшим научным сотрудником в Московском кабинете по изучению личности преступника и преступности, затем стал в этом кабинете ученым секретарем и заместителем директора, защитил кандидатскую диссертацию.

С 1931 г. стал профессором Института советского права по кафедре уголовного права и статистики, преподавал в Центральной высшей школе НКВД, занимался научными исследованиями. Он издал монографии «Преступность и репрессии» (1929), «Преступник и алкоголизм» (1930) и др., которые сыграли большую роль в становлении отечественной криминологии.

В связи с тем, что в начале 1930-х годов число криминологических исследований резко сократилось, он переходит к исследованиям уголовно-правовых и статистических проблем. А.А. Герцензон работал начальником отдела статистики ГУМ НКВД СССР, возглавлял созданную А.Я. Вышинским информационно-статистическую часть Прокуратуры СССР, разрабатывал новые формы статистической отчетности о преступности. Во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) А.А. Гер-

[1] Клейменов М.П. Криминология: учебник. 3-е изд., перераб и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 39-40.

цензон преподавал в Военно-юридической академии, где издал учебники по уголовному праву и военно-уголовной статистике. К активной и плодотворной научной работе он вернулся после возрождения криминологии в конце 1950-х годов[1].

В конце 50-х годов XX века, после осуждения культа личности Сталина, началось постепенное возрождение отечественной криминологической науки, в периодических юридических изданиях стало появляться значительное число статей о проблемах преступности в СССР. Стали проводиться семинары и научные конференции, в 1961 г. была издана монография А.Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР». В 60-е годы XX века, после тридцатилетнего забвения, криминология была снова включена в учебные планы юридических вузов в качестве самостоятельной дисциплины.

В 1963 г. на базе нескольких научных учреждений был создан Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (сейчас Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации). Им руководили только недавно перед этим защитившие докторские диссертации И.И. Карпец и В.Н. Кудрявцев. Из старой профессуры в институте работали в то время не более пяти человек, поэтому штат (около ста человек) был укомплектован совсем молодыми выпускниками юридических факультетов, работниками следствия, прокуратуры, судов.

Институт создавался, прежде всего, ради развития криминологии, криминологических исследований. Этот институт вскоре стал самым крупным в мире научно-исследовательским учреждением, специализировавшимся на научной разработке всего комплекса проблем борьбы с преступностью в рамках всех наук антикриминального цикла. Научные работы и рекомендации Института в 1960-х – начале 1980-х гг. широко использовались высшими органами государственной власти, судами, всеми правоохранительными органами[2].

Вокруг коллектива Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности объединялись ученые разного возраста из различных регионов и учреждений. На его базе функционировало Всесоюзное координационное бюро по криминологии, объединявшее криминологов, специалистов по уголовному праву, уголовному процессу и др. из разных союзных республик СССР. Расширенные заседания бюро проводились не только в Москве, но и в разных союзных республи-

[1] Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. М.: Юрайт, 2011. С. 204-205.
[2] Криминология. Общая часть: учебник / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2016. С. 85.

ках (Азербайджан, Грузия, Казахстан, Латвия, Украина, Туркмения и др.). В них участвовали видные ученые из разных регионов страны, практические работники[1].

В период 1960 -1980-х гг. учеными было издано более тысячи серьезных криминологических работ. В 1984 г. за разработку теоретических основ криминологической науки Государственные премии СССР были присуждены И.И. Карпецу, В.Н. Кудрявцеву, Н.Ф. Кузнецовой, А.Б. Сахарову, А.М. Яковлеву. В 1999 г. за цикл работ по криминологии лауреатом Государственной премии Российской Федерации стал В.В. Лунеев.

В те годы серьезными криминологическими исследованиями проблем борьбы с преступностью занимались такие научные учреждения, как Институт криминалистики Прокуратуры СССР, Институт государства и права Академии наук, Всесоюзный институт юридических наук, Всесоюзный научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел СССР, ряд кафедр уголовного права юридических вузов в Москве, Ленинграде, Воронеже, Саратове, Свердловске.

В системе МВД криминологические проблемы активно разрабатывались во ВНИИ МВД СССР, в Академии МВД СССР, на кафедрах вузов, особенно в Омской высшей школе милиции; Ташкентской высшей школе МВД СССР; Волгоградской высшей следственной школе МВД СССР, Горьковской высшей школе МВД СССР; Рязанской высшей школе МВД СССР. В их работе был серьезный недостаток – очень узкая специализация научной деятельности, ориентированной исключительно на специализацию каждого вуза (по линиям исправительных учреждений, уголовного розыска, следствия, деятельности отделов по борьбе с хищениями социалистической собственности и др.). Практические органы МВД активно участвовали как в проводимых в стране криминологических исследованиях, так и во внедрении их результатов в правоохранительную деятельность[2].

Важное значение имело Постановление ЦК КПСС от 16 июня 1964 г. «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране», в соответствии с которым преподавание криминологии было включено в учебные планы всех юридических вузов и юридических факультетов университетов. С 1964 г., начиная с Московского государственного университета, криминология преподается в вузах страны.

Одной из первых учебных книг было «Введение в советскую криминологию» А.А. Герцензона (1965), где были изложены основные подходы к советской криминологии. В 1966 г. был издан первый учебник «Кри-

[1] Криминология. Общая часть: учебник / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2016. С. 86.
[2] Старков О.В. Криминология: Общая, Особенная и Специальные части: учебник. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. С. 59-60.

минология» для юридических факультетов высших учебных заведений. В 1980 г. появился учебник под редакцией д.ю.н., профессора Г.А. Аванесова «Криминология и социальная профилактика», в 1985 г. издан двухтомник «Курс советской криминологии».

Данный учебный курс последовательно внедрялся и в специальных учебных заведениях органов внутренних дел, например, в Высшей школе МВД СССР. В разные годы курс именовался: «Криминология и управление профилактической деятельностью органов внутренних дел» (1974), «Организация профилактики правонарушений» (1975), «Профилактика правонарушений» (1978), «Криминология и социальная профилактика» (1979), «Криминология» (1984).

Преподавание криминологии в вузах, а также в специализированных учебных заведениях было вызвано необходимостью подготовки квалифицированных специалистов, способных противостоять новым формам и видам преступной деятельности. С этой целью в научно-исследовательских учреждениях юридического профиля стали создаваться криминологические отделы, секторы, группы, а в ряде вузов – криминологические лаборатории. Криминология стала частью номенклатуры научных специальностей, по которым присуждались ученые степени кандидатов и докторов наук, – 12.00.08 (уголовное право и криминология, исправительно-трудовое право). В настоящий период в этой специальности изменилось только название третьей дисциплины – уголовно-исполнительное право.

Возрождение криминологии в СССР повлекло подготовку высококвалифицированных профессиональных криминологов через институты аспирантуры и соискательства, проведение масштабных криминологических исследований, наращивание числа публикаций и диссертаций, в которых с криминологических позиций анализируются преступность как сложное социальное явление и связанные с ней проблемы.

Появилось немало новых и свежих подходов; в целом опубликованные материалы давали широкое представление о преступности в России, причинах ее изменений, просчетах и достижениях в борьбе с ней[1].

В связи с тем, что в 1930 – начале 1950-х гг. статистика преступности собиралась в обстановке секретности и официально не публиковалась, существовала большая необходимость в проведении эмпирических исследований. Первым крупномасштабным эмпирическим криминологическим исследованием, проведенным в 1970-е гг. на базе двух областей СССР, было изучение социальных условий преступности под руководством А.Б. Сахарова. По его завершении были опубликованы научный инстру-

[1] Криминология. Общая часть: учебник / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2016. С. 87.

ментарий, программа и результаты, которые дали стимул для дальнейших подобных исследований[1].

Вплоть до середины 80-х годов XX века криминология в нашей стране существовала в условиях недостатка информации о тенденциях развития преступности, так как статистика преступности оставалась закрытой. В 1987 г. были сняты ограничения на публикацию статистических сведений о числе осужденных по семи видам опасных деяний, а в январе 1989 г. принято решение о снятии ограничений с публикаций сводных данных о зарегистрированных преступлениях и числе осужденных.

Тормозом для развития криминологии в СССР являлось идеологическое давление марксизма-ленинизма на криминологические исследования. Под влиянием официальных политических идейных установок криминологи утверждали, что причины преступности в капиталистическом и социалистическом обществах имеют принципиально разный характер, огульно критиковали как «буржуазные» новые криминологические теории, появлявшиеся в зарубежных странах.

В 1960 -1980 годы основное внимание криминологов уделялось изучению преступности как продукта общества и общему предупреждению преступности, было опубликовано большое число монографий, учебников и пособий по криминологии, была завершена разработка теоретических основ отечественной криминологии, в 70-80-х годах XX века в отечественной криминологии сложилась теория предупреждения преступности. С начала 80-х годов стали изучаться внутренние характеристики преступности, процессы ее самодетерминации и воздействия на различные сферы жизнедеятельности, разрабатывались рекомендации по составлению программ предупреждения преступности.

В это же время сформировались частные криминологические теории: преступности несовершеннолетних, женской преступности, насильственной преступности, экономической преступности, виктимологии, прогнозирования и планирования борьбы с преступностью.

Этот этап продолжался до середины 90-х годов (до октября 1993 г.). Его итог – создание теоретических основ современной криминологии,

Классиками советской и российской криминологии являются такие ученые, как Г.А. Аванесов (1934 – 2014), А.И. Алексеев (1937 – 2011), Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Ю.Д. Блувштейн (1938 – 1991), С.В. Бородин (1924 – 2005), С.Е. Вицин, А.А. Герцензон (1902 – 1970), К.К. Горяйнов, П.С. Дагель (1922 – 1982), А.И. Долгова, А.Э. Жалинский (1932 – 2012),

[1] Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е издание. СПб: Алеф-Пресс, 2014. С. 176.

В.К. Звирбуль (1925 – 1994), К.Е. Игошев (1931 – 1994), И.И. Карпец (1921 – 1993). В.Е. Квашис, М.И. Ковалев (1922 – 2002), В.Н. Кудрявцев (1923 – 2007), Н.Ф. Кузнецова (1927 – 2010), В.В. Лунеев, Г.М. Миньковский (1923 – 1998), И.С. Ной (1928 – 1996), С.С. Овчинский (1922 – 1993), Э.Ф. Побегайло, А.Б. Сахаров (1919 – 1996), Ю.В. Солопанов (1925 – 1991), М.Д. Шаргородский (1904 – 1973), А.С. Шляпочников (1902 – 1979), В.Е. Эминов, А.М. Яковлев (1927 – 2011)[1].

§ 3. Отечественная криминология в конце XX – начале XXI столетий

Существенный вклад в развитие современной отечественной криминологии внесли такие ученые, как Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, С.В. Бородин, Н.И. Ветров, Б.В. Волженкин, Я.И. Гилинский, Ю.В. Голик, А.И. Гуров, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, Д.А. Корецкий, И.И. Карпец, М.П. Клейменов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, С.И. Курганов, В.Д. Ларичев, С.Я. Лебедев, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, И.М. Мацкевич, В.С. Овчинский, Э.П. Побегайло, Д.В. Ривман, А.Б. Сахаров, О.В. Старков, В.С. Устинов, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов и др. В свою очередь они подготовили молодых специалистов, которые достойно представляют российскую криминологическую школу в мировом масштабе. При этом стоит отметить, что глубина многих теоретических и прикладных разработок в последние годы возросла, что в немалой степени вызвано общим совершенствованием законодательства и практики его применения.

Криминология – это постоянно развивающаяся наука, она должна оперативно реагировать на появление новых форм преступной деятельности. Поэтому в числе перспективных научных направлений значительное количество криминологических институтов (подотраслей): криминальная армалогия; виктимология; криминотеология; криминоглобалистика; криминофамилистика; криминопенология; криминовиоленсология; криминомилитарология; киберкриминология; этнокриминология; ювенология; наркокриминология; криминосексология; криминоюстициология; гендерная криминология; экономическая криминология; криминологическое законодательство и криминология закона; сравнительная криминология и др.

В сфере криминологии подготовлено значительное количество монографий, учебников, учебных пособий, справочников, практикумов. Вместе с тем она всегда будет нуждаться в исследованиях, направленных на минимизацию и предупреждение новых потенциально опасных вызовов и угроз человечеству. На современном этапе к их числу относятся следу-

[1] Клейменов М.П. Криминология: учебник. 3-е изд., перераб и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 40.

ющие виды преступности: 1) общеуголовная; 2) экономическая; 3) организованная; 4) профессиональная; 5) рецидивная; 6) транснациональная; 7) олигархическая; 8) коррупционная; 9) экологическая; 10) политическая; 11) террористическая; 12) экстремистская и т.п.

Криминологические исследования проводятся в рамках научной специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Криминология – это социолого-правовая наука, носящая междисциплинарный характер. Поэтому значимые криминологические исследования выполняются на стыке юридических, психологических, социологических, культурологических и иных наук. Большое значение для развития отечественной криминологии имеют современные исследования девиантологии, аддиктологии, административной деликтологии, юридической статистики, судебной психиатрии и др.

Изучением преступности и поиском современных средств профилактики и противодействия криминальным вызовам и угрозам занимаются ведомственные научно-исследовательские и учебные организации, в их числе Академия Генеральной прокуратуры РФ, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Академия ФСБ России, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, Московская академия Следственного комитета РФ, Академия управления МВД России и многие другие правоохранительные организации. Отдельно хочется выделить сектор уголовного права, криминологии и проблем правосудия Института государства и права Российской академии наук. Создание сектора насчитывает почти вековую историю. Его сотрудниками разрабатывались проекты уголовных кодексов (1926, 1960, 1996 годов). Заведует сектором доктор юридических наук, профессор С.В. Максимов. Сотрудники сектора неоднократно участвовали в подготовке федеральных программ в сфере противодействия преступности.

Нельзя не отметить роль общественных (научных) организаций в рассматриваемой сфере. К их числу следует отнести:

- Российскую криминологическую ассоциацию;
- Санкт-Петербургский международный криминологический клуб;
- Союз криминалистов и криминологов.

В 1991 году была создана Российская криминологическая ассоциация. Она представляет собой добровольное, самоуправляемое общественное объединение, являющееся юридическим лицом. Основные формы работы Ассоциации: подготовка научных семинаров и конференций, издание специальной литературы, проведение криминологической экспертизы нормативных правовых актов, участие в разработке законопроектов, организа-

ция исследований, поддержание международных контактов. Характерной чертой российских криминологов является внимательное отношение к современным зарубежным теориям в области профилактики преступлений. На русский язык переведены многочисленные труды по криминологии и девиантологии. В свою очередь немало трудов отечественных криминологов издаются в других странах и переводятся на иностранные языки.

В настоящее время ассоциация объединяет свыше тысячи трехсот научных работников, преподавателей, сотрудников правоохранительных органов, судей, прокуроров. Все члены ассоциации профессионально занимаются проблемами профилактики и борьбы с преступностью. Российская криминологическая ассоциация имеет отделения более чем в пятидесяти субъектах Российской Федерации. Ее основными целями являются: дальнейшее развитие криминологии и перспективных научных направлений в сфере профилактики преступлений, защита государственных и общественных интересов от преступных посягательств, выработка научно-обоснованных рекомендаций (концепций) предупреждения и противодействия преступности.

Возглавляет Ассоциацию доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР Азалия Ивановна Долгова.

Члены Российской криминологической ассоциации высказывают мнение, что назрела необходимость в создании Всероссийского научно-исследовательского института, который бы осуществлял в рамках всех наук антикриминального цикла систематические комплексные исследования криминальной ситуации и процессов ее детерминации в регионах страны и отраслях экономики; в целях оптимизации борьбы с преступностью актуально восстановление систематических международных связей специалистов, их участия в международных научных форумах, в том числе организуемых ООН.

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб действует с 1981 года. Клуб способствует развитию Невско-Волжской школы, в результате чего появились новые подотрасли криминологии. При поддержке Санкт-Петербургского государственного университета клуб с 2001 г. издает научно-практический журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра. Президентом клуба является доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Шестаков.

В феврале 1995 г. впервые был создан «Союз криминалистов и криминологов» (далее – СКК). Он руководствовался традициями Русской группы Международного союза криминалистов (1897–1914 гг.), объединявшей видных русских ученых и практиков, разрабатывавших уголовно-правовые, криминалистические и криминологические проблемы под руководством профессора И. Я. Фойницкого.

Учредителями СКК выступили: В.Е. Эминов, П.Г. Пономарев, В.С. Овчинский, К.К. Горяинов, Г.В. Дашков, И.Н. Зубков, В.П. Лозбяков, И.М. Мацкевич, В.И. Селиверстов, В.С. Чернявский, Р.А. Экимян. На учредительном собрании были избраны: президентом – Эминов Владимир Евгеньевич; вице-президентами – Владимир Семенович Овчинский, Павел Георгиевич Пономарев; ученым секретарем – Игорь Михайлович Мацкевич. В июле 2002 г. это общественное объединение прекратило свою деятельность. Решение о возрождении «Союза криминалистов и криминологов» было принято в 2010 г.

Региональная общественная организация «Союз криминалистов и криминологов», воссозданная в 2010 г., является региональной общественной организацией, объединяющей на основе общности профессиональных интересов ученых и практиков, разрабатывающих основы социально-правовой политики, методологические, правовые, организационные, методические, технические проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями. Союз объединяет ученых и практиков, разрабатывающих проблемы криминологии, уголовного права и уголовного судопроизводства, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы. Союз взаимодействует с государственными органами и негосударственными организациями, ведущими борьбу с преступностью, государственными и иными научно-исследовательскими и учебными заведениями и организациями, разрабатывающими проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями. Имеет тесные научные контакты с зарубежными партнерами. Проводит представительские научные мероприятия (конференции, круглые столы, семинары). Занимается выпуском востребованной юридической литературы. Президентом Союза криминалистов и криминологов является доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Игорь Михайлович Мацкевич.

В стране издаются криминологические журналы: в Москве – «Криминологический взгляд», в Санкт-Петербурге – «Криминология вчера, сегодня, завтра», в Иркутске – «Всероссийский криминологический журнал». Первым из специализированных криминологических журналов в России стал издаваться Санкт-Петербургским международным криминологическим клубом научно-практический журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра», с марта 2001 г. за 18 лет выпущено 50 номеров.

«Всероссийский криминологический журнал» сегодня является одним из самых авторитетных изданий России в сфере проблем криминологии. Он издается Байкальским государственным университетом в Иркутске и является продолжателем лучших традиций ранее издававшихся «Сибир-

ского криминологического журнала» (с 2006 по 2007 год) и «Криминологического журнала Байкальского государственного университета экономики и права» (с 2007 по 2016 год).

В начале XXI века новым явлением в развитии отечественной криминологии стало появление научных социальных сетей уголовно-правовой и криминологической направленности, таких как Crimpravo.ru и др., объединяющих специалистов различных отраслей права, научных и практических работников, аспирантов и студентов – всех, кого интересуют вопросы преступления и наказания, криминализации и пенализации, борьбы с коррупцией, а также развития науки и совершенствования законодательства. Присоединяясь к подобным научным сетям, интересующиеся криминологией получают много возможностей для получения информации и общения.

Развитие современной криминологии характеризуется процессами интеграции (объединения знаний социологии, психологии, уголовного права, криминалистики) и дифференциации (выделения новых отраслей знаний). В качестве примера можно привести военную криминологию (криминомилитарологию), а также критическую, управленческую, региональную, педагогическую криминологию.

Преступность не стоит на месте. Она проявляет себя в новых качественных формах и видах (преступления в сфере информационных технологий, интернет-мошенничества, рейдерские захваты предприятий и организаций, совершенствуются способы легализации доходов, полученных преступным путем и др.). В такой ситуации развитие отечественной криминологической мысли представляется необходимым условием дальнейшего совершенствования всей системы предупреждения и противодействия преступности.

Например, в конце XX столетия в связи с глобальным распространением наркомании в России и принятием государственных мер по предупреждению наркотизации населения стало складываться самостоятельное научное направление – наркокриминология. Предмет наркокриминологии включает в себя изучение количественных и качественных характеристик наркопреступности, детерминирующих факторов наркомании и наркотизма, личности наркопреступника и лица, употребляющего наркотики, проблем предупреждения и противодействия незаконному обороту наркотиков на современном этапе.

Наркокриминология тесно связана с отраслями медицины (наркологией и токсикологией), девиантологией, юридической статистикой, социологией, педагогикой, психологией, уголовным и уголовно-исполнительным правом, криминалистикой и уголовным процессом, оперативно-розыск-

ным правом и административной деятельностью органов внутренних дел. К числу разработчиков данного научного направления следует отнести Л.В. Готчину, А.А. Майорова, А.Н. Сергеева, Л.И. Романову, М.Л. Прохорову, А.В. Федорова и др.

Специальная криминологическая теория возникает в результате развития отдельных научных направлений криминологии или на стыке криминологии и других наук. Так, изучение экономических детерминант преступности привело к появлению экономической криминологии, женской преступности – гендерной криминологии, преступности в различных государствах – сравнительной криминологии.

В начале XXI века первыми в своем роде были проекты создания международных центров изучения преступности и коррупции для решения проблем, связанных с международной преступностью, которые обеспечивали бы международное многостороннее сотрудничество по нескольким основным научным направлениям криминологии. По договору между американским университетом в Вашингтоне (США) и Саратовской государственной академией права (Саратов, Россия) как один из центров системы TraCCC (Terrorism, Transnational Crime and Corruption Center (TraCCC) School of Public Policy, George Mason University) в 2003 г. был образован Саратовский центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Кроме Саратовского центра под руководством д.ю.н., проф. Лопашенко Н.А., функционировали центры во Владивостоке (под руководством д.ю.н., проф. Номоконова В.А., на базе Дальневосточного федерального университета), в Иркутске, в г. Челябинске (Южно-Уральский государственный университет), в Вашингтоне (США), в Тбилиси (Грузия).

Центры осуществляли свою деятельность по следующим основным тематическим направлениям: состояние, особенности и тенденции развития организованной и коррупционной преступности в России и за рубежом; организованные виды экологической преступности и особенности их регионального проявления; теневое право и криминальное правосудие; организованная преступность в сфере авторских и смежных прав; теневая экономика и ее связь с организованной преступностью и коррупцией; лоббирование и использование избирательных технологий как средства вхождения во власть организованной преступности.

Основными формами деятельности центров являлись: изучение региональных аспектов организованной и коррупционной преступности (малые гранты для научных и практических работников, студенческие гранты, гранты по созданию специализированных учебных курсов); организация и проведение конференций, семинаров и круглых столов по

проблемам противодействия организованной преступности и коррупции; мониторинг региональной прессы по проблемам состояния и противодействия преступности; организация и проведение летних школ для молодых преподавателей дисциплин криминального цикла; изучение, обобщение социологических, статистических и иных данных о различных видах организованной преступности и коррупции, сбор и распространение материалов и информации о законодательстве, состоянии и проблемах борьбы с организованной преступностью и коррупцией в России, США и других зарубежных государствах; проведение собственных криминолого-социологических исследований, с публикацией их результатов.

О.В. Старков отмечал, что сейчас «наблюдается переориентация с центрального понятия «причинность», «детерминизм» к теории управления преступностью, воздействия, реагирования на нее. Характерно также создание прикладной криминологии, занимающейся прогнозированием преступности, программированием ее в отдельных регионах и в масштабе всей страны, разработкой индивидуальных и типовых программ по юридической, социальной, психологической и криминологической защите организаций, предприятий от преступлений различных типов, исследованием различных сторон безопасности бизнеса, предпринимателей и другими проблемами».

Исследование В.В. Лунеева «Преступность XX века. Мировой криминологический анализ», изданное в 1997 г. и переизданное в 2005 г., было удостоено Государственной премии России. Углубленное изучение криминологии помогает в подготовке высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел и других правоохранительных структур. Качественной подготовке специалистов в области правоохранительной деятельности и обеспечения национальной безопасности, по нашему мнению, будет способствовать изучение курсантами и слушателями специальных учебных курсов: «Виктимологическая профилактика», «Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел», «Криминальная субкультура и ее предупреждение», «Профилактика преступности несовершеннолетних и молодежи», «Противодействие терроризму и экстремизму», «Профилактика преступлений коррупционной направленности» и др.

Вопросы для самоконтроля:

1. Основные этапы развития российской криминологии.
2. Развитие отечественной криминологии в дореволюционный период.
3. Причины сокращения научных криминологических исследований в 30-40 годы XX в.
4. Возрождение отечественной криминологии в 60-70 годы XX века.
5. Тенденции российской криминологии на современном этапе.

Литература:

Антонян Ю.М. Криминология: учебник. – 3-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 388 с.

Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. – 3-е издание. – СПб: Алеф-Пресс, 2014. – 574 с.

Криминология. Общая часть: учебник / под общ. ред. О.С. Капинус. - М.: Юрайт, 2016. - 303 с.

Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. - М.: Норма, 2010. - 800 с.

Клейменов М.П. Криминология: учебник. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. - 400 с.

Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. - М.: Юрайт, 2011. – 1003 с.

Старков О.В. Криминология: Общая, Особенная и Специальные части: учебник. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. - 1048 с.

Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э. Отечественная криминология: история, современное состояние, перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 4 (14). – С. 47 – 51.

Глава III
ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

§ 1. Эволюция преступности

Преступность существовала в разные исторические эпохи, была присуща всем формациям, но при этом на каждом этапе существенно отличалась своими качественными и количественными характеристиками. Многочисленные исследования антропологов, историков, этнологов доказывают существование преступности в первобытном обществе. Отсутствие письменности не отрицает наличия многочисленных запретов, нарушение которых влекло за собой назначение наказания (от имущественных санкций до изгнания из племени и лишения жизни). Преступность в первобытный период отличалась тем, что не редко носила сакральный характер. Помимо этого совершались преступления общеуголовной направленности (кражи, грабежи, разбои, изнасилования, убийства и др.)[1].

С возникновением государства появляется необходимость в развитии правовых норм. Для античного периода характерно совершение преступлений против государства и религии (оскорбление государственных деятелей, нарушение порядка управления, взяточничество, казнокрадство, надругательство над религиозными святынями). Нередко совершались преступления против собственности, жизни и здоровья людей. Из наказаний были широко распространены конфискация имущества и денежные штрафы.

Период Средневековья отличает жестокость наказаний, применяемых к преступникам, а также господство религиозных взглядов по отношению к преступности и мерам борьбы с ней. Первоначальное накопление капитала и массовое разорение крестьян привело к появлению ответственности за бродяжничество и попрошайничество. Слуги, сбежавшие от своего хозяина, подвергались порке, обращению в рабство, клеймению, телесным наказаниям и т.п.

Данному этапу человеческого развития присуща строгая ответственность за богохульство, религиозное кощунство, святотатство, колдовство, ересь. Расследованием таких преступлений занимался специально созданный судебный орган – инквизиция. По подсчетам специалистов, число жертв только испанской инквизиции за несколько веков составило 300 тыс. человек, из которых 30 тыс. были сожжены на костре.

К преступлениям против личности и общественной нравственности относились: изнасилование, мужеложство, скотоложство, инцест, много-

[1] Антонян Ю.М. Наука криминология: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 101-108.

женство, прелюбодеяние, блуд. В числе имущественных преступлений следует выделить: кражи, грабежи, поджоги, уничтожение (повреждение) чужой собственности. В Средневековье появляются разнообразные виды казни: гильотирование, повешение, четвертование, сожжение, колесование. Увеличилось количество телесных наказаний (отрубание конечностей, пытки раскаленным железом, удары плетьми), получило распространение тюремное заключение[1].

В период Нового времени различались умышленные, неосторожные, а также случайные деяния. При этом ответственность наступала только в первых двух случаях. В законодательстве закрепляется понятие невменяемости. Совершение преступления в состоянии опьянения усиливало ответственность. Значительную часть составляли государственные, воинские, должностные, религиозные преступления. Тяжелое положение крестьян неизбежно стимулировало рост преступности. Беглые крестьяне объединялись в преступные группы и сообщества. В последующем недовольство политическим, экономическим, идеологическим устройством приводит к появлению экстремистских групп (организаций), совершению террористических актов против государственных деятелей.

В конце XIX столетия в тюрьмах и ссылке, преимущественно на каторге, сформировалась иерархия (стратификация) осужденных. Ее составляли «иваны», «храпы», «игроки», «баламуты», «асмадеи», «сухарники», «шпанка» и др.[2] В местах лишения свободы складывались свои обычаи и традиции, которые впоследствии прижились в преступных сообществах. Криминальная субкультура постепенно проникала и в широкие социальные слои населения.

Первая мировая война (1914-1918 гг.), революция 1917 года, гражданская война в России (1917-1923 гг.) кардинальным образом сказались на состоянии, динамике, структуре и характере преступности. Резко увеличилось число беспризорных детей и подростков. По данным Большой советской энциклопедии (БЭС), их численность в 1921 году достигла 6 млн человек. Государственное переустройство, нищета, голод, в первую очередь, отразились на увеличении корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

Эпоха тоталитаризма, политических репрессий, Вторая мировая война (1939-1945 гг.) способствовали появлению новых криминальных «профессий», вооруженности преступных групп, их организованности. Хрущевская «оттепель» и сопутствующие ей реформы дали толчок разрастанию «теневого» сектора в экономике и, соответственно, преступлениям экономической

[1] Антонян Ю.М., Звизжова О.Ю. Преступность в истории человечества: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 54-136.
[2] Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990. С. 75.

направленности. В 60-80 годы XX столетия происходил процесс сращивания цеховиков (теневых дельцов), фармазонщиков (мошенников), валютчиков, уголовных авторитетов и коррумпированных должностных лиц.

Государственную перестройку середины 80-х – начала 90-х годов прошлого столетия преступный мир использовал исключительно в своих корыстных целях. Бандиты не остались в стороне от освоения нового экономического пространства, а предложили свои услуги индивидуальным предпринимателям (обеспечение личной безопасности, снижение рыночных рисков, развитие «договорных отношений»).

Девяностые годы XX века запомнились борьбой преступных группировок за сферы (секторы) влияния. В результате «бандитских войн» одни представители криминала постарались легализоваться, получив свою долю в бизнесе, другие продолжили преступную деятельность, третьи были нейтрализованы[1]. При этом часть организованных преступных групп создала видимость легальной экономической деятельности, а основной доход, как и раньше, получала за счет осуществления незаконных финансовых операций, торговли наркотиками и оружием, организации проституции и азартных игр.

В XXI столетии российская организованная преступность прочно закрепилась в секторе экономики. Процессы глобализации повлияли на разрастание транснациональной преступности. По экспертным оценкам, организованная преступность продолжит быстрыми темпами развиваться в странах, богатых природными ресурсами.

Организованные преступные группы (сообщества), являясь участниками рыночных отношений, через свои легальные коммерческие структуры совершают хищения в особо крупных размерах, проводят незаконные банковские операции, занимаются отмыванием денежных средств, полученных преступных путем, совершенствуют криминальное мастерство в различных отраслях экономики и кредитно-финансовой сфере.

Использование преступностью научных достижений, нано и биотехнологий, повышение организованности и профессионализма в криминальной среде требуют инновационных подходов, нацеленных на опережение преступной активности, а также криминологических знаний, которые основывались бы на современных достижениях научно-технического и информационного прогресса[2].

В современном многополярном мире одной из сложнейших проблем остается международный терроризм. По прогнозам специалистов ожида-

[1] Шалагин А.Е., Шляхтин Е.П. Проблемы предупреждения и противодействия организованной преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 88-89.
[2] Овчинский В.С., Чеботарева С.О. Матрица преступности. М.: Норма, 2008. С. 13.

ется сращивание террористических групп с представителями транснациональной организованной преступности. В будущем получат распространение гибридные войны[1], кибервойны[2], террористические и мафиозные структуры предпримут попытки захвата оружия массового поражения.

§ 2. Криминологическое значение показателей преступности

Преступность – давний спутник человечества. Можно утверждать, что преступность в широком понимании этого слова существовала всегда. С момента появления обычаев и традиций в человеческом обществе возникло отклоняющееся негативное поведение, нарушающее установленные правила (нормы).

Преступность – сложное социально-правовое явление, в силу чего она изучается различными науками, исследующими ее отдельные стороны и составляющие элементы. Так, уголовное право дает представление о преступлении как уголовно наказуемом деянии; уголовно-процессуальное право рассматривает порядок, процедуру расследования преступлений; криминалистика – методы получения доказательств, раскрытия преступлений; судебная медицина и психиатрия – влияние физического и психического состояния лица на совершение им преступления; социология – место и роль преступности в обществе, его отдельных структурных элементах.

Однако только криминология охватывает проблему преступности в целом. Данная наука изучает преступность как объективно существующее в обществе негативное явление, связанное с другими социальными явлениями, имеющее свои закономерности, требующее специфических форм и методов предупреждения. Именно поэтому понятие преступности служит исходным положением для криминологической науки. Будучи стержневым элементом предмета криминологии, понятие преступности всегда определяло объем и границы научного поиска в сложном криминологическом комплексе многообразных явлений и процессов социальной жизни.

Криминология призвана изучать главным образом преступность в различных ее проявлениях: индивидуальное преступное поведение; отдельные виды преступности, выделяемые по различным основаниям (экономическая, государственная, несовершеннолетних, женщин и т.д.); преступность в регионе, государстве, мировая преступность, преступность на различных этапах развития общества и права.

[1] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. М.: Книжный мир, 2015. С. 182-190.
[2] Ларина Е.С., Овчинский В.С. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден. М.: Книжный мир, 2014. С. 14-20.

Изучение преступности – это исследование ее закономерностей, проявляемых, прежде всего, в качественных и количественных показателях преступности. Невозможно описание, объяснение и предсказание развития преступности без обращения к ее показателям. Так, показатели преступности – информативная основа, фундамент криминологических исследований, в этом их значение.

Известны работы по криминологическому изучению преступности (вида или отдельного преступления), в которых, несмотря на название, не проводится необходимого измерения количественных и качественных показателей. Положение обостряется тем, что такое отношение передается следующему поколению. Курсанты, слушатели и студенты, обучаемые по таким источникам литературы, освобождаются от необходимости разбираться в специальных терминах. Так распространяется представление об общетеоретическом, чисто гуманитарном содержании криминологии. Между тем это наука, имеющая в своем арсенале строгий понятийный аппарат, жесткую структурированность, внутреннюю логику, точные статистический и математический методы исследования[1]. Безусловно, профессионально-правовая и общенаучная подготовка обучающихся вузов МВД России в современных условиях требует оснащенности научной терминологией и достоверными методами познания.

Хотя междисциплинарный характер криминологии предоставляет широкие возможности для изучения дополнительных вопросов и источников, в ней при этом имеется основа, отличающая ее от других смежных областей знания. Ключевой ее частью являются вопросы о показателях преступности. Как в уголовном праве никуда без признаков состава преступления, так и в криминологии без понимания количественных и качественных характеристик преступности нельзя освоить ни учебную дисциплину, ни, тем более, криминологическую науку.

§ 3. Понятие и признаки преступности

Традиционно под преступностью в криминологии понимается социальное исторически изменчивое, массовое, уголовно-правовое, системное явление общества, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно-правовых деяний и лиц, их совершивших, на определенной территории за определенный период времени.

Понятие «преступность» является собирательным[2], оно складывается из ряда признаков, объективно присущих данному явлению.

[1] См.: Артюшина О.В. Показатели преступности как основа криминологической характеристики (на примере насильственной преступности) // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 2(5). С. 121, 125.

[2] Сафиуллин Н.Х., Демидов В.Н. Социально-правовая сущность и качественно-количественные характеристики преступности: лекция. Казань, 1998. С. 5.

1. Преступность является продуктом общества, пронизывает различные его сферы и общественные отношения. С этой точки зрения она – явление *социальное* (в широком значении слова «социальный» (общество-социум)[1]. Так, по отношению к преступности наибольшей системой является общество. При этом преступность рассматривается как часть менее общей по отношению к нему системы социальных девиаций (отклонений) и еще более узкой системы негативных социальных явлений. Так, преступность – явление, существующее в обществе и органически связанное с ним.

2. Согласно этой схеме преступность выступает как *социально-опасное* явление. Она традиционно разрушает, подрывает основные институты общества, наносит ему вред, исчисляемый в миллионах долларов.

3. Важно помнить, что преступность – не инородное тело в организме общества, а *результат его исторического и культурного развития*, специфической деформации существующих в нем отношений, их перерождения. Конкретный этап развития общества обусловливает криминализацию деяний – появление новых преступлений и видов преступности (как, например, компьютерная преступность) и их декриминализацию – исключение из числа уголовно-наказуемых (например, тунеядство, спекуляция). Это непрерывные процессы. Так, за время существования четырех уголовных кодексов (1922, 1926, 1960, 1996 гг.) было криминализовано более 300 новых видов и декриминализовано около 100[2]. Так, социальный характер преступности обусловлен тем, что преступность существует в обществе и им же порождается.

4. Преступность – не просто социальное, но и социально-*психологическое* явление, поскольку она не существует вне людей и их поведения, их деятельности. Она отражает не просто массовое поведение, а только поведение виновное – осознанное, волевое в условиях свободного выбора (не охватывая, например, случаи казуса, случайного причинения вреда, рефлекторных действий, вынужденных актов в связи с непреодолимым принуждением, крайней необходимостью и пр.). В частности, в уголовном праве вина определяется как психическое отношение лица к совершаемому действию или бездействию, включающее в себя интеллектуальный (осознание виновным общественной опасности совершаемого деяния и предвидение возможности наступления в результате этих действий общественно опасных последствий) и волевой моменты (отношение виновного к наступившему преступному результату).

5. Преступность является также *правовым* явлением, поскольку ее составная часть – единичное преступление, согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ, характеризуется уголовной противоправностью и наказуемостью.

[1] См.: Долгова А.И. Криминология. М.: Норма, ИНФРА-М, 2002. С. 59-61.

[2] Лунеев В.В. Эфективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России // Государство и право. 2003. № 7. С. 108.

6. Часто понятие «преступность» употребляется в качестве множества преступлений, как их статистическая совокупность. Однако это не совсем верно. Преступность не только структурное, но системно-структурное явление. В ее общей массе выделяются различные ее виды (региональная, женская, корыстная, латентная и т.д.), которые закономерно влияют друг на друга, объективно находятся между собой в определенном соотношении, обеспечивая наличие у преступности особых свойств, закономерностей, не свойственных одному преступлению. Таким образом, преступность благодаря своему системному качеству перерождается в качественно новый объект.

7. Поскольку преступность – это, как уже было отмечено, социальная система, то она обладает характеристиками именно такой системы – открытость и самодетерминация.

Открытость означает, что преступность адаптируется к условиям среды, под влиянием внешнего воздействия она реагирует, претерпевает изменения (ухудшение экономической ситуации, снижение уровня жизни в государстве приводит к росту общеуголовной корыстной и корыстно-насильственной преступности, развитие капитализма, товарно-денежных отношений – к росту преступлений в сфере экономической деятельности).

Самодетерминация преступности выражается в том, что она способна саму себя обусловливать, порождать подобно заведенному механизму, работающему по инерции. Так, состояние преступности несовершеннолетних подпитывает будущее состояние преступности взрослых лиц криминально активного возраста, обеспечивает надежный резерв для рецидивной преступности.

Криминологическая сущность преступности не может быть понята и без уяснения соотношения понятий «преступление» и «преступность». Если понятие преступности является криминологическим, то понятие преступления – уголовно-правовым. Преступление как юридическое понятие характеризуется такими признаками, как общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость[1]. А преступность как массовое антисоциальное явление определяется совокупностью всех совершенных и зарегистрированных преступлений на определенной территории за конкретный период и характеризуется определенным состоянием, уровнем, структурой, характером и другими показателями.

§ 4. Количественные показатели преступности

В криминологической науке под характеристикой преступности или вида преступности понимается научное описание значимых явлений,

[1] См.: Лысов М.Д. Конкретные преступления и преступность: в учебнике Уголовное право России. Общая часть / под ред. д-ра юрид. наук, профессора Ф.Р. Сундурова. Казань: Изд-во Казанск.ун-та, 2003. С. 118.

процессов, их особенных черт в целях раскрытия закономерностей и выработки соответствующих рекомендаций. При этом особое значение приобретает анализ статистических данных о совершенных преступлениях, выражаемый в количественных и качественных единицах и придающий исследованиям информационную насыщенность, фундаментальный характер. В противном случае работы оказываются лишенными необходимой основы, обусловленной использованием научной терминологии, статистического и математического способов изучения преступности, становятся псевдонаучными.

Результаты измерения преступности, одной из главных исследовательских задач, по мнению Я.И. Гилинского, проявляются в показателях[1], которые в теории принято группировать следующим образом:

1) количественные: состояние и уровень (коэффициент преступности и индекс преступной активности);

2) качественные: структура, удельный вес, характер, география, уровень латентности и социальные последствия;

3) качественно-количественный показатель – динамика, отражающая изменение во времени количественных или качественных характеристик преступности (состояния, уровня, структуры и т.д.)[2].

Состояние преступности в Российской Федерации определяется общим количеством зарегистрированных преступлений либо числом лиц, их совершивших на территории государства за календарный год. При этом следует иметь в виду, что число преступлений не совпадает с числом лиц, их совершивших, так как одно преступление может быть совершено группой лиц и наоборот – одно лицо зачастую совершает несколько преступлений.

Так, по данным МВД России, в 2017 году было зарегистрировано 2 058,476 тыс. преступлений. При этом за исследуемый период было выявлено – 967,103 тыс. лиц, совершивших преступление[3].

Оценка распространенности преступности предполагает не только выяснение абсолютного числа преступлений и лиц, выявленных за их совершение, но и сопоставление имеющихся данных с показателями численности населения. Это достигается путем определения интенсивности – *уровня преступности*, который может быть выражен в коэффициенте преступности (общем уровне) и индексе преступной активности (интенсивности преступности).

[1] Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007. С. 199.

[2] Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Аванесова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 204.

[3] См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года.: ГИАЦ МВД России. URL: https:// мвд.рф. «Состояние преступности» декабрь 2017 года.

При этом расчет производится по следующим формулам.

1. Коэффициент преступности (К):

$$K = \frac{n \times 10^5}{N},$$

где n – количество совершенных (зарегистрированных) преступлений на определенной территории за определенный период;

N – численность населения, достигшего возраста наступления уголовной ответственности, проживающего на территории, для которой рассчитывается коэффициент;

10^5 – единая расчетная база.

Например, общий уровень преступности на 100 тыс. человек населения в 2017 году составил 1402,2 преступления. В 2016 году этот показатель был равен 1476,8.

2. Индекс преступной активности (I):

$$I = \frac{m \times 10^5}{N},$$

где m – число лиц, совершивших преступления за определенный период на определенной территории;

N – численность активного населения (14-60 лет), проживающего на территории, для которой рассчитывается индекс;

10^5 – единая расчетная база.

Можно согласиться с тем, что учет всего количества населения нельзя считать вполне корректным, так как в этом случае общий показатель уровня преступности нивелируется за счет лиц, не достигших возраста уголовной ответственности (14 лет), а также лиц в возрасте старше 60 лет, которые, как известно, не характеризуются криминальной активностью. Поэтому эти категории лиц исключаются из расчетных данных интенсивности преступности.

В официальных статистических данных МВД России индекс криминальной активности обычно не отражается. При необходимости его можно рассчитать по формуле, имея данные о числе лиц в возрасте от 14 лет до 60 лет, проживавших в России за исследуемый период времени.

§ 5. Качественные показатели преступности

К качественным показателям преступности традиционно относят структуру, удельный вес, характер, географию, латентность и социальные последствия преступности.

Структура преступности – важнейший показатель, иллюстрирующий внутреннее содержание преступности. Она определяется отношением различных видов и групп преступлений к общему числу совершенных преступлений.

При этом выделяемые структурные доли могут быть выделены по разным уголовно-правовым или криминологическим основаниям: по мотивационной направленности – корыстная, сексуальная, политическая и т.п. преступность; по социально-групповому составу участников – женская преступность, преступность несовершеннолетних и т.д.; по степени организованности и другим признакам, определяемым с учетом ее внешних и внутренних характеристик – организованная преступность, рецидивная преступность и т.д. Так, анализируя структуру преступности, определяют в процентах соотношение преступлений особо тяжких, тяжких, средней и небольшой тяжести; умышленных и неосторожных, удельный вес беловоротничковой, профессиональной и т.п.

Например, структуру преступности в России за 2017 год по видам преступлений можно охарактеризовать следующим образом: половину всех зарегистрированных преступлений (52,3%) составили хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 788,5 тыс. (38,3%), мошенничества – 222,8 тыс. (10,8%), грабежа – 56,9 тыс. и разбоя – 9,1 тыс. (вместе 3,2%). При этом каждая четвертая кража (27,7%), каждый двадцать второй грабеж (4,5%) и каждое десятое разбойное нападение (10,3%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. Каждое тридцать третье (3,0%) зарегистрированное преступление – квартирная кража[1]. Хулиганство составило 0,1%, присвоение либо растрата – 0,8%, а убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и изнасилование вместе составили 1,8%.

Схематично эти статистические данные можно выразить в виде круговой диаграммы следующим образом.

[1] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года.: ГИАЦ МВД России. URL: https:// мвд.рф «Состояние преступности» декабрь 2017 года.

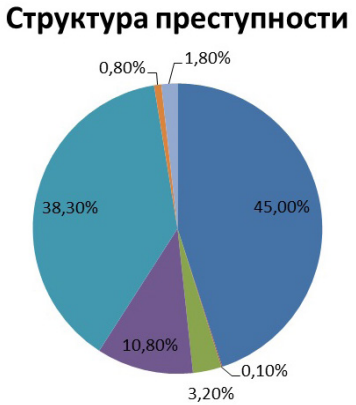

Рисунок 1 – Структура преступности в России за январь-декабрь 2017

На рис. 1 видно, что тот или иной ее вид имеет определенную долю и выражается в процентах (%). Такой показатель принято называть – *удельный вес* (С).

Для его определения (С) используется следующая формула:

$$C = \frac{u}{U} \times 100\%,$$

где u – показатель состояния (объема) отдельного типа, рода, вида или разновидности преступности;

U – показатель состояния (объема) всей преступности на той же территории за тот же период времени.

Например, в январе – декабре 2017 года в России было зарегистрировано 1871 преступление террористического характера и 1521 преступление экстремистской направленности[1]. Можно рассчитать, что их удельный вес составил 0,09% и 0,07% соответственно.

Характер преступности – это оценочный показатель преступности, он определяет степень ее общественной опасности, исходя из совокупности в общем объеме преступности особо тяжких и тяжких преступлений (в ряде случаев – вооруженных и иных особо опасных преступлений), а также лиц, их совершивших.

При этом удельный вес тяжкой преступности (D) рассчитывается по той же формуле, что и удельный вес:

$$D = \frac{u}{U} \times 100\%,$$

[1] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года.: ГИАЦ МВД России. URL: https:// мвд.рф «Состояние преступности› декабрь 2017 года.

где u – показатель объема тяжкой преступности;

U – показатель объема всей преступности.

Например, характер преступности в современной России относительно стабилен. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных за 2017 год остался на уровне аналогичного периода прошлого года и составил 21,2%[1]. При этом количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с прошлым годом увеличилось на 3,3% и составило 28,9 тыс., а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств уменьшилось на 7,7% (1,3 тыс. фактов). Кроме этого было выявлено 208,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,7% больше, чем в 2016 году. На 8,5% увеличилось число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, также увеличился их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, – с 49,2% до 51,5%. Каждое второе (58,2%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое третье (33,8%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двадцать пятое (4,1%) – несовершеннолетними или при их соучастии.

Организованными группами или преступными сообществами совершено 12,9 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий вырос с 5,0% в январе – декабре 2016 года до 5,8%.

Высокую практическую значимость имеет такой показатель преступности, как ее распределение по различным регионам страны, так называемая *география преступности.* Территориальные различия в объеме, интенсивности, структуре, динамике, характере преступности тесно связаны с уровнем социально-экономического развития отдельных регионов страны, с национальными традициями, обычаями, уровнем культурно-воспитательной работы, организацией быта и досуга населения, качеством правоохранительной деятельности, с другими факторами. Эти различия учитываются при определении задач общества по противодействию преступности, наиболее важных направлений предупредительной работы.

Так, в России за январь – декабрь 2017 года значительная часть преступлений (41,6%) была зарегистрирована в республиканских, краевых и областных центрах – всего 857,1 тыс., пятая часть (21,5%) – в сельской

[1] См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года.: ГИАЦ МВД России. URL: https:// мвд.рф «Состояние преступности› декабрь 2017 года.

местности, где зарегистрировано 443,2 тыс. преступлений, что на 5,7% меньше, чем за январь – декабрь 2016 года[1].

В частности, география преступлений с использованием оружия выглядит следующим образом. Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в Свердловской области (231), Краснодарском крае (201), г. Москве (200), Республике Дагестан (192), Московской области (174)[2].

Однако география преступности не ограничивается только пределами регионов и государства в целом. Изучается также мировая преступность. Так, В.В. Лунеев, исследуя основные показатели преступности в странах, образованных на территории бывшего СССР, отмечает, что в рассматриваемых странах иерархия по уровню преступности не изменилась после обретения ими независимости: на первом месте находится Эстония, потом – Латвия и Россия, а на последнем – Азербайджан. Он отмечает, что, несмотря на радикальные (а в ряде случаев и разрушительные) политические, социально-экономические, правовые, а в некоторых странах и территориальные изменения, включая кровопролитные конфликты и войны), преступность, увеличившись во много раз в первые годы преобразований, стала снижаться, сохранив иерархию между странами по близкому к объективности показателю – коэффициенту преступности на 100 тыс. населения. Более того, этот показатель по сравнению с аналогичными данными развитых европейских стран остался в 3-10 раз ниже. А в странах постсоветского пространства, которые в политическом, экономическом, социальном и правовом отношении остались более продвинутыми в направлении демократических и рыночных преобразований, как в советское время, так и после радикальных перетрясок, регистрируются наиболее высокие показатели преступности, чем в странах менее развитых и продвинутых. Привычное объяснение высокого уровня учтенной преступности только неблагоприятными условиями жизни в данном случае неприменимо. При многочисленных блужданиях и трудностях переходного периода к демократии, от распределительной системы – к рыночной, от политической зависимости – к суверенности, которые в той или иной мере свойственны всем странам, прибалтийские государства находятся все-таки в более благоприятном политическом, социально-экономическом и военном положении, чем страны Закавказья и Средней Азии, где реформирование идет противоречиво и чрезвычайно затруднено вооруженной борьбой за власть различных политических группировок и незатухающими межнациональ-

[1] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года.: ГИАЦ МВД России. URL: https:// мвд.рф «Состояние преступности› декабрь 2017 года.
[2] Там же.

ными войнами. Их экономическая и социальная сфера находится в стадии полного развала, тогда как регистрируемая преступность в них многократно ниже, чем в Прибалтике. Очевидно, что заметную антикриминогенную роль играют жесткость и тотальность социально-правового контроля за поведением людей, сплоченность нации вокруг общей цели (может быть ложной, но реально воспринимаемой основной частью населения), историческая память жизни прежних поколений. Общество потребления, живущее одним днем, сиюминутной перспективой и озабоченное всецельно одним заработком, общество со слабым социально-правовым контролем обречено на высокую и интенсивно растущую преступность[1].

В настоящее время оценка состояния преступности производится в основном по статистическим данным. При существующей системе учета такие сведения не могут быть в полной мере достоверными. Поэтому в литературе достоверность уголовной статистики, равно как и надежность других криминологически значимых источников, рассматриваются как научная проблема[2].

Всестороннее и глубокое изучение преступности не может осуществляться без учета ее последствий. Особенно это важно при разработке мер предупреждения преступлений, ограничения, минимизации вреда от их совершения. Своеобразная «цена» преступности отражается в таком ее показателе, как *социальные последствия*. Такие последствия могут проявляться в самых разных сферах жизнедеятельности общества: экономической, духовной и т.п.

При этом имущественный (материальный) ущерб исчисляется в денежном выражении. Ущерб от насильственных посягательств – количеством случаев смерти, инвалидности; числом рабочих дней, потерянных в связи с утратой трудоспособности потерпевших; размерами расходов на лечение и выплат денег по листкам нетрудоспособности и т.п.

Например, за январь – декабрь 2017 года в России материальный ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составляет 408,5 млрд руб., что на 27,4% меньше аналогичного показателя прошлого года. Более половины ущерба (57,2%) приходится на преступления, зарегистрированные в центрах субъектов Российской Федерации. За год в результате преступных посягательств погибло 29,3 тыс. человек, причинен тяжкий вред здоровью 50,9 тыс. человек. При этом в сельской местности – 37,8% погибших (11,1 тыс. чел.) и 29,5% лиц, здоровью которых причинен тяжкий вред (15,0 тыс. чел.)[3].

[1] Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 276-279.
[2] См.: Скоморохов Р.Д., Шиханов В.Н. Уголовная статистика: обеспечение достоверности. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 1-11; Лунеев В.В. Указ. соч. С. 280-315.
[3] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2017 года.: ГИАЦ МВД России. URL: https:// мвд.рф «Состояние преступности› декабрь 2017 года.

Динамику преступности относят к количественно-качественному показателю преступности. *Динамика преступности* – это изменение преступности во времени: рост или сокращение числа совершенных преступлений или лиц, их совершивших за определенный период (по месяцам, кварталам, полугодиям, годам, пяти-, десятилетиям), изменение ее структуры и других показателей за определенный период времени на определенной территории.

Среди всех показателей преступности динамика занимает особое положение. Если исследуется изменение во времени состояния или уровня преступности, динамика выражает себя как количественный показатель. В случае определения динамики структуры преступности, удельного веса в ней какого-либо вида преступления, а также характера, географии, уровня латентности и социальных последствий этот показатель становится качественным.

Динамика преступности определяется путем расчета таких ее характеристик, как абсолютный рост (снижение), темпы ее роста и прироста. Ниже приводятся формулы их вычисления, где U – показатель объема (уровня) преступности, а U1 – предшествующее значение того же показателя.

а) Абсолютный рост (снижение) преступности (А):

$$A = U - U1$$

Например, динамика состояния и уровня преступности в России за последние пять лет может быть выражена следующим образом.

Таблица 1. Динамика состояния и уровня преступности в России за 2013-2017 годы [1]

Годы	***2013***	***2014***	***2015***	***2016***	***2017***
Состояние	2 206,2 тыс.	2 166,4 тыс.	2 388,5 тыс.	2 160,1 тыс.	2 058,5 тыс.
Абсолютный рост (снижение) состояния (А)	-	снижение на 39,8 тыс	рост на 222,1 тыс.	снижение на 228,4 тыс.	снижение на 101,6 тыс.
Уровень (коэффициент) преступности на 100 тыс. населения	1 539,1	1 507,9	1 633,0	1 476,8	1 402,2
Абсолютный рост (снижение) уровня (А)	-	снижение на 31,2	рост на 125,1	снижение на 156,2	снижение на 74,6

[1] Там же.

б) Темп роста (снижения) преступности (Тр):

$$Тр = \frac{U}{U1} \times 100\%$$

Темпы роста преступности рассчитываются на основе использования базисных показателей динамики, когда данные ряда лет сопоставляются с постоянным базисом – уровнем преступности в начальном для анализа периоде. Это позволяет в большей мере обеспечить сопоставимость относительных показателей (%), которые показывают, как соотносится преступность последующих периодов с предыдущим. При этом за 100% принимаются данные исходного года, а все последующие годы отражают только процент прироста. Оперирование относительными данными снимает вопрос об обусловленности снижения или роста преступности увеличением или снижением численности жителей, достигших возраста уголовной ответственности.

в) Темп прироста преступности (Тпр):

$$Тпр = Тр - 100\%.$$

Темп прироста преступности выражается в процентах и показывает, насколько увеличился или уменьшился последующий уровень преступности по сравнению с предыдущим периодом. При увеличении процент, отражающий темп прироста, обозначается знаком « + », при снижении – знаком « – ». Например, в 2017 году темп прироста преступности в России составил -4,7%. При этом в общественных местах зарегистрировано 738,0 тыс. преступлений (-6,6%). На улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано 466,4 тыс. (-6,9%) преступлений, в том числе: 27,2 тыс. (-13,7%) грабежей, 176,6 тыс. (-7,1%) краж, 3,2 тыс. (-14,0%) разбойных нападений. На дорогах и трассах вне населенных пунктов совершено 93 разбойных нападения (-32,6%), 197 грабежей (-13,6%), выявлено 109 фактов незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его основных частей, боеприпасов (-9,2%)[1].

Вопросы для самоконтроля:

1. Раскройте понятие преступности.
2. Сформулируйте основные признаки преступности.
3. Покажите роль и значение показателей преступности.

[1] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года.: ГИАЦ МВД России. URL: https:// мвд.рф. «Состояние преступности› декабрь 2017 года.

4. Раскройте основные количественные показатели преступности.
5. Назовите качественные показатели преступности.
6. Что такое динамика преступности?

Литература:

Антонян Ю.М. О предмете криминологии // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Юриспруденция. – 2016. – № 2. – С. 63-69.

Антонян Ю.М. Значение криминологии // Вестник Московского государственного областного университета. – Серия: Юриспруденция. – 2016. – № 4. – С. 63-71.

Антонян Ю.М. Наука криминология: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015.

Артюшина О.В. Показатели преступности как основа криминологической характеристики (на примере насильственной преступности) // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – № 2(5). – С. 121-125.

Криминология: учебник / сост. Ю.С. Жариков, В.П. Ревин, В.Д. Малков, В.В. Ревина. – М.: Юрайт, 2017. – Т.1. – 242 с.

Ларина Е.С., Овчинский В.С. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. – М.: Книжный мир, 2015. – 430 с.

Шалагин А.Е. Преступность как объект криминологических исследований // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 3(25). – С. 66-71.

Глава IV
ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ ОЦЕНКИ

§ 1. Понятие и виды латентной преступности

Латентность представляет собой явление, характеризующее часть преступности, не нашедшей отражение в официальной статистике. Иначе латентную преступность обозначают как неучтенную, скрытую. Рассматривать характеристики всей преступности без учета ее латентных свойств и, соответственно, без учета латентных показателей, невозможно. Снижение регистрируемой преступности, как в целом, так и по отдельным категориям преступлений, не всегда свидетельствует о реальном уменьшении числа совершаемых деяний.

В ряде случаев снижение показателей преступности обусловлено увеличением числа латентных преступлений, т.е. тех, которые по тем или иным причинам остались за пределами официальной отчетности. Вместе с тем рост показателей преступности отнюдь не свидетельствует о том, что снизилось число скрытых (латентных) преступлений, так как рост преступности в целом может идти параллельно с увеличением числа неучтенных преступлений. Таким образом, латентная преступность представляет собой комплексное негативное криминологическое явление, нуждающееся во всестороннем исследовании и постоянной минимизации (предупреждении).

Латентная преступность, являясь частью всей преступности, с характеристиками, присущими преступности в целом, вместе с тем представляет собой самостоятельное криминологическое явление, обладающие собственными признаками и мерами сдерживания.

Латентная часть преступности впервые стала предметом исследований таких ученых, как Ф. Захаревич[1], А. Кетле[2]. С XX века резко повысился научный интерес к изучению латентной преступности, которую стали сравнивать с айсбергом, у которого лишь малая часть на поверхности, а остальное скрыто. В наше время исследованию латентной преступности посвящены труды таких авторов, как Босхолов С.Б., Иншаков С.М., Лунеев В.В., Сазонова Н.В., Смирнов А.М., Шляпочников А.С. и многих других. В криминологической науке изучение латентной преступности оформилось в самостоятельное направление и включает в себя рассмотрение вопросов, связанных с характеристикой данного явления, его оценкой, анализом факторов развития и минимизации.

[1] Захаревич Ф. Опыт юридической статистики // Журнал Министерства внутренних дел. 1853. Ч. 41. С. 253.
[2] Кетле А.Ж. Социальная физика, или опыт исследования человеческих особенностей. Киев, 1911. С. 262.

Единого понятия латентной преступности в настоящее время в науке не выработано. Существуют различные определения рассматриваемого явления, сводящиеся в общем к трактовке латентной преступности в узком и широком смыслах. Так, С.М. Иншаков определяет латентную преступность как незарегистрированную часть фактической преступности[1]. Н.Г. Горшенков раскрывает латентную преступность как часть реальной преступности, проявления которой остаются за пределами регистрации преступлений[2]. Н.В. Сазонова трактует данное явление много шире – «часть преступности, внешне выраженную в совокупности преступлений, не вошедших в систему государственного статистического учета, характеризующуюся определенными особенностями возникновения и развития, социальным и уголовно-правовым характером, общественной опасностью, имеющую свои качественные и количественные характеристики, временные и пространственные границы»[3].

Латентная преступность представляет собой самостоятельное криминологическое явление, образованное скрытой частью преступности и отражающее ее характеристики.

Рассматривая латентную преступность, необходимо различать данное явление в целом и применительно к отдельным видам преступлений. В первом случае латентная преступность выступает комплексно и представляет собой не отраженную в статистической отчетности часть всей преступности. Во втором случае объектом исследования может выступать латентность определенных видов преступлений (экономической направленности, насильственных и т.д.), а также отдельных общественно опасных деяний (убийств, изнасилований и т.д.). Указанное выделение в массиве латентной преступности особенностей латентности отдельных деяний необходимо для лучшего понимания сущности данного явления и его минимизации в зависимости от конкретных особенностей видов преступности.

Познать сущность латентной преступности позволяет исследование ее структуры. Вместе с тем природа латентности, а именно скрытость, затрудняет деление данного явления на конкретные виды, что в свою очередь обусловливает наличие в литературе большого количества различных вариантов ее классификации. Различные критерии, положенные в основу указанного деления, также порождают определенное многообразие видов.

Так, одна из первых классификаций латентных преступлений, сформированная в зависимости от их очевидности, дана А.С. Шляпочниковым и Г.И. Забрянским:

---

[1] Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 839 с.

[2] Горшенков Н.Г.Криминологический словарь. 2-ое изд., доп. Н.Новгород, 2007. С. 182.

[3] Сазонова Н.В. Латентная преступность: понятие, причины, измерение: дис… канд. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2004. С. 164.

- преступления, совершение которых очевидно;

- преступления, о совершении которых известно только преступнику и потерпевшему;

- преступления, совершение которых неочевидно[1].

В настоящее время в литературе изложены различные варианты классификации латентных деяний, каждая из которых направлена на уяснение признаков рассматриваемых деяний с учетом заданного фокуса. Основными классификациями латентных преступлений следует считать сформированные в зависимости от способа образования латентности и от степени латентности (скрытости) того или иного вида деяния.

В зависимости от способа возникновения латентную преступность принято делить на:

- естественную;

- искусственную;

- смешанную (латентность пограничных состояний).

1) Естественная латентность – неполная регистрация преступлений, которые в силу объективных причин остались не известными сотрудникам правоохранительных органов.

К данному виду латентности в большинстве своем относятся преступления неочевидные по своей природе (например, экономические) и (или) те общественно-опасные деяния, где отсутствуют потерпевшие (например, дача и получение взятки, оборот наркотиков).

В рамках латентной преступности естественного вида можно выделить деяния, о которых известно: *только преступнику* (как правило, неочевидные по своей природе преступления); *преступнику и потерпевшему*, в случае если они не желают огласки этих фактов (изнасилование, взятка и т.п.); *более широкому кругу граждан*, не сообщающим по различным причинам о совершенном преступлении в правоохранительные органы (низкое правосознание, неверие в возможность раскрытия деяния и т.п.). Указанный вид латентной преступности может быть образован также деяниями, не осознаваемыми виновным и очевидцами в качестве общественно опасных (незаконная охота, преступления в сфере высоких технологий и др.).

2) Искусственная – совокупность преступлений, не отраженных в официальной статистике по причине их сокрытия сотрудниками правоохранительных органов в силу их некомпетентности, халатного отношения в служебным обязанностям, в целях коррекции статистических документов, личной заинтересованности и т.д.

[1] Шляпочников А.С., Забрянский Г.И. Выявление латентной преступности // Советское государство и право. 1971. № 5. С. 101.

В указанном массиве отдельно следует отметить о существовании так называемых «субъектно-латентных» преступлений. Речь идет о преступлениях, где люди, их совершившие, не были привлечены к уголовной ответственности[1]. Указанный аспект имеет место и при установлении лица, совершившего преступление, но не привлечении к уголовной ответственности соучастников преступления.

3) Смешанная (латентность пограничных состояний) – образована совокупностью ситуаций, когда ошибочно или вследствие намерения юридическая квалификация преступления не соответствует реальной (регистрация одного преступления, совершенного лицом, вместо нескольких им совершенных; квалификация деяния по менее тяжкой статье Уголовного кодекса РФ).

Различные виды преступлений характеризуются собственной степенью латентности. Исходя из данного критерия, следует выделить три типа преступлений, обладающих:

- высокой степенью латентности (высоколатентные);
- средней степенью латентности (среднелатентные);
- низкой степенью латентности (низколатентные).

В основе указанного критерия лежит общая очевидность (неочевидность) факта совершения преступления.

К первому типу относятся экономические и компьютерные преступления, совершение которых неочевидно ввиду особой специфики данных преступлений. Как правило, для выявления указанных деяний требуется наличие определенных познаний в соответствующей сфере. Более того, совершение преступлений указанной категории может остаться неосознанным для лица, в отношении которого оно совершается, а также возможных свидетелей. В эту же категорию следует отнести деяния, разглашение сведений о совершении которых нежелательно и преступнику, и его жертве (например, половые преступления, получение и дача взятки).

Ко второму типу относятся среднелатентные общественно-опасные деяния, то есть те, которые при определенных условиях остаются скрытыми (латентными). Например, преступления против семьи и несовершеннолетних.

Третий тип образован низколатентными преступлениями, скрыть совершение которых сложно (например, убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека и т.д.).

Применительно к последней группе необходимо сделать оговорку, что существуют преступления, латентность которых близится к нулю (например, террористический акт или захват заложника). Вместе с тем указанные дея-

[1] Омаров Д.М. Понятие и структура латентной преступности // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 55.

ния также следует отнести к низколатентному типу преступлений по причине того, что вероятность их сокрытия существует. Например, убийство бывает скрыто безвестным исчезновением лица или смертью от несчастного случая.

Таким образом, решающую роль в формировании указанной классификации играет факт очевидности или неочевидности преступления. К указанному критерию следует добавить, что в каждом конкретном случае осознание факта совершения преступления и, соответственно, степени латентности конкретного общественно-опасного деяния зависит также от восприятия указанного события другими лицами.

Так, о преступлении может быть известно: а) только лицу, его совершившему; б) преступнику и потерпевшему; в) преступнику, потерпевшему и иным лицам; г) преступнику, потерпевшему и сотрудникам правоохранительных органов. Чем больше круг лиц, осведомленных о совершенном преступлении, тем ниже вероятность его сокрытия. Соответственно, такое очевидное по своей природе преступление, как убийство, совершенное, например, на удаленном расстоянии от населенных пунктов, имеет тенденцию к отнесению его к латентной части преступности. И, наоборот, неочевидное по объективным свойствам общественно опасное деяние (экологическое, экономическое) будет иметь небольшую вероятность стать латентным при осведомленности о его совершении других граждан.

Таким образом, применительно к изложенной классификации видов преступлений в зависимости от степени их латентности следует добавить, что в действительности на конечный результат – станет ли преступление скрытым, помимо степени его очевидности (неочевидности), существенно влияет осведомленность других лиц о произошедшем преступлении.

Ряд авторов (А.С. Шляпочников и Г.И. Забрянский, А.А. Конев и др.) выделяют в самостоятельную классификацию разграничение латентных преступлений в зависимости от того, какому кругу субъектов известно о совершении преступления. Классификация латентных преступлений, изложенная А.А. Коневым, представляет собой более детальный вариант в сравнении с рассмотренной выше классификацией латентных преступлений, данной А.С. Шляпочниковым и Г.И. Забрянским, и включает следующие виды преступлений:

- абсолютно латентные (преступления, о которых неизвестно никому, даже самому преступнику);
- преступления, известные лишь преступнику;
- преступления, известные преступнику и потерпевшему;
- преступления, о которых известно преступнику, потерпевшему и другим лицам;

- преступления, информация по которым попала в правоохранительные органы, однако они остаются в определенной мере латентными, поскольку не были зарегистрированы в установленном законом порядке[1].

Полагаем, что осведомленность о совершении преступления необходимо исследовать в контексте с очевидностью (неочевидностью) конкретного вида преступления как такового.

В науке сформировалась также классификация отдельных видов латентных преступлений. Ее выделение оправдано и необходимо для уяснения сущности образования латентных факторов именно по тем видам преступности, где это наиболее распространено. В рамках изучения отдельных звеньев данной классификации должны быть выявлены отдельные закономерности появления указанных факторов (условий) и намечены пути их минимизации. Среди отдельных видов латентных преступлений следует выделить такие группы преступлений, как:

1) экономические;
2) коррупционные;
3) в сфере компьютерной информации;
4) половые преступления;
5) экологические;
6) иные виды.

Помимо изложенных классификаций латентной преступности в науке широкое распространение получило деление латентной преступности на скрытую (не известную сотрудникам правоохранительных органов) и скрываемую (известную сотрудникам правоохранительных органов, но не отраженную в официальной статистике)[2]. В целом данная классификация соответствует вышеизложенному делению латентной преступности на естественную и искусственную.

В литературе сформировалось такое понятие, как «латентный период», определяемое как время между событием преступления и моментом его обнаружения (выявления сотрудниками правоохранительных органов)[3]. Исходя из данного критерия, латентные преступления делятся на те, которые будут с течением времени обнаружены, и те, которые так и останутся латентными.

Таким образом, латентная преступность представляет собой самостоятельное криминологическое явление, образованное скрытой частью преступности и отражающее ее характеристики.

---

[1] Конев А.А. Основные криминологические характеристики латентной преступности. Омск, 1980. С. 23-25.
[2] Долгова А.И. Криминология: учебное пособие. М., 2010. С. 152.
[3] Конев А.А. Основные криминологические характеристики латентной преступности. Омск, 1980. С. 47.

§ 2. Факторы, способствующие латентной преступности

Латентная преступность как часть общей преступности детерминирована тем же причинным комплексом, что и вся преступность в целом. Факторы, обусловливающие преступность в экономической сфере (производство и реализация товаров, материальная обеспеченность), социальной сфере (изменения половозрастных структур населения, миграция, рождаемость, урбанизация, уровень занятости и образования), организационно-управленческой и идеологической (нравственное и правовое сознание) сферах, применимы и к латентной части преступных деяний.

Вместе с тем нельзя смешивать причины совершения преступлений с причинами их сокрытия. Развитие латентного свойства преступлений определяют иные специфические факторы, имеющие объективный и субъективный характер. Таким образом, латентная преступность детерминирована теми же причинами, что и вся преступность в целом, и, кроме того, имеет собственные факторы, обусловливающие ее скрытость.

Отсутствие должного воздействия на устранение (минимизацию) факторов, определяющих латентность, влечет увеличение числа скрытых преступлений и, соответственно, ухудшение криминальной обстановки, в том числе, отсутствие роста зарегистрированной части преступлений. Негативные последствия латентной части преступлений, с одной стороны, совпадают с общими последствиями преступности (физическим, материальным и моральным ущербом), с другой – имеют собственную особенность – в отсутствие предупреждения латентная преступность приобретает более опасный характер. Так, С.М. Иншаков указывает, что латентность обусловливает вторичную детерминацию преступности и ее рост в еще больших масштабах[1].

К иным негативным последствиям латентной преступности относится невозможность объективного анализа всей совокупности преступности, выявления ее причин и условий, нуждающихся в выработке и реализации адекватных мер предупреждения. Аналогичным образом скрытая часть преступности ограничивает возможности прогнозирования преступности.

Наличие латентной преступности формирует отрицательное отношение населения к работе правоохранительных органов по вопросам установления общественного порядка и безопасности, охраны прав и свобод граждан. На фоне изложенного снижается правосознание, люди в меньшей степени становятся склонны к содействию в работе сотрудников полиции и иных государственных структур (сообщению о преступлениях, даче подробных свидетельских показаний, пресечению преступлений и

[1] Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. С. 7.

т.д.), формируется стремление самостоятельно восстанавливать нарушенные права (самосуд) и прочие негативные тенденции.

В литературе изложены различные подходы к объединению факторов, лежащих в основе развития латентной преступности в различные группы. П.А. Кривенцов выделяет причины скрытой и скрываемой преступности[1], А.М. Смирнов группирует указанные факторы на «способствующие развитию естественной латентной преступности» и на «способствующие развитию искусственной латентной преступности»[2]. Несмотря на различные критерии, положенные в основу данных классификаций, фактически их содержание сводится к выделению объективных и субъективных причин формирования исследуемого социального явления.

Рассмотрим подробнее криминогенные факторы, способствующие формированию латентной преступности.

К основным факторам развития латентной преступности следует отнести:

- отсутствие сообщений от граждан о фактах совершения в отношении них преступных деяний и (или) о фактах совершения преступлений, очевидцами (свидетелями) которых они являются, в силу личных причин или низкого уровня правосознания;

- отсутствие выявления сотрудниками правоохранительных органов части совершенных деяний (главным образом – неочевидных преступлений);

- умышленное сокрытие преступлений сотрудниками правоохранительных органов в силу различных причин.

Условно причины формирования латентной преступности следует разделить на объективные и субъективные. Объективные причины присущи, главным образом, естественной латентной преступности и в малой степени зависят от действия конкретных лиц, в том числе сотрудников правоохранительных органов. Субъективные причины образования латентной преступности заключаются в действиях (бездействии) физических лиц и (или) сотрудников правоохранительных органов.

Объективные факторы, способствующие формированию латентной преступности:

1. *Неочевидность преступления.* Совершение ряда преступлений, например деяний в сфере экономической деятельности, компьютерной информации, экологических, остается неучтенным в силу их правовой природы, а именно сложности выявления. Большая часть указанных деяний попадает в поле зрения сотрудников правоохранительных органов только

[1] Кривенцов П.А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование: дис… канд. юрид. наук. М., 2014. С. 33.
[2] Смирнов А.М. Латентная преступность в России: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 89.

при непосредственном анализе объекта посягательства (проведение проверок, диагностики состояния и прочее), т.е. без пристального внимания заинтересованных лиц совершение неочевидного по своей природе преступления может остаться за пределами должного реагирования.

2. *Отсутствие регистрации сообщений о преступлении* вследствие загруженности должностных лиц. Это могут быть преступления, информация о совершении которых стала известна сотрудникам без поступления соответствующих заявлений от граждан.

3. *Несовершенство законодательства*. В частности, наличие в Уголовном кодексе РФ норм, обладающих минимальными характером и степенью общественной опасности, общая перегруженность уголовного закона запретами. Следствием этого является отсутствие сообщений о совершении преступлений от свидетелей и (или) потерпевших в случае, если вред от совершенного деяния незначителен.

4. *Недостаточная оснащенность сотрудников правоохранительных органов* средствами, необходимыми для выявления (фиксации, раскрытия) преступных деяний. Современная преступность характеризуется совершением преступлений при помощи компьютерных технологий (мошенничество в сфере компьютерной информации; распространение порнографии; развратные действия, совершенные посредством использования социальных сетей Интернета и прочее). Для установления фактов совершения указанных преступлений сотрудникам необходимы специальные средства и познания, которых зачастую недостаточно.

Субъективные факторы, способствующие формированию латентной преступности:

1. *Отсутствие сообщений о совершенном преступлении от потерпевших*. Потерпевшие от преступления лица не сообщают в правоохранительные органы о совершенном в отношении них преступлении в силу нежелания придавать данный факт огласке (страх, стыд и т.д.), а также в случаях, если считают, что преступление не будет раскрыто. Чаще всего по причине стыда, в правоохранительные органы не сообщается о совершении преступлений против половой неприкосновенности (половой свободы). В случае наличия угрозы и иных оснований опасаться виновного граждане не сообщают о преступлении из-за страха.

В указанном блоке также следует рассмотреть отсутствие сообщений о совершенных преступлениях от граждан в случае, если само потерпевшее лицо нарушало закон и в связи с этим не желает появляться в поле внимания сотрудников. Например, при совершении преступлений в отношении торговцев наркотиками либо лиц, оказывающих сексуальные услуги за вознаграждение.

2. *Неразвитое правосознание отдельной части социума,* выражающееся в непринятии мер реагирования (пресечение незаконных действий, обращение в правоохранительные органы) в случае обнаружения фактов совершения преступления со стороны других лиц. Особенно отчетливо это проявляется в тех случаях, когда определенной частью общества ряд преступлений, хотя и осознаются таковыми, вместе с тем не воспринимаются как общественно опасные (незаконная охота и прочие экологические преступления, ряд компьютерных преступлений и т.д.). Таким образом, в указанных случаях возникает диссонанс между наличием установленного уголовным законом запрета на совершение определенных действий (бездействия) и восприятием части социума указанных действий как неопасных.

Низкая степень правосознания проявляется также в попустительстве по отношению к совершению преступлений, вред по которым минимален.

3. *Негативное отношение к сотрудникам правоохранительных органов со стороны отдельных граждан*, в связи с чем, происходит умолчание о фактах совершенных или совершаемых преступлений.

Неверие отдельных граждан в возможность раскрытия преступления, что обусловливает нежелание тратить время и силы на обращение в правоохранительные органы. В большей степени указанное положение характерно для таких преступлений, как кража, мошенничество, грабеж и т.д. Следствием такой позиции населения, при самостоятельном установлении виновного, в ряде случаев может быть совершение акта самосуда.

4. *Сокрытие потерпевшими (свидетелями) преступлений,* составляющих сферу так называемых «межличностных конфликтов», т.е. совершение преступлений (как правило, составляющих категории небольшой и средней тяжести) родственниками или знакомыми. Данные деяния не попадают в поле зрения сотрудников правоохранительных органов, так как об их совершении не заявляется потерпевшими, а выявить указанные преступления сложно. К таким преступлениям относятся, например, факты домашнего насилия.

5. *Ошибочная (неправильная) квалификация преступного деяния*, а также необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела. Сокрытие сотрудниками правоохранительных органов фактов совершения преступления в силу личной, служебной, иной заинтересованности.

В контексте рассмотрения данного вопроса необходимо подробнее остановиться на факторах, обусловливающих латентность отдельных видов преступлений. Высоколатентными являются следующие группы преступлений: экономические; коррупционные; в сфере компьютерной информации; половые преступления; экологические и некоторые другие.

Основными факторами, обусловливающими латентность преступлений в сфере экономической деятельности, являются:

- кризис экономической системы, случившийся в 90-х годах XX века, в связи с формированием в России свободного рынка, и последующие кризисные явления в указанной сфере;

- наличие в Уголовном кодексе РФ большого количества норм, связанных с экономической деятельностью, что влечет определенную рассогласованность и сложность их применения;

- отсутствие у значительного числа сотрудников правоохранительных органов необходимых знаний и навыков для выявления данной группы преступлений ввиду их сложности;

- общий неочевидный характер указанной группы преступлений, в том числе затрудняющий выявление преступлений в сфере экономической деятельности гражданами (потерпевшими, свидетелями);

- наличие специальных познаний и умений не только совершить указанные преступления, но и скрыть их следы у виновных лиц (высокая квалификация преступников);

- сращивание преступлений данной категории с коррупционными деяниями, что в совокупности усиливает латентные свойства обеих групп преступлений.

Факторами, обусловливающими латентность коррупционных преступлений, следует считать:

- возможность совершения коррупционных преступлений в условиях неочевидности. Указанное обстоятельство обусловлено спецификой данных преступлений, заключающейся в сложности их выявления, отсутствии причинения прямого материального или иного ущерба и прочее;

- отсутствие свидетелей и (или) потерпевших. Так, например, в случае дачи или получения взятки обе стороны, как правило, заинтересованы в сохранении в тайне своих действий;

- наличие большого количества должностных лиц, функции которых дублируют друг друга (центральная власть и власть на местах), что создает благоприятную среду для совершения коррупционных преступлений и сокрытия их следов.

Факторами, определяющими латентность преступлений в сфере компьютерной информации, являются:

- неочевидность совершения преступления для свидетелей и (или) потерпевших;

- отсутствие необходимого количества сотрудников, обладающих навыками выявления (раскрытия, расследования) преступлений в сфере компьютерной информации;

- отсутствие необходимых правовых документов, всесторонне регламентирующих законные действия, сопряженные с компьютерной информацией.

Факторами, обусловливающими латентность преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, следует считать:

- стремление потерпевших скрыть факты совершения в отношении них преступлений данной категории, что обусловлено спецификой совершения самого деяния – интимной сферой;

- отсутствие очевидных следов совершения половых преступлений, в результате чего деяния, без обращения потерпевших в правоохранительные органы, как правило, остаются латентными;

- в ряде случае сокрытие преступлений данной категории обусловлено наличием личностных отношений между виновным и потерпевшим (родство, знакомство, соподчинение по службе), в силу чего потерпевшие не желают сообщать о совершенном против них преступлении;

- уголовно-процессуальные особенности производства по данной категории преступлений – возбуждение уголовного дела только по факту наличия заявления от потерпевшего лица;

- стремящимися к абсолютной латентности следует считать половые преступления, совершенные в отношении лиц нетрадиционной сексуальной ориентации (приверженцев гомосексуальных контактов). Наличие в российском обществе господствующего мнения о неприемлемости данной формы сексуальных отношений приводит к незащищенности сексуальных меньшинств и, соответственно, к образованию широкого пласта латентных преступлений в отношении лиц указанной категории;

- огласка совершения преступления может отсутствовать и в случае некорректного поведения жертвы перед совершением преступления (нахождение в состоянии опьянения и т.д.).

Факторами, обусловливающими латентность экологических преступлений, являются:

- совершение ряда экологических преступлений возможно установить только путем непосредственных исследований (загрязнение воды, воздуха и т.д.). Вместе с тем даже при выявлении неблагоприятных экологических последствий их источник может быть не установлен;

- преступления указанной категории, как правило, не имеют конкретных потерпевших, что затрудняет их выявление;

- отсутствие возможности для постоянного мониторинга состояния экологических ресурсов: дефицит технического оснащения и лиц, задействованных в данной сфере;

- низкое правосознание граждан по данной категории преступлений: часть граждан не расценивают экологические преступления как общественно опасные.

Таким образом, латентная преступность детерминирована теми же причинами, что и вся преступность в целом, и, кроме того, имеет собственные причины, обусловливающие ее скрытость.

§ 3. Методы оценки латентной преступности

Точно оценить масштабы латентной преступности невозможно. Различные способы ее оценки позволяют сформулировать только вероятностные результаты размера данного явления. Коэффициент скрытости преступлений, показывающий соотношение всей совершенной преступности и ее учтенной (зарегистрированной) части, остается стабильно высоким. Вместе с тем наличие большого числа скрытых преступлений характерно не только для России, но и для других стран, что подтверждается многочисленными исследованиями. По некоторым данным, правоохранительным органам становятся известны не более 30-40 % преступлений, а по некоторым видам преступлений это соотношение составляет 1:10. С.М. Иншаков на основании многолетнего мониторинга латентной преступности сделал вывод, что уровень фактической преступности более чем в 7 раз превышает уровень зарегистрированной[1].

Для оценки латентной преступности используются различные методы. С явлением латентной преступности тесно связана проблема виктимности населения. Исследования, охватившие представителей различных социальных групп во всех регионах России, показали, что пострадавшими от преступления считают себя около 15 % опрошенных. В проекции на все население России эта цифра составила 21 млн человек. Принимая во внимание, что не все преступления причиняют вред конкретной жертве, число фактически совершенных преступлений еще больше. На основании указанных данных, а также в результате проведенных экспертных оценок (экспертами явились сотрудники органов внутренних дел) в 2009 году в России предположительно было совершено около 29 млн латентных преступлений. Число зарегистрированных преступлений в указанный период составило приблизительно 3 млн. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в Германии, Италии, США и многих других странах Европы уровень зарегистрированной преступности на 100 тыс. населения в 2,5-3 раза выше, чем в России[2], что можно объяснить лучшей регистрацией преступлений, чем в России.

[1] Иншаков С.М. Исследование криминальной латентности и парадоксы социального отрицания преступности // Криминологический журнал БГУЭП. 2008. № 4. С. 6.
[2] Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 6.

Вместе с тем на основе анализа статистических данных сделать вывод о том, что преступность в России много ниже, чем в ряде развитых стран, представляется неверным. Разница в зарегистрированных показателях демонстрирует, что скрытая (латентная) часть преступности в России велика. Это косвенно подтверждается значительным ростом количества заявлений о совершении преступлений от граждан в условиях отсутствия роста (и даже снижения) числа регистрируемых преступлений (как в целом, так и по отдельным категориям). Безусловно, сам по себе факт отказа в регистрации заявления не свидетельствует о сокрытии преступления. Информация, изложенная в заявлении, во многих случаях не попадает в сферу уголовно-правового регулирования. Поэтому мнение о том, что латентная преступность не ниже числа заявлений и сообщений о преступлениях, представляется не в полной мере правильным. Определение разницы между количеством поступивших заявлений и количеством зарегистрированных преступлений является одним из способов выявления латентной части преступности, но при этом указанная разница в силу объективных причин не может полностью соответствовать числу латентных преступлений.

Кроме того, ежегодно выявляются факты умышленного сокрытия преступлений сотрудниками правоохранительных органов, что вместе с тем не отражает реального количества всего утаивания. Помимо отказа в регистрации сообщения о преступлении, в деятельности сотрудников критических отметок достигают необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела по причине отсутствия состава преступления, а также прекращение уголовного дела на стадии предварительного расследования по реабилитирующим основаниям. Часть указанных нарушений выявляется внутри соответствующего ведомства и при проверке законности вынесенных решений со стороны органов прокуратуры. На стадиях судебного рассмотрения уголовное дело может быть необоснованно прекращено по тем же основаниям или виновный может быть оправдан.

Оценка всей совокупности латентной преступности и оценка отдельных видов латентных преступлений имеет разные особенности. Методы определения размеров скрытой насильственной преступности будут неэффективны для определения размеров латентной экономической или коррупционной преступности. Сложность выявления преступлений определенной категории свидетельствует о наличии большего числа латентных преступлений данного вида по сравнению с более очевидными по своей природе деяниями.

Выявлена закономерность, согласно которой, чем серьезнее категория преступления, тем ниже для нее коэффициент скрытости. Так, доля латентных преступлений небольшой тяжести составила – 44 %, средней тя-

жести – 20 %, тяжких – 32 % и особо тяжких – 4 %[1]. Несмотря на некоторую погрешность в разнице между количеством латентных преступлений средней тяжести и тяжкой категории, приведенные данные подтверждают сделанный вывод.

Основными методами оценки латентной преступности являются:

1) статистический – на основе установленных данных о зарегистрированной части преступлений, количестве совершенных преступлений определенного вида, числе зарегистрированных заявлений и иных показателях преступности криминологи выявляют латентную часть преступлений;

2) сравнительно-правовой – путем сопоставления различных статистических показателей (обращения граждан и количество возбужденных уголовных дел, зарегистрированные заявления и постановления об отказе в возбуждении уголовного дела) устанавливаются закономерности в показателях преступности и ее скрытая часть;

3) социологический – проведение интервьюирования, эксперимента, экспертной оценки;

4) системно-структурный;

5) исторический.

Наиболее целесообразно для оценки латентности преступлений использовать сочетание статистического и сравнительно-правового метода. Использование иных методов определения латентности предполагает их взаимность для достижения более точных показателей, то есть целесообразно осуществлять проверку данных, полученных в ходе применения одного метода, путем применения другого.

Криминологи обращают внимание на то, что ежегодно на протяжении последних нескольких лет количество регистрируемых преступлений снижается, в то время как растет число заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях. В указанном соотношении роста сообщений о преступлениях и снижении числа совершенных преступлений уже кроется определенное противоречие. Далее, на фоне снижения общего уровня преступности, происходит повышение показателя раскрываемости преступлений сотрудниками правоохранительных органов, что позволяет делать вывод об улучшении криминальной ситуации в стране[2]. Об обратном свидетельствуют данные, полученные из других источников. Результаты проведенных опросов населения, сведения экспертных оценок дают основания предполагать о росте числа латентных преступлений.

[1] Иншаков С.М. Латентная преступность в Российской Федерации: перспективы исследования // URL: http:// sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/inshakov(10-04-10).html

[2] Кривенцов П.А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование. дис… канд. юрид. наук. М., 2014. С 88.

Отдельно необходимо остановиться на латентности отдельных видов преступлений и способах их оценки. Наибольшую необходимость в исследовании вызывают те виды преступлений, латентность которых при прочих равных факторах выше. К ним относятся:

- экономические преступления;
- преступления в сфере компьютерной информации;
- коррупционные преступления;
- преступления в сфере незаконного оборота наркотиков;
- изнасилования и иные половые преступления;
- причинение вреда здоровью различной степени тяжести;
- экологические преступления.

Оценка латентности указанных видов преступлений происходит путем анализа дополнительных сведений в комплексе с применением общих методов оценки латентности. Единым для оценки латентности отдельных видов преступлений будет также наличие заданного фокуса на всестороннее исследование причин совершения преступлений в конкретной сфере и путей их сокрытия.

Для выявления и оценки латентности экономических преступлений применяются различные способы. Исходя из широкого круга и наличия существенных отличий в опасных деяниях, составляющих блок экономической преступности, методы оценки латентности для данного вида преступности различны. Так, скрытые факты легализации преступных доходов устанавливаются путем анализа сведений единого государственного реестра об имущественном положении лиц. Для выявления латентной части уклонения от уплаты налогов и сборов исследуются сведения, полученные из налоговых органов, свидетельствующие о совершении правонарушений в данной сфере.

Оценка латентности насильственной преступности осуществляется путем анализа многочисленных данных, связанных с обращениями граждан в органы здравоохранения (травмпункты) с различными повреждениями, в том числе совершенными, по словам пострадавших, в результате неосторожности. Исследуются факты обращения граждан с заявлениями о пропаже людей без вести. По оценкам специалистов, менее 30 % лиц, пропавших без вести, обнаруживаются живыми, остальные могут быть жертвами преступлений против личности.

Латентность преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков оценивается, исходя из данных о количестве наркоманов, проживающих на данной территории; сведений об обращении в органы здравоохранения лиц в состоянии наркотического опьянения; о фактах привлечения к административной ответственности за потребление наркотических средств.

Оценка латентности экологической преступности представляет повышенную сложность по причине того, что выявление преступления за-

частую возможно только путем проведения соответствующих проверок (например, взятию проб воздуха или воды). Принимая во внимание, что экологическая ситуация в России ухудшается (становится все меньше чистых водоемов, лесных массивов), а количество экологических преступлений существенно не увеличивается, становится очевидной высокая латентность преступлений данного вида. Оценка латентности в данном случае производится путем мониторинга экологических ресурсов, соотнесения ухудшения отдельных экологических показателей с данными о привлечении к ответственности.

Следует отметить, что многие из высоколатентных преступлений связаны между собой. Так, латентность экономической преступности и (или) преступности в сфере незаконного оборота наркотиков может быть обусловлена коррупционной составляющей.

Таким образом, оценить масштабы латентной преступности довольно сложно. Коэффициент скрытости преступлений, демонстрирующий соотношение всей совершенной преступности и ее учтенной (зарегистрированной) части в Росси, вероятно, составляет от 1:4 до 1:10.

§ 4. Минимизация латентной преступности

Латентная преступность нуждается в постоянном сдерживании. Отсутствие комплексных и эффективных мер, направленных на противодействие указанной преступности, влечет увеличение числа латентных преступлений и ухудшение их качественных свойств. Так, существенными негативными последствиями латентной преступности принято считать ее стимулирующее воздействие на совершение новых преступлений, переход от неосторожных к совершению более тяжких (дерзких) и опасных преступлений, совершенствование форм (приемов) и методов противоправных посягательств у преступных групп[1]. По латентной части преступлений отсутствует возмещение вреда.

Существование и особенно увеличение числа латентных преступлений порождает негативное отношение граждан к правоохранительной системе, неверие в восстановление социальной справедливости и защиту своих прав. Отсутствие противодействия латентной преступности по отдельным видам преступлений влечет их увеличение и совершенствование методов совершения преступлений.

Значительная роль в минимизации латентной части преступлений принадлежит населению. По мнению И.В. Крупнова, наибольшая латентность

[1] Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. М., 1993. 340 с.

существует в тех сферах жизнедеятельности общества, в которых сформирована социальная среда с преобладанием ценностей и норм поведения, отличных от установленных государством[1]. Диссонанс между ожиданиями населения и политикой государства, в том числе в сфере уголовно-правового реагирования, безусловно, оказывает заметное влияние на формирование числа латентных преступлений, что необходимо учитывать при определении мер профилактики латентности.

Минимизация латентной преступности предполагает осуществление воздействия на факторы возникновения и существования рассматриваемого негативного явления. Указанные меры выступают обособленно от направлений по предупреждению преступлений и предполагают выведение скрытых (латентных) преступлений из числа таковых. Соответственно, при успешном осуществлении минимизации латентной преступности общее число преступлений, отраженных в официальной статистике, неминуемо возрастет, но данный переход (из скрытых преступлений в учтенные правоохранительными органами) позволит более объективно оценить преступность и выработать соответствующие меры предупреждения, прогнозирования.

В основе латентности преступлений лежат различные факторы объективного и субъективного свойства, требующие разнородных мер превенции.

Полагаем целесообразным рассматривать минимизацию (предупреждение) латентной преступности на двух уровнях:

- общее предупреждение латентной преступности;
- предупреждение латентности отдельных видов преступлений.

Общее предупреждение латентной преступности состоит в осуществлении комплексных мероприятий, которые затрагивают различные сферы жизнедеятельности и нацелены на выявление скрытых преступлений. Общее предупреждение латентной преступности включает в себя меры:

1. *Повышение общего уровня правосознания граждан.*

В настоящее время в нашей стране необходимо активно повышать степень гражданского правосознания. Люди, во-первых, должны быть осведомлены о том, какие деяния относятся к преступлениям, и, во-вторых, нацелены на донесение информации обо всех фактах преступных действий в компетентные органы. Такие преступления, как вырубка лесов и иные незаконные деяния в сфере экологии, не осознаются значительной частью людей как преступные. Аналогичным образом происходит с некоторыми экономическими преступлениями, деяниями в сфере компьютерной инфор-

[1] Крупнов И.В. К вопросу о понятии латентной преступности // 35 лет Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации и ее роль в развитии юридического образования: материалы международной научно-практической конференции: в 2-х т. Т. 2. М., 2011. С. 163-168.

мации. Население не воспринимает их в качестве общественно опасных и, как следствие, не реагирует на факты их совершения. Ликвидация правовой безграмотности в указанном аспекте должна сопровождаться повышением активной позиции граждан в содействии правоохранительным органам.

С повышением правосознания граждан должна измениться ситуация с несообщением в правоохранительные органы информации о совершенных преступлениях от самих потерпевших по причине отсутствия доверия к специальным службам и (или) желанием самостоятельно восстановить нарушенные права.

2. Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства и усиление контроля за соблюдением законных предписаний.

Частое изменение положений уголовного и уголовно-процессуального законодательств затрудняет работу правоохранительных органов. Более того, многочисленные изменения, вносимые в последнее время в Уголовный кодекс РФ, порождают ситуацию, при которой увеличение числа правовых норм ведет к снижению их применения. В большей степени это относится к нормам о преступлениях, составляющих категории небольшой и средней тяжести. Относительно уголовно-процессуального порядка следует отметить, что преступления чаще остаются скрытыми при отсутствии должной регистрации сообщения о преступлении со стороны сотрудников правоохранительных органов (в том числе искаженной квалификации деяния), а также при вынесении необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Предупреждение латентности в рамках данного направления должно быть направлено на тщательную проверку всех фактов вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела.

3. Осуществление мер профилактики виктимности населения.

Среди населения необходимо проводить мероприятия, направленные на снижение виктимности. Огромное количество преступлений, главным образом мошенничеств, совершается в условиях введения потерпевшего (жертвы) в заблуждение. Средства массовой информации должны регулярно транслировать сообщения о преступлениях, ставших возможными в результате виктимного поведения потерпевшего. Виктимность жертвы характерна во многом именно для преступлений, которые остаются латентными. Потерпевшие, понимая, что сами активно способствовали совершению преступного деяния в отношении себя, хотя и не осознавали этого, впоследствии часто не сообщают о таких фактах в правоохранительные органы.

4. Повышение уровня профессионализма сотрудников правоохранительных органов.

Несмотря на огромную роль населения в предупреждении латентности, в том числе лиц, пострадавших от общественно опасных деяний и их свидетелей,

основными субъектами предупреждения латентных преступлений являются правоприменители. Ряд авторов делит предупреждение скрытых и скрываемых латентных преступлений, отождествляя скрываемые преступления с деятельностью сотрудников правоохранительных органов. Вместе с тем полагаем, что поведение сотрудников правоохранительных органов определяет не только содержание скрываемых преступлений, но и частично скрытых (невыявленнных).

Невыявленными преступления остаются вследствие недостатка профессиональных знаний, навыков и умений. Установление фактов совершения неочевидных по своей природе преступлений (например, экономических) требует высокого уровня квалификации сотрудников следственных органов. Повышение их квалификации (в том числе путем установления дополнительных квалификационных требований для занятия соответствующих должностей) и укомплектованность данных органов являются необходимыми условиями предупреждения (минимизации) латентных преступлений.

5. Повышение уровня оснащенности сотрудников правоохранительных органов необходимыми для работы средствами.

Обеспечение служб по пресечению, раскрытию и расследованию преступлений необходимыми средствами: транспортом, персональными компьютерами, приборами выявление и фиксации следов преступлений и т.д.

6. Взаимодействие правоохранительных органов с различными службами (ведомствами).

При оценке уровня латентности преступлений рассматривалась роль различных ведомств, предоставляющих информацию, на основании которой делаются выводы о размерах латентности. Это данные медицинских учреждений о количестве обратившихся за помощью в результате полученных увечий; данные врачей-наркологов о количестве лиц, употребляющих наркотики; данные регистрационных служб о регистрации организаций, получении ими лицензий на осуществление различных видов деятельности; данные налоговых органов о неуплате налогов и сборов; данные о лицах, пропавших без вести, и многое другое. Указанные ведомства должны в установленном порядке предоставлять имеющиеся сведения в правоохранительные органы, а сотрудники данных органов, в свою очередь, изучать поступающую информацию на предмет наличия в ней данных о совершенных (но незарегистрированных) преступлениях.

Меры предупреждения латентности преступлений в сфере экономической деятельности:

- дальнейшее совершенствование уголовного законодательства о преступлениях данной категории, в том числе сокращение дублирующих друг друга норм;

- повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов путем проведения дополнительных обучающих семинаров по отдельным аспектам экономических преступлений (должно определяться в зависимости от специфики деятельности сотрудника);

- получение информации от регистрирующих ведомств о хозяйствующих субъектах и особенностях их деятельности (лицензии и др.) с последующей проверкой поступивших сведений на предмет соблюдения законодательства;

- проведение разъяснительной работы среди населения посредством средств массовой информации о широкой распространенности экономических преступлений, сопряженной с неочевидностью их совершения.

Меры предупреждения латентности коррупционных преступлений:

- осуществление проверок сотрудниками правоохранительных органов и специальных ведомств фактов осуществления незаконных действия со стороны должностных лиц на предмет коррупционной составляющей;

- проведение среди населения пропаганды необходимости искоренения (минимизации) коррупции как явления путем сообщения обо всех фактах коррупционных проявлений;

- при наличии коррупционного проступка, не подлежащего квалификации в качестве соответствующего преступления, применять к лицам, его допустившим, строгие меры дисциплинарного воздействия;

Меры предупреждения латентности преступлений в сфере компьютерной информации:

- повышение квалификации лиц, задействованных в выявлении (раскрытии, расследовании) преступлений в сфере компьютерной информации;

- оснащение сотрудников правоохранительных органов необходимыми техническими и программными средствами.

Меры предупреждения латентности сексуальных преступлений:

- создание условий, позволяющих пострадавшим от половых преступлений без лишних волнений изложить обстоятельства произошедшего (отсутствие во время дачи показаний посторонних и т.д.);

- проверка обращений в гинекологические отделы органов здравоохранения тех потерпевших, которые имели признаки насилия;

- обеспечение защиты потерпевших (свидетелей) от преступлений;

- создание телефонов доверия (и активное анонсирование их наличия), по которым потерпевшие от насилия могут получить психологическую помощь и узнать о правовых особенностях привлечения виновного к уголовной ответственности;

- формирование в обществе толерантного отношения к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией, не связанной с совершением ими преступлений.

Меры предупреждения латентности экологических преступлений:

- повышение в сознании людей значимости уголовно-правовой охраны экологических объектов;
- мониторинг состояния экологических ресурсов;
- оснащение служб, задействованных в пресечении (выявлении, раскрытии) рассматриваемых преступлений необходимым техническим оборудованием;
- получение и проверка сообщений о неудовлетворительном состоянии экологических ресурсов (загрязнении воды или воздуха, вырубка деревьев и т.д.).

Вопросы для самоконтроля:

1. Дайте определение латентной преступности.
2. Какие преступления можно отнести к высоколатентным?
3. В силу чего отдельные виды преступлений характеризуются низким уровнем латентности?
4. Кто из криминологов изучал проблему латентности преступлений?
5. Назовите причины латентности преступлений.
6. Какие вы знаете способы оценки латентности преступлений?

Литература:

Иншаков С.М. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 839 с.

Кривенцов П.А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование: дис. … к.ю.н. – М., 2014. – 184 с.

Криминология. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. О.С. Капинус. – М.: Юрайт, 2018. – 303 с.

Криминология: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.И. Авдийского, Л.А. Букалеровой. – М.: Юрайт, 2018. – 301 с.

Криминология: учебное пособие / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – СПб.: Питер, 2018. – 304 с.

Смирнов А.М. Латентная преступность в России: учебное пособие. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 184 с.

ГЛАВА V
ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

§ 1. Введение в проблему

Организация и эффективность деятельности по предупреждению преступности невозможны без достаточно полного представления о причинах и условиях преступности. Ф. Бэкон в свое время отмечал: «Истинное знание есть знание причин»[1]. Чтобы познать то или иное явление или процесс, вникнуть в их сущность, необходимо выяснить, почему и как они возникли и в связи с чем изменяются. В полной мере это относится и к преступности. Без знания причин и условий преступности, ее видов и отдельных преступлений невозможно вести речь о воздействии на эти негативные явления. Именно в направлении разрешения данной проблемы и начала развиваться криминология как наука. Как отмечает В.В. Лунеев, причинность преступности в криминологии – вопрос главный[2].

В отечественной и зарубежной криминологии в настоящее время накоплен большой опыт исследования причин и условий преступности. Вместе с тем эта проблема, на наш взгляд, является самой дискуссионной в названной науке и, как заметил Г.А. Аванесов, относится к категории «вечных»[3].

Не разрешена проблема причин и условий правонарушений и преступности и в теории государства и права. Как отмечают представители этой науки, проблема причин правонарушений оказалась глубоко идеологизированной и запутанной[4].

Это объясняется, на наш взгляд, сложностью данной проблемы, концентрированностью в ней вопросов не только криминологии, но и философии, социологии, психологии, экономики, политики и многих других наук.

Для более глубокого уяснения понятия причин и условий преступности необходимо остановиться на рассмотрении таких понятий, как «детерминация», «причинность», «причина» и «условие».

Наиболее широким понятием является понятие «детерминация». В переводе с латинского «determiner» означает определять, обусловливать[5]. Детерминация, таким образом, представляет собой любую закономерную зависимость между различными явлениями и процессами как в природе,

[1] Мир философии. Книга для чтения: В 2 ч / сост. П.С. Гурвич, В.И. Столяров. М., 1991. Ч. 1. С. 490.
[2] Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. М., 2012. С. 460.
[3] Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 170.
[4] Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2001. С. 591.
[5] Словарь иностранных слов. М., 1982. С.157.

так и обществе, такую зависимость, при которой одно явление или процесс определяет, то есть влияет тем или иным образом, на другое явление или процесс. В детерминации выделяют разнообразные зависимости или связи, в частности, статистические, корреляционные, функциональные связи, связи во времени, в пространстве.

Статистическая зависимость заключается в том, что изменение одной величины влечет за собой изменение (среднее) другой величины. Например, увеличение населения на той или иной территории влечет за собой увеличение на ней количества преступлений. Частным проявлением статистической связи является корреляция, при которой за основу берется среднее статистическое значение изучаемого явления или процесса. Такую связь еще называют корреляционной связью.

Функциональная зависимость отражает объективное соответствие, параллелизм в сосуществовании и изменчивости двух явлений. Например, расширение безработицы в регионе одновременно порождает и рост числа краж во имя удовлетворения необходимых потребностей, и снижение покупательского спроса. Понятно, что такое снижение покупательского спроса и рост краж связаны между собой не так, что одно из этих явлений порождает другое. Связь здесь не причинная, а функциональная, так как оба эти явления производны от безработицы[1].

Связь в пространстве выражает распределение явлений и процессов, например, преступности на территории, ее распространенность в зависимости от экономических, социальных, географических, этнографических и других различий в отдельных регионах страны. Связь во времени заключается в том, что одно явление предшествует другому во времени. Например, преступлению предшествует появление умысла на его совершение, возникновение условий, благоприятствующих его осуществлению.

Но наиболее существенным видом детерминационных зависимостей являются причинно-следственные связи, или причинность.

В философии под причинностью понимается «генетическая связь явлений, в которой одно явление – причина – при наличии определенных условий неизбежно производит, порождает другое явление – следствие (или действие)»[2]. В числе основных черт причинности отмечается:

- сущность причины – порождение одного другим, производство причиной следствия;

- объективность причины, то есть внутреннее отношение, присущее самим вещам;

[1] Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С. 236.
[2] Философский словарь. М., 1996. Т. 4. С. 370.

- всеобщность причины – все явления имеют свои причины и в свою очередь порождают те или иные следствия;

- связь причины и следствия является строго необходимой, при наличии причины и соответствующих условий следствие возникает неизбежно и является таким, каким оно порождается данной причиной при тех же условиях во всех других случаях;

- цепям причинности присуща временная и пространственная непрерывность, они безначальны и нескончаемы.

Под причиной следует понимать «явление, которое при определенных условиях порождает другое явление или процесс как свое закономерное следствие»[1]. Условие же – это «явления и процессы, которые сами по себе другие явления и процессы не порождают, а лишь ускоряют формирование и действие причины»[2]. С учетом этих общефилософских понятий учеными формируются определения причин и условий преступности, которых немало.

Например, И.И. Карпец к причинам преступности относил «социальные явления и процессы, которые вызывают, т.е. порождают или обусловливают совершение преступных деяний»[3].

П.С. Дагель причинами преступности считал «противоречия, возникающие в ходе социально-экономического развития общества»[4]. М.Д. Шаргородский отмечал, что «причинами преступлений являются, как и вообще преступности, те активные силы, которые своим действием порождают ее существование»[5]. Н.Ф. Кузнецова писала, что «причины и условия преступности – это система социально-негативных явлений и процессов, детерминирующих преступность как свое следствие»[6]. Об этом же говорят и другие ученые[7]. А.И. Долгова считает, что следует вести речь о причинах преступности как взаимодействии среды и человека (людей)[8].

Я.И. Гилинский полагает, что «непосредственной причиной преступности (как и иных форм отклоняющегося поведения) являются противоречия между социально сформированными потребностями людей и социально обусловленными возможностями их удовлетворения»[9].

[1] Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1995. С. 108.
[2] Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998. С. 158.
[3] Криминология: учебник. М., 1976. С. 124.
[4] Дагель П.С. Причины преступности в СССР и причины индивидуального преступного поведения // Проблемы преступности в криминологии и уголовном праве. Владивосток, 1983. С. 34.
[5] Шаргородский М.Д. Преступность, ее причины и условия в социалистическом обществе // Преступность и ее предупреждение. Л., 1966. С. 30.
[6] Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 44; Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998. С.158
[7] Рябыкин Ф.К. Криминология и предупреждение преступлений. М., 1993. С. 46.
[8] Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 207.
[9] Гилинский Я.И. Проблемы причинности в криминологической науке // Сов. гос-во и право. 1986. № 8. С. 69.

По мнению М.А. Кириллова, причины преступности – это социально-экономические противоречия в обществе на определенном этапе его развития, т.е. взаимодействие двух и более (социально-экономических, социально-психологических, социально-культурных и др.) явлений общества, которые с объективной закономерностью порождают следствие – преступность и преступления[1].

Высказывались даже мнения о том, что преступность является следствием борьбы за существование, т.е. наиболее безопасных условий выживания общества, государства и личности[2].

В последние годы некоторые криминологи предлагают отказаться от поиска причин преступности, перейдя к изучению корреляционных зависимостей общественных явлений[3].

Кроме того, все чаще в отечественной криминологии упоминается теория факторов, суть которой заключается в том, что на преступность влияют разнообразные явления (факторы), как отрицательные, так и положительные, такие как урбанизация, индустриализация, массовая фрустрация, этнопсихологическая несовместимость и многие другие.

Теория множественности факторов расширила и углубила представление о причинном комплексе преступности и тем самым обогатила криминологию. Но ее главный недостаток в том, что отсутствуют четкие представления о степени значимости тех или иных факторов, критериях их отнесения к причинам или условиям преступности[4]. Иными словами, теория факторов преступности не определяет, какие явления, влияющие на преступность, выступают причинами, а какие – условиями преступности.

Все же наиболее распространенной и признанной по данной проблеме является упомянутая ранее точка зрения о том, что причинами преступности является система или совокупность социально-негативных явлений и процессов, порождающих преступность как свое закономерное следствие[5], которая и нами принимается за основу.

Существуют в криминологии и определения непосредственно условий преступности, или преступлений. Например, Г.М. Миньковский писал, что условия преступности – это такие явления, которые сами не порожда-

[1] Криминология. Общая часть. Т. 1: учебник для вузов / под ред. М.А. Кириллова, В.И. Омигова. Чебоксары, 2015. С.106.
[2] Васильев В.С. Причины преступности и статистические закономерности // Криминальная ситуация на рубеже веков. М., 1999. С. 63.
[3] Зарубежная и российская криминология сегодня (Материалы теоретического семинара «Криминология сегодня») // Правоведение. 2000. № 4. С. 234.
[4] Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. М., 2006. С. 56, 57.
[5] Аванесов Г.А. Криминология. М., 1984; Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 44; Криминология. М., 1995. С. 61; Криминология. М., 1998. С. 158 и др.

ют преступность и преступления, а способствуют, облегчают, интенсифицируют формирование и действие причины»[1].

В.Е. Эминов отмечает, что под условиями преступлений понимаются те явления и факты реальной действительности, которые прямо преступлений не вызывают, но наличие которых может способствовать возникновению у человека намерения совершить преступление[2].

В качестве условий преступлений и, соответственно, всей преступности можно, например, назвать плохую охрану товарно-материальных ценностей, чем пользуются преступники при совершении хищений; виктимное, в частности, провоцирующее поведение жертвы преступления, что характерно для насильственных преступлений; слабо ведущуюся воспитательную работу в трудовых и учебных коллективах; недостатки профилактической работы сотрудников правоохранительных органов, в силу чего лица, нуждающиеся в профилактическом воздействии, его не получают и верят в свою безнаказанность и многие другие.

При рассмотрении причин и условий преступности следует определить и их отличие друг от друга. Оно заключается в механизме действия тех или иных явлений и процессов на преступность и преступления. Так, причины с неизбежностью порождают преступления и преступность, а условия – нет, они выступают в качестве «вспомогательного» фактора, ускоряющего действие причины, нередко подталкивающего индивида к совершению преступления. Без наличия причины никакие условия к совершению преступления и существованию преступности не приведут. Иными словами, причина играет главенствующую роль в причинно-следственных связях.

Следует отметить, что многие криминологи к причинам и условиям относят прежде всего объективные социальные негативные явления и процессы, например, такие как безработица, низкий материальный уровень жизни граждан, недостатки в работе правоохранительных органов и т.д. При этом мы полагаем, что при определении причин и условий преступности и, тем более, конкретных преступлений необходимо учитывать и субъективные факторы, коренящиеся в сознании лиц, совершающих преступления, групп лиц и определенных слоев населения страны (например, их негативное отношение к праву, обществу в целом, эгоистические, корыстные устремления, которые в настоящее время распространены у значительной части населения страны). Отдельные социологические исследования показывают, что среди опрошенных молодых людей 26 % единственной реальной ценностью назвали деньги; 40% утверждают, что

[1] Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994. С. 137.
[2] Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ. М., 2011. С. 104.

готовы добиваться своей цели, используя любые средства; около 50 % решительно оправдывают возможность получения незаконным путем материальных средств для занятия собственным делом (бизнесом)[1].

Таким образом, можно констатировать, что причины и условия преступности – это негативные социальные и социально-психологические явления и процессы, которые своим действием порождают преступность и способствуют совершению преступлений.

Чрезвычайная сложность, тесная взаимосвязь социальных и психологических факторов, влияющих на преступность и отдельные преступления, позволяют говорить о наличии не какой-то одной, а о множестве причин и условий преступности. Не случайно некоторые авторы говорят о комплексе причин и условий преступности. Например, В.Е. Эминов под ним понимает «взаимосвязанные, взаимообусловленные негативные социальные явления, объединенные общей природой, а также особенности возникновения, состояния и развития наиболее уязвимых их зон, в пределах которых чаще всего могут создаваться благоприятные условия для совершения преступлений. К ним, в первую очередь, относятся криминогенные явления в сфере экономики, политики, социальных отношений, нравственном состоянии общества, правовом регулировании[2].

С учетом сказанного нами и будут рассматриваться причины и условия современной российской преступности.

§ 2. Причинность в криминологии

Причинность в криминологии лежит в основе объяснения всего того, что связано с существованием и трансформациями преступности, она представляет собой внутренне содержание детерминации, т.е. причинное определение преступности. Интерес к такому причинному определению обнаруживается еще в философских работах Древнего мира: Платона, Аристотеля, Демокрита, Диогена, Протагора и Антисфена и др.

Позже в рамках криминологических учений о преступности и преступниках выделились направления, исследующие причины преступности: итальянская школа (Ч. Ломброзо, Э. Ферри, Р. Гарофало), теория окружающей среды (Ж.-А. Лакассань, Г. Тард, А. Корр), социалистическая школа (В. Годвин, Т. Локк, Н. Колаянни, Люкс), теория патологического объяснения преступления (Далли Маудсли, Тамбурини Мэлли, Эскироль Мишю, Ленц, Б. Томпсон Феррюс и др.), эклектическая школа (Ван Гамель,

[1] См.: Варыгин А.Н., Демидова-Петрова Е.В. Проблемы предупреждения нарушений законности сотрудниками органов внутренних дел. Казань, 2016. С. 118.
[2] Эминов В.Е. Указ. соч. С. 57.

Лист, Принс, в России – П.Н. Тарновская, Д.А. Дриль, Н.Д. Сергеевский, С.Р. Минцлов), спиритуалистическое учение (Лежен, Де-Бэтс, П. Гюманс, Жоли)[1]. Однако первые относительно завершенные концепции причин преступности сформировались во второй половине XIX века и связано это с рождением криминологии как науки.

История отечественной правовой мысли о причинности берет начало в работах А.Н. Радищева и К.Ф. Германа, позже она развивалась в трудах М.В. Духовского, И.Я. Фойницкого, Н.А. Неклюдова, А. Хвостова и П.Н. Ткачева и др. На протяжении двух столетий ученые-криминологи продолжали углубленно изучать явления, продуцирующие и способствующие развитию преступности, разрабатывали новые теории причин и условий преступности, однако считать эту проблему до конца решенной нельзя, о чем свидетельствует продолжающаяся до настоящего времени научная дискуссия.

На современном этапе причины и условия преступности рассматриваются на междисциплинарном уровне и не только юридическими науками – криминологией, уголовным правом, криминалистикой, но и целым рядом других – философией, социологией, психологией, психиатрией, историей, политологией и др. Она находила освещение в работах таких ученых, как Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Беляев Н.А., Ю.Д. Блувштейн, А.А. Герцензон, Я.И. Гилинский, Дагель П.С., А.И. Долгова, А.Э. Жалинский, И.И. Карпец, В.Е. Квашис, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев, Г.М. Миньковский, В.А. Номоконов, В.И. Полубинский, А.Б. Сахаров, В.Д. Филимонов, Д.А. Шестаков, А.М. Яковлев и др. При этом интерес к проблеме всегда имел и имеет прикладную основу, поскольку ее познание позволяет объяснять истоки преступности и разрабатывать наиболее эффективные меры предупреждения.

Современные исследователи выделяют не только причины и условия преступности, но и причины и условия ее типов, причины и условия преступного поведения и его типов. При этом они исходят из того, что причины преступности – это совокупность социальных, психологических, патопсихологических, а также иных явлений и процессов, обусловливающих преступность как свое закономерное следствие. Они всегда предшествуют преступлению, выступая необходимым источником следствия (преступности). Однако вне конкретных условий они не существуют и не действуют. Эти условия образуют комплекс явлений, которые сами по себе не порождают преступлений, но, оказывая влияние на развитие причин, обеспечивают возможность их действия. Без условий причина либо не

[1] См.: Ван-Кан. Экономические факторы преступности / перевод с франц. Л.В. Гольденвейзера и др. / под ред. С.В. Познышева. М., 1915. С. 7.

формируется, либо не реализуется, а одни только условия не порождают следствия (преступности)[1].

Так, Ю.М. Антонян считает причину явлением, обладающим генетическими способностями, а условие – способствующим действию причины, причем при отсутствии условия причина может быть блокирована[2].

В зависимости от обстоятельств причины и условия могут меняться местами, т.е. одно и то же явление может в определенных случаях порождать преступления, а в других только способствовать им. Разграничение причин и условий применительно к конкретным криминальным проявлениями вызывает затруднения, а в отдельных случаях невозможно. Таким образом, можно сделать вывод о том, что отграничивать причины и условия возможно с известной долей относительности. Поэтому в криминологии причины и условия преступности объединяют общим термином детерминантов. Анализируя детерминанты преступности, Н.Ф. Кузнецова отмечала, что причины и условия преступности образуют криминогенную систему, которая слагается из взаимодействующих элементов, иерархично структурированных[3].

Эти элементы, как упоминалось выше, носят наименование причин и условий, а также детерминантов преступности, однако наряду с ними в криминологической литературе применяются также термины «обстоятельства», «истоки» и «факторы» преступности. Термин «факторы преступности» наиболее универсален, поскольку может использоваться и как причина, и как условие, и как группа причин, объединенных общим признаком.

Криминологическая наука исходит из того, что не существует какой-то одной главной или основной причины преступности и что последняя обусловлена совокупностью различных факторов, проявляющихся на разных уровнях (вертикальный срез) и действующих в разных сферах (горизонтальный срез) общественной жизни (см. рис. 2).

[1] См.: Криминология: учебник и практикум / О.Р. Афанасьева, М.В. Гончарова, В.И. Шиян. М.: ООО «Издательство Юрайт», 2017. С. 59.
[2] См.: Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 62.
[3] См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Моск. ун-т, 1984. С. 32.

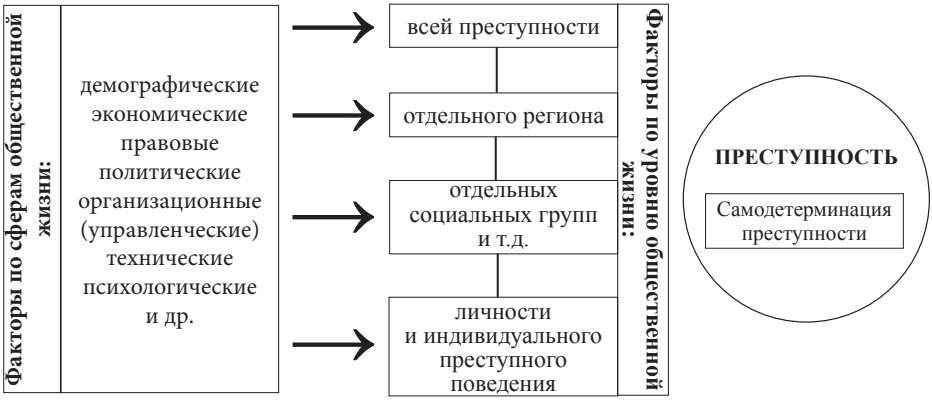

Рисунок 2 – Криминогенные факторы преступности

Ю.М. Антонян выделяет четыре уровня факторов преступности, проявляющихся на уровне:

всей преступности страны, включающих глобальные экономические, социальные, психологические и иные противоречия, значимые недостатки деятельности государственных органов и общественных организаций, состояние общественной нравственности, поведение отдельных людей;

отдельного региона (субъекта Российской Федерации или федерального округа);

отдельных социальных групп населения, выделяемых по какому-либо признаку – социально-демографическому (возрасту, полу, роду занятий и т.д.); сферы жизнедеятельности (в быту, на производстве, в армии и т.д.); вида преступности; области народного хозяйства или государственного управления;

личности и индивидуального преступного поведения[1].

В изучении факторов преступности на уровне личности и индивидуального преступного поведения наиболее ярко проявляется прикладное назначение науки криминологии, поскольку эти факторы выступают в качестве объекта индивидуальной профилактики, как способные подтолкнуть индивида к выбору противоправной формы поведения. Так, по мнению Ю.П. Оноколова, ими являются общественные отношения, связанные с нарушением действующего законодательства, норм морали и других правил поведения в обществе[2]. А.И. Долгова относит к ним внешние для преступника обстоятельства, в том числе поведение потерпевших; процессы, происходящие в самой преступности и приводящие к новому

[1] См.: Антонян Ю.М. Наука криминология: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 163.
[2] См.: Оноколов Ю.П. Теоретические аспекты определения понятий, связанных с предупреждением преступности // Миграционное право. 2011. № 3. С. 23 - 27.

воспроизводству преступного поведения, либо – применительно к преступлению – процессы, зависимые, прежде всего, от самого преступника; процессы взаимодействия с обществом (укрепление системы социального контроля, правоохранительных органов)[1].

Выявление таких факторов предполагает определение взаимосвязи причин, условий и механизма совершения конкретного преступления с целью последующего воздействия на них (устранение, нейтрализацию, минимизацию последствий и т.д.). Такая взаимосвязь обусловлена тем, что совершаемое преступное деяние в общем виде является процессом, развивающимся во времени и пространстве, включающим не только сами действия, изменяющие внешнюю среду, но и предшествующие им психологические явления и процессы, которые определяют генезис противоправного поступка[2]. На каждой стадии такого поступка осуществляется взаимодействие субъектов, объектов, элементов и явлений окружающей среды, а также действуют специфические факторы, выступающие последствиями предыдущих стадий и источниками последующих стадий[3]. То есть в результате активности и взаимодействий преступника, потерпевших, третьих лиц, окружающего мира, конкретной ситуации, актуальных условий и проч. происходят их взаимоизменения.

Первоначальная стадия совершения конкретного преступления (подготовка) включает выявление и осознание потребности, переходящее в формирование конкретного мотива – внутреннего смысла деятельности преступника. Верное определение подлинного мотива позволяет найти ответ на вопрос, почему совершено конкретное преступное деяние и чем руководствовался преступник, удовлетворяя те или иные нужды посредством совершения запрещенного законом действия.

Сформированный мотив либо группа мотивов, поскольку любое человеческое поведение полимотивировано, определяет преступную цель, средства и способы ее достижения, а также способы защиты от привлечения к уголовной ответственности и наказания.

Оканчивается первоначальная стадия принятием решения о совершении преступления.

Следующая стадия реализует принятое решение о совершении преступления.

На каждой из представленных стадий действуют причины и условия, как криминального, так и антикриминального свойства, определяющие особенности индивидуального преступного поведения.

---

[1] См.: Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2001.С. 435.
[2] Механизм преступного поведения / под. ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1981. С. 31.
[3] Антонян Ю.М. Причины преступного поведения. М., 1992. С. 10, 35.

Таким образом, может быть сформулирован вывод о том, что личность преступника выступает первопричиной индивидуального преступного поведения. Вместе с тем поведение человека, в том числе криминальное, детерминируется не только внутренними установками, но и внешними проявлениями жизнедеятельности (поводами, социальной средой и социальным окружением, конкретной жизненной ситуацией, особенностями поведения потерпевших и жертв), которые выступают условиями совершения конкретных преступлений.

Горизонтальный срез социальных криминогенных факторов действует в демографической, экономической, правовой, политической, организационной (управленческой), технической, психологической, патопсихологической и других сферах общественной жизни.

Демографические факторы.

Негативные тенденции демографических процессов (ухудшение физического и психического здоровья населения, снижение жизнеспособности, характеризуемой низкими показателями продолжительности жизни, высоким уровнем смертности, старением нации, широким распространением алкоголизма и наркомании и др.) способны влиять на состояние преступности.

Особое криминогенное воздействие оказывают миграционные процессы, и не только нелегальные. В результате миграции усложняется ситуация на рынке труда, растет нагрузка на социально-культурную инфраструктуру территории, усиливается социальная напряженность в обществе, способствующая возникновению ксенофобии, национальной, расовой и религиозной розни, а также увеличению количества этнических организованных преступных групп[1]. Мигрантские группы приносят с собой нередко своеобразные или даже контрастные культурные и религиозные нормы, обычаи, привычки, образ жизни, этические и правовые представления. Приведенные обстоятельства становятся источником противоречий и конфликтов между мигрантами и местным населением, а также детерминируют рост повторной преступности.

Экономические факторы.

Экономические противоречия жизни общества находят выражение в уровне жизни населения, занятости, качестве и условиях жилья, положении семьи, социальном сиротстве, досуговой сфере, межличностных конфликтах и отчужденности, социальных «болезнях». Можно утверждать, что неблагоприятные экономические факторы порождают социальную напряженность в обществе, что негативным образом отражается на криминальной ситуации.

[1] См.: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685).

Экономическое состояние страны оказывает прямое влияние на жизнь каждого гражданина. Имущественное неравенство, присущее каждому типу общества, ведет к расколу социума на имущих и неимущих, в каждом из которых действуют свои нормы, признаются различные ценности и антиценности, имеются разнообразные потребности и способы их удовлетворения. Вместе с тем так или иначе имущие и неимущие вынуждены взаимодействовать, поэтому материальное состояние каждого члена общества, определяющее в массовом сознании социальное положение и успешность человека, является вечной основой для социальных конфликтов, как внутриличностных, так и межличностных. Проявление этих конфликтов нередко носит преступный характер.

Правовые факторы.

Несовершенство и нестабильность законодательства, проявляющиеся в его противоречивости, непродуманности уголовно-правовых санкций, часто вносимых изменениях в Уголовный кодекс РФ неизбежно порождают недостатки практики его применения – ошибки в квалификации, избрании мер пресечения и назначении наказаний, неточности статистического учета совершенных преступлений, высокий уровень латентной преступности и др., что в свою очередь влечет снижение эффективности профилактики преступлений и неполную оценку криминальной ситуации.

Политические факторы.

Нестабильность политической сферы отрицательно влияет на организацию и формы осуществления государственной власти, законотворческий процесс; тормозит возникновение и развитие правовых институтов, соответствующих критериям правового государства и обеспечивающих правопорядок в обществе, а также формирование эффективной уголовной политики.

Кроме того, политические факторы детерминируют бюрократизацию государственного аппарата и коррупцию; приводят к глубоким социальным изменениям, неправомерному лоббированию интересов отдельных социальных групп в ущерб остальным; обусловливают проблемы межнациональных, межконфессиональных и межэтнических отношений. Политическая нестабильность в совокупности с другими криминогенными факторами приводит к глубоким социально-политическим конфликтам и социально-экономическим кризисам, воспроизводит преступность.

Организационные (управленческие) факторы.

Организационные факторы влияют на состояние преступности в трех аспектах. Во-первых, от состояния административного ресурса зависит отражение показателей преступности в официальной статистике. Так, рост статистических показателей может выступать следствием целенаправленного дифференцированного воздействия на преступность или ее

определенные виды в рамках осуществляемой уголовной политики и дополнительно – активизации деятельности правоохранительных органов; повышения внимания руководства МВД России и усиления прокурорского надзора за учетно-регистрационной дисциплиной.

Во-вторых, качество правоохранительной деятельности и реализации положений государственных и региональных программ борьбы с преступностью зависят о состояния самой системы, обеспечивающей борьбу с преступностью (уровень кадрового, ресурсного, информационного и иного обеспечения).

В-третьих, к числу важных факторов, влияющих на увеличение/снижение объема преступности, относится рост количества обращений граждан в органы внутренних дел, что связано с уровнем доверия населения к правоохранительным органам, их доступностью, в том числе через современные средства коммуникации.

Технические факторы.

Методы и способы совершения преступлений всегда опережают возможности противодействия им. Это связано и с не всегда серьезным подходом к вопросам обеспечения безопасности и защиты, а также экономией средств на этом направлении. Также к факторам этого вида можно отнести общую низкую техническую подготовленность сотрудников правоохранительных органов, имеющую решающее значение в борьбе, например с киберпреступностью, и ненадлежащее техническое оснащение, что в совокупности с трудностями раскрытия преступлений значительно затрудняет процесс сбора доказательств и поимку преступника. Причины ошибок мы видим в отсутствии методических рекомендаций и разъяснений по этим вопросам, отсутствии обобщенной судебной практики.

Психологические факторы.

Актуальный сегодня идейно-нравственный и духовный кризис, затронувший мотивационно-потребностные (общественные цели, потребности, интересы, ценности, чаяния, надежды, ожидания, стремления, намерения, установки, ориентации); познавательные (общественные мнения по разным вопросам жизни общества и деятельности государства, общественные взгляды, убеждения, представления, восприятия, память, верования, суеверия); эмоциональные (общественные настроения, чувства, переживания, аффекты, паника); поведенческо-волевые (общественные движения, акции поведения, нормы, обычаи, традиции, вкусы, мода)[1] психологические факторы самым неблагоприятным образом отражаются на состоянии преступности. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, «непосредственной причиной преступности и преступления является субъективный

[1] См.: Социальная психология / под ред. А.М. Столяренко. М., 2001. С. 320, 321.

фактор: дефекты психологии индивидуумов, социальных общностей … социально-психологические детерминанты, включающие элементы экономической, политической, правовой, бытовой психологии на разных уровнях общественного сознания»[1].

Механизм воздействия всех уровней и сфер криминогенных факторов на преступность может быть определен как системный или комплексный, степень влияния каждого из них точно установить невозможно. Правильнее вести речь о криминогенном комплексе преступности, объединяющем все уровни факторов и способном наиболее полно охватить все то, что в конечном итоге обусловливает преступность в актуальном состоянии, позволяет выявить совокупности внешних и внутренних обстоятельств, оказывающих на нее влияние[2].

Многие криминогенные процессы меняют свои внешние характеристики, но при этом усиливается интенсивность их непрерывного негативного воздействия на различные сферы жизнедеятельности граждан, общества и государства. Таким образом, возрастает социально-негативный эффект от самой преступности, а также от различного рода длящихся деструктивных процессов, включенных в структуру криминогенной детерминации, т.е. широкого спектра значимых для общества и государства явлений. Эти знания создают возможности для моделирования изучаемого процесса и прогнозирования его последующего развития.

Раскрывая сущность криминогенного комплекса преступности, необходимо отметить, что и сама преступность стала существенным криминогенным фактором, воспроизводя саму себя, подготавливая необходимые условия для своего существования. Подобным образом проявляется ее существенный признак – самовоспроизводство, которое представляет собой обусловленность присущими преступности внутренними репродуктивными свойствами, которые проявляются при наличии благоприятной внешней среды, приводящей к росту (расширению) преступности и поддержанию ее на определенном уровне[3].

§ 3. Классификация причин и условий преступности

Проблема понимания причин и условий преступности является центральной. Ее значение определяется тем, что, познав ее, возможно на научной основе разработать и осуществить меры по противодействию преступности как сложному негативному явлению.

[1] Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 44.
[2] Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998. С. 9.
[3] См.: Макаров В.В. Криминологическое исследование самодетерминации преступности. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 65.

Как уже отмечалось, преступность обусловлена сложной системой разнородных как по природе, так и по механизму воздействия причин и условий, что предопределяет необходимость их классификации, т.е. группировки по отдельным признакам и в соответствии с жесткими критериями.

Попытки классифицировать причины и условия преступности тем или иным образом осуществлялись исследователями на всех этапах развития криминологических знаний. Так, П.Н. Ткачев, изучая статистические данные, пришел к заключению, что «количество и качество преступлений обуславливаются совокупным влиянием физических и социальных условий»[1]. И.Я. Фойницкий развивал учение о трех группах факторов преступности – физических, общественных и индивидуальных[2].

В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов предложили рассматривать причины и условия преступности на разных уровнях, выделив три:

нижний уровень – психологический (индивидуальный) включает причины совершения преступления конкретными людьми (недостаточная социализация личности, неполное усвоение ею норм социальной жизни, слабая адаптированность к окружающей действительности);

второй уровень – социологический, связанный с пороками и недостатками общественной системы, т.е. социальными, экономическими, политическими и духовными явлениями, вызывающими преступность, их взаимосвязь и взаимная обусловленность. Они влияют на формирование личности преступника, мотивацию и выбор формы его поведения;

третий уровень – философский. Причины этого уровня коренятся в негативных явлениях общества в целом[3].

В других современных криминологических исследованиях выделяют следующие основания классификации причин и условий преступности:

1. По механизму действия:

детерминанты;

криминогенные факторы.

2. По сфере существования:

индивидуальные или антропологические, лежащие в личности преступника (пол, возраст, раса, наследственность, наличие соматических и психических заболеваний, духовно-нравственные особенности преступника, интеллектуальный уровень и др.);

---

[1] Ткачев П.Н. Статистические этюды // Библиотека для чтения. 1863. № 12. С. 3.

[2] Кашепов В.П. И.Я. Фойницкий // История русской правовой мысли: Биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 518.

[3] Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма: Инфра, 2010.

физические, связанные с влиянием сил природы (климат, температура, географическое положение, строение почвы и пр.);

социальные, связанные с влиянием общества (богатство и бедность, наличие жилища и занятия, образование, политическое устройство и др.).

3. По уровню функционирования криминогенного комплекса:

- причины и условия преступности в целом.

Они зависят от конкретных исторических условий существования государства, от содержания и направленности его институтов, от сущности и способов решения основных проблем и противоречий и включают наиболее крупные обобщенные блоки детерминантов преступности, действующие во всех значимых сферах жизнедеятельности общества и государства (социально-экономические, демографические, политические, правовые и др.). Им принадлежит значимая роль в причинном комплексе преступности, поскольку они противоречивы, вызывают не только криминогенные последствия, но и всю гамму других производных от них негативных явлений социальной действительности, влияющих прямо либо опосредованно на преступность либо деятельность по борьбе с ней;

- причины и условия отдельных видов преступлений.

Они определяют состояние конкретного вида преступности (насильственной, корыстной, рецидивной, коррупционной, неосторожной и т.д.);

- причины и условия конкретных преступных деяний.

Они проявляются как при формировании личности преступника, так и в ситуации совершения преступлений и выступают первичным элементом криминогенной системы.

Представленные уровни причин и условий преступности взаимообусловлены. Процесс их взаимосвязи идет от общего к частному (конкретному), так и наоборот, т.е. от причин и условий конкретного преступления к специфике видов преступности, к обобщающим характеристикам криминогенного комплекса преступности в целом. Между тем содержание уровней не может быть сведено к арифметической сумме причин и условий конкретных преступлений, поскольку образованная тремя уровнями система детерминант преступности обладает качественно новыми интегральными свойствами системного социального явления.

По такому же основанию уровни причин и условий преступности могут быть дифференцированы на:

общие (к ним относят пережитки в сознании и поведении людей; отставание сознания от бытия; влияние чуждых идеологии и образа жизни; отдельные недостатки и упущения, ошибки и просчеты, негативные противоречия, проявляющиеся на государственном и общественном уровнях) и

конкретные (имеющие отношение к конкретной личности).

4. По сущности:

социальные;

биологические.

Российские криминологи исходят из концепции социальной обусловленности причин и условий преступности. Биологические же взаимосвязи рассматриваются ими только при анализе причин конкретных преступлений и их разновидностей.

5. По природе возникновения:

объективные. Социальные противоречия создают принципиальную возможность существования преступности, формирования преступного поведения. Их существование не зависит от воли и желания людей и поэтому их можно только нейтрализовать, блокировать, сократить, противодействовать их развитию и криминогенному воздействию;

субъективные. Они зависят от воли и сознания людей, охватывают различные идеальные формы, психические процессы, свойства, состояния и образования, определяющими среди которых выступают потребности и интересы субъектов правоотношений, их личностные качества, а также уровень правовой психологии и правовой идеологии.

Следует учитывать, что в чистом виде не существует ни объективных, ни субъективных причин и условий. Большинство из них носит промежуточный – объективно-субъективный характер с преобладанием либо объективной, либо субъективной составляющей, а их взаимодействие – дефектов обыденного сознания и объективных условий общественного развития – представляет собой основной механизм, порождающий правонарушения[1].

6. По источникам возникновения:

- внутренние, имеющие место внутри государства;

- внешние – международные, межгосударственные, транснациональные.

7. По содержанию сферы действия:

- социально-экономические, связанные с экономикой, проблемами производства, инфляцией, уровнем жизни, поляризацией доходов, бедностью, занятостью, социальными болезнями и т.д.;

- социально-демографические (уровень миграции, рождаемости, смертности, урбанизации, половозрастная и социальная структура населения, его численность);

- идеологические;

- политические;

- социально-психологические, т.е. совокупность таких социально-психологических свойств общества, которые возникают в результате дефек-

[1] Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 220.

тов социализации членов общества и наличие которых в определенной ситуации предопределяет терпимое отношение к преступникам и преступлениям, допускает их совершение в определенных ситуациях;

- национальные;
- этнические;
- культурно-воспитательные (состояние духовности и нравственности общества, культурный уровень, распространенные ценностные ориентации, отношение к морали, нигилизм и негативизм);
- организационно-управленческие;
- информационно-коммуникативные;
- религиозные;
- виктимогенные.

8. По территории действия:

- федеральные (актуальные для всего государства);
- региональные, действующие на территории отдельных субъектов Российской Федерации и административных образований;
- местные.

9. По уровню проявления криминогенных факторов:

- социальной среды (макросреды) в целом;
- формирования личности (микросреда);
- личности, взаимодействующей с конкретной жизненной ситуацией.

10. В зависимости от сферы действия:

- семейно-бытовые;
- учебно-трудовые;
- досуговые;
- спортивные;
- пенитенциарные.

11. По временной распространенности:

- действующие постоянно;
- действующие временно.

Среди последних – действующих временно – могут быть выделены действующие во время чрезвычайных ситуаций и военных действий.

§ 4. Причины преступности в современной России

В складывающихся политических, включая международные, и экономических условиях существования российского социума противодействие преступности, являясь стратегическим направлением государственных усилий, должно опираться на механизмы криминологического анализа. Прежде всего,

это утверждение относится к факторам и проблемам, так или иначе способным влиять на состояние криминальной ситуации, что создаст предпосылки для максимальной активизации и совершенствования организационно-управленческой, правоприменительной и оперативно-служебной деятельности всех органов, призванных осуществлять контроль над преступностью.

В настоящий период состояние преступности на территории России по ряду опасных криминальных проявлений сохраняет тенденцию к дальнейшему осложнению, несмотря на снижение абсолютных значений практически по всем видам посягательств. Криминализация общественных отношений, рост преступлений террористического характера, экстремистской и коррупционной направленности, незаконного оборота оружия остаются основными криминальными вызовами и угрозами государственной и общественной безопасности[1]. В связи с этим выявление и изучение причин и условий, детерминирующих преступность, являются необходимой предпосылкой эффективной борьбы с негативными социальными явлениями.

Причины и условия преступности коренятся в тех особенностях жизни общества, которые характерны для современного российского государства, существуют во всех его институтах, обусловлены историческим развитием и образуют причинные комплексы социально-экономического, правового политического и нравственно-психологического блоков.

Состояние российской преступности предопределено историческим развитием государства – национально-территориальным размежеванием первой трети XX в.; геноцидом и репрессиями народов, населяющих территорию СССР; ГУЛАГа; межнациональными конфликтами; вовлеченностью в очаги горячих точек иностранных государств; стремительным распадом СССР и переходом от плановой экономики к рыночной, от тоталитаризма к демократии; несправедливой приватизацией государственной собственности; глобальными миграционными процессами; ростом агрессии и социальной напряженности и т.д. при богатейших природных ресурсах, опережающем росте посреднического и банковского капитала, цен на товары и услуги по сравнению с развитием производства. Все это благоприятствует определенному процветанию преступности.

Экономическая ситуация в России последних лет складывается под влиянием кризисных внешнеэкономических условий – снижения цен на нефть, продолжения действия международных санкций со стороны ЕС и США, сохранения тенденции к снижению инвестиционной активности, повышения военных расходов государства, что не могло еще более обострить существую-

[1] См.: Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2016 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2016.

щие экономические противоречия жизни общества (полярность уровней жизни населения, снижение занятости, ухудшение положения семьи, обострение межличностных конфликтов и отчужденности, социальных «болезней» и др.).

По данным Фонда Общественного Мнения, экономический кризис отмечают 68% россиян, и этот показатель практически остается неизменным последние полгода. Его проявлениями выступают: инфляция, рост цен на тарифы и услуги (30% респондентов); снижение уровня жизни людей, их доходов, задержки, уменьшение выплат (29%); безработица, сокращения на работе (14%)[1]. Недовольны своим положением 55% респондентов. Более всего беспокоят людей низкие доходы и растущие расходы – именно эти проблемы назывались среди самых насущных.

По данным Федеральной службы государственной статистики реальные располагаемые денежные доходы населения снижаются. За последние три года это снижение составило порядка 10%. Одновременно увеличилось число граждан России с доходами ниже прожиточного минимума, а равно и величина прожиточного минимума. Уровень бедности в настоящее время превысил показатель кризисного 2008 г. и постдефолтного 2009 г. (см. таб. 2).

Таблица 2

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода

	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума:		**Дефицит денежного дохода:**		**Величина прожиточного минимума (руб./мес.)**
	млн человек	**% от всего населения**	**млн руб.**	**% от общего объема доходов населения**	
2008	19,0	13,4	326,7	1,3	4593
2009	18,4	13,0	354,8	1,2	5153
...	...	...	...	...	...
2014	16,1	11,2	478,6	1,0	8050
2015	19,5	13,3	700,8	1,3	9701
2016	19,8	13,5	722,3	1,3	9828

Высокий уровень бедности традиционно считается детерминантой корыстной и корыстно-насильственной преступности, т.е. наиболее распространенных посягательств.

[1] Опрос «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 21 мая 2017. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства.

Одной из глобальных социальных проблем современной России выступает ухудшение физического и психического здоровья, в том числе беременных женщин, детей и молодежи, снижение жизнеспособности, характеризуемой низкими показателями продолжительности жизни, старением нации, все более широким распространением алкоголизма, наркомании и психических расстройств различной степени выраженности, а также снижением правового и духовного здоровья населения. Все это в комплексе детерминирует девиантное поведение, включая крайние его формы – совершение противоправных поступков.

Среди факторов, влияющих на состояние преступности в России, следует назвать миграционные процессы, усугубляющие существующие проблемы многонационального населения страны, религиозные и межэтнические конфликты, в том числе вооруженные (см. таб. 3).

Таблица 3

Число прибывших на территорию Российской Федерации мигрантов

Прибыло в РФ:	**2013**	**2014**	**2015**
всего	482241	590824	598617
в том числе из:			
стран СНГ	422738	529448	536157
стран дальнего зарубежья	59503	61376	62460
других стран	5899	5108	7184

Кроме того, криминогенными последствиями миграции выступают:

сопровождающие ее различные виды противоправной деятельности, в том числе связанные с работорговлей, криминальной эксплуатацией человека (трудовой, сексуальной), контрабандой, наркобизнесом;

нелегальные мигранты все чаще становятся объектами внимания преступников, включая представителей экстремистских и террористических организаций;

формирование криминальных национальных сообществ, моноэтнического бизнеса и, как следствие, – рост организованной преступности;

прибывание на территорию страны лиц, прошедших обучение в лагерях ИГИЛ (Исламское Государство Ирака и Леванта)[1] и имеющих опыт ведения вооруженных операций.

Правовые факторы преступности, как упоминалось выше, связаны с несовершенством и нестабильностью законодательства, обусловливающих

[1] Единый федеральный список организаций (в том числе иностранных и международных) признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими (на 5 июля 2019 г.). URL: http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm (дата обращения: 18.10.2019).

проблемы правоприменительной практики, которые в свою очередь влекут совокупность явлений, способствующих совершению преступлений и препятствующих эффективной реализации мер противодействия преступности.

Так, постоянно изменяющееся уголовное законодательство (поправки вносятся фактически ежемесячно) требует от работников правоохранительной системы постоянного переосмысления накопленного опыта, ставя все новые и новые задачи. В последние годы к этому добавились сложности, связанные с реформированием МВД, уголовно-исполнительной системы, прокуратуры и Следственного комитета РФ, ликвидация ФСКН России и ФМС России в целях приведения системы правоохранительных органов в состояние, адекватное современным условиям, и способности противодействовать криминалу.

Отсутствие эффективной законодательной основы реабилитационной помощи для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также несовершенство законодательства об административном надзоре во многом обусловливают негативные тенденции рецидивной преступности.

В качестве правовых факторов преступности актуальны проблемы правового регулирования учетно-регистрационной дисциплины. Так, недостаточная понятийная правовая определенность понятия «экстремизм» является причиной несовершенства статистического учета преступлений экстремистской направленности; искажает результаты оценки их реального состояния и распространенности тех или иных проявлений; определяет условный характер полученных статистических данных и обусловливает применение различных подходов правоприменительной практики.

Криминогенные факторы политического свойства, выражающиеся в бюрократизации государственного аппарата и высоком уровне коррупции, приводят к глубоким социальным изменениям, лоббированию интересов отдельных социальных групп в ущерб другим, обусловливают проблемы межнациональных, межконфессиональных, межэтнических отношений и, как следствие, влекут воспроизводство преступности во всем многообразии ее проявлений.

Неудовлетворительные социально-экономические условия, в которых находится большая часть населения, преемственная недоступность определенного уровня благополучия, чувство несправедливости из-за происходящего, помимо детерминации преступного поведения, порождает массовую социальную дезорганизацию, выражающуюся в явлении аномии. Его сущность проявляется в таком состоянии общества, когда существенно ослабевает сдерживающее действие морали и общество перестает оказывать ограничивающее воздействие на личность. Аномия усугубляется в периоды крупных социальных кризисов[1].

[1] См.: Дюркгейм Э. Избранные труды. М., 1994. С. 143.

В современном понимании аномия – это состояние общества, в котором разложение и распад системы ценностей, норм, обеспечивающих общественный порядок, происходит в результате значительного расхождения между потребностями и интересами части его членов, с одной стороны, и возможностями их удовлетворения легальными способами – с другой. Это «отсутствие четкой системы социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам»[1].

При достаточно резкой поляризации социальных групп отдельные из них перестают чувствовать свою принадлежность к обществу, отчуждаются, правовые нормы и социальные ценности отвергают, а вместо них средствами достижения целей выдвигают собственные, нередко преступные. Несоблюдение норм и девиантность становятся типичным фактором нерешенных социальных проблем на государственном уровне[2]. В условиях аномии массовое распространение получают различные формы социальной патологии, возрастает преступность[3].

Перечисленные причины и условия преступности в значительной мере находятся за пределами воздействия на них правоохранительных органов. Очевидно, что устранение этих причин и условий предполагает реализацию профилактических мер, главным образом общего государственного значения.

Криминогенный комплекс преступности постоянно развивается и видоизменяется. Так, развитие коммуникационных сетей, информационных технологий и массовой компьютеризации приводит к эволюционным изменениям криминальной среды не только на уровне отдельных государств, но и во всем мировом сообществе. Отсутствие должного социального контроля привело к тому, что сеть Интернет практически безнаказанно стала использоваться преступниками как место и основное средство совершения различных посягательств, как традиционных (мошенничеств, краж), так и иных – похищений и продажи конфиденциальной информации, вымогательств, «геймерских» мошенничеств, а равно распространения предметов и услуг, исключенных из легального оборота (наркотических средств, детской порнографии). Особую опасность представляют чрезвычайно актуальные сегодня киберэкстремизм и крайняя его форма – кибертерроризм.

Невозможность должного контроля над информацией, к которой имеет доступ неограниченный круг лиц, стимулирует рост определенных видов преступности, в частности насильственных, например, путем размещения

[1] Громов И.А., Мацкевич И.А. Семенов В.А. Западная социология. СПб., 2003. С. 531.
[2] См.: Дремин В.Н. Институциональная теория преступности и криминализации общества: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Одесса, 2010. С. 17.
[3] См.: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009. С. 116-120.

сведений о методах конструирования самодельного оружия, взрывчатых веществ. Информирование о способах незаконного получения информации, программах взлома паролей и кражи данных, включая конфиденциальные, может детерминировать совершение корыстных преступлений.

Популярность и расширение границ криминальной субкультуры, «воровских законов, традиций, обычаев». Их распространителями выступают профессиональные преступники и лица, занимающие наиболее влиятельное положение в преступной иерархии. В местах лишения свободы эти нормы в разной степени соблюдаются значительной частью осужденных. Привычка их соблюдать сохраняется и после отбытия наказания, «заражает» круг общения лиц, освободившегося после отбытия наказания[1].

Само по себе ее существование способствует тому, что определенные элементы криминальной субкультуры внедряются в качестве естественных в сознание значительной части населения. Их проникновение в сознание и поведение законопослушных граждан, их тиражирование в рамках социальных институтов гражданского общества, политики и т.п. свидетельствует об изменении культурных установок самого социума. Это тревожный показатель, отражающий в целом формирование смягченной позиции общества в отношении преступного мира. Сочувственное отношение к преступникам и преступлениям заметно снижает возможности социального контроля и раннего выявления преступлений.

Изменения социальных ценностей и морали, падение общего культурного уровня масс формируют самостоятельный блок причин и условий преступности – нравственно-психологический, который включает:

- распространенное среди основной части населения чувство неуверенности в своей безопасности (личной, финансовой, имущественной), в благоприятной перспективе для себя и своих близких;

- неверие в способность и желание власть имущих вести управление и реформирование государства в интересах населения;

- высокий уровень тревожности, раздражения, конфликтности, агрессии в обществе;

- утрата этических ориентиров, позволяющих объективно оценивать допустимость и недопустимость определенных поступков в решении жизненных проблем;

- алкоголизм и наркомания, их распространенность среди подростков и молодежи;

- растлевающее влияние средств массовой информации и коммуникации;

[1] См.: Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект): дис. … д-ра психологич. наук. М., 2000. С. 465-466.

- традиционно низкий в последние годы уровень солидарности населения с правоохранительными органами в их деятельности по предупреждению преступлений;

- многовековые традиции и дозволенность «мздоимства», «лихоимства» и «казнокрадства» на государственной службе;

- избрание все большей частью населения главной целью жизни высокого материального положения под лозунгом «makemoney», ее популяризация в искусстве, науке и философии;

- консьюмеризм, т.е. непрерывный рост и смена потребностей, негативным образом воздействующий на умонастроение и психику человека, сужая помыслы и желания до получения сиюминутных удовольствий и материальных благ любым способом. Потребительские настроения делаются господствующими в обществе, детерминируя отклоняющееся поведение.

В последние десятилетия проблемы миграции аккумулируют целый спектр болезненных вопросов: социальное неравенство, столкновение культур, общеуголовную и этническую преступность, религиозный экстремизм и терроризм и т.п. Мигранты прибывают в поисках жилья, заработка, убежища и довольно быстро оказываются под влиянием своих земляков, которые уже смогли обжиться, сформировать капитал нередко незаконным путем. Происходит объединение людей на этнической основе для совершения преступлений. Преступная деятельность становится для этнических сообществ ведущим способом добывания средств к существованию.

Необходимо отметить, что в связи с усилением миграционных процессов в Россию нередко прибывают уже сформированные организованные этнические преступные группы. Они представляют повышенную общественную опасность, так как обладают устойчивой структурой, имеют опыт ведения боевых действий и значительное количество огнестрельного оружия. Одни из них вливаются в уже существующие преступные сообщества, а другие вступают с ними в прямую конфронтацию, пытаясь добиться передела сфер влияния, что приводит к открытым столкновениям и человеческим жертвам.

Кроме того, мигранты вызывают определенную опасность распространения радикальных религиозных учений[1]. Они становятся, с одной стороны, объектом для вербовки в экстремистские и террористические организации, а с другой – нередко сами распространяют экстремистскую идеологию и формируют ячейки запрещенных в России организаций.

[1] Улезько С.И. Проблемы криминологической оценки воздействия экономических факторов преступности на интенсивность экстремистских проявлений в современной России // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 162.

§ 5. Изучение причин и условий преступности органами внутренних дел

Для осуществления эффективной работы по предупреждению преступности органы внутренних дел должны обладать определенными знаниями о природе и содержании причин и условий преступности и преступлений, а также их социальной обусловленности.

В практической деятельности органов внутренних дел изучение причин и условий преступности осуществляется в процессе их выявления и устранения, что закономерно вытекает из норм Федерального закона «О полиции»[1], п. 4 ч. 1 ст. 12 которого обязывает полицию выявлять причины преступлений и условия, способствующие их совершению.

Можно выделить два направления изучения причин и условий преступности сотрудниками органов внутренних дел, а именно;

- изучение причин и условий преступлений в рамках конкретного уголовного дела;

- обобщенное изучение причин и условий всех преступлений, совершенных на обслуживаемой территории.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу следователь, дознаватель обязаны выявлять мотивы совершенного виновным преступления и условия, способствующие его совершению. Таким образом, причины и условия преступлений являются обстоятельствами доказывания по любому уголовному делу. Они, как ранее отмечалось, могут существовать в различных сферах социальной действительности (экономике, политике, праве, идеологии и культуре, в управленческой деятельности), а также в непосредственной жизнедеятельности конкретных лиц, совершающих преступления. По этим двум направлениям и осуществляется выявление и, соответственно, изучение причин и условий отдельных преступлений и всей преступности в целом. Рассмотрим эти направления в целях выявления причин и условий преступлений, среди которых как процессуальные, так и не процессуальные меры.

Процессуальные меры закреплены в соответствующих нормах УПК РФ и осуществляются в ходе проведения конкретных следственных действий, например, осмотра места происшествия, допроса потерпевшего и свидетелей, допроса обвиняемого и подозреваемого и некоторых других.

Так, в ходе осмотра места происшествия, например, по таким преступлениям, как кражи, выявляются условия, способствующие их со-

[1] О полиции: федеральный закон № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. (с изм. и доп. от 03 июля 2016 г., № 305-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4238.

вершению (отсутствие охраны, сигнализации на объектах, где хранятся товарно-материальные ценности; примитивность запорных устройств; употребление потерпевшим или преступником спиртных напитков; беспечное отношение граждан к сохранности своего имущества и т.д.).

Допрос потерпевших и свидетелей позволяет выявить множество обстоятельств, способствующих совершению преступления, например, виктимное, порой провоцирующее поведение граждан, ставших потерпевшими от преступных действий, взаимоотношения потерпевшего и преступника; длительность антиобщественного образа жизни подозреваемого и обвиняемого иные характерные черты его личности; отсутствие за ними контроля со стороны сотрудников органов внутренних дел и многие другие.

Допрос подозреваемого и обвиняемого является важным этапом выявления причин и условий индивидуального преступного поведения. В ходе таких следственных действий выясняются непосредственные причины, толкнувшие виновного на нарушение уголовного закона, условия, которые способствовали совершению им преступления.

Сведения, указывающие на причины и условия преступлений, могут быть получены в ходе иных следственных действий: следственного эксперимента, очной ставки, проверки показаний на месте, назначения и производства судебных экспертиз. Например, экспертиза замков, изъятых с места происшествия, может показать их несовершенство и способы, которыми они были открыты. Автотехническая экспертиза может выявить технические неисправности в транспортном средстве, способствующие дорожно-транспортному преступлению.

Непроцессуальные меры применяются, как правило, при выявлении и изучении причин и условий всех преступлений, совершенных на обслуживаемой органом внутренних дел территории. Такое изучение может осуществляться путем следующих мер:

- анализ материалов уголовных дел по преступлениям, совершенным на обслуживаемой территории. Например, изучение уголовных дел по квартирным кражам, совершенным в районе за несколько предшествующих лет, позволит выявить наиболее типичные причины и условия таких преступлений;

- анализ карточек статистической отчетности о совершенных преступлениях, например, формы-1, в которых также содержится немало сведений об условиях совершения преступлений;

- изучение сообщений в средствах массовой информации, в частности, в журналистских расследованиях, могут содержаться сведения о преступлениях и их причинах и условиях; в интервью граждан, сообщающих о тех или иных недостатках о деятельности должностных лиц;

- анализ заявлений, сообщений, жалоб, поступающих в органы вну-

тренних от граждан или должностных лиц, в которых также нередко содержатся данные о криминогенных факторах.

Кроме того, можно выделить еще один способ изучения причин и условий преступности органами внутренних дел, а именно проведение криминологических исследований научными и научно-образовательными организациями системы МВД России (ВНИИ МВД России, Академии управления МВД России, университетами и институтами МВД России)[1].

Выявление и изучение причин и условий преступности и конкретных преступлений органами внутренних дел является необходимой основой их дальнейшей деятельности по устранению таких причин и условий, что осуществляется в результате осуществления общепрофилактических мероприятий.

Вопросы для самоконтроля:

1. Дайте определение причинам и условиям преступности.
2. Каково соотношение понятий «причины и условия преступности», «детерминанты преступности» и «факторы преступности»?
3. В чем выражается роль ситуации в совершении конкретного преступления?
4. Какие существуют основания для классификации детерминант преступности?

Литература:

Антонян Ю.М. Наука криминология: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. – 376 с.

Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. Криминология / отв. ред. О.Л. Дубовик. М.: ИД ВШЭ, 2014. – 698 с.

Криминология: учебник / коллектив авторов; под общ. ред. В.И. Гладких. М.: Юстиция, 2017. – 422 с.

Криминология. Общая часть. Т. 1: учебник для вузов / под ред. М.А. Кириллова, В.И. Омигова. Чебоксары, 2015. – 621 с.

Макаров В.В. Самодетреминация преступности: монография / под ред. Г.Ю. Лесникова. М.: Юрлитинформ, 2015. – 144 с.

Максимов С.В., Эминов В.Е. Концепция борьбы с организованной преступностью в России: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2015. – 80 с.

Причины преступности в России. М.: ВНИИ МВД России, 2013. – 348 с.

[1] См.: Данилова С.И. Установление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, в стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2001; Оноколов Ю.И. Детерминация преступности военнослужащих: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2005; Сторубленкова Е.Г. Изучение статистической зависимости преступности от криминогенных факторов: дис. … канд. юрид. наук. М.: МУ МВД России, 2006 и др.

Глава VI
МЕХАНИЗМ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПРИЧИНЫ КОНКРЕТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ)

§1. Понятие и структура механизма преступного поведения

Как известно, преступность характеризуется совокупностью различных актов индивидуального поведения, совершаемых стихийно, по своей природе преступность явление целостное и закономерное, которому присущи общие свойства и определенные системообразующие связи. Преступность – это сложное социолого-правовое явление, которое представляет собой прежде всего совокупность преступлений, в силу чего и преступления, и преступность обладают общими признаками.

При уголовно-правовом подходе преступление определяется как виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания (ст. 14 УК РФ). Указанное определение выражает внешнее проявление человеческого поведения. При этом проводится юридический анализ состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона).

Однако при криминологическом подходе в первую очередь рассматриваются объективные и субъективные факторы, предшествующие преступному поведению, которые обуславливают мотивы преступления, планирование преступления, принятия решений о совершении преступления, совершение преступления, посткриминальное поведение и т.д.

Все эти обстоятельства еще не образуют состава преступления. Однако они могут быть включены в понятие преступного поведения, которое в криминологическом понимании охватывает формирование преступного намерения и его осуществление. Понятие преступного поведения гораздо шире, нежели понятие преступления.

Таким образом, *преступное поведение* есть процесс, включающий внешние, объективные действия, образующие состав преступления, а также внутренние, предшествующие им психологические явления и процессы, которые определяют совершение конкретного преступления[1].

Важным аспектом изучения преступного поведения является анализ его **«механизма»**. Механизм – это последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие, явление[2].

[1] Механизм преступного поведения. М.: Наука, 1981. С. 31.
[2] Ожегов С.И. и др. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995. С. 346.

Под механизмом преступного поведения понимается определенная последовательность преступных процессов: возникновение преступных намерений, принятие решения о совершении преступления, планирование своих поступков, осуществление их преступником, сокрытие следов преступления. Кроме того, при определении механизма преступного поведения следует учитывать факторы формирования криминогенных качеств личности.

В криминологической литературе отмечается, что механизм преступного поведения представляет собой динамическое явление, определенное взаимодействием составляющих его элементов[1].

Элементы механизма преступного поведения – это психические явления и процессы, рассматриваемые в динамике и во взаимодействии с факторами внешней среды, детерминирующими это поведение[2].

Преступное поведение относится к девиантному, отклоняющемуся поведению. Его специфика заключается в общественно опасном характере (не все поведенческие девиации социально опасны) и противоправности (нарушении уголовно-правовых норм).

Единицей преступного поведения является виновно совершенное вменяемым субъектом, общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное уголовным законом под угрозой наказания.

Криминологический анализ преступного поведения должен основываться на доктрине науки уголовного права о преступлении, в особенности о невменяемости и вине. Именно наука уголовного права в первую очередь задает границы и формирует содержание такого анализа.

Механизм преступного поведения как процесс взаимодействия личности с окружающей средой имеет свою структуру, центральными элементами которой выступает криминальная мотивация и планирование. Эти элементы отражаются в совершении преступления и посткриминальном поведении. А источниками данных элементов выступают этапы процесса формирования криминогенных качеств личности в процессе социализации.

Итак, можно выделить **следующие этапы механизма преступного поведения:** 1) формирование криминогенных качеств личности; 2) мотивация; 3) принятие решения; 4) планирование; 5) совершение преступления; 6) посткриминальное поведение (см. рисунок 3).

[1] Дубовик О.Л. Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. М.: Акад. МВД СССР, 1977. – С. 5.
[2] См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. М.: «ФОРУМ-ИНФРА-М», 1998. С. 32-33.

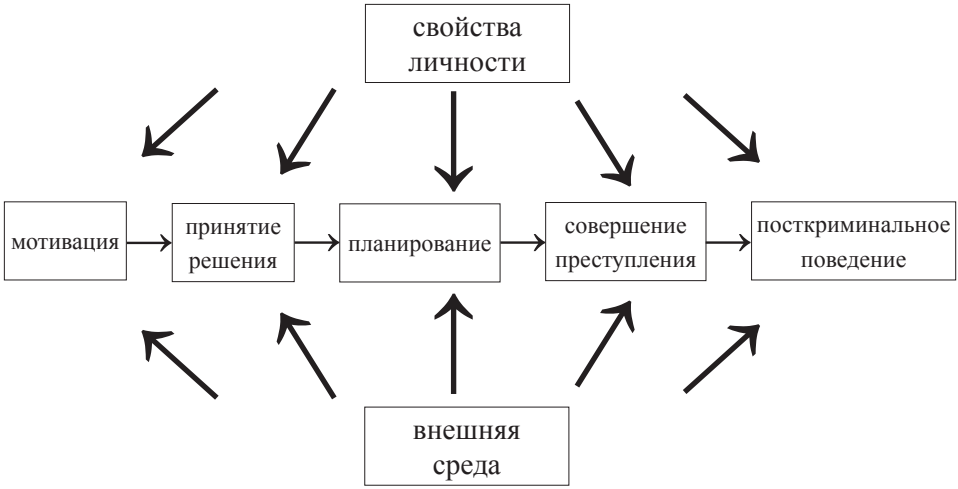

Рисунок 3 – Этапы механизма преступного поведения

Однако следует помнить, что по форме вины выделяют умышленные преступления и неосторожные. Кроме того, значительный интерес вызывают преступления, совершенные в состоянии аффекта. Механизм преступного поведения в каждом случае имеет свою особенность. На представленном рисунке мы видим этапы механизма умышленного преступления, совершенного не в состоянии аффекта.

Изучение механизма преступного поведения приводит к необходимости изучения условий, с которыми связан генезис личности человека, а также тех качеств, которые сформировались задолго до совершения преступления, обусловливающие его совершение. В литературе они еще именуются предшествующими причинами конкретного преступления.

В данном случае на первый план выходят характеристики окружающей среды человека и непосредственное социальное окружение, а также социальные связи лица.

Наибольшим криминогенным потенциалом обладает среда, складывающаяся в сфере систематической правонарушающей и преступной деятельности. Она порождает свою субкультуру, свои нормы и ценности. В ней существует своя структура и иерархия, собственные органы управления. Нахождение в такой среде формирует психологию человека и искажает нравственные ценности.

Криминальная среда обладает мощным агрессивным потенциалом, подавляет самостоятельность и не дает свободы выбора для человека. Ослушание карается неизбежным наказанием. Безусловным источником ее

является обстановка в местах лишения свободы. Действительно, сосредоточение большого числа лиц, имеющих ярко выраженную криминогенную мотивацию в одном месте, формирует ту особую среду, которая навязывает свои нормы и ценности без возможности их проигнорировать.

Криминальная среда существует и вне мест лишения свободы. Более того, она обладает способностью проникать в отдельные слои здорового общества и заражать их. Просто в местах лишения свободы криминальные нравы сконцентрированы на ограниченной территории и поддерживаются значительной массой лиц, находящихся там. Им там легче прижиться и развиться.

Однако, к сожалению, современное российское общество «заражено» криминальной субкультурой. Тюремный жаргон проникает в речь рядовых граждан и не только, татуировки признаются признаком современности.

Л.Е. Смирнова отмечает, что в разговорах между детьми часто можно услышать слова тюремного происхождения, употребление которых приводит к конфликтным ситуациям[1].

В экономической и политической деятельности мы наблюдаем, что отдельные криминальные лидеры стали политиками, криминальное прошлое никаким образом не мешает их политической карьере. В то же время распространяются мифы о порядочности лидеров криминальной среды, их умении держать слово, выполнять обещания, предлагаются выводы о том, что именно они должны заменить на ответственных должностях продажных политиков.

Указанная проблема не является исключительно российской. Так, в 2012 году кабинет Правительства Италии разработал законопроект, запрещающий лицам, совершившим преступления, участвовать в выборах – как национальных, так и местных. La Repubblica полагала, что из тогдашнего состава парламента Италии как минимум 26 человек из обеих палат не смогут войти в обновленный состав законодательного органа. Новый закон потенциально мог угрожать и примерно 100 нынешним членам парламента, которые сейчас находятся под следствием по обвинению в таких серьезных преступлениях, как кражи и коррупция[2].

Велика роль в криминализации общества и средств массовой коммуникации. Российские СМИ нередко злоупотребляют свободой слова, размещают ненадлежащую рекламу. Существуют радиостанции, транслирующие так называемую шансонную музыку, которая некоторыми гражданами воспринимается как очень задушевная, лиричная. Хотя, по сути, она являет собой смесь «блатной» лирики, адаптированной к современной популярной музыке.

[1] Смирнова Л.Е. Жаргон как средство отображения окружающего мира ребенком // Социальные варианты языка: материалы международной научной конференции 25-26 апреля. Нижний Новгород, 2002. С. 108.
[2] См.: http://expert.ru/2012/10/8/shlagbaum-dlya-berluskoni/

СМИ демонстрируют варианты агрессивного поведения. В художественных фильмах раскрываются способы совершения преступлений, даются советы, как избежать правосудия и уголовной ответственности. Аудитория убеждается в неуязвимости преступников; у граждан формируется недоверие к правоохранительным органам.

По результатам опроса ВЦИОМ, представленного 24 октября 2012 г., полиции в целом сегодня доверяет каждый второй россиянин (53%). Большинство россиян полагают, что сотрудники полиции защищают интересы отдельных групп населения, а не всех граждан в целом, причем по сравнению с 2011 годом это мнение стало звучать чаще (с 24 до 41%). Только 19% уверены, что они защищают интересы населения в целом[1].

В ноябре 2017 года ВЦИОМ опубликовал результаты исследования об уровне доверия россиян полиции. Доверие в той или иной степени («определенно» или «скорее доверяют») к сотрудникам полиции своего региона в 2017 году выразили две трети опрошенных россиян – 67%. Это достаточно большой уровень доверия, учитывая, что Центр ведет замеры доверия с 2005 года. В 2015–2016 годах уровень доверия полиции составлял 46–47%[2].

Информационные каналы преимущественно транслируют программы, сообщающие о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, совершенных дерзких преступлениях.

В Интернете размещена баннерная реклама, которая весьма агрессивна и навязчива.

Многочисленные компьютерные игры вовлекают детей в перестрелки, погони, «дружбу» с монстрами. Телевизоры, компьютеры нередко в современных семьях заменяют родителей. А в итоге происходят чудовищные вещи. Так, в г. Туапсе Краснодарского края органы внутренних дел задержали 14-летнего подростка, который убил кувалдой спящего отца за то, что тот отобрал у него клавиатуру и не дал доиграть. Отметим, что злополучная ролевая игра «Готика», ради которой мальчик задумал убийство, имеет соответствующий мрачный сюжет: герои квеста дерутся с помощью различных видов оружия – топоров, булав, молота, мечей и так далее. Похожее оружие сын и использовал в реальной жизни для расправы над отцом. При этом мальчик нанес спавшему мужчине шесть ударов по голове[3].

Криминализации общества способствует деморализация досуговой сферы. «Элитные» ночные клубы предлагают не только стриптиз-шоу, но и более откровенные зрелища. В таких клубах легко приобрести наркотики.

[1] См.: http://wciom.ru/
[2] См.: https://www.rbc.ru/politics/09/11/2017/
[3] См.: http://www.topnews.ru/

Человеку порой необходимо иметь большую силу воли, чтобы не подвергнуться негативным влияниям и не встать на тот путь, который заканчивается нравственной гибелью и совершением преступлений.

§2. Мотивация преступления

Отправной точкой механизма преступного поведения является **формирование мотивов преступления**. Под мотивом обычно понимается внутреннее побуждение к тому или иному поступку. Поняв мотив преступного поведения, можно ответить на вопрос, почему человек поступил определенным образом.

Иногда формально можно сказать, что человеческий поступок безмотивный. Это не так. Например, умышленное преступление не может быть совершено без мотива. Если говорится, что мотива нет, то это значит, что он просто не установлен. В процессе расследования преступления это иногда действительно сделать довольно сложно. Нередко мотивы преступления скрываются, искажаются, а также встречаются случаи неосознанности мотива самим преступником.

Мотивы преступлений разнообразны. Есть множество различных классификаций преступных мотивов. Предлагаем **классификацию**, которую сформировал профессор В.В. Лунеев. Им выделены следующие шесть групп мотивов: 1) политические; 2) корыстные; 3) насильственно-эгоистические; 4) анархистско-индивидуалистические; 5) легкомысленно-безответственные и 6) трусливо-малодушные[1].

Отметим, что сам по себе мотив как внутреннее побуждение не является преступным – за мысли не судят; он становится таковым, лишь когда выступает элементом субъективной стороны состава преступления. Но не забудем о том, что он лежит в основе причинной цепочки, которая раскрывает механизм преступного поведения.

Процесс формирования и возникновения мотива поведения именуется в литературе **мотивацией**[2].

Мотивация относится к процессам непосредственно не наблюдаемым, однако это не значит, что они не существуют. Мотивация как процесс проистекает внешне не заметно, однако, тем ни менее, выполняет две функции – отражательную и побудительно-регуляционную.

Отражательная функция заключается в своеобразном «переводе» внешних детерминант поведения во внутреннюю убежденность на основе сложившихся личностных ценностей.

[1] См.: Лунеев В.В. Криминальная мотивация. М., 1986. С. 40-41.
[2] См.: Механизм преступного поведения. М.: Наука, 1981. С. 39.

Побудительно-регуляционная функция как раз и заключается во внутренней (психологической) подготовке к деянию. Мотив приводит в действие механизмы готовности к поступку.

Формированию мотива предшествуют такие психические элементы человеческой личности, как *потребности, интересы, влечения, эмоции, ценностные ориентации и привычки* (см. рисунок 4).

Формирование мотивов преступного поведения начинается с осознания субъектом своих **потребностей**. Потребности человека – это его зависимость от внешнего мира, нужда в чем-либо.

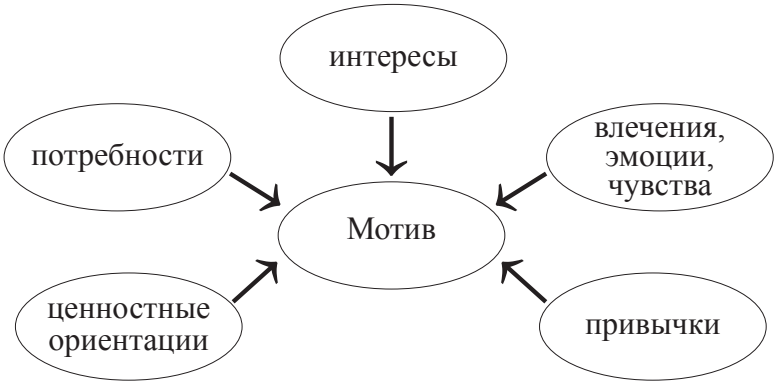

Рисунок 4 – Формирование мотива преступного поведения

Классифицируя различные потребности, можно выделить **шесть основных групп**: 1) материальные потребности; 2) потребность в безопасности; 3) потребность в социальном общении (уважении, признании, одобрении); 4) физиологические потребности; 5) потребность в знаниях;6) мировоззренческие потребности[1].

В большинстве случаев источником мотивации преступного поведения являются потребности материальные, потребности в социальном общении (самоутверждение). В литературе указывается, что каждый вид потребности может иметь разную степень интенсивности и разную направленность. Например, в материальных потребностях различают четыре разновидности: а) потребности жизненно необходимые, без удовлетворения которых человек может погибнуть; б) потребности нормальной интенсивности, характерные для данного общества или его преобладающей части; в) гипертрофированные (завышенные) потребности, удовлетворение которых для всех граждан общество пока не обеспечивает; г) извращенные потреб-

[1] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 182.

ности, противоречащие интересам общества и развитию личности (алкоголь, наркотики и т.п.). Материальные потребности вызывают корыстную мотивацию поступков[1].

«Люди ведут такой образ жизни, какой их заставляет вести нужда», – писал Аристотель. Экономическое расслоение общества, которое мы наблюдаем сейчас в нашей стране, свидетельствует о том, что значительная часть населения не в состоянии удовлетворить не только завышенные, но и нормальные материальные потребности. Так, в 1960-1970-е гг. исследователи указывали, что прямая нужда являлась причиной 3-6% корыстных преступлений. В начале 90-х годов эта цифра поднялась до 8% и в дальнейшем существенно возрастала. По мнению специалистов, нужда сейчас является причиной 20-30% всех корыстных преступлений[2].

Однако корыстные мотивы могут порождаться и завышенными потребностями. Стремление к сверхдоходам ведет к хищениям в особо крупном размере, нарушению бюджетного, таможенного, налогового законодательства. Пьянство, употребление наркотиков порождают не только агрессивную, но и корыстную мотивацию. Заметим, что в современной России спиртные напитки регулярно употребляют около половины трудоспособного населения. Каждое третье преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения.

Социальные потребности (самоутверждение, сохранение или повышение статуса, стремление превосходить над окружающими) ведут к формированию мотивов агрессивности (ненависть, месть, обида, ревность и др.). По данным криминологов, среди порожденных этими потребностями мотивов поведения стремление к насилию над людьми встречается примерно в 30% случаев.

Необходимо отметить и то, что в действиях несовершеннолетних все чаще проявляется жестокость, агрессивность, стремление контролировать определенную территорию. Однако отметим, что подчас агрессивное поведение может быть вызвано и отклоняющимся поведением потерпевших.

Вслед за появлением той или иной потребности возникает осознание этой потребности и возможностей ее удовлетворения – **интерес**. Иными словами, субъект начинает концентрироваться на поиске путей оптимального решения поставленных проблем.

Вместе с потребностями человека и его интересами сильное влияние на формирование мотива выполняют различные влечения и **эмоции (чувства)**. Под этим в литературе понимаются труднорегулируемые личностные проявления, в основном биологического характера. Общеизвестно,

[1] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 182.
[2] См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учеб. пособие. – М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998. С. 49-50.

что ряд преступлений совершаются под воздействием острых эмоциональных состояний (душевных волнений, сильных переживаний), таких как страх, злоба, негодование, гнев и др. Они нередки у психопатических личностей. Крайняя степень эмоционального напряжения – физиологический или патологический аффект.

Под влиянием влечений и эмоций механизм преступного поведения «работает» по сокращенной схеме, переход к действию происходит сразу же после появления образа желаемого объекта. Нечто, выступающее в роли толчка, раздражающего или провоцирующего, приводит человека в состояние раздражения, гнева и даже истерики. Это приводит к совершению преступления на бытовой почве, хулиганства и т.п. При этом, конечно, не только внешний раздражитель играет решающую роль. Эмоциональный окрас накладывается на общую антиобщественную направленность личности, подчас слабого развития интеллекта. В итоге – механизмы внутреннего контроля оказываются малодейственными.

Однако те или иные потребности, интересы, влечения или эмоции сформируют окончательно мотив преступления, если субъект преодолеет еще один внутренний «барьер» – систему так называемых **ценностных ориентаций**.

Под *ценностными ориентациями* понимают социально обусловленную систему отношений личности к явлениям и событиям окружающей ее социальной действительности. При выборе линии поведения человек использует систему своих ценностных ориентаций, в которой структурно одни ценности превалируют над другими, чему-то отдается предпочтение по сравнению с другими, а это, в свою очередь, влияет на мотивацию поступка, выбор целей и средств их достижения. Ценности могут играть троякую роль.

Во-первых, они могут *укреплять* антиобщественные намерения субъекта, и если материальные потребности у лица преобладают, формируя общую корыстную направленность, то можно предположить, что лицом при совершении преступления будет руководить корыстный мотив.

Во-вторых, ценностные ориентации в иных случаях *тормозят* антиобщественные проявления и не дают формироваться мотиву преступления. Также, если материальные потребности возникли у лица с бескорыстной ориентацией, он будет стремиться совершить не преступление, а законно заработать деньги.

В-третьих, ценностные ориентации могут стать и самостоятельным *источником* мотива преступления. Искаженные идеологические представления, например национализм или религиозный фанатизм, могут породить экстремистские или другие преступные мотивы и намерения.

В качестве *элементов ценностных ориентаций* выступают нравственные нормы и правосознание личности.

Привычки не имеют самостоятельного психологического содержания. Это есть определенный стереотип поведения в типичных ситуациях, вырабатывающейся в течение определенного промежутка времени. При этом есть определенная реакция человека при определенных обстоятельствах действовать типично. Личностный контроль при этом ослабевает.

Потребности, интересы, влечения, эмоции, чувства, ценностные ориентации и привычки – это внутренние факторы личности, под действием которых формируется мотив преступления. Но есть еще и внешний фактор – конкретная жизненная ситуация, в которой планируется и совершается преступление.

§3. Конкретная жизненная ситуация как непосредственная причина совершения преступления

Под **конкретной жизненной ситуацией** понимается определенное сочетание объективных обстоятельств жизни человека, непосредственно влияющих на его поведение в данный момент. *В криминологическом смысле* – это событие или состояние, вызвавшее решимость совершить преступление, способствующее или препятствующее ему. Ситуация может предшествовать преступлению, но может и сопровождать его совершение.

Конкретная жизненная ситуация складывается из различных жизненных обстоятельств, в которых проживает человек. Жизненные ситуации могут складываться под воздействием различных социальных факторов. Одни из них воздействуют длительное время (например, длительная психотравмирующая ситуация в семье) или кратковременное событие (например, конфликт с собутыльником).

Единая конкретная ситуация может объединять огромные территории (например, при преступлениях против мира и безопасности человечества) или ограничиваться одной комнатой (например, при бытовой ссоре). Длительность ситуации также различна: от нескольких секунд (дорожно-транспортное происшествие) до нескольких лет (конфликты на почве мести).

Конкретная жизненная ситуация может быть вызвана не только социальными факторами, но и являться результатом действия природных, техногенных факторов.

Реагируя на сложившуюся ситуацию, человек действует в соответствии с особенностями своей эмоциональной составляющей, своего характера, взглядов, привычек, ценностных ориентаций. Непосредственным источником волеизъявления и самого преступления является взаимодействие конкретной жизненной ситуации и свойств личности преступника. Именно здесь лежит узловой пункт механизма преступного поведения[1].

[1] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 186.

Конкретная жизненная ситуация может играть свою роль на различных этапах механизма преступного поведения.

Во-первых, ситуация может быть источником мотивации преступления. Это встречается главным образом тогда, когда перед субъектом возникает проблема, которую он может решить (по выбору) как законным, так и незаконным способом (так называемая проблемная ситуация).

Проблемная ситуация – это ситуация, в рамках которой существует препятствие на пути к поставленной цели. Такая ситуация актуализирует, обостряет потребности к нахождению способов ее разрешения. Примерами могут быть острые материальные трудности, семейные проблемы, острые ссоры, экстремальные условия внешней среды и др. Иногда преступники сами создают проблемные (конфликтные) ситуации, а затем пользуются ими для сведения счетов с потерпевшими.

Разновидность проблемной ситуации – конфликтная, под которой понимается такая ситуация, при которой происходит столкновение противоположных интересов, взглядов, возникают разногласия сторон, приводящие к борьбе за лидерство.

Заметим, конфликт лежит в основе насильственных преступлений, совершаемых на бытовой почве (например, ссора на фоне совместного распития спиртных напитков, и только по воле случая решится, кто будет потерпевшим, а кто преступником). Однако многие конфликты могут начинаться задолго до преступления, проистекать скрыто и в преступлении проявляют себя в наиболее резкой форме.

Следует отметить, что порядка 90% умышленных убийств и причинений тяжкого вреда здоровью совершены на почве семейно-бытовых отношений. Большинство из них совершается в состоянии алкогольного опьянения.

Во-вторых, ситуация может создать возможности для достижения тех или иных целей. Допустим, есть человек, испытывающий нормальные материальные потребности. Как он может их удовлетворить? Это зависит от особенностей его личности (ценностные ориентации и т.д.) и от конкретной жизненной ситуации, в которой он находится. Эта ситуация может быть благоприятной для него или неблагоприятной. Она может позволить человеку законными способами получить денежные средства или воспрепятствовать.

Законные возможности могут быть недоступны человеку в силу объективных причин, например экономическим положением в данной отрасли хозяйства (нерентабельность и т.д.). Но могут быть и препятствия субъективного характера: недостаток образования у субъекта, отсутствие технических навыков и др. Законных возможностей может и вообще не быть, например, потому что субъект ставит перед собой цели, запрещаемые законом.

В такой ситуации у него вполне может возникнуть мысль об использовании незаконных возможностей достижения намеченной цели. Надо заметить, что такие возможности тоже могут быть доступными, ограниченными или вовсе недоступными. Далеко не всякий может законно стать преуспевающим бизнесменом, но и незаконный путь к обогащению, особенно крупному, доступен не каждому.

В-третьих, конкретная ситуация может являться поводом для совершения преступления. В этой роли ситуация выступает главным образом при бытовых преступлениях, например, когда ссора уже происходит и мотив (месть, ревность) имеется, но не хватает последнего слова, жеста, случайного оскорбления. И ситуация преподносит такой шанс.

Близка к роли повода ситуация в неосторожных преступлениях, когда она может подтолкнуть субъекта к необдуманным действиям в силу своей экстремальности и кратковременности. Таковы сложные аварийные ситуации, связанные с эксплуатацией автотранспорта, в частности неправильное поведение пешеходов или встречных водителей.

В-четвертых, конкретная жизненная ситуация может способствовать или препятствовать достижению преступного результата. Ситуация способствует этому, когда, например, отсутствует охрана, нет сигнализации. Ситуация препятствует преступлению, если совершение его физически невозможно или чревато для преступника скорым разоблачением.

Анализируя вышесказанное, можно сказать, что конкретные жизненные ситуации можно разделить на две большие группы – криминогенные и некриминогенные. Некриминогенные – это те, что описаны в последнем примере. Ситуации, которые либо неблагоприятны к совершению преступления, либо препятствуют ему. Криминогенные ситуации – это те, что благоприятны для достижения преступного результата.

§4. Принятие решения, планирование преступления, совершение преступления. Посткриминальное поведение

Принятие решения – ответственный этап. Здесь происходит прогнозирование последствий преступления, взвешивание выгоды (удовлетворение своих потребностей, воспроизводство преступной деятельности) и возможных потерь (быть пойманным, привлеченным к уголовной ответственности, наказанным).

Принятие решения совершить преступление означает конкретизацию мотивации. Безусловно, лицо, принявшее решение о совершении преступления, обладает повышенной общественной опасностью, нежели лицо, только формирующее для себя мотивы.

Решение о совершении преступления есть осознанный выбор лица. По данному признаку выделяют полностью осознанные решения и частично осознанные.

Когда все внутренние компоненты личности, такие как потребности, интересы, влечения, эмоции, чувства, ценностные ориентации, привычки, сформировали мотив преступления, наступает **время реализации этого мотива**. Здесь преступление из абстрактного намерения превращается в ощутимую реальность, но его еще не поздно остановить.

Планирование преступления, как и любого другого поступка, подчиняется общим закономерностям планирования операций. При этом субъект фактически моделирует себе совершение преступления. Он прогнозирует себе возможности, которыми он будет располагать, прогнозировать трудности и вероятные последствия своих действий.

Дополнительно к планированию преступления появляются следующие условия: а) преступление – деяние незаконное, и потому оно совершается, как правило, скрытно; б) по той же причине преступление должно осуществляться быстротечно и так, чтобы не осталось его следов; в) преступление может вызвать сопротивление потерпевшего и активность правоохранительных органов; г) после его совершения субъект, как правило, скрывается сам и держит в тайне свое преступное деяние. Все эти особенности совершения преступления также принимаются во внимание преступником, если планирование производится им достаточно продуманно[1].

По мнению специалистов, чаще планируются корыстные, а не насильственные преступления. В остальных случаях планов нет или они крайне примитивны.

Понятно, что не может быть планирования неосторожных преступлений, а также преступных деяний, совершаемых в состоянии аффекта.

Сказанное об изъянах планирования не относится к организованной преступности, в структуре которой планированием операций занимаются порой целые подразделения.

Планирование как звено механизма преступного поведения в самом общем случае включает в себя **три элемента**: выбор цели, выбор объекта посягательства и определение средств достижения цели.

Цель – одна из важнейших характеристик человеческого поступка.

Под целью совершения преступления обычно понимается тот результат, к которому стремится преступник. Но таких результатов может быть несколько, причем они могут зависеть друг от друга. Поэтому выделяют *основную*

[1] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 190-191.

цель (например, при убийстве по найму – лишение жизни за деньги), *промежуточную* (подобрать соучастников, выяснить образ жизни потерпевшего), а также *конечную* (например, получить деньги от заказчика убийства).

Ведомственная уголовная статистика сегодня дает возможность судить о том, какие цели преследуют большинство преступников. На первом месте – цели материального характера. Далее – цели, связанные с сохранением или повышением своего статуса в сфере межличностных, а иногда и служебных отношений. Затем идут сексуальные притязания, тяга к алкоголю и наркотикам.

После или наряду с определением цели осуществляется **выбор объекта** преступного посягательства. В криминологии, говоря об объекте, мы имеем в виду потерпевшего или материальный предмет, на который направлены действия преступника.

Что учитывается преступником при выборе объекта? Во-первых, его важность для достижения поставленной цели. Во-вторых, доступность объекта для данного лица. В-третьих, безопасность посягательства на этот объект для самого лица.

Завершающим элементом планирования является определение **способа совершения** преступления (средств достижения цели).

Выбор преступником определенного средства достижения цели (способа совершения преступления) зависит от следующих обстоятельств: эффективности данного средства достижения цели; относительной безопасности для преступника; умения (навыков) преступника; привычных стереотипов поведения. Как правило, преступники-профессионалы действуют привычными им способами; это хорошо известно криминалистам и используется при розыске подозреваемых.

Выбор того или иного решения – результат взаимодействия внешней ситуации с личностью субъекта.

Совершение преступления. В данном случае субъект уже переходит к практическим действиям вовне, это звено изучается в основном уголовным правом и криминалистикой (а также уголовным процессом – в плане доказательств). Вместе с тем совершение преступления имеет и немалое криминологическое значение. В связи с этим надо указать на несколько обстоятельств.

Прежде всего, это возможность **пресечения** преступления на стадии его совершения. Пока преступный результат еще не наступил, преступление нередко можно прервать, задержать преступника и тем самым спасти жертву или сохранить имущество. Особую роль приобретает пресечение актов терроризма и т.п., когда вся работа правоохранительных органов должна быть направлена, прежде всего, на пресечение преступного акта и недопущение гибели людей.

Далее, криминологическое значение имеет изучение особенностей межличностного взаимодействия преступника перед и во время совершения преступления. Знание вариантов взаимодействия помогает лучше понять механизм преступного поведения и определить возможности своевременного осуществления профилактических мер.

Межличностное взаимодействие характеризуется несколькими разновидностями, каждая из которых имеет профилактический аспект.

Во-первых, это взаимодействие преступника с соучастниками. По данным ГИАЦ МВД России за 2016 г. в составе группы совершали 13,9% от всех выявленных преступников. В том числе, 44,2% от общего числа выявленных несовершеннолетних.

Во-вторых, надо обратить внимание на такую форму взаимодействия, получающую распространение в последнее время, как использование человека «втемную», т.е. без посвящения его в преступные планы. Таковы случаи привлечения преступниками посторонних случайных лиц для перевозки наркотиков, размена фальшивых денег, совершения незаконных банковских операций и др.

Так, по данным правоохранительных органов, наркоторговцы успешно освоили новый путь переправы наркотиков из Китая в Приморье через «помощников» (лиц, не знающих, что перевозят наркотики). При этом руководитель группы подает таможеннику список фамилий «помощников», багаж которых по договоренности не досматривают.

В-третьих, существенное криминологическое значение имеет взаимодействие преступника со своим ближайшим окружением, хотя и не участвующим в преступной деятельности.

Ближайшее окружение (семья, друзья, соседи), как правило, знают или догадываются о преступной деятельности субъекта, особенно если она продолжается долгое время и приносит хороший и стабильный доход. В зависимости от системы ценностей этих людей такая деятельность одобряется, порицается или воспринимается ими нейтрально.

Близкие не могут не знать о том, что доходы получены преступным путем; следовательно, сфера криминальной «морали» расширяется, привлекая новых рекрутов в преступный мир – детей и внуков, родственников и знакомых.

Еще один аспект рассматриваемого взаимодействия – помощь преступнику со стороны окружения. Она выражается в укрывательстве преступника (тем более, что новый Уголовный кодекс РФ исключил ответственность за заранее не обещанное укрывательство близких родственников), сокрытии похищенного имущества, даче ложных показаний на предварительном следствии и в суде и т.д. Тесные связи преступника с ближайшим окружением, разделяющим его взгляды, несомненно, ему выгодны.

В-четвертых, это взаимодействие преступника с другими людьми во время совершения преступления (например, с жертвой) и иные последствия преступного посягательства. Этот вопрос более подробно рассматривается в соответствующей главе.

После совершения преступления наступает не менее интересный этап – этап посткриминального поведения. На этом этапе преступник анализирует совершенное преступление, наступившие последствия, распоряжается приобретенными ценностями, принимает меры к легализации имущества, добытого преступным путем, а также осуществляет меры по сокрытию следов преступной деятельности и меры к тому, чтобы избежать уголовной ответственности и наказания (подкуп должностных лиц, свидетелей, потерпевших, их устранение, в т.ч. и физическое).

При анализе совершенного преступления преступник сопоставляет задуманное с достигнутым. При этом все вновь сопоставляется с нормами морали и правовыми нормами. При этом преступник может даже раскаяться или выработать систему защиты.

Важной характеристикой посткриминального поведения является отношение лица к возможности быть привлеченным к уголовной ответственности, в зависимости от которого различаются действия, направленные на сокрытие следов преступной деятельности.

Нам представляется, что на сегодняшний день в отечественной криминологической литературе наиболее полно, емко указанные выше обстоятельства изложил в своем учебнике профессор М.П. Клейменов. Он выделил следующие группы уголовно-правового риска[1], которые, по-нашему мнению, имеют мощный и оперативно-розыскной, и профилактический потенциал. Поэтому в данной работе они приводятся максимально полно.

1. Субъекты, считающие себя находящимися вне пределов уголовно-правового регулирования (группа «вне» риска).

Сокрытие следов преступления такими лицами заключается в его оправдании (например, политическими интересами), размыванию (за счет неопределенности уголовно-правовых норм бланкетного характера), девальвации (произошло не преступление, а нарушение финансовой дисциплины). Нередко создаются условия для того, чтобы работники правоохранительных органов защищали не законные интересы (личности, общества, государства), а интересы определенной политической «команды».

2. Лица, сознательно ориентирующиеся на риск в силу криминального образа жизни (группа привычного риска). Неотъемлемой частью профессиональной преступной деятельности является выбор способов

[1] См.: Клейменов М.П. Криминология: учебник / М.: Норма, 2009. С. 127-131.

минимизации уголовно-правового риска. К ним относятся: выбор жертвы посягательства из числа лиц, скомпрометированных определенными противоправными действиями; тщательное сокрытие следов преступления; маскировка преступления под несчастный случай, самоубийство, дорожно-транспортное происшествие; воздействие на потерпевших и свидетелей посягательства путем психического и физического насилия; обеспечение конспирации и контрразведывательной деятельности в отношении правоохранительных органов; коррумпирование представителей правоохранительных органов, сбор компрометирующих сведений о них для последующего шантажа; угрозы и насилие в отношении сотрудников правоохранительных органов, членов их семей.

3. Лица, оправдывающие риск выгодой, которая может быть получена в результате совершения преступления (группа расчетливого риска). Представители этой группы стараются максимально обезопасить себя от возможности уголовно-правового преследования. В этих целях они используют квалифицированное юридическое консультирование в целях придания преступной деятельности законного характера (в рамках такого консультирования, в частности, уклонение от уплаты налогов именуется налоговым планированием); активная дезинформация общественного мнения в своих интересах с помощью СМИ; организация провокаций в отношении представителей органов уголовной юстиции т.д.

4. Лица, пренебрегающие вероятностью быть привлеченными к уголовной ответственности (группа легкомысленного риска). Такие лица чаще всего совершают очевидные преступления, следовательно, вероятность привлечения их к уголовной ответственности довольно высока.

Представители групп легкомысленного и эмоционального риска часто не скрывают следы совершенного преступления, а если и делают это, то неумело. Поэтому при нормальной квалификации сотрудников правоохранительных органов такие лица привлекаются к уголовной ответственности.

5. Лица, ошибающиеся в оценке сложившихся обстоятельств, недооценивающие вероятность уголовно-правовой квалификации их действий в экстремальной ситуации (группа ситуационного риска). После совершения преступления такие лица замечены в даче ложных показаний, привлечении лжесвидетелей, примирении с потерпевшим и попытками «договориться» с работниками дознания, следователями и судьями.

6. Лица, рискующие при выполнении профессиональных обязанностей (группа профессионального риска). Такие лица чаще совершают преступления, надеясь на молчание своих коллег в силу корпоративности.

Вопросы для самоконтроля:

1. Раскройте понятие «механизм преступного поведения».
2. Какова структура механизма преступного поведения?
3. Раскройте этапы формирования мотива преступного поведения.
4. Укажите роль и значение непосредственной причины конкретного преступления.
5. Сформулируйте особенности предшествующей причины конкретного преступления.
6. Раскройте роль и значение посткриминального поведения.

Литература:

Антонян Ю.М. Криминология: учебник для академического бакалавриата / Ю.М. Антонян. – М.: Юрайт, 2017. – 388 с.

Клейменов М.П. Криминология: учебник / М. П. Клейменов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, Норма, 2018. – 400 с.

Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие. – М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998. – 216 с.

Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология: учебник. - М.: Норма: Инфра-М., 2013. – 800 с.

Механизм преступного поведения. – М.: Наука, 1981. – 248 с.

Шалагин А.Е. Механизм индивидуального преступного поведения // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. - № 2 (20). – С. 156-160.

Глава VII
ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА И ЕЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

§ 1. Криминологическая характеристика личности преступника

Личность преступника является составным элементом предмета криминологии, но нельзя не отметить, что с одной стороны это понятие юридическое, а с другой – общесоциологическое. Личность представляет собой индивидуальное выражение социально значимых свойств, индивидуальную форму отражения бытия и духовных условий общества. Все это концентрируется в ее сознании, которое само становится активным цементирующим элементом формирования личности, опосредуя в соответствии с собственным содержанием действие на человека всех проявлений социальной действительности, определяя в конкретном случае выбор им той или иной социальной позиции и направленности поведения.

Проблемам исследования личности преступника посвящено значительное количество научных работ отечественных и зарубежных криминологов. Общие вопросы понятия, структуры, типологии личности преступника были затронуты в работах еще советских ученых: А.Б. Сахарова[1], Н.С. Лейкиной[2], В.Н. Кудрявцева, Б.С. Волкова и др. Среди современных исследователей этой криминологической категории следует назвать таких авторов, как Е.Б. Кургузкина[3], А.Н. Пастушеня[4].

В криминологической науке существуют диаметрально противоположные учения о личности преступника, которые, скорее всего, обусловлены тесной связью с криминологическими теориями преступности. Так, изучение личности преступника началось с объяснения преступности биологической сущностью личности преступника.

В дальнейшем основополагающей идеей было признание основой социальной сущности личности, определяющего значения социальной среды в формировании ее характерных черт и направленности, а, следовательно, социального характера причин криминального поведения.

В последующем большинство ученых пришли к выводу, что основным синтезирующим принципом в подходе к анализу личности преступника

[1] Сахаров А. Б. Личность преступника и типология преступников // Социалистическая законность. 1973. № 3. С.19-22.
[2] См.: Лейкина Н.С. Криминология о преступнике / Л.: Знание, 1978. 30 с.; Личность преступника и уголовная ответственность / Л., 1968.
[3] См.: Кургузкина Е.Б. Личность преступника: вопросы формирования // Российский следователь. 2008. № 24. С. 21-23.
[4] См.: Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект): дис… д.-ра психолог. наук. М., 2000.

следует считать признание био-психо-социальной эссенции личности, определяющего значения комплекса взаимодействующих средовых и субъективных факторов в формировании особенностей, установок и направленностей личности преступника, дающие максимальную возможность адекватного познания явления[1].

В понятии личности преступника в качестве существенной характеристики выступает совокупность отрицательных ее черт и свойств. Именно эта совокупность социальных свойств и признаков личности, их содержание, соотношение социально-положительных и социально-отрицательных элементов дают наиболее полное представление о тех, кто совершает преступление, а также помогает понять, оценить как сам поступок, так и лицо, его совершившее. Однако следует иметь в виду, что какие бы отрицательные черты и свойства ни были присущи человеку, они могут не побудить его к преступным действиям в течение всей его жизни. Поэтому считать человека преступником можно только после совершения им преступного деяния.

Понятно, что совокупность личностных качеств, обусловливающих преступление, появляется не в момент его совершения, а складывается в процессе всей предшествующей жизнедеятельности индивида. Важно и то, что личностные свойства, обусловившие совершение преступления, не исчезают и после его совершения. В дальнейшем они претерпевают лишь изменения, но в любом случае представляют криминологический интерес.

В криминологии изучение личности преступника подчинено выявлению закономерностей преступного поведения, преступности как массового явления, их детерминации, причинности и разработке научно обоснованных рекомендаций по борьбе с преступностью[2]. Обобщение данных о лицах, совершающих преступления, типизация этих лиц позволяют точнее прогнозировать динамику преступности, масштабы ее влияния на другие социальные явления и процессы[3].

Как отмечает Ю. М. Антонян, успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность — носитель причин их совершения. Те ее особенности, которые порождают такое поведение, должны быть непосредственным объектом предупредительного воздействия [4].

[1] См.: Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: дис… д.ю.н. М., 2003.
[2] См.: Криминология / под общей ред. проф. А. И. Долговой. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. С. 274.
[3] См.: Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М.: Юрид. лит., 1985. С. 248.
[4] См.: Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 74; Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2010. С. 8.

С уголовно-правовых позиций о личности преступника можно говорить только тогда, когда лицо совершило преступление и признано судом виновным. Пределы существования личности преступника строго определены законом и заканчиваются с момента отбытия наказания и погашения судимости. Общее же понятие личности преступника является достаточно абстрактной категорией и используется в основном в качестве рабочего инструментария в процессе научного анализа конкретных лиц.

Криминологический анализ личности предполагает максимальный учет особенностей свойств, которые отражаются в механизме преступного человеческого поведения. Совокупность этих свойств личности преступника, делающих его объектом воздействия, именуют структурой личности преступника. В связи с этим возникает важная как в научном, так и в практическом отношении задача выделения этих социально значимых особенностей, свойств или характерных признаков личности преступника. Подход криминологов в этом вопросе довольно разнообразен.

Например, профессор Н.Ф. Кузнецова вела речь о характеристике личности преступника, выделяя социально-демографические, социально-ролевые и другие свойства личности преступников[1]. В другой работе она говорит о системе личности преступника, в которую включает социально-демографическую, социально-ролевую (функциональную) и социально-психологическую подсистемы[2].

В.С. Четвериков включает в нее следующие подсистемы (признаки): биофизиологические, социально-демографические, психологические, нравственные, социально-ролевые, уголовно-правовые и криминологические[3].

Хотя понятия «система» и «структура» близки по содержанию[4], более предпочтительным представляется название «структура личности преступника», состоящая из элементов, характеризующих внутренний мир лица, совершившего преступление.

А. И. Алексеев в структуру личности преступника включает следующие элементы:

1. Социально-демографические признаки: пол, возраст, социальное, семейное и должностное положение, профессиональная принадлежность, уровень материальной обеспеченности, наличие или отсутствие постоянного места жительства и др.

[1] См.: Криминология: учебник / под ред. проф. Н. Ф. Кузнецовой, проф. Г. М. Миньковского. М.: БЕК, 1998. С. 124 – 132.

[2] См.: Криминология: учебное пособие / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. С. 45.

[3] См.: Четвериков В. С. Криминология. учебное пособие. М.: ИНФРА–М, 1996. С. 66.

[4] Одним из значений слова система является нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей. Структура же обозначает внутреннее устройство. (См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. С. 744, 802).

2. Уголовно-правовые признаки. Это данные о виде совершенного преступления, его мотивации, формах вины, единоличном или групповом характере преступной деятельности, уголовном прошлом и т.д. Можно сказать, что в этих признаках в личностном виде (в «привязке» к личности преступника) отражаются характеристики, свойства преступности, ее отдельных видов (групп), а также конкретных преступлений.

3. Нравственные свойства и психологические особенности. Этот элемент структуры личности преступника охватывает множество самых разнообразных проявлений субъективного мира (внутреннего «я») преступников. Данная группа признаков нередко подразделяется на подвиды, в частности, выделяется потребностно-мотивационная сфера (потребности и влечения, интересы, мотивы), ценностно-нормативные характеристики сознания (взгляды, убеждения, ценностные ориентации)[1]. Психологические особенности анализируются применительно к интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферам и т.д.[2]

Некоторыми учеными в качестве самостоятельного элемента структуры личности преступника выделяются проявления в различных сферах общественной жизни[3].

С.И. Курганов выделяет не только структуру личности преступника, но и криминологическую характеристику личности преступника, включающую, по его мнению, «систему признаков, которые в своей совокупности характеризуют лицо, совершившее преступление, и прямо или косвенно связаны с его совершением»[4]. Указанные выше признаки он и относит к криминологической характеристике личности преступника.

Структура же личности преступника, по его мнению, должна соответствовать общей структуре личности, под которой он понимает соотношение основных сфер личности, формирующихся в конкретной деятельности и проявляющихся в ней: а) потребностно-мотивационная сфера (мотивы, потребности, интересы); б) ценностно-нормативная (ценностные ориентации, установки, нормы, убеждения), в) функционально-ролевая (социальные позиции, статусы, роли, функции). Иными словами, структура личности показывает нам ее срез в трех аспектах: психологическом, социально-психологическом и социологическом[5].

Ю.М. Антонян включает в структуру личности преступника такие основные аспекты, как философский, социологический, психологический, этнический, экономический, демографический, правовой, медицинский[6].

[1] См.: Беляев Н.А., Орехов В.В. и др. Криминология. СПб., 1992. С.91-92.
[2] См.: Алекссев А. И. Криминология: курс лекций. М.: «ЩИТ–М», 1998. С. 84-91.
[3] См., например: Кудрявцев В.Н., Кондрашков Н.Н и др. Личность преступника. М., 1975.
[4] Курганов С.И. Основы криминологии: учебное пособие. М.: Изд. дом «NOTABENE», 1998. С. 55–56.
[5] Там же. С. 56.
[6] См.: Антонян Ю.М. Курс лекций по криминологии. М.: ИГУМО, 2003. С. 39-40.

Е.Б. Кургузкина предлагает следующую схему структуры личности преступника: 1) социально-демографические и уголовно-правовые признаки; 2) социальные проявления в различных сферах общественной жизни; 3) нравственные свойства; 4) психологические особенности[1].

К социально-демографическим она относит пол, возраст, образование, социальное положение и род занятий, семейное положение, материальные и жилищно-бытовые условия, принадлежность к сельскому или городскому населению и другие.

Уголовно-правовые свойства личности преступника выглядят в виде данных о характере совершенного преступления, его мотивации, об активности в его совершении, о рецидиве и т.д., что позволяет характеризовать степень общественной опасности личности преступника.

В подструктуру социальных проявлений входят положение человека в существующей системе общественных отношений, его принадлежность и тяготение к различным социальным группам, его взаимоотношения и взаимодействия с другими лицами, группами людей, в семье, производственной, учебной, общественно-политической областях.

Подструктура нравственных свойств включает морально-политические, мировоззренческие и нравственные свойства, в частности, взгляды, убеждения, оценки, жизненные ожидания и стремления, ценностные ориентации и т.п.

Психологические особенности включают интеллектуальные, эмоциональные и волевые стороны личности преступника, среди которых, в первую очередь, можно выделить степень умственного развития, объем познаний, жизненный опыт, содержание и разнообразие интересов, уравновешенность или подвижность нервных процессов, динамичность чувств, степень эмоциональной возбудимости, умение регулировать свою деятельность, целеустремленность, последовательность, активность, настойчивость, самообладание, решительность, энергичность[2].

Т.В. Варчук к основным структурным составляющим личности преступника относит следующие характеристики.

Социально-типологическая характеристика – совокупность социальных позиций личности, определяющих ее принадлежность к определенной социальной группе. Наиболее полное представление о социально-типологических свойствах преступника дают социально-демографические признаки – пол, возраст, образование, материальные условия, род занятий,

[1] См.: Кургузкина Е.Б. Учение о личности преступника: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2002. С. 120-121.

[2] См.: Личность преступника / под ред. В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского, А.Б. Сахарова. М., 1975. С. 32, 35-36; Курганов С.И. Основы криминологии. М., 1998. С. 56.

семейное и социальное положение, специальность, гражданство, социальные роли и статусы, место жительства.

Нравственно-психологическая характеристика – выражение отношения преступника к обществу в целом, принятым в нем ценностям и нормативно-одобряемым социальным ролям. В данную характеристику входят интеллект, способности, навыки, привычки, волевые и эмоциональные свойства, установки, интересы, ценностные ориентации, отношение к нормам морали и права, потребности, избираемые способы удовлетворения потребностей.

Социально-ролевая характеристика позволяет увидеть личность преступника в реальной деятельности, определить, какие социальные позиции этот человек занимает. Для преступника по сравнению с законопослушным гражданином характерно менее ответственное отношение к своим социальным ролям в основных общественных институтах: в семье, школе, трудовом коллективе и т.д., большая степень отчужденности от законопослушных граждан, входящих в различные формальные и неформальные общества; тяготение к неформальным группам антиобщественной направленности, к влиянию негативных социальных ролей[1].

Важным этапом познания личности преступника является изучение ее структуры. В ней отражается не только разнообразие образующих ее признаков, но и их различная роль в этиологии преступного поведения. Структура личности преступника включает следующие составляющие ее подструктуры (признаки): биофизиологические, социально-демографические и социально-ролевые, нравственно-психологические, уголовно-правовые и криминологические. Любая из названных подструктур не может быть автономной, т.к. все они находятся в определенных взаимоотношениях, образуя единое социально-биологическое содержание человека. Рассмотрение человека как организма и как личности позволяет соединить в нем природное и общественное.

Биофизиологические признаки- это состояние здоровья, особенности физической конституции, природные свойства нервной системы. Биологическая природа человека- необходимое условие индивидуальности личности, определяющей ее самобытность и неповторимость. Социально-демографическая подструктура включает такие характеристики, как пол, возраст, образование, социальное положение, род занятий, национальная и профессиональная принадлежность, семейное положение, уровень материальной обеспеченности, принадлежность к городскому или сельскому населению и т.п. (рисунок 5).

[1] См.: Варчук Т.В. Криминология: учебное пособие. М., 2002. С. 54.

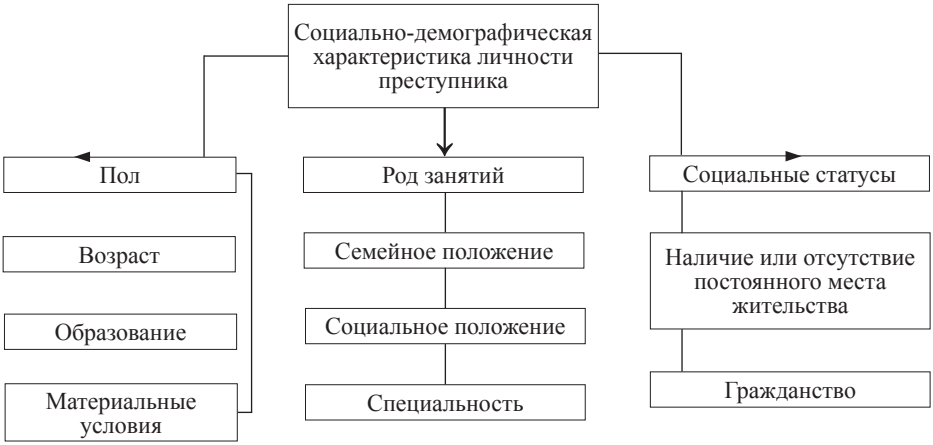

Рисунок 5 – Характеристика личности преступника

Например, данные о половом составе преступников показывают значительное преобладание мужчин над женщинами. Соотношение убийств, совершенных женщинами и мужчинами, составляет 1:11, причинивших тяжкий вред здоровью – 1:36. Однако по некоторым составам преступлений женщины относительно более активны, чем мужчины. Более 50% всех преступлений, совершаемых женщинами, носят корыстный характер. Особенно велик процент женщин, совершающих преступления в системе торговли и обслуживания населения. В целом же структура женской преступности отличается от структуры мужской преступности меньшим удельным весом тяжких насильственных преступлений. Возрастная характеристика преступников позволяет судить о степени и интенсивности проявления криминогенной активности и особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп. В частности, преступления, совершаемые молодыми людьми, чаще носят агрессивный, импульсивный характер, для лиц же старшего возраста, напротив, характерно более обдуманное совершение преступлений. В целом же наиболее часто совершают преступления лица в возрасте 18-40 лет (до 70-75%). В этой группе наибольшая криминальная активность характерна для лиц 25-29 лет. Затем следуют 18-24-летние, 14-17-летние, 30-40-летние. Образовательный и интеллектуальный уровни во многом определяют характер преступления. Как показывают криминологические исследования, лица с более высокой степенью образования совершают должностные и экономические преступления, лица же, совершающие хулиганство, посягательства на личность, кражи, грабежи и разбои, имеют, как правило, низкий уровень образования.

В социально-демографической подструктуре личности преступника важное криминологическое значение имеют данные о социальном положении, роде занятий и профессиональной принадлежности, которые, в частности, показывают, в каких сферах социальной жизни и в каких социальных группах распространены те или иные преступления, какие отрасли наиболее подвержены криминогенному влиянию. Наиболее криминогенной социальной группой являются лица, не занятые общественно полезным трудом: они составляют почти третью часть всех преступников. В комплексе социально-демографических признаков существенное криминологическое значение имеют данные о семейном положении, уровне материальной обеспеченности и месте жительства.

Результаты криминологических исследований показывают, что около 50% преступников к моменту совершения преступления не состояли в браке. В определенной степени это объясняется тем, что среди совершивших преступления весьма значительна доля молодых людей, не успевших обзавестись семьей. К тому же здесь проявляется и такая закономерность: с ростом количества судимостей уменьшается число лиц, состоящих в зарегистрированном браке.

Для характеристики личности преступника существенное значение представляют его социальные роли и социальные статусы. Под социальной ролью принято понимать реальные социальные функции конкретного лица, обусловленные его положением в системе общественных отношений и принадлежностью к определенным социальным группам. Социальная роль связана с определенным социальным статусом человека, его обязанностями и правами. В соответствии с социальным статусом от каждого человека ожидается определенный образ поведения и поступков. Невыполнение ролевых предписаний может вызвать конфликт между личностью и обществом либо ее окружением.

Типичными свойствами лиц, совершающих преступления, являются: низкая престижность их социальных ролей, рассогласованность социальных статусов, отчужденность от трудовых и учебных коллективов, ориентация на неформальные группы или отдельных лиц с социально-негативной направленностью, отсутствие или неопределенность социально-позитивных жизненных планов, завышенность социальных притязаний при ограниченных возможностях реализации. Отмечая общие тенденции некоторых социально-демографических признаков личности преступника, следует указать на то, что их криминологическая информационная емкость намного повышается, когда они анализируются в совокупности и тесной взаимосвязи друг с другом. Абсолютизация какого-либо одного из них может привести к ошибочным выводам.

В структуре личности преступника особенно важное место принадлежит его нравственно-психологической характеристике (рисунок 6).

А.Б. Сахаров считал, что именно с выявлением нравственно-психологических свойств и особенностей личности, которая в соответствующей ситуации ориентирует человека на выбор антиобщественного варианта поведения, связана научно-практическая значимость понятия «личность преступника»[1].

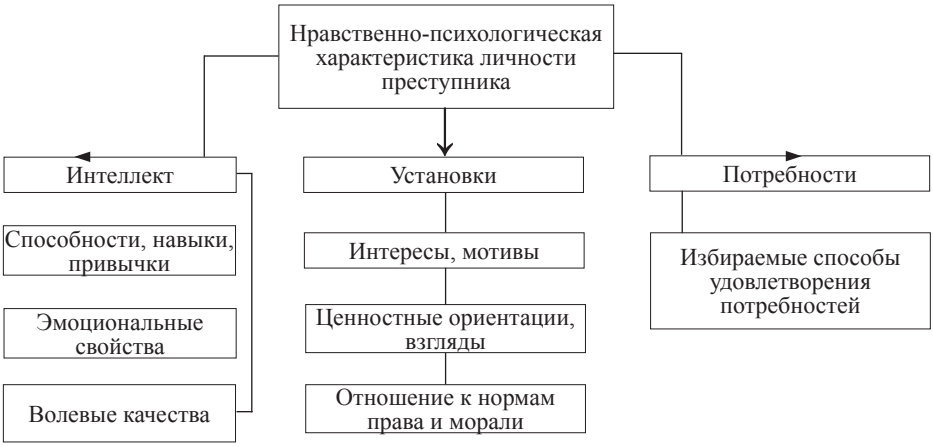

Рисунок 6 – Нравственно-психологическая характеристика личности преступника

Обозначенные признаки нравственно-психологической характеристики позволяют глубже познать внутреннее содержание личности. В первую очередь речь идет о мировоззренческих и нравственных чертах и свойствах: взглядах, убеждениях, ценностных ориентациях, жизненных стремлениях и ожиданиях. Мировоззренческая позиция не только определяет общую направленность личности, ее целеустремленность, но сказывается на всей совокупности особенностей поведения и действий, привычек и наклонностей. Человек становится личностью лишь тогда, когда у него выработана определенная система взглядов по основным вопросам общественного бытия, жизни и деятельности.

При изучении личности преступника особое значение имеют следующие положения. Во-первых, установившиеся отношения к различным социальным и моральным ценностям и различным сторонам действительности (к трудовым обязанностям, собственности, семье, детям, окружающим). Во-вторых, уровень, характер и социальная значимость потребностей и притязаний (социально полезные и оправданные или социально вредные,

[1] См.: Сахаров А.Б. Актуальные вопросы учения о личности преступника // Теоретические проблемы учения о личности преступника. М., 1979. С. 14.

неоправданные) и избираемых способов их удовлетворения (легальные, неправомерные, общественно опасные). Характеристику личности преступника дополняют его интеллектуальные, эмоциональные и волевые свойства.

К интеллектуальным свойствам относятся: уровень умственного развития, объем знаний, широта или узость взглядов, содержание и разнообразие интересов и стремлений, жизненный опыт.

Эмоциональные свойства состоят из таких признаков, как сила, уравновешенность или подвижность нервных процессов, динамичность чувств, степень эмоциональной возбудимости, характер реагирования на различные проявления внешней среды.

Волевые свойства включают: способность принимать и осуществлять принятые решения, умение регулировать свою деятельность и направленность поступков, обладание выдержкой, стойкостью, твердостью, настойчивостью и другими чертами.

Все перечисленные признаки и свойства характерны как для личности в общепринятом понимании ее сущности, так и для личности преступника. С позиций криминологии личность преступника отличается от личности вообще не отсутствием или наличием каких-либо компонентов своей структуры, а прежде всего их содержанием, направленностью. Именно антиобщественная направленность взглядов, интересов, потребностей, привычек (так называемая антиобщественная установка) выступает общей причиной совершения конкретных преступлений.

Если говорить о ценностных ориентациях личности преступника, а именно о глубинных личностных характеристиках, то они указывают на наиболее значимые для личности объекты, представляющие ценность для этой личности. Нельзя не отметить иерархию ценностных ориентаций, которая отражает определенное предпочтение личностью одних ценностей по сравнению с другими. Значимым является также устойчивость ориентации, ее интенсивность.

Общую классификацию поведенческих реакций личности на основе ценностных ориентаций обосновал известный исследователь В.А. Ядов, который соотнес их с проблемными жизненными ситуациями[1]. Криминологические исследования личности преступника показали, что в системе ценностных ориентаций высшие места занимают индивидуализм и клановo-эгоистические позиции. Превыше всего в таких случаях бывает личное материальное благополучие, неограниченное проявление своего «эго», создание для этого наиболее комфортных условий либо клановый, групповой эгоистический интерес.

[1] См.: Ядов В. А.О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.; Курс советской криминологии. Т. 1. М., 1985. С. 354–359.

Криминологами в различных исследованиях разграничиваются ценностные ориентации, касающиеся целей и средств, например, когда речь идет о достижении жизненного успеха. Среди ценностных ориентаций преступники гораздо чаще отдают приоритет не своим личным позитивным качествам, а материальной поддержке, нужным связям. Категории морали и нравственности, производные от них понятия: добро и зло, порядочность и подлость, верность и вероломство, гуманность и жестокость, а также иные, несомненно, имеют криминологическое значение. Не случайно они всегда анализировались при оценке личности преступника и ее мотивационных характеристик.

Криминологические исследования дифференцируют: 1) существенные пробелы в нравственном сознании лиц, совершающих преступления, 2) искажения, ведущие к нравственному конфликту с общепринятыми в обществе нормами морали, нормами морали разных групп, двойной морали. Следует учесть и неоднородность морали в обществе, разделенном на социальные группы, сословия. И существенно в этом плане выявление взаимосвязей между преступностью и моралью разных социальных групп, слоев населения. Во всех случаях при исследовании преступника возникает вопрос: почему личность с искаженными потребностями или интересами, ценностными ориентациями, нравственными представлениями не останавливает закон с его строгими санкциями. Ответ на этот вопрос требует анализа правосознания человека. В криминологии такого рода исследования активно проводятся[1] и приводят к выводу о существенной специфике правосознания и правовых установок преступников, выявляемой при сравнении их с соответствующими характеристиками лиц из контрольной группы, ведущих себя устойчиво правомерно.

Если говорить об отношении преступников к закону в целом, то в принципе ими признается необходимость существования закона, осознается справедливость и гуманность многих охраняемых им положений. У преступников наиболее искажен такой элемент правосознания, как отношение к исполнению правовых предписаний. Весьма распространено убеждение, что закон можно нарушить в конкретной ситуации, ставящей под угрозу какие-то личные или групповые интересы. Здесь дает себя знать и определенная иерархия ценностей личности. Среди преступников всегда наиболее ярко обнаруживалось разное отношение к нарушениям закона, которые допускаются лично ими, их родными и близкими, и нарушениям, которые допускаются другими лицами, а тем более в отношении них. Принципы равенства людей перед законом, социальной справедливости в общепринятом понимании ими не восприняты.

[1] См.: Долгова А.И. Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей. М., 1972; Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974; Криминологические проблемы правосознания и общественного мнения о преступности. Москва–Прага, 1986.

Особый акцент, по мнению авторов, следует сделать на содержание экономического сознания личности, религиозного, эстетического, политического, тем более, в современных экономических условиях, ситуации активизации деятельности псевдорелигиозных тоталитарных сект[1]. При этом следует подчеркнуть три момента.

Во-первых, отнюдь не у каждого преступника ценностные ориентации, нравственное, правовое сознание заметно отличаются от соответствующих характеристик лиц из контрольной группы. Не устанавливаются особые отличия у случайных преступников, совершивших даже убийства, но в условиях особо неблагоприятной ситуации.

Во-вторых, разным видам преступного поведения соответствуют специфические виды искажения содержательной характеристики сознания, хотя они проявляются на фоне некоторых общих для разных преступников деформаций. Правовые взгляды у многих рецидивистов, особенно долго находившихся в местах лишения свободы, бывают настолько искажены, что ими даже не осознается степень отличия собственных взглядов от общепринятых и отраженных в законах. В «естественности» соответствующих воззрений убеждает негативная и относительно замкнутая микросреда.

Таким образом, преступники в значительной мере воспроизводят те взгляды, которые так или иначе распространены в общественной и групповой психологии, проявляются в общественном мнении. Соответствующие негативные моменты сознания создают возможность противоправного поведения. Но у совершающих преступления лиц такая вероятность намного выше, так как соответствующие дефекты взглядов, установок, ориентации в их среде:

- более распространены;
- носят более глубокий характер, перерастают в убеждения, привычки поведения, достигают в некоторых случаях такой степени выраженности, которую вообще не приходится наблюдать в контрольной группе;
- представляют собой комплекс взаимосвязанных деформаций ценностных ориентации, нравственных, правовых, иных взглядов и установок;
- субъекты, обладающие такими деформациями, чаще оказываются в проблемных и конфликтных ситуациях, возникающих при общении с себе подобными либо с лицами, придерживающимися взглядов, прямо противоположных морали общества и закону.

[1] См.: Безопасность и здоровье нации. М., 1996.

§ 2. Социально-ролевой подход в изучении личности преступника

Криминологические исследования фиксируют особенности социальных позиций и ролей личности, ее социально-ролевого поля. Социально-ролевой подход стал получать все большее распространение в криминологии 70-х годов, хотя как бы стихийно применялся и раньше при изучении социально-демографических характеристик личности.

Существует четыре подхода к определению и пониманию социальных ролей в изучении личности:

1. Поведение человека зависит от позиций, занимаемых им в обществе: каждая роль, которую исполняет человек, имеет свое содержание (сценарий роли). И человек следует этому сценарию. Это нормативное понимание социальной роли. Сама эта социальная позиция – своеобразный узел связей в социальных отношениях, а роль – содержание требований, предъявляемых к лицу, занимающему данную позицию.

2. При втором подходе роль – это спонтанное, свободное поведение личности, обусловленное ее индивидуальными особенностями. Человек творит роль как свободный художник. Этим подчеркивается творческое начало в исполнении роли, неповторимость ее исполнения каждым человеком.

3. Роль – это содержание ожидания других людей и социальных групп относительно того, как себя будет вести человек, занимающий определенную позицию. Практически это частный вариант первого подхода, но делающий акцент именно на социально-психологических ожиданиях, а не на официальных требованиях. Ожидания рассматриваются как компонент личности, определяющий ее поведение.

4. Роль как продукт взаимодействия социальных факторов и внутреннего мира человека. При этом равнозначно рассматриваются как предписания внешней среды, так и социальные ожидания других субъектов. В криминологии целесообразно исходить из нормативного понимания роли.

Таким образом, социально-ролевой подход – это своеобразный узел отношений в социальной системе. Человек одновременно занимает множество социальных позиций. Только в семье он – сын (дочь), отец (мать), брат (сестра), внук (внучка). Каждой социальной позиции соответствует сценарий роли, одновременно составляемый тремя группами субъектов:

1) государством, выраженный в системе официальных предписаний (законов, подзаконных актов);

2) обществом в форме общепринятых и поощряемых общественным мнением норм поведения: моральных, эстетических, религиозных и иных;

3) неофициальными структурами (семьей, досуговыми группировками, группами сослуживцев) – в форме неписаных правил поведения, их соци-

альных ожиданий. К последней группе субъектов относятся и преступные формирования с их нормами поведения и социальными ожиданиями.

Различными исследователями отмечается, что для человека важна значимость социальной позиции, значимость субъекта, от которого исходят нормы-ожидания. Существенна оценка личностью условий исполнения каждой роли. Само исполнение роли, особенно если это продолжается долго, накладывает на личность определенный отпечаток, развивает у нее одни качества и подавляет другие.

Различаются: 1) роль как совокупность нормативных предписаний, соответствующих данной позиции; 2) роль как понимание лицом того, что от него требуется и что он намерен исполнять; 3) фактическое исполнение роли в конкретных условиях места и времени. В последнем случае сильно влияние социальных условий, а также уже сформированных личностных характеристик.

Представляют криминологический интерес следующие социально-ролевые ситуации:

1) человек не занимает многих социальных позиций, которые позволили бы ему ознакомиться с нормами государства и вести себя в соответствии с требованиями права и морали (он, например, находится в крайне деморализованной среде со специфическими представлениями о допустимом и привык решать конфликты с применением физической силы);

2) человек занимает одновременно позиции, которые связаны с противоречивыми требованиями, нормами поведения, т. е. налицо конфликт социальных позиций и ролей (правовые предписания запрещают сокрытие преступлений от учета, а руководство требует не отражать в статистике все ставшие известными преступления);

3) человек занимает такие позиции, которые прямо диктуют противоправное, преступное поведение;

4) отсутствие преемственности ролей и позиций, в результате чего отмечается неподготовленность лица к соблюдению правовых норм в соответствующей социальной позиции;

5) человек занимает одни социальные позиции, а ориентируется на другие;

6) конфликт уже исполняемых и ожидаемых в будущем ролей. Преступное поведение человека в этом случае может противоречить уже исполняемым ролям, но быть логичным с точки зрения референтных ролей (конфликт реального и ожидаемого, настоящего и будущего).

Социально-ролевой подход не исключает активности личности, но задает социальные пределы этой активности. Позиция личности влияет на выбор социальных ролей и на их творческое исполнение. У несовершеннолетних этот выбор практически ограничен, у осужденных, отбывающих срок лишения свободы, и военнослужащих срочной службы – также. Су-

ществует объективный конфликт ролей, когда их содержание действительно противоречиво, и субъективный, когда лицо воспринимает их в качестве противоречивых, не умеет их согласовать.

В динамическом аспекте встречаются: 1) прямая преемственность социальных позиций и ролей, порождающих в определенных взаимодействиях преступное поведение; 2) существенное отрицательное усугубление содержания социальных ролей, когда они из противоречивших только нормам морали в новых условиях перерастают в противоречащие нормам закона; 3) затруднение процесса нормального формирования и нормальной жизнедеятельности личности в результате наличия или отсутствия в прошлом определенных социальных позиций и ролей.

Деформация социальных позиций и ролей в большинстве случаев существенно различается применительно к лицам, совершающим общеуголовные и экономические преступления. У первых она носит более очевидный и грубый характер. Схематично изложенное может быть отражено следующим образом (рисунок 7):

При анализе деятельности лиц, совершающих преступления, учитывается следующее:

1) фактическое поведение лица не идентично содержанию роли;

2) личность представляет собой определенную целостность при всем многообразии ее позиций и ролей, в деятельности она проявляет себя именно в этой целостности, субъективной интеграции разных социальных позиций и ролей;

Рисунок 7 – Социальные позиции и роли преступника

3) деятельность оказывает на человека обратное воздействие, при этом важно одобрение или неодобрение поведения, его закрепление и закрепление его результатов в сознании личности. В этом аспекте значима проблема безнаказанности части преступников, баланс их приобретений и потерь в резуль-

тате преступной деятельности. Иногда они считают выгодным даже отбыть определенный срок лишения свободы, но сохранить добытое преступным путем во имя своего солидного материального обеспечения на долгие годы.

При анализе деятельности личности важно понять следующее:

1) представляет ли собой преступное деяние изолированный акт или оно – звено в цепи определенной системы поступков;

2) является ли преступное поведение скачком от нормы к преступлению или оно представляет собой итог эскалации антиобщественного поведения.

Выявляются факты: а) нарушения требований, соответствующих нормальным для человека определенного возраста и положения социальным позициям;

б) аморальных, но не противоречащих праву поступков (пьянство, половая распущенность);

в) противоправных поступков непреступного характера (дисциплинарно, административно наказуемых, гражданско-правовых деликтов), преступлений;

3) в какой сфере деятельности совершаются преступления.

Криминологические исследования указывают на то, что, как правило, совершение тяжких преступлений бывает результатом не скачка от нормального поведения к наиболее общественно опасному преступному, а постепенного нарастания интенсивности и общественной опасности негативного поведения. По данным выборочных исследований, более 80% лиц, совершавших умышленные убийства, ранее совершали либо преступления, либо иные правонарушения. Анализ сфер деятельности, взаимодействий, в которых совершались преступления, затем сопровождается выяснением того, насколько распространены соответствующие типы взаимодействий и как часто они дают криминальный результат, при участии в них каких лиц, с какими именно характеристиками. На этой основе могут даваться прогноз развития преступности, а также формулироваться рекомендации по предупреждению преступлений со стороны соответствующих лиц в данных условиях. Таким образом, изучение системы поступков личности, ее деятельности в целом помогает выявить определенные стереотипы поведения, ставшие для нее привычными способы реагирования на те или иные обстоятельства.

§ 3. Типология личности преступника

Чтобы показать специфику лиц, совершивших преступления в какой-либо сфере, необходима классификация и типология этих лиц. Классификация представляет собой распределение множества явлений на классы и подклассы с выделением характерных признаков каждого из них[1].

[1] См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1979. С. 416.

Как отмечает Ю.М. Антонян, классификация – это система соподчиненных понятий, классов, объектов, какой-либо области знания или деятельности человека, используемая как средство для установления связи между этими понятиями или классами объектов[1]. Классификация преступлений по различным основаниям служит одним из средств познания, помогая исследовать отдельные явления, выявлять закономерности их развития и определять пути использования[2]. В криминологии классификация преступников может осуществляться по демографическим данным, социальным критериям, характеру преступного поведения и др.[3]

Более глубокой характеристикой различных категорий преступников является их типология. Проблема типологии личности преступника может быть решена только на прочной методологической основе и, в частности, на основе учения о социальной типологии личности вообще, рассматриваемой с материалистической позиции. Говорить о личности преступника как о социальном типе можно лишь в том случае, если она имеет признак, отличающий ее от представителей других социальных типов. Таким признаком, несомненно, является общественная опасность, заключающаяся в возможности нанесения вреда общественным отношениям, охраняемым государством. Типология здесь фиксирует то главное, что характеризует специфику определенного типа, вскрывает внутренние, устойчивые связи между существенными признаками и их проявлениями в конкретной личности[4].

В криминологии выделяются различные типы преступников по различным основаниям: по характеру антисоциальной направленности – с негативно-пренебрежительным отношением к личности и ее важнейшим благам (насильственные преступления); с корыстными побуждениями; с индивидуалистическим, антисоциальным отношением к различным общепринятым ценностям и социальным установкам; с легкомысленно-безответственным отношением к своим обязанностям и охраняемым законом социальным ценностям. По глубине, стойкости и интенсивности антисоциальной направленности выделяются случайный, ситуационный, неустойчивый, злостный и особо злостный типы[5].

[1] См.: Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М.: «Логос», 2004. С. 90; Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2010. С. 115.
[2] См.: Белкин Р. С., Винберг А. И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М., 1969. С. 59.
[3] См.: Криминология: учебник для юридических вузов / под ред. проф. А. И. Долговой. М.: ИНФРА·М-НОРМА, 1997. С. 296-298.
[4] Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. С. 93.
[5] Там же. С. 94-97.

С конца XIX века разные авторы выделяют четыре типа личности преступника, называя их по-разному, но фактически имея в виду степень устойчивости и автономности их преступного поведения во взаимодействии с социальной средой. Встречаются такие разграничения: 1) злостный, неустойчивый, ситуационный, случайный; 2) профессионалы, привычные преступники, промежуточная группа между первой и второй, случайные; 3) глобальный, парциальный, с частичной криминогенной зараженностью, предкриминальный, совершающий преступления в определенных ситуациях. Иногда указанные типы сводят в три группы, иногда в пять, но, по существу, основа типологии сохраняется – это степень устойчивости преступного поведения в различных ситуациях[1]. Здесь типология как бы сближается с группировкой, использующей один признак для классификации преступников.

Ю.М. Антонян сравнивал данные о судимых лицах с их поведением и установил, что примерно в 80% случаев прогноз, основанный на анализе предшествующего поведения обследованных, оказался правильным[2]. По данным ВНИИ МВД России, прогнозы совпали с реальным поведением человека более чем в 70% случаев при ретроспективном анализе поведения бывших осужденных, часть из которых совершили преступление в течение пяти лет после освобождения[3].

Криминологическая типология позволяет выделить из всего многообразия преступных проявлений и лиц, совершающих преступления, наиболее характерные типы и образы их действий. Поскольку речь идет о социальном типе, то оценивается не только конкретное лицо во всем многообразии его характеристик, но вся совокупность существенных относительно стойких свойств, качеств личности.

В основу построения одной из моделей типологии личности преступника положен характер ее антисоциальной направленности, отражающей особенности мотивационной сферы. Главными типологическими признаками антисоциальной направленности личности являются:

- негативно-пренебрежительное отношение к личности человека и ее важнейшим благам;

- корыстные побуждения;

- индивидуалистическое, антисоциальное отношение к различным общепринятым ценностям и социальным установкам;

[1] Типологию давали многие зарубежные и отечественные криминологи. Подробное изложение дается в кн.: Курс советской криминологии. Т. 1. М., 1985. С. 282–304.

[2] См.: Антонян Ю.М. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1974. С. 52.

[3] См.: Солопанов Ю.В. Проблема прогнозирования индивидуального преступного поведения // Вопросы советской криминологии. Ч. 1. М., 1976. С. 71.

- легкомысленно-безответственное отношение к своим обязанностям и охраняемым законом социальным ценностям.

Наиболее характерной нравственно-психологической чертой личности преступника первого из указанных типов (совершающих агрессивно-насильственные действия) служит крайний эгоцентризм, при котором все его поведение подчиняется примитивным желаниям и влечениям, в том числе и импульсивным. В системе ценностных представлений «Я» стоит у него на первом месте. У такой личности ярко проявляется пренебрежение к интересам окружающих, жестокость, отсутствует чувство сострадания. Лица с указанной нравственно-психологической ориентацией совершают хулиганства, телесные повреждения, убийства, изнасилования и т.д.

Личность с корыстной направленностью характеризуется такими чертами, как стремление к стяжательству, склонность к разгульному образу жизни, эгоизм. Подобного рода ориентации способствуют совершению краж, мошенничеств, взяточничества и других корыстных преступлений. Криминологические исследования показывают, что многим совершающим такие преступления лицам присущи жадность, вера во всесилие денег и пренебрежительное отношение к добросовестным труженикам.

Для лиц, относящихся к третьей типологической группе, характерно уклонение от выполнения своих гражданских, семейных, общественных и должностных обязанностей. Лица, входящие в эту группу, уклоняются от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, злоупотребляют служебным положением, совершают ряд преступлений против порядка управления, правосудия, воинские преступления и т.п.

Лицам четвертой типологической группы присуще совершение различных неосторожных преступлений.

По характеру преступной деятельности и степени общественной опасности преступлений, на которых специализируется криминальный профессионал, можно выделить следующие типы профессиональных преступников:

1) чрезвычайно опасный тип (профессиональные террористы, наемные убийцы, похитители людей, бандиты);

2) особо опасный тип (лица, специализирующиеся на разбойных нападениях и грабежах, торговцы наркотиками, оружием, людьми и т.д.);

3) опасный тип (похитители автомашин, мошенники, квартирные воры).

По уровню криминального мастерства:

- специалисты высшего уровня (преступники – антиквары, компьютерные хакеры, имеющие связи с государственными чиновниками);
- специалисты среднего класса;
- низкоквалифицированные специалисты;

- неквалифицированные.

По наличию и характеру связей:

- профессиональные преступники – одиночки;
- активно использующие преступные связи в криминальной среде;
- совершающие преступления в группах;
- выступающие представителями преступных организаций (преступных сообществ).

Основными криминальными специальностями квартирных воров являются: 1) кражи, совершенные при помощи технических средств (приспособлений); 2) путем подбора ключа; 3) путем взлома входной двери или разбития окон; 4) через открытую форточку; 5) под видом посещения квартиры должностным лицом, оказания помощи; 6) с использованием виктимологического фактора (доверчивость, забывчивость, беспечность). Среди корыстно-насильственных преступников высоким профессионализмом обладают вымогатели, грабители, лица, совершающие разбойные нападения на жилища граждан и водителей автотранспорта. При этом 80% таких групп используют оружие (холодное, огнестрельное, иное).

Помимо утвердившейся в уголовном праве теории распределения ролей – организаторов, исполнителей, пособников, подстрекателей, в криминологии выделяют более узкие их подгруппы: скупщики и сбытчики краденного, информаторы, наводчики, содержатели притонов, финансисты, фальшивомонетчики, шулеры, сутенеры, охрана, консультанты, поставщики оружия и наркотиков, киллеры. У значительной части преступников поведение отличается подчеркнутой распущенностью, вспыльчивостью, хамоватостью, враждебностью к окружающим людям.

Крайне неблагоприятные условия жизни на свободе, привыкание к пенитенциарным учреждениям способствуют утрате у преступника страха перед наказанием. Новое преступление совершается преступником-профессионалом на привычном уровне – в силу установки на предпочтительность преступного типа поведения. В криминальном поведении проявляются особенности взаимодействия его сознательных и подсознательных механизмов саморегуляции. Дефекты саморегуляции в сочетании с антисоциальными ценностными ориентациями, ситуативно-средовая зависимость – основные психологические характеристики профессионального преступника[1]. Стойкая антисоциальная ориентация личности преступника проявляется в его устойчивой готовности к разрешению трудностей и конфликтов насильственными способами. Ведя преступный образ жизни

[1] Криминология. Особенная часть: учебник для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России / под ред. Ф.К. Зиннурова. Казань: КЮИ МВД России, 2016. 525 с.

в условиях криминально-групповой защищенности, идеализируя и романтизируя преступный мир, личность преступника-профессионала подвергается все более глубокой социальной деградации.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что предложенные типологии не могут расцениваться как единственные и исчерпывающие. Возможны и другие подходы к изучению личности преступника. Многое зависит от конкретных исследовательских задач, объема и пределов криминологического анализа.

§ 4. Детерминация потребностей и мотивационных характеристик преступника в социально-экономической среде

При анализе преступного поведения уже отмечалась значимость детерминации потребностно-мотивационной сферы преступника. Однако следует подчеркнуть, что потребности – это источник мыслительной и поведенческой активности человека, они отражают и его природные свойства (элементарные или естественные потребности: в пище, одежде, сне, определенной температуре существования), при этом они всегда имеют социальные характеристики, сформировавшиеся в обществе. В этой системе потребностей необходимо учитывать важные, которые часто проявляют себя в преступном поведении: стремление к самоутверждению, проявлению своего «эго», познанию и творческой деятельности. Интересы, или, иначе говоря, эмоционально окрашенные потребности, в большей мере зависят от системы ценностных ориентаций личности, иных содержательных характеристик его сознания, а также социальной среды, в которой формировался, действует или к которой стремится человек.

Корыстное поведение личности реально существует, прежде всего, в форме особого мотива. Он помогает ответить на вопрос, почему личность ведет себя антиобщественно и совершает корыстные преступления. Мотив раскрывает соотношение между внутренним и внешним миром личности, между ее потребностями и возможностями (способами) их удовлетворения, являясь именно личностной детерминацией корыстного поведения. Мотивы корыстного поведения всегда тесно связаны с потребностями и интересами личности преступника. Суть различия любого преступного поведения в интересах, потребностях, мотивах, целях, взглядах личности. А главное – это потребности и мотивы: они являются движущей силой корыстного поведения. Корыстное поведение характеризует свойства самой личности. Мотивация корыстного поведения и личность преступника взаимосвязаны. Личностные черты преступника накладывают отпечаток на

мотивацию, а мотивы преступного поведения, закрепившись в уголовно наказуемых действиях, деформируют личность преступника[1].

Нравственно-психологические признаки корыстного преступника, как правило, складываются из всего спектра классификации потребностей-мотиваций, предложенной А. Маслоу[2], а в дальнейшем более детально проанализированной В.Н. Кудрявцевым. Согласно этой теории-иерархии все материальные потребности разделяются на:

1) жизненно необходимые потребности, обеспечивающие «минимум» условий существования человеческого организма. Этот вид потребности относится к биологическому уровню;

2) нормальный стандарт потребностей, характерный для данного общества или его основной части;

3) потребности, удовлетворение которых не является общественной нормой, их можно назвать гипертрофированными (завышенными);

4) извращенные потребности, удовлетворение которых объективно противоречит развитию личности и интересам общества (алкоголь, наркотики, проститутки и т.д.)[3].

Причем некоторые потребности, которые двигают преступным поведением корыстного преступника, можно отнести к деформированным. Так, множество корыстных посягательств совершается по мотивам, связанным с употреблением спиртного и наркотиков.

Многие авторы выделяют три вида детерминации потребностей в социально-экономической среде: естественный, материальный и духовный, а условно потребности также разграничивают на естественные, материальные и духовные. Предлагается анализировать потребности и их проявления в разных сферах жизнедеятельности человека. Потребности проявляются в деятельности, формируются и корректируются в ней. Особенно остро уже сформированные потребности дают себя знать в условиях ограничения или невозможности их удовлетворения[4].

Потребности и интересы оказывают сильнейшее влияние на мотивационную сферу личности. Под мотивационной сферой личности понимается вся «совокупность ее мотивов, которые формируются и развиваются в течение ее жизни»[5]. Ряд авторов полагают, что можно говорить о совокупности мотивов и целей.

[1] См.: Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 8-21.
[2] Маслоу А.Г. Мотивация и личность / пер. с англ. 3-е изд. СПб., 2003.
[3] Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. М., 1998. С. 48.
[4] См. подробнее о криминологических аспектах потребностей в книге: Курс советской криминологии. Т. 1. М., 1985. С. 333–336; Дремова Н. А. О классификации мотивов преступных действий // Вопросы судебной психологии. М., 1971.
[5] Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 204; Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.

Как отмечает профессор В.В. Лунеев, «мотивационная сфера является центром внутренней структуры личности, интегрирующим ее активность»[1]. Автор подверг критике бихевиористский подход, практически исключающий субъективный фактор из процесса причинности преступного поведения и ставящий знак равенства между характером внешних влияний на человека и характером его поведения. А.М. Яковлев, в свою очередь отмечает: «...то, что является внешним по отношению к организму и воздействует на него извне, это и есть та наблюдаемая социальная реальность, изучив которую, мы можем объяснить причины поведения, а следовательно, будем в состоянии предсказывать и регулировать ее»[2]. Однако одна и та же среда, воздействуя на лиц и группы лиц с разными характеристиками потребностей, интересов, иных характеристик сознания, на практике дает разный результат. Например, разные типы реакции на нападение, ограничение интересов и прав. Бихевиористский подход может служить оправданием приспособленчества к внешним условиям, но не всякий человек способен жертвовать своими убеждениями, интересами во имя сиюминутных обстоятельств.

Выделим следующие побудительные мотивы:

1) общественно-политические: устройство управления государством и обществом, участие в этом управлении, влияние на него; 2) социально-экономические: а) удовлетворение абсолютных, т. е. самых необходимых, жизненно важных потребностей; б) удовлетворение «относительных потребностей», возникающих в условиях социально-экономической дифференциации населения и сравнения людьми своего положения с положением окружающих; в) достижение своего идеала – некоего материального стандарта (сверхбогатство) или социального стандарта (проникновение в высшие слои общества), на которые ориентировано данное лицо; 3) насильственно-эгоистические (агрессивные в физическом или психологическом планах): а) абсолютизация идеи самоутверждения, реализации имеющихся потребностей и интересов в любых формах; б) самоутверждение в тех формах, которые возможны для лица в конкретных ситуациях (невоспитанный, нецивилизованный человек привычно отвечает оскорблением на замечания; затруднение в использовании судебного порядка защиты чести и достоинства ведет к физической расправе с обидчиком); сюда же относятся случаи, когда забитый, находящийся в нечеловеческих условиях человек и утверждается «нечеловечески»; 4) легкомысленно-безответственные: а) отсутствует потребность и заинтересованность в соотноше-

[1] Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М., 1991. С. 107.
[2] Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985.

нии своих поступков с существующими нормами поведения, законом; б) избирательность такого соотношения (например, только в условиях строго внешнего контроля либо в общении с властьимущими, но не подчиненными и безответными людьми и т. п.)[1].

Таким образом, в преступном поведении и преступности мотивы могут проявляться в различных сочетаниях. Кроме того, отмечается своеобразие криминальной мотивации отдельных групп либо в разных типах ситуаций, в том числе чрезвычайных. Изучение уголовных дел, опросы экспертов показали, что за преимущественным ростом преступности против собственности просматривалось следующее:

- усиление социально-экономической дифференциации населения, в том числе за счет криминального обогащения одних лиц и связанное с этим стремление других лиц любым путем уравнять свое положение с наиболее обеспеченными группами, особенно в условиях широкой и назойливой рекламы дорогостоящего образа жизни. Это проявлялось в разных формах криминального поведения: вымогательствах, кражах, разбоях, должностных и экономических преступлениях;

- экономическое самоутверждение в условиях стремительного рывка к рынку, передела собственности, конкуренции при сильном давлении криминального фактора, отсутствия системы действенной поддержки добросовестного предпринимательства и надежного обеспечения его безопасности государственными и общественными институтами. Следствие этого: наемные убийства; торговля государственными секретами, национальным достоянием, детьми; похищение людей;

- превышение власти, должностных полномочий, злоупотребление ими; взяточничество; переход немалого числа молодых людей на обслуживание лидеров криминальной среды и рост организованной преступности, коррупции.

Вопросы для самоконтроля:

1. Дайте определение личности преступника.
2. Раскройте элементы структуры личности преступника.
3. В чем проявляется соотношение биологического и социального в личности преступника?
4. Какие классификации и типологии преступников вам известны?

[1] Детальная классификация мотивов преступлений дается в работах: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972; Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань., 1982; Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974; Криминальная мотивация. М., 1986; Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М., 1991.

5. Кто из российских криминологов занимался проблемой личности преступника?

Литература:

Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 368 с.

Антонян Ю.М., Бовин Б.Г. Личность убийцы: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 232 с.

Клейменов М.П. Криминология: учебник. – М.: Норма, Инфра-М, 2017. – 432 с.

Криминология и предупреждение преступлений: учебник и практикум / О.Р. Афанасьева, М.В. Гончарова, В.И. Шиян. – М.: Юрайт, 2018. – 360 с.

Личностные характеристики преступников: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 311с.

Личность организованного преступника: криминологическое исследование: монография / под ред. А.И. Долговой. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 368 с.

Личность осужденного: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 288 с.

Глава VIII
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

§1. Жертва преступления как категория криминологической виктимологии: понятие и содержание

В современной отечественной криминологии и других науках, существует множество концепций, рассматривающих в качестве объекта исследования жертв преступлений, которые достаточно подробно описаны и объяснены в научной и учебной литературе. Каждая виктимологическая концепция в зависимости от отрасли научного знания, целей и задач исследователей, а также их субъективных воззрений, по-своему раскрывает содержание, объем и значение базового термина – «жертва преступления». Наиболее качественно разработаны виктимологические дефиниции в современной криминологической виктимологии, базовым элементом предмета которой выступают жертвы преступности и ее отдельных видов, а также ряд связанных с ней явлений и процессов – виктимологических (виктимогенных) факторов.

По мнению специалистов, в широком смысле криминологический термин «жертва преступления», как правило, относится к любому человеку, социальной группе или объекту, которому причинен вред преступной деятельностью других лиц[1]. Однако данное определение до сих пор является дискуссионным, в том числе и в науках, исследующих жертв преступлений.

В современной виктимологической науке существует, как минимум, четыре основных подхода к содержанию термина «жертва преступления», внутри которых формируются несколько самостоятельных направлений, взаимодополняющих друг друга.

Наиболее представительной группой выступают специалисты, которые полагают, что жертвой преступления могут быть исключительно только физические лица[2]. При этом большинство виктимологов в обоснование своей позиции ссылаются на базовые положения Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. Согласно упомянутой Декларации, жертвы – это лица, которым индивидуально или коллективно причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью. К ним относятся также близкие род-

[1] Karmen A. Victimology Theory // http:www.fakultu.ncwc.edu.tocnnor /300/ 300lecl01.htm
[2] Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975. С. 8.

ственники и иждивенцы непосредственной жертвы, а также лица, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию[1].

Другие исследователи придерживаются данной позиции из-за специфики выбранного ими объекта и/или предмета научного исследования – жертв насильственных преступлений или преступлений против личности, связанных с причинением физических страданий.

Третья группа специалистов этого же направления исследуют жертв преступного поведения или отдельных видов либо групп преступлений, анализируя исключительно их социально-антропологические, социально-демографические характеристики и/или социально-психологические свойства личности в целях выработки адекватных и достаточных мер виктимологического воздействия.

Рассматриваемый нами подход к пониманию жертвы преступного поведения во всем его многообразии является наиболее распространенным в криминологической виктимологии. В самом общем виде данный подход можно условно именовать *антропологическим*, а само научное направление – *«криминальная виктимологическая антропология»*.

Невзирая на широкую распространенность антропологического подхода, в криминологии существуют специалисты, которые относят к жертве преступного поведения не только физических, но и юридических лиц. Данный подход к пониманию сущности жертвы преступного поведения следует именовать *смешанным* или *догматико-правовым*, поскольку используется в основном юристами. Рассматриваемый подход, помимо виктимологической антропологи, включает в себя *криминальную корпоративную виктимологию*, исследующую юридических лиц как жертв криминального поведения.

Современные специалисты, изучающие жертв криминального поведения, не ограничиваются лишь указанными выше антропологическим и догматико-правовым подходами. Эта группа исследователей наравне с физическими и/или юридическими лицами считают, что жертвами преступлений являются социальные группы, институты, общности. Данный подход к исследованию жертв криминального поведения чаще используется политологами, историками, социологами и журналистами при исследовании ими различных массовых социальных явлений и процессов (политических и социальных конфликтов, политических репрессий), чем криминологами. Такой подход к содержанию понимания жертвы, если исключить из предмета исследования корпоративную составляющую, можно назвать *социальным*,

[1] Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 165.

а само научное направление – социологией жертвы криминального поведения *(социальной криминальной виктимологической антропологией)*.

Четвертое направление: эти специалисты значительно шире рассматривают содержание и объем термина «жертва преступления». Они дополнительно к названным выше группам жертв относят общество, государство и международный порядок. Данный подход к содержанию базовой категории криминологической виктимологии можно признать и именовать предельно широким или интегративным, поскольку он объединяет в себе все названные и существующие подходы к этой научной категории.

Безусловно, в криминологии имеется множество иных промежуточных направлений и теоретических воззрений, которые невозможно охватить предложенной классификацией, поскольку они находятся в стадии формирования. В связи с этим заслуживает внимания концепция жертвы И.В. Ильина, исследующего вопросы предупреждения экономического мошенничества. Согласно этой концепции, жертвами экономического мошенничества являются: 1) физические лица (гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства); 2) частные образования лиц (российские или иностранные) независимо от организационно-правовой формы; 3) публичные образования (государство, субъект федерации, муниципальное образование), в том числе иностранные, реально понесшие вред[1].

В начале XXI века в отечественной криминологии было высказано суждение о том, что жертвой преступности дополнительно следует признавать социальный институт – семью[2]. Нам представляется, что понятию «жертва преступления» следует придавать правовое значение. На наш взгляд, этим термином должны охватываться не только физические, но и юридические лица, поскольку российский законодатель в ст. 42 УПК РФ прямо указал на это. Поэтому вряд ли целесообразно в рамках криминологической виктимологии жертвами преступлений признавать семью, социальные группы, социальные институты, общество, государство, его органы и международный порядок. Хотя очевидно, что и указанным субъектам причиняется опосредованно значительный социальный вред, но данное направление должно являться предметом исследования иных научных направлений (философов, социологов, политологов, историков, экономистов и др.), и в меньшей степени криминологов.

Следовательно, под жертвой преступления следует понимать физическое или юридическое лицо, которому в результате совершенного престу-

[1] Ильин И.В. Мошенничество, совершаемое в экономической сфере, как уголовно-правовой и криминологический феномен: монография. М., 2010. С. 184–207.

[2] Кабанов П.А. Содержание дефиниции «жертва», производных от нее и смежных с ней категорий в правовых актах Советского государства в довиктимологический период (1917–1950 гг.): историко-правовое виктимологическое исследование // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 3. С. 118–133.

пления непосредственно или опосредованно причиняется физический, материальный (имущественный) или моральный вред либо подрывается его деловая (профессиональная) и/или политическая репутация.

§2. Криминологическая классификация жертв преступлений

Группировка объектов познания является одним из часто используемых, доступных и универсальных научных методов. Она широко применяется в различных науках, в том числе и юридических науках криминального цикла. Сюда относится и криминология, в которой для исследования основных объектов, входящих в ее предмет, используются такие взаимосвязанные и взаимозависимые виды группировки, как типология (типологизация) и классификация. При этом криминологическая классификация в силу различных причин используется значительно чаще, чем криминологическая типология. В качестве оснований криминологической классификации берутся существенные признаки объекта исследования, из которых вытекают многие производные свойства[1].

Предмет криминологической группировки на протяжении длительного времени криминологами классифицировался по видам или подвидам: преступность и преступления, причины преступности и индивидуального преступного поведения, личность преступника, меры предупреждения (противодействия) преступности. Лишь только во второй половине XX в. в связи с возникновением и активным развитием отечественной виктимологии этот общенаучный метод был распространен и на жертв отдельных видов преступлений.

В качестве оснований криминологической классификации жертв криминального поведения выступают: степень определенности жертв, степень регистрации их в официальной национальной государственной (федеральной или региональной) статистике, социально-демографические признаки (пол, возраст, статус, правовое положение, гражданство, трудоспособность, социальное положение и др.).

Из всех оснований криминологической классификации в криминальной виктимологии наиболее часто используется первый критерий – степень определенности жертв. По степени определенности жертв криминального поведения можно разделить на два самостоятельных вида: персонифицированные и анонимные.

Персонифицированные жертвы криминального поведения – это те физические или юридические лица, потерпевшие от криминального поведения, в отношении которых имеются полные идентифицирующие их данные, заложенные в соответствующих документах. Например, в документе, удо-

[1] Скоморохов Р.В. К вопросу об основании криминологической классификации // Государство и право. 2010. № 4. С. 39.

стоверяющем личность (паспорт гражданина, водительское удостоверение, военный билет и другие), или свидетельстве о государственной регистрации юридического лица в уполномоченном на то государственном органе.

Анонимные или *деперсонифицированные жертвы* криминального поведения – это те физические или юридические лица, потерпевшие от преступлений, о которых правоохранительным органам ничего неизвестно и/или их трудно идентифицировать либо государственные правоохранительные органы их не регистрируют и не предоставляют статистические сведения о них в официальных документах (отчетах, докладах, аналитических записках и т.п.).

Анонимность жертвы может быть вызвана не только трудностью идентификации, но и массовостью (коллективностью) жертв, когда одновременно причиняется вред множеству физических и/или юридических лиц.

По второму критерию – степени регистрации жертв в официальной государственной статистике – можно выделить *зарегистрированных* и *латентных* жертв преступлений.

На наш взгляд, под *зарегистрированными жертвами преступлений* следует понимать жертв, *признанных правоохранительными органами или судом потерпевшими* по уголовным делам и своевременно *внесенных в официальную виктимологическую статистику*.

Под *латентными жертвами криминального поведения* следует понимать жертв, *не признанных потерпевшими* в силу различных обстоятельств субъективного и объективного характера. Например, в силу латентности самих преступлений, либо по выявленным и расследуемым преступлениям при принятии процессуальных решений *не оказались* отраженными *в официальных уголовно-процессуальных документах*, либо отраженные в уголовно-процессуальных документах, но *не отраженные в официальной виктимологической статистике* при составлении карточек первичного статистического учета в тех случаях, когда такой учет предусмотрен действующими нормативными правовыми актами и обязателен.

В свою очередь латентные жертвы преступлений могут быть классифицированы и далее, с использованием дополнительных критериев и криминологически значимых оснований. Таким критерием, по мнению О.В. Лихачевой, является субъективное восприятие и оценка деяния жертвой и правоприменителем. Она полагает, что по этому основанию можно выделить: *безусловно латентную жертву*, оставшуюся неучтенной в уголовной статистике по причине субъективного восприятия и оценки ситуации жертвой, которая не заявила о себе в силу различных причин, и *условно латентную жертву* – известную правоохранительным органам, но не взятую на

статистический учет по причине субъективного восприятия и неадекватной оценки противоправного деяния совершенного правоприменителем[1].

Безусловно латентными жертвами преступной деятельности являются физические и юридические *лица, которые не могли и не должны были предполагать, что они стали таковыми*. По нашему мнению, условно латентной жертва преступления может быть признана в нескольких случаях. Во-первых, когда правоприменитель не адекватно содеянному квалифицирует преступление при принятии процессуального решения, в результате чего жертва правонарушения или преступления дополнительно становится и *жертвой правового невежества правоприменителя или, пользуясь социологической терминологией, – жертвой профессиональной некомпетентности*[2]. Например, правоприменитель необоснованно отказывает в возбуждении уголовного дела о преступлении в силу малозначительности деяния. Во-вторых, в процессе осуществления предварительного расследования или судебного рассмотрения правоприменитель не признает жертву преступления или правонарушения потерпевшим и в этом случае жертва преступления дополнительно становится и жертвой все того же правового невежества правоприменителя. В-третьих, признавая жертву потерпевшим по уголовному делу о преступлении, правоприменитель по субъективным причинам не ставит ее на статистический учет, т.е. скрывает ее от официального учета, несмотря на то, что такой учет является обязательным. В этом случае непосредственно вред жертве преступления не причиняется, зато нарушается достоверность официальных статистических данных о жертвах преступлений и ее негативных социальных последствиях.

В зависимости от правового порядка признания жертв преступлений потерпевшими можно выделить виды жертв преступлений:

а) признанных таковыми в уголовно-процессуальном порядке лицами, осуществляющими предварительное расследование;

б) признанных таковыми в судебном порядке.

В качестве основания криминологической классификации жертв преступлений могут выступать социально-демографические признаки жертвы: пол, возраст, национальность, трудоспособность, семейное, социальное или должностное положение, гражданство, место жительство и другие признаки, предусмотренные статистической карточкой формы № 5 (о потерпевшем)[3].

[1] Лихачева О.В. Латентная жертва насильственных преступлений, совершенных в сфере семейных отношений: автореф. дис.… канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 12.
[2] Козырев Г.И. «Жертва» как феномен социально-политического конфликта (теоретико-методологический анализ): автореф. дис. … д-ра социол. наук. М., 2008. С. 24.
[3] Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений от 29 декабря 2005 г. // Российская газета. 2006. 25 января.

Криминологическую классификацию жертв преступлений можно продолжить, используя такое основание, как размер материального ущерба, причиненного жертве. По этому основанию можно выделить жертв, которым причинен особо крупный, крупный, значительный, незначительный и малозначительный материальный ущерб.

Классифицировать жертв преступлений можно и по уголовно-правовым критериям в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного (ст. 15 УК РФ) в отношении их преступления на:

а) жертв преступлений небольшой тяжести;

б) жертв преступлений средней тяжести;

в) жертв тяжких преступлений;

г) жертв особо тяжких преступлений.

Криминологическая классификация жертв преступлений из числа юридических лиц возможна по основаниям, разработанным специалистами в области гражданского права: формы собственности, состав учредителей, порядок образования, характер прав участников и др.

В зависимости от способа совершения преступлений и правонарушений можно выделить и другие категории жертв, например, жертв мошенничества, хищений, злоупотреблений властью, вымогательства или «рэкета» и т.д.

Рассмотренные нами основания криминологической классификации жертв преступлений носят условный характер. Не каждая жертва преступления может быть однозначно отнесена к тому или иному виду либо подвиду. В реальной жизни можно увидеть в их среде представителей смешанных или промежуточных групп, нуждающихся в различных видах виктимологической защиты, виктимологической помощи или виктимологической реабилитации.

Современная криминология, являясь составной частью правовых наук, использует многие общенаучные методы познания, в том числе и типологизацию (типологию). В криминологии этот метод широко используется не только для исследования личности преступника, но и для описания и объяснения индивидуальных особенностей жертвы преступления. Следует отметить, что криминологическая типология жертв преступлений тесно связана с их криминологической классификацией. Они настолько связаны между собой, что предоставляют из себя единую соподчиненную, взаимосвязанную и взаимозависимую сложную систему, способную группировать различные категории жертв на однородные группы (типы и виды) в целях оказания им в последующем необходимой, однородной, адекватной и достаточной помощи, а также обеспечения надлежащей виктимологической защиты.

Важность рассмотрения типологии как одного из видов криминологической группировки обусловлена еще и тем, что сама виктимология как са-

мостоятельная отрасль криминологических знаний, по мнению Э. Кармана, стала формироваться только после того, как начала активно использовать типологию и классификацию в качестве методов научного анализа и обобщения жертв преступлений. По его мнению, именно Бенджемин Мендельсон и Ганс фон Гентинг начали исследовать виктимологические проблемы, создавая типологию жертв, поэтому этих ученых не зря называют «отцами виктимологии» как современного учения о жертве[1]. Действительно, основоположники мировой виктимологии предлагали широко использовать этот метод научного познания. Б. Мендельсон в качестве основания типологии жертв использовал отношения между обидчиком и жертвой[2]. Ганс фон Гентинг предложил осуществлять группировку (типологию и классификацию) жертв преступлений по социальным, психологическим и биологическим признакам[3].

Рассматривая типологию жертв преступлений как общенаучный метод познания, необходимо выделить наиболее важные основания ее осуществления. Криминологически значимыми основаниями типологизации жертв преступлений могут выступать: правовой статус жертвы; характер (вид) причиненного ей вреда или его степень; статус определенности; характер посягательств, совершенных в отношении жертвы; роль жертвы в совершенном преступлении. Разумеется, существуют и иные основания криминологической типологизации жертв преступлений.

По такому критерию, как правовой статус, жертв преступлений следует разделять на две самостоятельные категории: физические лица и юридические лица[4]; последних некоторые зарубежные специалисты именуют *«корпоративными жертвами»* (corporate victims[5]).

Одним из оснований криминологической типологии жертв преступлений является характер причиненного им социального вреда. Традиционно выделяются три вида социального вреда: физический, материальный (имущественный) и моральный вред. Действительно, жертв преступлений можно группировать как физических, юридических и иных лиц, которым был причинен физический, материальный или моральный вред. Однако в отдельных случаях при совершении преступлений, помимо причинения морального вреда, может быть подорвана деловая (профессиональная) и/

[1] Karmen A. Victimology Theory. URL: http:www.fakultu.ncwc.edu.tocnnor /300/ 300lecl01.htm
[2] Mendelsohn B. The Origin of the Doctrine of Victimology // Excerpta Criminologica. 1963. № 3. P. 239–244.
[3] Hentig van H. The Criminal and his Victim. Newhaven, 1948. P. 404–431.
[4] Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений от 29 декабря 2005 г. // Российская газета. 2006. 25 янв.
[5] Szockyj E., Fox J.G. Corporate Victimisation of Women. Boston: Northeastern Universitety Press, 1996. P.8; Croll H. Victims of White- Collar and Corporate Crime // Victims, Crime and Society / Edited by Pamela Davies, Peter Francis and Chris Greer. London: Citi Universitu, 2007. P. 79–108

или политическая репутация жертвы либо существенно нарушены или ограничены общепризнанные права и свободы человека.

К жертвам преступлений, которым причиняется физический вред, следует относить физических лиц или их определенные общности в любой форме их интеграции, которым прямо или косвенно причиняется смерть либо телесные или физические повреждения.

К жертвам преступлений, которым причиняется материальный ущерб, можно отнести всех физических и юридических лиц, если в результате совершения преступления происходит лишение (в том числе и временное) имущественных прав, принадлежащих лицу (владеть, пользоваться, распоряжаться имуществом, ценностями, деньгами). Например, в результате совершения хищения чужого имущества причиняется имущественный вред в особо крупном размере хозяйствующему субъекту, вследствие чего приостанавливается или прекращается его деятельность либо предприятие признается банкротом в установленном для этого порядке. При этом попутно может быть причинен материальный и моральный вред и физическим или юридическим лицам (учредителям), а также работникам, постоянно или временно работавшим в этом хозяйствующем субъекте.

Жертвами преступлений, которым причиняется моральный вред, следует признавать только физических лиц, поскольку в результате совершения преступления причиняются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права либо нарушающими имущественные права гражданина.

К жертвам преступлений, которым причиняется вред в виде подрыва деловой репутации, следует отнести физических и юридических лиц, которым в результате распространения сведений, порочащих честь и достоинство граждан и/или деловую (профессиональную) репутацию граждан и юридических лиц, приносится значительный вред.

Дополнительно к криминологической типологии жертв преступлений по виду причиненного вреда можно дополнительно добавить следующие категории жертв преступлений в зависимости от времени его наступления:

– *первичные жертвы* – это жертвы преступлений, которым вред причиняется впервые независимо от его правового статуса;

– *вторичные* или *повторные жертвы* (serialvictims) – это жертвы преступлений, которым вред причиняется вторично. Этот вред обусловлен, как правило, недостаточной неформальной или официальной реакцией на первичную виктимизацию. Иногда специалисты эту категорию жертв

именуют другими терминами – «жертва-рецидивист»[1] или «хроническая жертва» (croniesvictims)[2].

По степени взаимодействия между преступником и жертвой можно выделить несколько относительно самостоятельных типов жертв.

Прямая или *непосредственная* жертва – это лицо, которому в результате совершения преступления причиняется физический, материальный или моральный вред либо нарушаются (ограничиваются) его конституционные права и свободы.

Косвенная, вторичная, рикошетная[3] или *опосредованная*[4] жертва (Indirect Victim) – это физическое лицо, которому лично не причиняется физический, материальный или моральный вред, но опосредованно пострадавшее от преступления или вследствие нарушения прав и свобод другого лица. Это, как правило, близкие родственники и иждивенцы непосредственной жертвы, круг которых определен действующим российским законодательством (п. 4 ст. 5 УПК РФ – супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки).

Потенциальная жертва – это физическое лицо, которому потенциально может быть причинен физический, материальный или моральный вред в результате несовершенного национального законодательства или порочной правоприменительной практики[5]. Хотя отдельными специалистами этому термину придается иное значение, согласно которому, потенциальная жертва – это лицо, ставшее мишенью при определенных обстоятельствах и в силу своих личностных качеств, статуса, позиции, поведения; индивид может «играть» жертву задолго до начала преступления[6].

Будущая жертва – это физическое или юридическое лицо, которому угрожает причинение вреда в связи с принятием национального или регионального законодательства, ущемляющего его права и свободы, хотя закон и практика к нему еще не применялись, но существует большая вероятность того, что государство или его органы могут сделать это в будущем.

---

[1] Астафьев К.В. Виктимологический аспект мошенничества (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 14.

[2] Ellingworth D., Farrel G., Pease K. Chronic Victimization in Four Sweeps of British Crime Survey // British Journal of Criminology. 1995. Vol.35. № 3. P.360-365; Farrel G., Pease K. Repeat Victimization. Monsey, NY: Criminal Justice Press, 2001. P.6, 21; Pease K. Repeat Victimization and the policing of communities // International Review of Victimology. 2002. № 9. P. 360–365.

[3] Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 43.

[4] Rock P. On becoming a victim // New Victims of Crime Victims / in C. Hoyle and R. Yong (eds.). Oxford: Hart, 2002. P. 76.

[5] Курдюков Д.Г. Индивидуальная жалоба в контексте Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Воронеж, 2001. С. 73–74.

[6] Варчук Т.В., Вишневецкий В.К. Виктимология: учеб. пособие / под. ред. С.Я. Лебедева. М., 2009. С. 73.

Случайная жертва – это физическое или юридическое лицо, виктимность или виктимогенность которого детерминирована определенной ситуацией или случайным выбором самого преступника.

Профессиональная жертва – это физическое или юридическое лицо, чья виктимность определяется его профессиональной деятельностью.

В качестве основания криминологической типологии жертв преступлений может быть признан характер посягательств, совершенных в отношении их. По этому основанию можно выделить следующие типы жертв.

Жертвы международных или транснациональных преступлений – это физические и/или юридические лица, которым причинен физический, материальный и/или моральный вред либо нанесен вред деловой и/или политической репутации в международных отношениях от совершения транснационального или международного преступления.

Жертвы политических преступлений – это физические или юридические лица, которым преступлением субъекта политики причинен существенный материальный вред и/или невосполнимый ущерб репутации.

Наиболее распространенным основанием виктимологической типологизации является роль жертвы в совершении преступления. Из всех типов жертв преступлений можно выделить лишь три основные из них, используя уже имеющуюся типологию. Это жертвы с нейтральным, соучаствующим (положительным) и провоцирующим поведением[1].

К первой категории жертв преступлений следует относить лиц, которые становятся жертвами в результате случайного стечения обстоятельств.

Ко второй группе жертв преступлений следует относить тех лиц, которые сочувствуют преступникам, укрывая их от юридической ответственности или оправдывая их поведение.

К третьей группе относятся лица, которые провоцируют преступное поведение различными способами от прямого подстрекательства исполнителей до отказа применения к ним специальным мер виктимологической защиты (безопасности). В последнем случае с долей условности можно говорить о «добровольной жертве»[2], т.е. лице, не осознающем реальности угрожающей ему опасности в силу целого ряда субъективных причин (низкого уровня правосознания, легкомыслия и т.д.).

В настоящее время криминологи осуществляют типологизацию жертв преступного поведения по их типичному поведению на следующие ка-

[1] Полубинский В.И. Криминальная виктимология. Что это такое? М., 1977. С. 42; Морчев И.А. Виктимологические аспекты предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в семье: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 14.

[2] Василевич П.А. Феномен добровольной жертвы: преступление или подвиг? (некоторые аспекты правового и культурологического подходов к преступлениям религиозного характера) // Юридические науки. 2007. № 5 (27). С. 167–169.

тегории: агрессивные жертвы, активные жертвы, инициативные жертвы, пассивные жертвы, некритичные жертвы и нейтральные жертвы.

Проведенный обзор криминологической группировки не является единственным и полным – для успешного освоения курса необходимо обращаться к другим источникам, где отражается этот вопрос.

§3. Виктимологическая оценка последствий современной российской преступности

Эффективное противодействие преступности невозможно без анализа социальных последствий преступности, которые можно, пусть и не в полном объеме, получать из данных официальной правовой статистики. Следует иметь в виду, что официальные статистические данные лишь в самом общем виде могут выявить те тенденции, которые с очевидностью отражают отдельные показатели преступности в обществе (состояние, динамику, структуру, уровень и др.). Современная криминальная статистика позволяет изучать различные аспекты преступного поведения в обществе, в том числе виктимологические, формируя собственную информационную базу данных – виктимологическую статистику. Виктимологическая статистика – это одно из важнейших направлений современной уголовно-правовой (криминальной) статистики, которое наиболее полно характеризует негативные социальные последствия преступности, иногда именуя их специфическим термином «жертвоприношение преступности» или отдельного ее вида. Криминологи понимают, что ни один вид статистического учета преступности не является идеальным инструментом ее измерения, в том числе негативных последствий, воспроизводимых ею. На очевидные недостатки официальной криминальной статистики: неполноту и искаженность показателей – указывают современные исследователи[1]. Вместе с тем, невзирая на такое отношение к статистическим количественным показателям преступности, игнорировать их полностью было бы нерационально. Более того, анализ основных количественных показателей, характеризующих последствия преступности, крайне необходим, поскольку он корректирует криминальную статистику, которая уже относительно продолжительное время показывает снижение преступности во всем мире.

Обратившись к количественным виктимологическим показателям последствий российской преступности, в период (2009-2014 гг.) мы об-

[1] Лунеев В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. №1. С.48; Иншаков С.М. Исследование преступности. Проблемы методики и методологии: монография. М., 2012. С.178; Шклярук М., Скугаревский Д., Дмитриева А., Скифский И., Бегтин И. Криминальная статистика. Механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. СПб.: Норма, 2015. С.48-64.

наружили положительную тенденцию – ежегодное снижение количества потерпевших от преступлений. Такое снижение происходило следующим образом: в 2009 году их было признано и учтено 2 241 710, в 2010 г. – 2 062 937, в 2011 г. – 1 924 192, в 2012 г. – 1 895 970, в 2013 г. – 1 822 767, в 2014 г. – 1 819 811. В этот период с очевидностью просматривается устойчивая позитивная тенденция к снижению общего количества жертв криминального поведения в российском обществе.

Однако статистическое благополучие продолжалось недолго: в 2015 году произошел рост количественных показателей преступности до 2 388 476 учтенных преступлений и, как закономерное следствие, одновременно произошло увеличение количества жертв преступлений до 1 949 050. Этот непроизвольный всплеск преступности и виктимности в России был погашен уже в следующем году.

По итогам 2016 года уровень преступности в Российской Федерации снизился до 2 160 063 зарегистрированных преступления. В то же время уровень криминальной виктимности в обществе опустился до минимального уровня за весь период наблюдения и составил 1 787 911 потерпевших от преступлений. Это свидетельствует о том, что в этот период тенденция снижения уровня преступности и криминальной виктимности в России носит устойчивый характер.

К числу важнейших количественных показателей, характеризующих последствия преступности, следует отнести структуру потерпевших от преступлений. В исследуемый нами период среди жертв криминального поведения правоохранительными органами было зарегистрировано и учтено 13 377 108 физических лиц, и 2 127 240 юридических лиц. Соотношение этих двух категорий жертв показывает, что физические лица более чем в шесть раз чаще становятся потерпевшими от преступлений, чем юридические.

Обратившись к структурному анализу виктимологических показателей жертв преступности, мы увидим, что в 2009 году юридические лица были признаны потерпевшими от преступлений 288 531 раз, в 2010 г. – 277 747, в 2011 г. – 267 473, в 2012 г. – 256 621, в 2013 г. – 255 825, в 2014 г. – 257 151, в 2015 г.–280 219, в 2016 г. – 234 673.

Анализ статистических данных показывает, что темпы снижения криминальной виктимности юридических лиц в период с 2009 по 2013 гг. составили 11,3%, что на 7,7% ниже, чем в целом по общему количеству учтенных жертв криминального поведения. В то же время в период с 2014 по 2015 годы просматривается тенденция к росту этого показателя в 2014 году на 0,5%, а в 2015 году уже на 7,2% по сравнению с предыдущим годом, приближаясь с максимуму 2009 года.

В 2016 году произошло резкое снижение количества жертв преступлений из числа юридических лиц на 16,3% по сравнению с показателями предыдущего года. В этом году количественные показатели юридических лиц жертв преступлений достигли статистического минимума за исследуемый период. Темпы снижения криминальной виктимности юридических лиц за исследуемый период составили 18,7%, что на 1,5% ниже чем общее снижение криминальной виктимности за тот же период.

Следует отметить, что в то же время физические лица становились жертвами преступлений в 2009 году 1 953 179 раз, в 2010 г. – 1 785 190, в 2011 – 1 656 719, в 2012 г. – 1 639 349, в 2013 г. – 1 566 942, в 2014 г. – 1 562 660, в 2015 г. – 1 668 831, в 2016 г. – 1 544 238. Темпы снижения статистических показателей жертв российской преступности из числа физических лиц в период с 2009 по 2014 год составили 20% – несколько выше, чем общее темпы общего снижения жертв преступности. Только в 2015 году наблюдался рост общего количества физических лиц, признанных потерпевшими от преступлений по уголовным делам на 6,4%. В 2016 году этот показатель вновь стал снижаться и по итогам года снизился на 7,5%, продолжив тенденцию снижения этого показателя.

Снижение показателя криминальной виктимности физических лиц за период 2009-2016 составил 20,9%, что выше темпов снижения этого показателя криминальной виктимности российского общества на 0,7%.

Анализ статистических данных показал, что просматривается общая тенденция стабильного снижения количества учтенных жертв преступлений в период с 2009 по 2014 гг., которая затрагивала обе категории потерпевших, хотя снижение и происходило различными темпами. В 2015 году одновременно отмечается значительный рост количества зарегистрированных потерпевших от преступлений как юридических, так и физических лиц. При этом темпы прироста потерпевших юридических лиц выше, чем темпы прироста физических лиц. Резкое снижение общего количества жертв преступлений в 2016 году до статистического минимума подчеркивает общий тренд на снижение криминальной виктимности как физических, так и юридических лиц. При этом темпы снижения криминальной виктимности физических лиц выше, чем криминальной виктимности юридических лиц.

Сравнение темпов снижения преступности и криминальной виктимности в обществе показало, что эти темпы выше темпов снижения криминальной виктимности в нем. В связи с этим можно говорить о том, что показатели криминальной виктимности в обществе более стабильны, чем показатели преступности.

Безусловно, общественная опасность преступности увеличивается, если ее жертвами становятся наименее защищенные слои населения: женщины, дети, в том числе и сироты, лица пожилого возраста, инвалиды. Однако российская виктимологическая статистика в рассматриваемый нами период стабильно фиксировала показатели по двум категориям: несовершеннолетние жертвы преступлений и женщины. По иным критериям жертв преступлений (лица пожилого возраста, дети-сироты, инвалиды, мигранты, безработные и др.) стали выделяться в отдельную категорию лишь после 2014 года – ранее они учитывались в общих показателях, не выделяясь в особые социальные группы с повышенной криминальной виктимностью. Поэтому дальнейший анализ жертвоприношения российской преступности нами будет проводиться только по этим двум категориям жертв (женщины и дети).

Криминальная виктимность женщин. За исследуемый нами период в России общее количество учтенных потерпевших женского пола, попавших в виктимологическую статистику, составило 6 222 176 человек или 46,5% от общего количества жертв из числа физических лиц. По календарным годам них было зарегистрировано и учтено российскими правоохранительными органами в 2009 г. – 893 060 человек, в 2010 г. – 824 836, в 2011 г. – 757 889, в 2012 г. – 751 005, в 2013 г. – 733 046, в 2014 г. – 739 638, в 2015 г. – 791 092, в 2016 г. – 731 610.

Анализ статистических сведений показал, что в период с 2009 по 2013 гг. произошло снижение общего количества учтенных женщин – жертв преступлений на 17,9%. Этот показатель на 1,1% меньше общего снижения учтенного количества жертв российской преступности из числа физических лиц за этот же период. Вместе с тем в 2014 году наметилась обратная тенденция – увеличение количества потерпевших от преступлений женского пола на 0,9% по сравнению с предыдущим годом, а в 2015 году этот показатель возрос по сравнению с 2013 годом уже на 7,3%. В 2016 году ситуация изменилась в лучшую сторону. В этом же году произошло снижение количества потерпевших данной категории на 7,5% и достигло своего минимума.

Снижение показателя женской криминальной виктимности в Российской Федерации в 2016 году по сравнению с базовым 2009 годом достигло 18,2%, но оказалось ниже на 2%, чем общий показатель криминальной виктимности за тот же период и на 2,7% ниже, чем этот же показатель для физических лиц.

Криминальная виктимность несовершеннолетних. Если обратимся к статистическим показателям, характеризующим общее количество несовершеннолетних жертв преступного поведения, то обнаружим, что в рассматриваемый нами период в Российской Федерации их было признано

таковыми 754 877 человек или 5,6% от общего количества учтенных жертв из числа физических лиц.

Обратившись к динамике признания несовершеннолетних потерпевшими по возбужденным уголовным делам, мы обнаружим, что в 2009 году их было признано таковыми 108 718 человек, в 2010 г. – 100 227, в 2011 г. – 92 912, в 2012 г. – 89 183, в 2013 г. – 89 053, в 2014 г. – 94 765, в 2015 г.–101 321, в 2016 – 78 698.

Анализ полученных статистических данных позволяет констатировать, что в период с 2009 по 2013 гг. очевидна тенденция к снижению количества учтенных жертв преступлений несовершеннолетнего возраста приблизительно в том же процентном соотношении, что и у женщин – 18,1%, но ежегодные темпы снижения становятся значительно ниже и уже в 2014 году происходит рост этого показателя на 6% к предыдущему году, а в 2015 году этот показатель увеличивается уже на 12,1% к показателю 2013 года.

В 2016 году происходит резкое снижение криминальной виктимности несовершеннолетних. Количество учтенных несовершеннолетних жертв преступлений снижается до минимума за весь исследуемый нами период и составляет 78 698, что на 27,6% ниже по сравнению с 2009 годом. В рассматриваемый нами период темпы снижения детской криминальной виктимности в России оказались выше, чем общее снижение криминальной виктимности физических лиц на 6,7%.

Обращаясь к общим тенденциям криминальной виктимизации несовершеннолетних как категории лиц с повышенной социальной и криминальной уязвимостью, можно отметить, что этот показатель в рассматриваемый нами период имеет устойчивую тенденцию к снижению.

Криминальная смертность как качественный показатель негативных последствий преступности отечественными специалистами используется очень редко без дополнительной ее классификации на виды[1]. Однако внутри общего показателя «криминальная смертность» можно выделить видовую криминальную смертность в зависимости от оснований классификации. В качестве оснований классификации могут выступать:

- вид совершенного преступления в отношении жертвы (насильственные, неосторожные, автотранспортные, вооруженные и др.);

- социально демографические данные жертвы (несовершеннолетние, пожилые, иностранцы, женщины, сироты, мигранты, лица, без определенного места жительства и др.);

[1] Лебедев А.С. Криминальная смертность в России // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 3. С. 62-63; Стешич Е.С. Криминальная смертность: истоки ошибок статистики // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 1 (62). С. 66-71; Акопов В.И. Криминальная смертность: искажения и ошибки статистики // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 1. С. 10-14.

- правовые (лица, ранее судимые, лица, находящиеся под административным надзором, осужденные и т.д.). Этот перечень можно и продолжить, но не все эти статистические сведения о различных видах жертв могут размещаться в базе данных ведомственного учета потерпевших от преступлений. Наш научный интерес направлен, в первую очередь, на две категории социально-уязвимых лиц – несовершеннолетних и женщин, которые подчеркивают повышенную опасность этого показателя.

Важнейшим базовым показателем, характеризующим качество жертвоприношения преступности, является общее количество погибших в результате совершенных преступлений, или криминальная смертность. В исследуемый нами период на территории Российской Федерации погибло 248 156 человек или 1,9% от общего количества учтенных жертв из числа физических лиц, среди них более чем треть – это интересующие нас наименее социально защищенные слои населения: 17 016 человек или 6,9% оказались несовершеннолетними и 72 542 или 29,2% – женщинами.

Как беспристрастно говорят статистические показатели, в 2009 году было учтено погибшими от преступлений 31 089 человек, в 2010 г. – 30 275, в 2011 г. – 30 476, в 2012 г. – 31 736, в 2013 г. – 31 111, в 2014 г. – 32 611, в 2015 г. – 31 854, в 2016 г. – 29 933.

Официальные статистические данные указывают на относительную стабильность показателя погибших от преступлений, при снижении в 2010-2011 годах и повышении в 2012-2014 гг. При этом в период 2015-2016 гг. происходит снижение этого скорбного показателя, достигая по итогам 2016 года минимума. Характеризуя в целом показатель криминальной смертности, можно отметить, что к 2016 году он снизился по сравнению с базовым 2009 годом на 3,7%, при этом снижение шло не стабильно, а волнообразно, прерываясь ростом в 2012-2014 годах.

Наиболее трагичным показателем криминальной смертности как последствия российской преступности выступает ***детская криминальная смертность***. Статистические показатели показывают, что в рассматриваемый нами период в России было учтено 17 016 несовершеннолетних, погибших в результате совершения преступлений. Если в 2009 году общее количество учтенных погибших от преступлений лиц несовершеннолетнего возраста составляло 1 613 человек, то в последующие пять лет этот количественный показатель только возрастал. В 2010 году он составил 1 684, в 2011 г. – 1 731, в 2012 г. – 2 139, в 2013 г. – 2 174, в 2014 г. – 2 553, в 2015 г. – 2 727. Темпы прироста детской криминальной смертности в России в рассматриваемый нами период составили 40,9% или в среднем более чем на 5,5% ежегодно.

В общей структуре учтенных жертв преступлений в России детская смертность составляет 2,2%. В настоящее время детская криминальная смертность имеет тенденцию к снижению.

Основным виктимологическим показателем, характеризующим негативные последствия российской преступности, является удельный вес детской криминальной смертности в структуре учтенных жертв преступлений лиц несовершеннолетнего возраста.

Как свидетельствуют исследованные нами статистические данные, в 2009 году удельный вес детской смертности от преступлений составлял всего лишь 1,48% от общего количества учтенных жертв несовершеннолетнего возраста, то в 2010 г. – 1,68%, в 2011 г. – 1,86%, в 2012 г. – 2,4%, в 2013 г. – 2,44%, в 2014 г. – 2,64%, в 2015 г. – 2,69%, в 2016 г. – 3,1%.

Полученные и обработанные нами статистические данные показывают негативную тенденцию последствий российской преступности в исследуемый период – рост детской криминальной смертности в структуре жертв несовершеннолетнего возраста.

Не менее значим для исследования детской криминальной смертности такой показатель, как удельный вес смертей несовершеннолетних в структуре общей криминальной смертности. Проведенные нами вычисления показали, что этот показатель в 2009 году составил 5,2%, в 2010 г. – 5,6%, в 2011 г. – 5,7%, в 2012 г. – 6,7%, в 2013 г. – 7,0, в 2014 г. – 7,9%, в 2015 г. – 8,6%, в 2016 г. – 8,2%.

Анализ показателей в динамике показывает, что в общей структуре криминальной смертности в России детская криминальная смертность в исследуемый период увеличилась более чем в полтора раза.

Проведенный нами анализ количественных и качественных показателей, характеризующих детскую криминальную смертность, позволяет сделать вывод о том, что в современном российском обществе очевидна устойчивая тенденция к росту детской смертности от совершения преступлений при снижении общего количества учтенных жертв преступлений несовершеннолетнего возраста. При этом постоянно увеличивается доля детской криминальной смертности как в структуре общей криминальной смертности, так и в общей структуре жертв несовершеннолетнего возраста. Это свидетельствует о негативных изменениях – увеличении тяжести характера последствий преступности в современном российском обществе.

Не менее трагичны и информативны статистические показатели, характеризующие ***женскую криминальную смертность***. В рассматриваемый нами период женская криминальная смертность составила 72 542 человека. Как показывают статистические данные, в 2009 году российскими правоохранительными органами была выявлено и учтено 8 868 смертей женщин

от преступных посягательств, в 2010 г. – 8 678, в 2011 г. – 8 514, в 2012 г. – 9 189, в 2013 г. – 9 112, в 2014 г.– 9 402, в 2015 г. – 9 630, в 2016 г. – 9 149.

Количественные показатели российской виктимологической статистики свидетельствуют о том, что в период с 2009 по 2011 гг. отмечалось снижение криминальной смертности женщин в абсолютных показателях, а в 2012 году она резко поднялась на 7,3% и лишь несколько сократилась в 2013 году, но по-прежнему остается выше, чем в предыдущие 2009-2011 годы. Темпы прироста женской криминальной смертности в 2013 году, по сравнению с базовым 2009 годом составили 2,8%,в 2014 г. – 5,7% и в 2015 г. – 7,9%. Только по итогам 2016 года женская криминальная смертность снизилась на 5%, то есть почти до уровня 2013 года, но по сравнению с 2009 годом она возросла на 3,1%.

Если обратится к относительному показателю – удельному весу женской смертности в общей структуре женщин, пострадавших от преступлений, мы обнаружим несколько иные тенденции. На протяжении периода с 2009 по 2014 годы доля женской смертности от преступного поведения в общей структуре женщин пострадавших от преступлений, только росла. Если на начало исследуемого периода она составила 0,99%, то в последующем постоянно возрастала до 2015 года. В 2010 году этот показатель составил 1,05%, в 2011 г. – 1,12%, в 2012 г. – 1,22%, 2013 г. – 1,24%, в 2014 г. – 1,27%, в 2015г. – 1,22%, в 2016 г. – 1,25%.Однако, начиная с 2015 года, эта негативная тенденция стала изменяться. В 2015 году анализируемый показатель стал ниже на 0,05% показателя предыдущего года, но уже в 2016 году женская криминальная смертность поднялась по сравнению с 2015 годом на 0,03%.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в общей структуре учтенных женщин – жертв преступлений в рассматриваемый период женская криминальная смертность составила всего лишь 1,17%.

Еще одним относительным показателем, характеризующим состояние женской криминальной смертности, является ее удельный вес в структуре общей криминальной смертности в России. Рассмотрим этот показатель в динамике. В 2009 году он составил 28,5%, в 2010 г. – 28,7%, в 2011 г. – 27,9%, в 2012 г. – 29,0%, в 2013 г. – 29,2%, в 2014 г. – 29,7%, в 2015 г. – 30,2%, в 2016 г. – 30,6%.

Приведенные выше показатели свидетельствуют о том, что доля женской криминальной смертности в структуре общей криминальной смертности в исследуемый период возросла на 2,1%.

Анализ количественных и качественных показателей женской смертности от преступности позволяет сделать вывод о том, что в современном российском обществе имеется тенденция к росту показателей женской криминальной смертности при снижении общего количества учтенных

женщин-жертв преступлений. При этом постоянно увеличивается доля женской криминальной смертности как в структуре общей криминальной смертности, так и в общей структуре жертв женского пола. Это свидетельствует о неблагоприятных тенденциях в современной российской преступности – ухудшается характер ее негативных социальных последствий.

Криминальный травматизм в структуре последствий российской преступности. Виктимологическое измерение криминального поведения может оказаться неполным без обращения к оценке количественных показателей, отражающих причинение вреда здоровью потерпевшим, именуемого отечественными специалистами терминами «криминальный травматизм»[1] или «травматизм криминального характера»[2].

Современная отечественная официальная виктимологическая статистика особо выделяет лишь причинение двух видов причинения вреда здоровью потерпевших – тяжкого и средней тяжести, игнорируя причинение вреда здоровью меньшей тяжести. Исключение из этого правила составляют лишь статистические данные об умышленном причинении побоев, предусмотренных статьей 116 УК РФ. Учитывая такое положение дел, свое исследование мы ограничим лишь показателями о количестве лиц получивших тяжкий вред здоровью и средней тяжести вред здоровью.

В рассматриваемый нами период общее количество потерпевших получивших тяжкий вред здоровью (жертв криминального травматизма с тяжкими последствиями) составило 334 950 человек, а средней тяжести – 183 853 или 2,5% и 1,4% соответственно в структуре жертв преступного поведения из числа физических лиц.

Статистические показатели, характеризующие общее количество потерпевших, получивших тяжкий вред здоровью в результате совершения преступлений, показывают, что в 2009 году было зарегистрировано 40 745 потерпевших, которым был причинен тяжкий вред здоровью, то в 2010 г. – 39 666, в 2011 г. – 39 295, в 2012 г. – 41 580, в 2013 г. – 42 018, в 2014 г. – 43 341, в 2015 г. – 45 021, в 2016 г. – 43 284.

Прирост количества потерпевших, получивших тяжкий вред здоровью в исследуемый период, составил 5,1%, нейтрализовав относительно благополучные показатели 2010-2011 годов. Вместе с тем снижение данного показателя по итогам 2016 года позволяет нам надеяться на благоприятное изменение ситуации в будущем.

[1] Колчина А.А. Особенности криминального травматизма и пути его профилактики //Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2006. № 6. С. 124-127; Добрынина С. Сроки расследования случаев «криминального» травматизма //Охрана труда и социальное страхование. 2008. № 4. С.72-79.

[2] Кузьмин Ю.Ф., Колчина А.А. Актуальные вопросы травматизма криминального характера // Общественное здоровье и здравоохранение. 2008. № 1. С.99-102.

Общие тенденции последствий российской преступности по рассматриваемому нами показателю (криминальному травматизму) отразились и на показателях, характеризующих причинение тяжкого вреда лицам с повышенной криминальной виктимностью – несовершеннолетним и женщинам.

Анализ показателей, характеризующих ***детский криминальный травматизм***, позволил обратить внимание на то обстоятельство, что общее количество несовершеннолетних, получивших тяжкий вред здоровью (жертв детского криминального травматизма с тяжкими последствиями), в рассматриваемый нами период составило 21 911 человек или 6,5% от общего количества учтенных жертв, получивших такой вред. В то же время количество женщин, получивших тяжкий вред здоровью, составило 101 722 человека или 30,4% от их общего количества учтенных жертв, получивших такой же вред здоровью. Вместе с тем доля жертв, получивших тяжкий вред здоровью, в общей структуре учтенных жертв несовершеннолетнего возраста составила 2,9%, а женщин – 1,67%.

Статистические показатели, характеризующие количество несовершеннолетних, получивших тяжкий вред здоровью, распределились следующим образом: в 2009 году – 2 432 человека, в 2010 г. – 2 386, в 2011 г. – 2 509, в 2012 г. – 2 705, в 2013 г. – 2 915, в 2014 г. – 3 039, в 2015 г. – 3 085, в 2016 г. – 2 840. Прирост количества учтенных несовершеннолетних жертв криминального поведения, получивших тяжкий вред здоровью, в период с 2009 года по 2015 год составил 26,9% и свидетельствует о неблагоприятных тенденциях в современной российской преступности. Снижение этого показателя в 2016 году на 7,9% по сравнению с предыдущим годом в целом не меняет его общую тенденцию роста.

Женский криминальный травматизм как негативное последствие современной преступности – малоисследованное явление. Однако полученные нами статистические сведения позволяют описать его. Количественные статистические показатели, характеризующие причинение преступным поведение тяжкого вреда здоровья женщинам (женский криминальный травматизм с тяжкими последствиями), распределились таким образом: в 2009 году – 10 014 человек, в 2010 г. – 9 967, в 2011 г. – 10 207, в 2012 г. – 11 088, в 2013 г. – 11 281, в 2014 г. – 11 881, в 2015 г. –12 283, в 2016 г. – 12 104. В рассматриваемый нами период прирост количества женщин – жертв криминального травматизма, получивших тяжкий вред здоровью, составил 17,3% и свидетельствует о неблагоприятных тенденциях характера последствий современной российской преступности

Следовательно, статистические показатели, характеризующие количество жертв в рассматриваемый нами период, получивших тяжкий вред здоровью, в

разрезе по категориям с повышенной криминальной виктимностью (несовершеннолетние и женщины) свидетельствует о неблагоприятных тенденциях характера последствий современной российской преступности – значительном приросте количества жертв криминального травматизма с тяжкими последствиями для лиц с повышенной криминальной виктимностью.

Для оценки последствий современной российской преступности не менее значимы показатели, характеризующие причинение вреда средней тяжести здоровья потерпевшим от преступлений (криминальный травматизм с причинением вреда здоровью средней тяжести). В исследуемый нами период в России было зарегистрировано 183 853 жертвы преступлений, получивших средней тяжести вред здоровью. Среди всех учтенных жертв, которым был причинен средний степени вред здоровью, оказались 8 489 несовершеннолетними или 4,6% от их общего количества и 43 689 – женщинами или 23,8%.В общей структуре учтенных жертв несовершеннолетнего возраста, доля лиц, получивших средней тяжести вред здоровью, составила 1,1%, а среди женщин – 0,7%.

Количественные показатели, характеризующие в динамике состояние причинения средней тяжести вреда здоровью потерпевшим от преступлений, выглядят следующим образом: в 2009 году было учтено и признано таковыми 39 772 человека, в 2010 г. – 18 292, в 2011 г. – 17 724, в 2012 г. – 18 075, в 2013 г. – 17 734, в 2014 г. – 20 201, в 2015 г. – 23 380, в 2016 г. – 28 675.

В соответствии с полученными нами стстистическими данными ярко просматривается более чем двукратное снижение количества жертв преступлений, получивших средний тяжести вред здоровью в 2010 году по сравнению в 2009 годом и стабилизацией этого показателя в последующие три года, а потом значительный рост данного показателя в 2014-2016 гг. более на треть (38,2%). Эта общая неблагополучная тенденция отразилась на показателях, характеризующих жертв криминального травматизма несовершеннолетнего возраста, получивших средний тяжести вред здоровью (жертв детского криминального травматизма с причинением средней тяжести вреда здоровью). Согласно статистическим данным, в 2009 году их общее количество составило 2 403 человек, то в 2010 г. – 775, в 2011 г. – 770, в 2012 г. – 787, в 2013 г. – 695, в 2014 г. – 947, в 2015 г. – 919, в 2016 г. – 1 190.

Сравнивая ежегодные статистические показатели, можно отметить, что прирост детского криминального травматизма с причинением вреда здоровью средней тяжести по сравнению с 2010 годом в 2015 году составил 15,7%, а в 2016 уже 44,9%. Однако если этот показатель сравнивать с его значением в 2013 году, то отмечается очевидный рост в 2014-2015 годах на 24,4%, а в 2016 году на 41,6%.

Следовательно, негативные тенденции детского криминального травматизма, связанного с причинением средней тяжести вреда здоровью, совпадают с общими тенденциями криминальным травматизмом, связанного с причинением средней тяжести вреда здоровью.

Статистические показатели, характеризующие количество жертв преступлений, получивших средний тяжести вред здоровью, среди женщин (жертв женского криминального травматизм с причинением средней тяжести вреда здоровью) выглядят несколько иначе. Так, в 2009 году эта категория жертв преступлений составила 5 598 человек, в 2010 г. – 4 609, в 2011 г. – 4 356, в 2012 г. – 4 673, в 2013 г. – 4 805, в 2014 г. – 5 610, в 2015 г. –6 427, в 2016 – 7 611.

Необходимо обратить внимание на снижение общего количества женщин-жертв преступлений, получивших средний тяжести вред здоровью, в 2010 году по сравнению с 2009 годом на 17,7%, а в 2011 году – еще на 5,5%. В последующем мы видим только прирост этого показателя: в 2012-2016 годах увеличение данного показателя составило 42,8%.

Анализ статистических показателей женского криминального травматизма, повлекшего причинение средней степени тяжести вреда здоровью, за исследуемый период показал, что с 2011 года наметилась негативная тенденция роста этого показателя, при снижении общего уровня преступности в обществе. Это свидетельствует об изменении структуры характера последствий преступности на более негативный характер.

Виктимологическое измерение количественных показателей, характеризующих общее состояние характера последствий современной преступности в Российской Федерации за период с 2009 по 2016 годы, позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, общее снижение преступности в Российской Федерации в 2009-2014 гг. повлекло и снижение количества зарегистрированных и учтенных потерпевших от преступлений, при этом снижение темпов преступности опережало снижение темпов криминальной виктимности как одного из показателей последствий преступности. Рост количественных показателей российской преступности в 2015 году повлек за собой и рост криминальной виктимности, а снижение уровня преступности в 2016 году вызвало снижение общего количества жертв преступлений. При этом снижение уровня преступности в 2016 году было выше снижения уровня виктимности. Очевидна зависимость криминальной виктимности от состояния преступности в обществе.

Во-вторых, в структуре жертв современной российской преступности зафиксировано преобладание доли физических лиц, над юридическими в числе потерпевших от преступлений более чем в шесть раз.

В-третьих, в современной российской преступности отчетливо просматриваются тревожные симптомы криминального неблагополучия. Среди них обращают на себя внимание качественные показатели, характеризующие ее негативные последствия:

а) устойчивые темпы прироста детской и женской криминальной смертности в современном российском обществе;

б) устойчивые темпы прироста криминального травматизма, связанного с причинением тяжкого вреда здоровью этой категории жертв с повышенной криминальной виктимностью.

§ 4. Виктимологические факторы и виктимологические ситуации криминального поведения

Современная практика противодействия преступности свидетельствует о том, что довольно часто преступная деятельность является результатом взаимодействия преступника и его непосредственной жертвы. В связи с этим возникает объективная потребность криминологического анализа данных, характеризующих жертву преступления, а также изучение процессов взаимодействия между преступником и жертвой, приводящих к совершению преступлений.

В современной криминологии нет не только единого представления о виктимологических факторах криминального поведения, но нет даже такой научной категории, которая бы раскрывала проблемы взаимодействия преступника и его жертвы.

Виктимологические факторы преступного поведения в обществе в современной криминологии именуют по-разному. Одни специалисты используют данное словосочетание как совокупность обстоятельств, порождающих жертву преступления, способствующих ее виктимизации[1]. Другие рассматривают виктимологические, а точнее – *виктимогенные факторы* с антропологических позиций, полагая, что таковыми являются различные социальные и социально-психологические свойства отдельных лиц или групп, реализованные в конкретном поведении, а также объективные ситуативные обстоятельства, которые непосредственно способствуют наступлению виктимных последствий[2]. Третьи говорят о *виктимологических (виктимогенных[3]) детерминантах*[4] преступного поведения, под которы-

[1] Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 10.

[2] Рыбальская В.Я. Виктимологические проблемы преступности. Иркутск, 1983. С. 182–183.

[3] Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: учеб. пособие / под ред. С.Я. Лебедева. М., 2009. С. 110; Невский Н.Н. Влияние виктимогенной обстановки на виктимизацию // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1(6). С. 185.

[4] Баймурзин М.С. Виктимологические детерминанты криминогенного поведения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Караганда, 2000.

ми понимают процессы, находящиеся в причинной связи с совершенным впоследствии преступлением[1], либо виктимогенной детерминации как системе охватывающей широкий круг явлений и процессов, в котором проявляются свойства, продуцирующие виктимное поведение и виктимную ситуацию[2]. В отдельных случаях используется словосочетание «детерминанты виктимизации»[3], под которым понимают явления, проявляющиеся в совокупности и взаимодействии социальных процессов экономического, организационно-управленческого, правового, идеологического, психологического, культурно-воспитательного характера, которые своими действиями порождают и воспроизводят существование криминальной виктимизации в реальных условиях жизни общества[4]. Четвертые выделяют виктимологические условия преступности, не раскрывая содержание вводимой ими дефиниции[5]. Пятые говорят о другой виктимологической категории – факторах, формирующих виктимность [6].

Некоторые специалисты под виктимологическими факторами понимают совокупность обстоятельств, связанных с личностью и поведением жертвы, формирующих ее как таковую, способствующих ее виктимизации в определенных условиях внешней среды[7].

Имеющиеся определения виктимологических факторов имеют свои недостатки, в первую очередь, обусловленные антропологическим подходом к пониманию жертвы преступления. На наш взгляд, наиболее удачным из них является определение виктимологических факторов, предложенное А.А. Кулаковой, которая считает, что виктимологические факторы – это явления и процессы, находящиеся в причинной связи с совершенным впоследствии преступлением и способствующие продуцированию преступного поведения. Одни из них формируют личность с повышенной виктимностью, другие являются обстоятельствами, непо-

[1] Ившин В.Г., Идрисова С.Ф., Татьянина Л.Г. Виктимология: учеб. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 49, 237.

[2] Горшенков А.Г. Виктимологический аспект предупредительного воздействия на преступность в сфере массовой информации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 19.

[3] Лихачева О.В. Детерминанты механизма виктимизации латентной жертвы насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений // Уголовное право на рубеже тысячелетий: материалы регион. науч.-практ. конф. (21 ноября 2007 г.). Тюмень: Изд-во Тюменского юридического института МВД России, 2008. С. 176–179.

[4] Лелетова М.В. Предупреждение криминальной виктимизации субъектов малого предпринимательства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 11.

[5] Павленко О.В. Виктимологические условия преступности // Проблемы права. 2007. № 2. С. 119–121.

[6] Холыст Б. Факторы, формирующие виктимность // Вопросы борьбы с преступностью. 1984. Вып.41. С. 73–77.

[7] Глухова А.В. Виктимологические факторы преступности: учеб. пособие. Н. Новгород, 2005. С. 34; Глухова А.В., Изосимов С.В. Виктимологические факторы преступности: история, современность и перспективы предупредительного воздействия: учеб. пособие. Н. Новгород, 2010. С. 37.

средственно предшествующими совершению преступления, или виктимологическими ситуациями[1].

Приведенные выше определения содержат в себе ряд важнейших виктимологических категорий, которые требуют их тщательного научного анализа. Несомненно, такими базовыми виктимологическими дефинициями являются «виктимность», «виктимизация» и «виктимологическая ситуация».

Термин «виктимность» в отечественную виктимологию ввел Л.В. Франк, который понимал под виктимностью реализованную преступным актом предрасположенность или способность лица стать жертвой преступления или неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима[2]. В более позднее время он уточнил свою позицию по данному вопросу, утверждая, что индивидуальная виктимность – это не только реализованная, но и потенциальная повышенная способность стать жертвой в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств[3]. По мнению М.В. Лелетовой, виктимность – это качество (способность и состояние) человека, определяемое его субъективными свойствами, актуализированными обстоятельствами ситуации[4]. В современной отечественной виктимологии специалисты выделяют несколько видов виктимности: индивидуальную, групповую, видовую, массовую и корпоративную[5].

Можно было бы привести и еще ряд определений виктимности, выработанных специалистами, но и указанного выше достаточно, чтобы понять его содержание. Виктимность – это научная категория, описывающая антропологическую составляющую виктимологических факторов. Суть ее заключается в потенциальной или реальной способности человека, социальных групп, общностей становиться жертвами преступного поведения. Вместе с тем жертвами преступлений в силу положений ст. 42 УПК РФ могут выступать не только физические, но и юридические лица. Следовательно, виктимность есть объективная возможность или способность

[1] Кулакова А.А. Виктимологический аспект пенитенциарной преступности и ее предупреждения (в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С.12.

[2] Франк Л.В. Виктимология и виктимность (об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью): учеб. пособие для студентов юридических факультетов. Душанбе, 1972. С. 22.

[3] Франк Л.В. Потерпевшие от преступлений и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977. С. 108.

[4] Лелетова М.В. Анализ понятий криминологии и виктимологии методом инверсии: лекция. Кстово, 2004. С. 25–26.

[5] Ахмедшина Н.В. Виктимность как основное виктимологическое понятие // Актуальные проблемы развития российского законодательства. Томск, 2005. С. 181–186; Сирик М.С. Уголовно-правовое и криминологическое значение потерпевшего от преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 21.

(«предрасположенность») любого лица, в том числе и юридического, стать непосредственной или опосредованной жертвой преступления.

Не менее важным для криминологической виктимологии является другая дефиниция – «виктимизация». Под виктимизацией обычно подразумевается процесс становления жертвой преступления или злоупотребления властью, т.е. процесс реализации потенциальной виктимности в физический, материальный и моральный вред, который по объективным причинам неразрывно связан с преступностью[1].

Еще одной виктимологической категорией, без которой не обходится ни одно исследование жертв преступности, является виктимологическая или виктимогенная ситуация. Под виктимологической или виктимогенной ситуацией принято понимать сложившиеся по вине потерпевшего или независимо от него условия, благоприятствующие преступнику в его посягательстве на жертву, т.е. создающие опасность преступного причинения физическому и/или юридическому лицу имущественного или неимущественного вреда[2]. Таким образом, **виктимологическими факторами преступности** *следует признавать явления, процессы и состояния, находящиеся в причинной связи с совершенным впоследствии преступлением либо способствующие продуцированию криминального поведения*.

В литературе по вопросам криминальной этиологии утверждается, что существуют целые группы причин (причинные комплексы), которые порождают преступность в обществе. К таковым обычно относят: а) социально-экономические; б) социально-политические; в) правовые; г) организационно-управленческие; д) идеологические; е) воспитательные; ж) нравственно-психологические и другие факторы, которые классифицируются по сферам социальной жизни или сферам социального управления. Аналогичная классификация, но для виктимологических факторов (с некоторыми несущественными изменениями и дополнениями используется и в современных виктимологических исследованиях), только дополнительно группируемых на внешние (объективные) и внутренние (субъективные) виктимогенные факторы[3]. Поэтому неслучайно специалисты говорят о

[1] Остроумов С. С., Франк Л. В. О виктимологии и виктимности // Советское государство и право. 1975. № 9. С. 75; Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. Казань-Елабуга, 1998. С. 97; Квашис В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты потерпевших от преступлений. М., 1999. С. 21; Невский Н.Н. Антология виктимизации // Вестник виктимологической ассоциации (Н. Новгород). 2002. № 1. С. 11–21; Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. Н. Новгород, 1998. С. 55; Гусева О.Н. Педофильная виктимизация и виктимологическая профилактика педофильных преступлений: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С.15.

[2] Горшенков Г.Н. Криминологический словарь. Н. Новгород, 2007. С. 14.

[3] Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 13.

целостной системе виктимологических факторов как совокупности развивающихся взаимодействующих компонентов, обусловливающих наличие интегративных качеств, которая при взаимодействии с другими факторами причинно детерминирует (причиняет и обусловливает), с одной стороны, виктимность (во всех ее формах), а с другой – совершение преступлений[1].

К числу наиболее криминогенных виктимологических факторов, порождающих преступность, относятся социально-экономические факторы. В одних случаях они порождают массовую виктимность, в других – групповую, в третьих – индивидуальную, в четвертых – видовую.

Специалисты к виктимологическим факторам относят радикальные изменения в экономической и социальной политике, диктуемые рыночной экономикой[2]. Действительно, изменения в управлении социально-экономическими процессами потребовали привлечения в органы публичной власти различного уровня притока новых людских ресурсов с доминирующей мотивацией – максимального извлечения прибыли как для хозяйствующего субъекта, так и для себя лично. В условиях конкурентной рыночной экономики социальный успех стал оцениваться в обществе по объему получаемой прибыли, а престижность работы – достатком работника.

Наиболее часто отечественные специалисты выделяют в качестве правовых виктимологических факторов криминального поведения правовой нигилизм жертв преступного поведения.

В качестве правовых виктимологических факторов преступности выступает несовершенство действующего законодательства и подзаконных нормативных правовых актов, их противоречивость и незавершенность.

Еще одним организационно-управленческим и виктимогенным фактором криминального поведения следует считать неэффективное государственное и корпоративное управление имеющимися материальными и финансовыми ресурсами, бесконтрольность за их учетом, хранением, транспортировкой и использованием, иногда именуемая «пассивной формой, провоцирующей преступное поведение»[3].

Безусловно, взаимосвязь различных по своей природе виктимологических факторов криминального поведения происходит на фоне определенной виктимогенной ситуации, предшествующей или способствующей совершению преступления в определенном месте и в определенное время. В современной жизни существует множество виктимогенных ситуаций,

[1] Глухова А.А. Виктимологические факторы преступности: учеб. пособие. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. С. 73.
[2] Невский Н.Н. Влияние виктимогенной обстановки на виктимизацию // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1(6). С. 185.
[3] Радачинский С.Н. Провокация преступлений как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 44.

полностью описать и объяснить которые практически невозможно, возможно лишь описание и объяснение типичных, повторяющихся ситуаций.

В число наиболее распространенных виктимогенных ситуаций входят ситуации, которые не провоцируются жертвой, но тем не менее способствуют возникновению у преступника умысла на совершение преступления. Такими ситуациями, провоцирующими совершение хищения чужого имущества, могут являться случаи небрежного хранения товарно-материальных ценностей юридических лиц, необеспечения учета и надлежащей сохранности вверенного корпоративного или государственного (муниципального) имущества, отсутствия эффективного контроля за деятельностью материально ответственных лиц. Подобные ситуации способствуют преступлениям, связанным с управлением имуществом, финансами и иными материальными ресурсами при совершении их работниками хозяйствующих субъектов.

В зависимости от отношений между преступником и жертвой можно выделить несколько разновидностей виктимогенных ситуаций. Одна из самых распространенных виктимогенных ситуаций, удобных для преступника, характеризуется наличием возможности у него предварительно обдумать и подготовить свои действия, изучив особенности предполагаемой жертвы. Примером такой ситуации может служить криминальное организованное преступное поведение, связанное с так называемым «рейдерством», т.е. захватом чужого недвижимого имущества (имущественных комплексов) с использованием служебного положения, когда совершению преступления предшествует длительный подготовительный период, связанный с поиском наиболее незащищенных сторон деятельности.

Вторым видом виктимологических ситуаций можно назвать провоцирующе-подстрекающие ситуации, характеризующиеся особыми взаимоотношениями жертвы преступления и преступника, при которых поведение жертвы откровенно провоцирующее.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в современной жизни существует множество виктимологических факторов и виктимогенных ситуаций, которые обеспечивают воспроизводство преступности, устранение и нейтрализация которых является основным направлением противодействия преступности.

§5. Виктимологическое воздействие на преступность

Благоприятная криминогенная ситуация, складывающаяся в нашей стране и за рубежом в начале XXI века, не должна успокаивать общество. Появляющиеся новые криминальные угрозы настоятельно требуют созда-

ния эффективной системы мер, обеспечивающих личную, общественную и имущественную безопасность от преступного поведения для физических и юридических лиц, общества и государства. Такое положение дел в обществе подразумевает активное формирование адекватной угрозы последовательной государственной виктимологической политике, под которой следует понимать самостоятельное направление криминологической политики, представляющее собой целостную систему виктимологического воздействия на преступность со стороны государства, его институтов, должностных лиц и институтов гражданского общества.

В современной криминологической науке под виктимологическим направлением воздействия на преступность обычно понимают совокупность общесоциальных и специальных мер, осуществляемых государством и обществом и направленных на виктимное поведение, связанное с устранением, нейтрализацией или уменьшением факторов, обусловливающих или способствующих виктимизации[1] или виктимности.

Безусловно, виктимологическое направление воздействия на преступность представляет собой определенную сложную многоуровневую систему, где каждый из ее структурных элементов взаимосвязан с другими. Эти элементы не только взаимообусловлены, но и взаимозависимы. Специалисты, исследующие особенности системы виктимологического воздействия на преступность, выделяют в ней три обязательных структурных элемента, отражающих ее содержание: виктимологическую профилактику, виктимологическую защиту (или обеспечение виктимологической безопасности) и виктимологическую помощь[2].

По мнению В.С. Устинова и Н.В. Исаева, под виктимологической профилактикой понимается деятельность по выявлению, изучению и воздействию на виктимогенные факторы, на виктимных и природно (биологически) уязвимых лиц, а также меры, применяемые виктимными лицами по снижению риска стать жертвой преступления; под виктимологической защитой подразумеваются меры, применяемые гражданами и социальными общностями с целью уменьшения собственной уязвимости, а также государственными и негосударственными структурами по исключению уязвимости отдельных категорий населения, обладающих повышенной способностью быть жертвой преступления или профессиональной уязвимостью; виктимологической помощью именуются меры, осуществляемые

[1] Лелетова М.В. Предупреждение виктимизации // Следователь. 2007. № 4. С. 42–43.

[2] Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. Н. Новгород, 1998. С. 168–188; Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 240–284; Исаев Н.В. Виктимологическое направление воздействия на преступность: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 16; Паршаков А.С. Виктимологическое направление по предупреждению преступности в Вооруженных Силах // Право в вооруженных силах. 2005. № 8. С. 59–64.

государственными и негосударственными структурами, а также отдельными гражданами по оказанию моральной, психологической, правовой, материальной и другой поддержки жертв преступлений[1].

Каждый из обозначенных выше элементов системы виктимологического воздействия на преступность с разной степенью полноты и активности разрабатывается специалистами. Традиционно наибольшее внимание ученых привлекают основные проблемы виктимологической профилактики, где активно исследуются не только общетеоретические проблемы, но и наиболее актуальные вопросы виктимологической профилактики отдельных видов преступного поведения. Менее активно исследуются проблемы создания системы адекватной угрозы виктимологической защите и обеспечения виктимологической безопасности реальных и потенциальных жертв преступлений, хотя правовые основы этого направления компетентными на то государственными органами в последнее десятилетие активно формируются. Еще меньше научных работ подготовлено по третьему элементу системы виктимологического направления воздействия на преступность – виктимологической помощи жертвам преступлений, невзирая на относительно достаточную нормативно-правовую базу оказания подобной помощи отдельным категориям жертв.

Развитие виктимологической теории, виктимологической практики и формирование системы виктимологического законодательства позволяют уточнить и адекватно отразить существующие реалии в современной системе виктимологического воздействия на преступность. Эти уточнения связаны с рядом изменений в отечественной виктимологической теории и социальной практике. Ни у кого из специалистов не вызывает сомнения и возражения то обстоятельство, что обязательным элементом предупредительного виктимологического воздействия на преступность является виктимологическая профилактика, которая, пройдя испытание временем, осталась базовым направлением криминологической виктимологии и постоянно и последовательно дополняется новыми исследованиями, чего нельзя сказать об остальных элементах этой системы.

Безусловно, виктимологическая профилактика преступности является важнейшим элементом системы виктимологического воздействия на преступность путем устранения виктимогенных факторов преступности наравне с другим ее элементом, предусмотренным действующим российским федеральным законодательством, – деятельностью направленной на минимизацию и (или) ликвидацию последствий правонарушений.

[1] Устинов В.С., Исаев Н.В. Виктимологическое направление предупредительного воздействия на преступность: системная характеристика // Вестник виктимологической ассоциации. 2002. № 1. С. 7–8.

Очевидно, что минимизация и (или) ликвидация вредных социальных последствий от преступлений не могут и не должны сводиться только к оказанию виктимологической (правовой, медицинской, психологической, социальной и др.) помощи их жертвам. Несомненно, необходимо полное, насколько это возможно в современных условиях, восстановление их нарушенных прав и компенсация причиненного им материального и морального вреда.

К большому сожалению, невзирая на правовое закрепление, второе направление виктимологического воздействия на преступность еще даже не вступило в стадию научного осмысления. До настоящего времени оно не имеет стройной научной виктимологической теории, хотя и получило свое наименование – виктимологическая реабилитация жертв преступлений. Это наименование адекватно отражает криминолого- виктимологическую сущность данного научного направления и перспективной социальной практики. В связи с этим возникает объективная потребность в научном обосновании нового направления виктимологического воздействия на преступность и обоснованном перечне основных вопросов, образующих его предмет.

Виктимологическая профилактика преступности. Среди наиболее гуманных средств противодействия преступности отечественные специалисты выделяют виктимологическую профилактику, которая неразрывно связана с криминологической теорией профилактики правонарушений и с соответствующей практикой. В свое время отечественные специалисты отмечали, что виктимология не только поставляет необходимый фактический материал для борьбы с преступностью, но и призвана обогатить арсенал профилактических мер новыми возможностями, обусловленными лучшим знанием защитных ресурсов потерпевших, обстоятельств причинения им вреда[1]. В связи с этим было выдвинуто предположение, что виктимологическая профилактика является специализированным направлением системы криминологической профилактики[2]. Такое мнение заслуживает одобрения и поддержки, поскольку она действительно выступает лишь одним из видов криминологической профилактики, связанных с воздействием на виктимологическую ситуацию и поведение потенциальной жертвы.

Само определение виктимологической профилактики специалистами понимается по-разному. Одни специалисты полагают, что виктимологическая профилактика – это система мер, направленная на снижение индивидуальной и массовой виктимности посредством устранения негативных виктимных предрасположений, активных защитных возможностей потенциальных

[1] Аванесов Г.А. Криминология: учебник. М., 1984. С. 412.
[2] Арефьев А.Ю. Проблемы виктимологической профилактики квартирных краж, грабежей и разбоев с проникновением в жилище. Н. Новгород, 1995. С. 97.

жертв преступлений и обеспечения их безопасности[1]. Другие уверены, что виктимологическая профилактика – это комплекс государственных и общественных мер по недопущению, устранению и нейтрализации виктимогенных факторов, повышению охранно-защитных возможностей потенциальных жертв преступлений[2]. Третьи считают, что виктимологическая профилактика – это специфическая деятельность социальных институтов, направленная на выявление и устранение (нейтрализацию, блокирование) факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение, и в этом качестве детерминирующих совершение преступлений; установление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействие на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств: разработка либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации[3]. Хотя имеются исследователи, которые именуют этот вид криминологической профилактики иным термином – «профилактика виктимизиции»[4].

В современной криминологической науке существует и множество других определений виктимологической профилактики как относительно самостоятельного вида криминологической профилактики.

Однако, невзирая на разночтения во взглядах специалистов, можно утверждать, что виктимологическая профилактика преступности представляет собой деятельность государства и общества, их институтов, направленную на устранение либо нейтрализацию виктимологических факторов и/или виктимогенных ситуаций, формирующих криминальное поведение, снижение виктимности их жертв и/или нейтрализацию процесса виктимизации.

В криминологической виктимологии принято выделять следующие элементы системы виктимологической профилактики: а) объекты профилактического воздействия; б) субъекты профилактического воздействия; в) меры профилактического воздействия; г) механизм обеспечения ее реализации[5].

Объектом профилактического воздействия на криминальное поведение средствами виктимологической профилактики, на наш взгляд, должна выступать виктимность и ее основные виды (индивидуальную, групповую,

[1] Вандышев В.В., Ривман Д.В. Виктимологические аспекты профилактики автотранспортных преступлений // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. Владивосток, 1981. С. 132.
[2] Задорожный В. И. Виктимологическая профилактика преступлений: организационно-управленческий и правовой аспекты. М., 2005. С. 121.
[3] Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: НОРМА, 2001. С.108.
[4] Лелетова М.В. Предупреждение криминальной виктимизации субъектов малого предпринимательства: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С.19.
[5] Окс Л.Е. Виктимологическая характеристика и профилактика корыстно-насильственных преступлений в условиях мегаполиса: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 24.

видовую, массовую и корпоративную); а также виктимологические факторы и виктимогенные ситуации. Основной целью виктимологической профилактики преступности является защита ее потенциальных жертв.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что специалистами выделяются несколько видов виктимологической профилактики в зависимости от уровня: общесоциальная или общая; индивидуальная и специальная или целенаправленная[1].

При этом общесоциальная виктимологическая профилактика преступности направлена на нейтрализацию массовой виктимности общества и на снижение виктимности физических и юридических лиц. Специальная виктимологическая профилактика преступности – это совокупность специальных виктимологических мер, осуществляемая государственными органами, органами местного самоуправления, их должностными лицами, институтами гражданского общества и отдельными гражданами, направленных на недопущение видовой или корпоративной виктимности. Индивидуальная виктимологическая профилактика преступности представляет собой индивидуальную работу с лицами, которые, судя по их поведению или состоянию, могут с большой вероятностью стать жертвами преступников, направленную на повышение их защитных реакций, а также обеспечение их личной и/или имущественной безопасности.

Систему субъектов виктимологической профилактики криминального поведения образуют связанные друг с другом едиными целями следующие образования, классифицируемые по признаку специализации: а) специализированные и б) неспециализированные.

Неспециализированными субъектами виктимологической профилактики преступности выступают все субъекты, которые наделены соответствующими полномочиями по противодействию ей. К ним относятся:

1) государственные органы;

2) органы местного самоуправления;

3) организации, общественные объединения и физические лица, вовлеченные в пределах их полномочий в решение задач по противодействию преступности;

4) средства массовой информации.

Специализированными субъектами виктимологической прфилактики выступают специальные общественные организации и некоммерческие фонды содействия потерпевшим от преступлений. Например, в Республике Татар-

[1] Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. С. 171; Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под. ред. С.Я. Лебедева. М.:ЮНИТИ-ДАНА: Закон и Право, 2009. С. 147.

стан учрежден и действует «Республиканский фонд поддержки», деятельность которого связана с оказанием поддержки пострадавшим участникам долевого строительства, вкладчикам обанкротившихся банков и других лиц[1].

Наиболее проблемными аспектами виктимологической профилактики преступности являются механизмы ее осуществления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Важными инструментами виктимологической профилактики преступности являются механизмы и меры, предусмотренные действующим федеральным и региональным законодательством. В соответствии с законодательством к мерам относятся:

1) разработка и реализация региональных[2] и муниципальных[3] программ противодействия преступности;

2) виктимологическое образование;

3) виктимологическое просвещение;

4) виктимологическое консультирование;

5) виктимологическая пропаганда и виктимологическая реклама;

6) государственная поддержка общественной деятельности по противодействию преступности и охране общественного порядка[4].

Важнейшими организационно-правовыми документами, регламентирующими системное и последовательное противодействие преступности, являются целевые программы[5]. Однако в них не обращается внимания на формирование системы виктимологической профилактики и механизмов ее осуществления.

---

[1] О республиканском фонде поддержки: указ Президента Республики Татарстан от 29 мая 2017 года №УП-447.

[2] Об утверждении Государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на 2014 - 2020 годы»: постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 16.10.2013 № 764(в ред. от 11.11.2017 № 862) // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 2013. №78. – Ст. 2624; Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Тыва на 2017 - 2020 годы»: постановление Правительства Республики Тыва от 28.02.2017 № 86 // Официальный портал Республики Тыва http://gov.tuva.ru, 02.03.2017.

[3] Об утверждении районной целевой программы «Профилактика правонарушений и противодействия преступности в Комсомольском районе на 2013 - 2020 гг.»: постановление администрации Комсомольского района Чувашской Республики от 19.08.2013 № 473 // Вестник Комсомольского района. 2013. 20 августа.

[4] О создании условий для деятельности добровольных формирований населения по охране общественного порядка на территории муниципального образования города Казани: решение Казанской городской Думы от 16.05.2013 № 21-22 // Сборник документов и правовых актов муниципального образования города Казани. 2013. С. 36.

[5] Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Дагестан на 2015-2020 годы»: постановление Правительства Республики Дагестан от 22.12.2014 № 659 // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан http://pravo.e-dag.ru.

В качестве относительно самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимообусловленных инструментов противодействия преступности должны выступать виктимологическое образование и пропаганда. Об их общепрофилактическом эффекте известно давно. Вместе с тем до настоящего времени не оценен, а следовательно, и не используется их потенциал при осуществлении виктимологической профилактики, хотя специалисты чаще говорят о виктимологической пропаганде[1], пропаганде виктимологических знаний[2], правовой пропаганде виктимологических взглядов[3]. Вместе с тем встречаются случаи неправомерного отождествления терминов «виктимологическая пропаганда» и «пропаганда виктимологических знаний»[4]. Хотя эти термины и относятся к вопросам теории виктимологии, но являются разными по своему объему и содержанию. Словосочетание «виктимологическая пропаганда» значительно шире термина «пропаганда виктимологических знаний», поскольку первое включает в себя, кроме пропаганды виктимологических знаний, дополнительно виктимологическую агитацию и виктимологическое информирование (просвещение) как информационные методы противодействия преступности. Следовательно, в сфере противодействия преступности средствами следует говорить о виктимологической пропаганде, включающей в себя такие элементы, как виктимологическая агитация и виктимологическое информирование.

На наш взгляд, наиболее распространенным средством информационного противодействия преступности является виктимологическое информирование, которое заключается в: а) сообщении нормативно-правовых знаний жертвам преступлений о средствах и методах защиты собственных интересов; б) сообщении о принятии управленческих решений по вопросам виктимологической профилактики; в) сообщении о требованиях и программных положениях деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц и институтов гражданского общества для ориентирования и выбора способов поведения и защиты собственных интересов от криминального поведения.

Безусловно, наиболее распространенным средством виктимологического информирования является разработка (подготовка), издание и распро-

[1] Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. Н. Новгород, 1998. С.203; Туляков В.А. Виктимология: социальные и криминологические проблемы. Одесса, 2000. С. 46; Юзиханова Э.Г., Зеремба Е.С. Виктимологическая профилактика уличной преступности // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2011. № 2 (16). С. 71.

[2] Окс Л.Е. Виктимологическая характеристика и профилактика корыстно-насильственной преступности в условиях мегаполиса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 28.

[3] Басков А.В. Виктимологическая профилактика корыстных насильственных преступлений, совершенных в общественных местах: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 27.

[4] Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 19, 32.

странение среди населения научно-популярных работ (брошюр, памяток, буклетов и т.д.), направленных на оказание виктимологической защиты и обеспечение виктимологической безопасности населения от преступлений.

Виктимологическое информирование может осуществляться институтами гражданского общества, юридическими клиниками при юридических вузах, их филиалов и при юридических факультетах отдельных вузов, а также иными общественными организациями.

Большинство специалистов уверены в том, что для эффективной виктимологической профилактики различных видов преступности необходимы виктимологические знания, а следовательно, и обучение различных категорий лиц, связанных с ее осуществлением. Таким образом, становится очевидным, что необходимо организовать и обеспечить виктимологическое образование лиц, осуществляющих противодействие преступности. Поэтому для повышения эффективности противодействия преступности виктимологическими средствами необходима разработка специальной образовательной программы. Полагаем, что название этой программы может быть различным, в зависимости от категории обучающихся, квалификации преподавателей и других параметров. Однако предпочтительнее, на наш взгляд, дать такое наименование курса, как «Криминологическая виктимология». Такую программу необходимо реализовывать в сфере повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, представителей правозащитных организаций и учреждений, а также в рамках специальных курсов для студентов образовательных учреждений высшего образования юридического профиля. Безусловно, повысит эффективность виктимологического образования включение в образовательные программы гуманитарных вузов специальной дисциплины «Виктимология».

Механизмом обеспечения виктимологической профилактики выступают правовые, информационные, технические, организационные и экономические средства. С учетом того, что большинство российских виктимологов являются по образованию юристами, наиболее часто ими высказываются предложения правового характера, связанные с принятием федеральных нормативных правовых актов, например, закона «О защите жертв преступлений», государственной концепции оказания помощи жертвам преступлений[1]. Такие предложения имеют под собой реальные основания и положительный опыт использования на постсоветском пространстве[2]. Разумеется, такое универсальное виктимологическое право-

[1] Окс Л.Е. Виктимологическая характеристика и профилактика корыстно-насильственной преступности в условиях мегаполиса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 13.
[2] О Концепции защиты жертв преступной деятельности: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 20 января 2006 г. № 74. URL: www.advokatby.com/belarus/feedn8/bresnnd2r.htm.

вое регулирование на федеральном уровне необходимо, а предлагаемые проекты федеральных законов нуждаются в поддержке, в том числе и региональными органами государственной власти, что, несомненно, может оказать влияние и на повышение эффективности виктимологической профилактики.

Виктимологическая реабилитация жертв преступлений. Современное российское государство в целях борьбы с преступностью интенсивно пересматривает правовые основы, направленные не только на совершенствование механизма противодействия преступности, но и на защиту прав тех, кто становится жертвами неэффективного правосудия или злоупотреблений властью[1]. В целях обеспечения законных прав и интересов лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, в начале текущего века российским законодателем в уголовно-процессуальное право был введен специальный термин – «реабилитация», под которым понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещение причиненному ему вреда[2]. Безусловно, представленное определение реабилитации является только отраслевой правовой дефиницией, а не универсальной, пригодной для использования широким кругом специалистов. Вместе с тем это определение относительно полно раскрывает социальную сущность реабилитации как восстановление в правах либо установление доброго имени жертвы[3].

Следует отметить, что в российском обществе термин «реабилитация» используется в различных сферах жизнедеятельности и различных отраслях права, регулирующих эти сферы. Только в нормативных правовых актах можно встретить упоминание о различных видах реабилитации: экологической, экономической, социальной, медицинской, профессиональной, трудовой, территориальной, культурной, политической, психологической или медико-психологической, бытовой, радиационной, юридической, постпенитенциарной, физической и др. При этом разнообразным видам реабилитации подвергаются различные категории жертв: физические и юридические лица, отдельные объекты народного хозяйства или участки территории, социальные общности, народы и этнические группы, подвер-

[1] О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 // Российская газета. 2011. 5 декабря.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921.

[3] Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. М.: Эксмо, 2006. С. 492.

гнутые внешнему воздействию или получившие нарушение целостности, которые изменили их содержание или качественное состояние – ставшие жертвами техногенного, природного, социального, экономического или политического процессов.

Разумеется, в контексте криминологической виктимологии необходимо обратиться к содержанию термина «реабилитация жертв преступлений», а также рассмотреть различные виды и меры реабилитации жертв криминального поведения.

Нам представляется, что реабилитация жертв преступлений (виктимологическая реабилитация) – это целостная многоуровневая система взаимообусловленных, взаимозависимых и взаимосвязанных мер государства и общества, их институтов, направленных на восстановление нарушенных прав жертв преступлений, компенсацию причиненного им материального и морального вреда, а также на восстановление деловой (профессиональной и/или политической) репутации этих жертв.

Несомненно, в рамках виктимологической реабилитации жертв преступлений, в зависимости от вида и объема причиненного им вреда, необходимо применение адекватных этому вреду мер, которые реализуются в различных сферах жизнедеятельности различными субъектами и средствами. Поэтому однородные меры реабилитации жертв преступлений, регулируемые в рамках одной сферы жизнедеятельности, можно именовать видовыми реабилитациями (правовая, социальная, медицинская, экономическая, экологическая и т.д.).

При этом необходимо выделять *общие* для всех категорий жертв преступлений *меры реабилитации* независимо от их статуса и *специальные* или *специфические меры реабилитации*, применяемые к отдельным видам жертв. Так, правовая реабилитация может быть общей мерой, поскольку наделяет жертву дополнительными правами и социальными гарантиями, а примером специфической или специальной реабилитации может служить медицинская, когда такие меры возможны только в отношении определенных категорий жертв преступлений при получении ими физического вреда здоровью различной степени тяжести.

Существуют следующие виды и меры реабилитации жертв преступлений: правовые, социальные, организационно-управленческие, экономические, политические и информационные, которые неоднозначно, а порой и противоречиво трактуются даже в нормативных правовых актах.

Очевидно, что одним из общих видов виктимологической реабилитации является правовая реабилитация жертв преступлений, которая в реальной жизни проявляется и реализуется в различных формах. Правовая реабилита-

ция как особый вид виктимологической реабилитации жертв преступлений может быть реализована как в законодательном, так и судебном порядке.

Основную роль в правовой реабилитации жертв преступлений должна играть законодательная правовая реабилитация, в которой законодатель должен четко определять: какие категории жертв подлежат реабилитации? Каков порядок, сроки, вид и механизм такой реабилитации? И ряд других вопросов. В соответствии с положениями норм международного права жертвы преступлений имеют четыре вида прав: 1) право на доступ к правосудию; 2) право на возмещение вреда от причинителя вреда (или от третьих лиц); 3) право на финансовую компенсацию причиненного вреда за счет государства и 4) право на получение социальной помощи[1].

Как свидетельствует правоприменительная практика, механизм правовой реабилитации жертв преступлений выстроен таким образом, что реабилитация возможна путем:

а) признания жертвами преступления в уголовно-процессуальном порядке лицом, осуществляющим предварительное расследование;

б) признания жертвами преступления в судебном порядке.

Под правовой реабилитацией жертв преступлений следует понимать совокупность правовых средств, направленных на признание их таковыми в правовом порядке, создание правовых основ обеспечения восстановления прав и законных интересов жертв преступлений и правовых механизмов их реализации, формирующих систему оказания им различных форм социальной помощи и поддержки, а также восстановления их законных прав и интересов, нарушенных совершением преступления.

Одним из основных элементов правовой реабилитации жертв преступлений является создание правовых основ их реабилитации и выработка определения этого правового явления. Правовые основы реабилитации жертв преступлений представляют из себя совокупность законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих восстановление законных прав и интересов жертв, оказание им социальной помощи, а также различных механизмов их социальной реабилитации.

Наиболее разработанной виктимологической категорией в правотворческой деятельности и правовой науке следует признать термин «социальная реабилитация». Социальная реабилитация – это наиболее часто применяемый вид реабилитации, который носит комплексный, системный и завершенный характер.

На наш взгляд, социальная реабилитация (социальные меры реабилитации) жертв преступлений – это совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых международных и национальных мер, осуществляемых

[1] Мамичева С.В. Права жертв преступлений // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 102.

государствами, обществом и их институтами, направленных на оказание максимальной помощи и поддержки физическим лицам и их общностям, пострадавшим от криминального о поведения. Следует оговориться, что социальная реабилитация жертв преступлений или злоупотреблений политической властью предусматривается избирательно для узкого круга жертв. Наиболее социально защищенными являются жертвы терроризма и жертвы политических репрессий. В отношении этих категорий жертв созданы не только правовые основы социальной и иных видов реабилитации, но и эффективно действуют механизмы их реализации.

Правовое определение социальной реабилитации жертв преступлений, в первую очередь, терроризма и ее отдельных системных элементов, закреплено в Постановлении Правительства Российской Федерации от 12 января 2007 г. «Об утверждении Правил осуществления реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом»[1]. Согласно этому правовому акту, социальная реабилитация, пострадавших от террористического акта включает в себя следующие взаимообусловленные элементы: правовую помощь, психологическую, медицинскую и профессиональную реабилитацию, трудоустройство, предоставление жилья. Она проводится исключительно за счет государства из средств федерального или регионального бюджета. Основная цель социальной реабилитации – социальная адаптация лиц, пострадавших в результате террористического акта, и их интеграция в общество.

Безусловно, используя уже имеющийся правовой механизм, в целях адекватной характеристики социальной реабилитации жертв преступлений необходимо более подробно рассмотреть и описать содержание каждого из элементов этой системы.

Согласно сложившейся правозащитной практике, правовая помощь представляет собой разъяснение жертвам преступлений компетентным на то органом, должностным лицом или представителями институтов гражданского общества правовых вопросов, связанных с ее социальной реабилитацией. Наиболее заметны в оказании правовой помощи представители институтов гражданского общества – общественные организации. Например, Ассоциация адвокатов России по правам человека, на официальном сайте которой размещены материалы, направленные на оказание правовой помощи жертвам преступлений, в том числе обозначены инструменты самозащиты своих законных прав и интересов.

[1] Об утверждении Правил осуществления реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом: постановление Правительства Российской Федерации от 12 января 2007 г. № 6 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 3. Ст. 452.

Еще одним видом виктимологической реабилитации является психологическая реабилитация. Психологическая реабилитация жертв преступлений заключается в предоставлении им психологической и психотерапевтической помощи специалистами соответствующего профиля.

Наиболее распространенным видом социальной реабилитации является экономическая реабилитация, распространяющаяся на более широкий круг жертв преступлений, чем психологическая.

Согласно действующим нормативным правовым актам, экономическая реабилитация (экономические меры реабилитации) жертв преступлений – это совокупность государственных и общественных мер, направленных на оказание достаточной материальной помощи пострадавшим от преступлений. Экономические меры реабилитации жертвам преступлений напрямую связаны с выплатой им денежных средств в связи с совершенным преступлением. Наиболее распространены денежные выплаты жертвам преступлений по следующим основаниям:

а) компенсация за утрату жилья;

б) компенсация за утрату имущества;

в) компенсация родственникам погибшего;

г) единовременные пособия при причинении вреда здоровью в результате совершенного преступления;

д) выплата пенсий, страховых сумм и др.[1]

Эффективная виктимологическая реабилитация жертв преступлений невозможна без информационной реабилитации. Информационная реабилитация жертв преступлений – это сообщение в средствах массовой коммуникации о восстановлении доброго имени жертвы преступления или злоупотребления властью. Правового закрепления этот вид виктимологической реабилитации жертв преступлений не получил. Вместе с тем информационная реабилитация в Российской Федерации предусмотрена и осуществляется в основном только в отношении жертв политических репрессий путем размещения их списков в средствах массовой информации и специальных «Книгах памяти жертв политических репрессий».

Изложенные в настоящем разделе вопросы виктимологического воздействия на преступность описывают лишь малую их часть, требующую изучения и разрешения в правоприменительной деятельности, но и они позволяют оценить это гуманистическое направление противодействия преступности.

[1] Мусаев М.А. Защита жертв преступлений. М., 2012. С. 138.

Вопросы для самоконтроля:

1. Место виктимологии в системе наук и учебных дисциплин.
2. Понятие «жертвы» и его интерпретация в различных науках.
3. Криминальная виктимность и ее значение в производстве преступности.
4. Виктимологические факторы преступности: понятие, содержание, значение.
5. Виктимогенные ситуации: понятие и виды.
6. Виктимологическое противодействие преступности: понятие, структура, методы.

Литература:

Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. – Н. Новгород, 1998. – 210 с.

Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб., 2002. – 304 с.

Гаджиева А.А. Виктимология: учебное пособие (курс лекций). – Махачкала, 2016. – 152 с.

Ившин В.Г., Идрисова С.Ф., Татьянина Л.Г. Виктимология: учебное пособие. – М., 2011. – 264 с.

Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология: учебник и практикум. – М.: Юрайт, 2018. – 277 с.

Криминология. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. О.С. Капинус. – М.: Юрайт, 2018. – 312 с.

Мусаев М.А. Защита жертв преступлений. – М., 2012. – 392 с.

Глава IX
КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ПЛАНИРОВАНИЕ

§1. Понятие криминологического прогнозирования

Справедливо замечено, что в современном мире прогнозирование принимает беспрецедентные масштабы. Сознательно или подсознательно любой человек прогнозирует последствия своих действий, решений, формирует суждение о будущих ситуациях, строит модель будущего. Роль прогнозирования непременно возрастает в связи с усложнением задач управления, усилением неопределенности, вызванной переходом к рынку, возникающими политическими и экономическими кризисами[1].

В настоящее время наша страна переживает серьезные политические и экономические преобразования, поэтому не только граждане, но и общественные институты, государственные органы серьезно обеспокоены своим будущим. Сложившиеся социальные реалии предъявляют повышенные требования к теории и практике криминологического прогнозирования как составляющей социального прогнозирования.

В научной литературе выделяется следующая система прогнозов: прогнозы последствий от вероятного наступления событий в стране и за рубежом; прогнозы развития отдельных сфер, отраслей экономики, конкретных видов производств, территорий; демографические прогнозы; политологические прогнозы; социальные прогнозы; научно-технические прогнозы; внешнеэкономические прогнозы; экономические прогнозы и некоторые другие.

Наука криминология имеет три основные функции – описательную, объяснительную и предсказательную[2]. Эти функции отражают естественный процесс научного познания, который начинается с наблюдения, диагностики и классификации изучаемых явлений, ведет далее к теоретическому анализу установленных фактов, их связей и взаимозависимостей и в конечном счете приводит к выявлению и формулированию закономерностей тех явлений объективной реальности, которые составляют предмет криминологии. Установленные и изученные закономерности становятся основой предсказания будущего состояния процессов и явлений, что делает возможным использование данной информации для практической де-

[1] Прогнозирование и планирование в условиях рынка: учебное пособие для вузов / Т.Г. Морозова, А.В.Пикулькин, В.Ф. Тихонов и др. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. С. 29.
[2] Аванесов Г.А. Криминология. М.: Академия СССР, 1984. С. 30; Солопанов Ю.В. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью: лекция. М.: МВШМ МВД СССР, 1983. С. 4.

ятельности людей. Постановка, а тем более решение задач предсказания будущего предъявляют более высокие требования к уже достигнутому в данной науке, требуют дальнейшего развития исследований как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях[1].

В отечественной литературе прогноз рассматривается как комплекс аргументированных предположений (выраженных в качественной и количественной формах) относительно будущих параметров экономической или иной системы. Прогнозирование как понятие означает предвидение, опережающее отображение действительности. По характеру, тесноте связи с объектом прогноз находится между гипотезой и планом. Гипотеза служит научным предвидением на уровне общей теории, закономерности. Теория питает прогноз. Но он более определен и достоверен, имеет и качественные, и количественные параметры. Прогнозирование можно считать и стадией планирования, так как оно характеризует контуры будущего, без чего нельзя разработать программу действий[2].

Элементами предмета криминологии являются, как известно, преступность, ее причины, личность преступника и меры предупреждения преступности. Выполняя описательную функцию, криминология дает картину состояния и динамики преступности, показывает особенности уголовно-правовых, социально-демографических и нравственно-психологических характеристик личности преступника. На базе этого криминология выявляет и изучает связи и зависимости этих явлений, их признаков как между собой, так и с факторами внешней среды, исследует характер этих связей, формирует теоретическую концепцию причин и условий преступности, позволяет определить наиболее эффективные направления борьбы с ней. Таким образом, можно отметить, что интересующий нас *криминологический прогноз представляет собой вероятностное суждение о будущем состоянии (уровне, динамике, структуре) преступности, ее причинах и условиях в определенный период времени*[3].

Криминологический прогноз – это фактически конечный результат процесса криминологического прогнозирования. Если прогноз – это результат, то прогнозирование, в том числе и криминологическое, – это деятельность по составлению такого прогноза. Как точно отмечает И.В. Бестужев-Лада, прогнозирование – это не только высказывание о будущем, а систематическое исследование перспектив развития того или иного явления и процесса с помощью средств современной науки.

[1] Солопанов Ю.В. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью: Лек¬ция. М.: МВД СССР, 1983. С.4.
[2] Прогнозирование и планирование в условиях рынка: учебное пособие для вузов / Т.Г. Морозова, А.В.Пикулькин, В.Ф. Тихонов и др. / под ред. Т.Г. Морозовой, А.В. Пикулькина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. С.9, 29.
[3] Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1994. С. 180.

Необходимо учитывать, что содержание и качество прогноза, степень его определенности зависят не только от успехов криминологии, глубины ее проникновения в сущность и закономерности социальных явлений. В значительной степени это определяется самим характером изучаемого явления: чем многогранней явление по своей структуре, чем более оно подвержено в своем развитии воздействию внешних факторов, чем сложнее механизм изменения прогнозируемого явления, тем труднее дать оценку его будущему состоянию. В этом отношении прогнозирование в криминологии справедливо относят к классу наиболее сложных задач научного предвидения[1].

Основным объектом прогнозирования в криминологии является преступность – сложнейшее социально-правовое явление.

При криминологическом изучении преступности как сложнейшего социального феномена выявляются и фиксируются следующие ее характеристики:

- степень ее общей распространенности и общественной опасности в конкретных условиях места и времени в целях оценки ее состояния и тенденций, определения направлений борьбы с преступностью;

- социальные характеристики преступности, указывающие на особенности ее порождения и функционирования (мотивация, социальная направленность, социально-групповая, социально-отраслевая, социально-территориальная распространенность), в целях разработки конкретных предупредительных мер;

- собственные, внутренние характеристики преступности (устойчивость, активность, организованность) в целях совершенствования правоохранительной деятельности и мер предупреждения рецидива преступлений.

Анализ преступности должен быть подчинен выявлению ее реальных качественных и количественных характеристик в их диалектической взаимосвязи»[2]. Занимаясь прогнозированием преступности, ее отдельных видов в России и субъектах федерации, очень важно изучать это явление комплексно, во взаимосвязи и взаимозависимости со всем спектром факторов, ее обусловливающих. В связи с этим представляется необходимым включить в систему прогнозирования также причинные комплексы преступности – совокупность однородных явлений, порождающих преступность либо способствующих сохранению или росту преступности. К ним в литературе относят следующие:

а) экономический причинный комплекс преступности (на фоне экономического кризиса) – инфляция, безработица, поляризация населения по уровню доходов, уровень жизни ниже уровня обеспечения физиологической выживаемости, объективное противоречие между экономическими потребностями и возможностями общества (отдельных социальных групп,

[1] Солопанов Ю.В. Указ. работа. С. 5, 6.
[2] Криминология / под общей ред. А.И. Долговой. 1997. С. 108.

индивидуумов), недостаточная интегрированность национальной экономики в мировую, экономическая необеспеченность приоритета профилактики преступлений перед применением мер уголовной ответственности;

б) политический причинный комплекс преступности – нестабильность международных отношений, отчуждение большей части населения от управления государственными делами, несовершенство государственных границ, в том числе со странами СНГ, отчуждение населения (общественности) от контроля за системой мер борьбы с преступностью, коррумпированность должностных лиц и служащих государственной службы;

в) правовой причинный комплекс преступности – несовершенство и нестабильность законодательства, неопределенность (энтропия) законодательства, пробелы и недостатки в уголовно-правовой оценке общественно опасных деяний, законодательная недооценка общественной опасности отдельных видов преступлений (например, связанных с незаконным оборотом оружия и распространением наркотиков), приоритет правоприменения перед мерами законодательного характера;

г) организационно-управленческий причинный комплекс преступности – перегрузка и низкий профессионализм работников системы уголовной юстиции, низкий уровень раскрываемости преступлений, противоречия в компетенции органов, осуществляющих борьбу с преступностью, отсутствие системы криминологической экспертизы законодательства, дефицитность криминологического прогнозирования, низкий уровень профессионализма в системе органов, осуществляющих борьбу с преступностью, и некоторые иные[1].

В.В. Лунеев прав, полагая, что «для криминологического прогнозирования в первую очередь необходима надежная статистическая база, отражающая преступность, ее причины и социальные отклонения в личности правонарушителей. Опираясь на тенденции и закономерности изменения преступности и связанных с ней криминогенных факторов, можно с определенной долей вероятности предвидеть, как будут развиваться преступные проявления в ближайшем будущем»[2].

Преступность может рассматриваться в качестве сложной динамической социальной системы, в которой действуют стихийные процессы, подчиняющиеся вероятностным закономерностям. Однако эта система имеет статистическую устойчивость.

Поэтому первичной базой изучения преступности является государственная уголовная статистика, основу которой составляет первичный статистический учет (зарегистрированных преступлений и лиц, их совершив-

[1] Криминология: учебное пособие / под общ. ред. В.Е. Эминова. М., 1997. С. 15-20.
[2] Лунеев В.В. Юридическая статистика: учебник. М.: Юрист, 1999. С. 62.

ших, движения уголовных дел), осуществляемый органами внутренних дел и органами прокуратуры. С помощью уголовной статистики определяется состояние преступности, ее уровень, структура и динамика; выявляются причины и условия, способствующие совершению преступлений, исследуются личности преступников, изучается система борьбы с преступностью.

Учетно-регистрационная и статистическая работа в органах внутренних дел всегда была одним из наиболее трудоемких процессов. В ней принимают участие практически все службы и подразделения МВД – следователи, дознаватели, оперативные работники, руководители подразделений и другие сотрудники.

При исследовании состояния и уровня преступности необходимо также учитывать, что довольно большая часть преступных деяний не фиксируется в официальной статистике в силу того, что о совершенном преступлении не было заявлено органам уголовной юстиции либо работники этих органов сами скрывают данные о заявленных преступлениях. Как показывает мировая практика, еще никогда не удавалось абсолютно точно определить и описать истинный уровень преступности в том или ином государстве.

Следует также отметить, что в криминологии кроме прогнозирования преступности выделяют также прогнозирование индивидуального преступного поведения. В прогнозировании индивидуального преступного поведения можно, например, выделять прогнозирование преступного поведения несовершеннолетних, поведения лиц, ранее совершавших преступления, лиц, освобожденных из мест лишения свободы и т.д. Эти два вида криминологического прогнозирования – прогнозирования преступности и прогнозирования индивидуального преступного поведения отличаются друг от друга, прежде всего, по объекту прогнозирования. В первом случае прогнозируется состояние преступности и иных ее характеристик, а во втором – возможность преступного поведения определенных лиц или категорий лиц. Криминологический прогноз преступного поведения наряду с другими факторами имеет значение для определения меры наказания, установления режима в месте лишения свободы, применения условного осуждения и условно-досрочного освобождения, для проверки основания ареста при опасности повторного совершения преступления и необходимости проведения процедуры, связанной с опознанием личности, а также определения мер воздействия на лиц, в отношении которых осуществляется индивидуальная профилактика[1].

Различие можно также выявить и по субъектам, которые осуществляют прогнозирование. Если прогнозированием преступности занимаются прежде всего научно-исследовательские учреждения (например, ВНИИ МВД

[1] См.: Демидов В.Н., Згадзай О.Э., Казанцев С.Я., Сафиуллин Н.Х. Прогнозирование в криминологии: учебное пособие. Казань, 2004. 194 с.

России, НИИ Академии Генеральной прокуратуры России, Академия управления МВД России), то прогнозированием индивидуального преступного поведения – подразделения и должностные лица системы правоохранительных органов: прокуратуры, суда, ФСИН России, министерства внутренних дел – участковые уполномоченные полиции, инспектора подразделений по делам несовершеннолетних и некоторые другие.

К сожалению, приходится констатировать, что индивидуальное прогнозирование в настоящее время по различным причинам проводится не в полном объеме, недостаточно эффективно и не всеми участниками этого крайне необходимого и важного направления в деятельности правоохранительных органов.

Для криминологии как науки, занимающейся выявлением особенностей и закономерностей преступности, наибольший интерес представляет прогнозирование именно преступности, что и определяет такую важнейшую функцию науки, как предсказательную, которую иными словами можно назвать прогностической.

Прогнозирование преступности и тех явлений, которые ее порождают и обусловливают, является частью общей системы социального прогнозирования. Именно с помощью прогноза можно оптимально определять приоритеты по общесоциальному и специальному предупреждению преступности. Иными словами, криминологическое прогнозирование позволяет научно обосновать стратегию и тактику предупреждения социальной напряженности в государстве.

Подводя итоги вышеизложенному, можно отметить, что *криминологическое прогнозирование представляет собой процесс изучения состояния и иных показателей преступности в целях определения тенденций ее развития и состояния в определенный будущий период времени и составления криминологического прогноза как итога процесса прогнозирования.*

§ 2. Цели, задачи, виды криминологического прогнозирования

Как любой вид социальной деятельности, криминологическое прогнозирование имеет свои цели и задачи.

Целью криминологического прогнозирования является установление наиболее общих показателей, характеризирующих развитие преступности в перспективе, выявление и фиксация на этой основе нежелательных тенденций и закономерностей и отыскание способов изменения этих тенденций и закономерностей в нужном и позитивном направлении. Следует учитывать, что «цели криминологического прогнозирования должны постоянно уточняться, конкретизироваться, обновляться в связи с непрерывностью самого процесса прогнозирования»[1].

[1] Аванесов Г.А. Криминология. М.: Академия МВД СССР, 1984. С. 309.

Таким образом, целями криминологического прогнозирования преступности в России на тот или иной период времени являются:

- предсказание возможных качественно – количественных характеристик преступности (состояния, уровня, структуры, динамики);

- криминологическая оценка социальных последствий преступности в связи с ее качественно-количественными изменениями;

- выявление и анализ факторов (как криминогенных, так и антикриминогенных), наиболее интенсивно влияющих на состояние и уровень преступности;

- определение наиболее перспективных направлений предупреждения преступности.

Общей задачей криминологического прогноза является показ реального, не приукрашенного состояния преступности, ее качественно-количественных характеристик, выявление закономерностей и тенденций ее развития, определение ее параметров по отношению к определенному периоду времени. Как отмечал Г.А. Аванесов, задачами криминологического прогнозирования являются:

- получении информации об изучаемом будущем (т.е. о преступности и связанных с нею явлениях и процессах);

- соответствующая обработка этой информации;

- обобщение всех показателей «будущей преступности», т.е. сам прогноз как конечный результат процесса прогнозирования[1].

Прогнозирование индивидуального преступного поведения также имеет свои цели и задачи. По мнению Г.А. Аванесова, цель индивидуального прогнозирования – научно предсказать: возможно или нет, что конкретное лицо совершит преступление; какие обстоятельства могут привести это лицо к антиобщественному (преступному) поведению; что может препятствовать та-кому поведению. Допустимо, очевидно, ставить и такие вопросы: возможно или нет, что данное лицо станет жертвой преступления; что более вероятно – жертва преступления или совершение преступления. Ответить на все эти вопросы – значит, решить не только проблему прогнозирования, но и в известной степени проблему индивидуальной профилактики различных форм отклоняющегося поведения. Задача субъектов индивидуального криминологического прогнозирования сводится, таким образом, не только к предсказанию ожидаемого поведения личности в будущем, но и к установлению факторов (условий, ситуаций, обстоятельств), определяющих наиболее возможный вариант будущего поведения. Таким образом, при индивидуальном прогнозировании следует говорить о наиболее вероятном и возможном поведении личности в будущем.

Ряд отечественных криминологов рассматривает следующие задачи, стоящие перед прогнозированием индивидуального преступного поведения:

[1] Там же. С. 310.

1) установление лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, и

2) определение вероятности совершения преступления данным лицом. Реализация первой задачи – суть выделение криминогенных групп населения по различным социальным признакам (демографическим, профессиональным, психологическим и пр.). Процедура установления криминогенных групп, как и любых групп риска, проста – сопоставление показателей преступности представителей выделенной группы с аналогичными общестатистическими криминологическими данными за анализируемый период. Главная трудность при этом – получение необходимой статистической информации (не все сведения отражаются в действующих формах статистической отчетности, поэтому в некоторых случаях требуется их восстановить). Логика определения вероятности совершения преступления данным лицом заключается в установлении криминогенных признаков, которые характерны для социализации и личности индивида: например, воспитание его в условиях неполной семьи, наличие родителей, имеющих судимость, отклонения в психической сфере (в частности, дебильность), склонность к патологиям (алкоголизму, токсикомании, наркомании, гомосексуализму и др.) выступают значимыми признаками-индикаторами[1].

Представляется, прав Ю.В. Солопанов, полагая, что задача прогнозирования индивидуального преступного поведения разделяется на две части: определение вероятности совершения преступления лицами, которые ранее уже были признаны судом виновными в совершении преступления (прогноз рецидивного преступного поведения), и определение вероятности преступного поведения лиц, которые ранее не совершали преступлений (прогноз первичного преступного поведения). Если в решении первой части задачи криминология опирается на изучение характеристик личности преступника непосредственно, то во второй – на метод аналогии, обращая главное внимание на типичные пути перерастания антиобществеых взглядов и установок личности на преступное поведение[2].

Криминологический прогноз, по мнению многих криминологов, должен состоять из двух основных частей. Первая его часть – это прогноз всего спектра общественных отношений (социальных, экономических, политических, правовых, межнациональных и т.д.), на фоне которого существует и продуцирует преступность как явление. Вторая его часть –

[1] См.: Клейменов М.П., Лицкевич С.Н., Сидоркин А.А. Криминологическое прогнозирование и планирование: учебно-методическое пособие / Омск: Омский юридический институт МВД РФ, 1999. С. 45.

[2] Солопанов Ю.В. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью: лекция. М., 1983. С. 23.

собственно криминологический прогноз, выявляющий и предсказывающий тенденции всех составляющих преступности.

Особенностью криминологического прогнозирования является вероятностный характер прогноза, непрерывность процесса прогнозирования и его многовариантность.

Прогнозирование может осуществляться на различные сроки, в связи с чем выделяют прогнозы:

- краткосрочные (до 3-х лет);
- среднесрочные (от 3-х до 5 лет);
- долгосрочные (от 5 до 10 и более лет).

Чем короче срок прогнозирования, тем более вероятнее будет выглядеть прогноз. Долгосрочные прогнозы могут давать оценку состояния преступности лишь в общих чертах. Как отмечает В.Н. Кудрявцев, «долгосрочные прогнозы определяют... «стратегию» борьбы с преступностью. Для повседневной «тактики» этой борьбы, для выработки более эффективных мер предупреждения преступлений... необходимы более конкретные и сравнительно кратковременные прогнозы состояния, динамики и структуры антиобщественных явлений»[1]. Ориентация на долгосрочный прогноз преступности позволяет обратить внимание государственного аппарата на наиболее сложные моменты, определить приоритеты в организации борьбы с преступностью, развитии правоохранительной системы, ее ресурсного обеспечения на ближайшую и отдаленную перспективу[2].

Поэтому наиболее достоверными и, соответственно, предпочтительными прогнозами преступности являются краткосрочные прогнозы. В рамках краткосрочного прогнозирования может осуществляться сверхкраткосрочное или «оперативное» прогнозирование, например, на сутки, месяц, на период проведения каких-либо мероприятий, например, проведения спортивных мероприятий (Олимпиад), на период введения чрезвычайного положения.

В теории криминологии выделяют и иные разновидности криминологического прогнозирования. Так, по объекту прогнозирования можно выделить прогнозы: преступности, личности преступника, факторов преступности (например, криминогенных явлений в экономике), последствий преступности (например, числа жертв автотранспортных преступлений), мер борьбы с преступностью (например, изменений в уголовном законодательстве).

По направленности прогнозирования выделяются прогнозы: поисковый, базирующийся на условном продолжении в будущем состояния объ-

[1] См.: Кудрявцев В.Н. Социальное и индивидуальное прогнозирование в криминологии // Вопросы научного прогнозирования. М., 1968. Вып. 2.
[2] Состояние преступности в Российской Федерации и ее долгосрочный прогноз / МВД РФ. М.: ВНИИ 1998. С. 64.

екта (например, объема преступности), и нормативный, основанный на заранее определенных целях, нормах, идеалах (например, снижение преступности, положительные изменения в ее структуре при осуществлении тех или иных мер)[1] и некоторые другие. Например, с точки зрения масштабности криминологическое прогнозирование может быть:

а) локальным (сведенным до минимума в территориальном, ведомственном аспектах, например, предвидение тенденций развития наркотизма на исследуемой территории);

б) региональным (осуществляемым по отношению к отдельным административно-территориальным единицам в рамках межведомственного подхода, к примеру, прогнозирование перспектив воздействия карательной политики на преступность в том либо ином регионе или субъекте федерации в обозримом периоде);

в) глобальным (в масштабах государства).

Также, исходя из критерия «назначение прогноза», выделяется прогнозирование:

а) общее (которое адресовано ко всем субъектам предвидения, например, нормативная модель концепции государственного контроля над преступностью);

б) специальное (ориентированное на предвидение отдельных аспектов борьбы с преступными посягательствами, например, с организованной преступностью);

в) частное (индивидуальное, когда прогнозируется конкретная криминогенная ситуация и возможные пути ее нейтрализации или устранения)[2].

§ 3. Методология и методика криминологического прогнозирования

Для того чтобы разработать более или менее состоятельные долгосрочный, среднесрочный, краткосрочный прогнозы преступности, должны иметь место и быть реализованы следующие условия: наличие у исследователей этого сложного социального явления достоверных знаний или источников о преступности и связанных с ней разноуровневых явлениях и процессах; объективность и реалистичность оценок преступности и связанных с ней явлений; наличие научно обоснованной и апробированной методики прогнозирования и правильное ее использование.

Прогнозирование преступности базируется на принципах и системе методов социальной прогностики, путем использования тех же методов, кото-

[1] Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. С. 227.

[2] Клейменов М.П., Личкевич С.Н., Сидоркин А.А. Криминологическое прогнозирование и планирование: учебно-методическое пособие. Омск, 1999. С. 34, 35.

рые являются наиболее эффективными для прогнозирования других явлений социального характера. Качество и научная состоятельность криминологического прогноза напрямую связана с выбором наиболее эффективных и проверенных временем и практикой методов и методик при его построении[1].

К методике прогнозирования предъявляются следующие требования:

- комплексность, то есть сочетание независимо применяемых методов экстраполяции, экспертных оценок, многофакторного математического моделирования, системного анализа с последующим сравнением результатов;
- достаточность информационного обеспечения;
- выявление и разграничение статистических и реальных изменений в преступности;
- внимание к изменениям в тенденциях за прошлый период;
- учет факторов, порождающих преступность и способствующих совершению преступлений;
- учет достаточно высокой инертности тенденций преступности;
- достаточность количественно-качественных характеристик различных типов преступников;
- своевременность выявления и оценки новых тенденций преступности, а также взаимосвязанных криминальных явлений[2].

Информационное обеспечение процесса прогнозирования представляет собой наличие совокупности следующих данных, собранных не менее чем за 10 предшествующих лет:

- уголовной статистики, характеризующей состояние и динамику преступности в целом и по отдельным ее видам, по контингенту преступников, по территориальному распределению преступности;
- статистики «фоновых» явлений преступности (пьянства, алкоголизма, наркомании, проституции, миграции);
- статистики, характеризующей объем и структуру специально-профилактической, уголовно-правовой и иной правоохранительной деятельности;
- демографической статистики (с перегруппировкой соответственно возрастным группам преступников в уголовно-правовой статистике);
- экономической статистики (о структуре отраслей народного хозяйства, численности работников, безработных, типах и формах предприятий и т.д.);
- статистики благосостояния населения, культуры, бытового обслуживания);
- статистики образования и воспитания[3].

[1] См.: Демидов В.Н., Згадзай О.Э., Казанцев С.Я., Сафиуллин Н.Х. Криминологическое прогнозирование: теория и практика: монография. Казань, 2004. 212 с.
[2] Варыгин А.Н., Громов В.Г., Шляпникова О.В. Криминология и профилактика преступлений: учебное пособие. Саратов: СЮИ МВД РФ, 2000. С. 86, 87.
[3] Миньковский Г.М. Криминологический и уголовно-правовой прогноз: значение, содержание, проблемы. М., 1989. С. 13.

Исследуя проблему прогнозирования противоправных явлений, Ю.Н. Демидов, кроме того, полагает целесообразным при составлении органами внутренних дел краткосрочного прогноза использовать «индикаторы», т.е. критерии, слежение за которыми позволит в максимальной степени повысить его эффективность. Не претендуя на полноту перечня, он отмечает некоторые из «индикаторов» возможных беспорядков:

1) существенный рост тяжких насильственных преступлений, хулиганских проявлений;

2) снижение авторитета органов власти и управления, публичные выступления граждан о недоверии к ним;

3) обвальный рост числа безработных;

4) снижение жизненного уровня средних слоев населения, социально слабо защищенных граждан;

5) возрастание забастовочного движения, соединенного с актами неповиновения органам власти, митингами, шествиями;

6) появление в средствах массовой информации публикаций, возбуждающих рознь и вражду, подстрекающих население к силовому решению проблем жизни города;

7) неконтролируемый процесс миграции населения, острое осложнение жилищной проблемы;

8) факты неправомерных действий представителей органов власти и управления, в т.ч. правоохранительных, имеющих большой общественный резонанс;

9) снижение раскрываемости тяжких преступлений, ослабление принципа неотвратимости ответственности за совершение преступлений и др[1].

Выбор конкретного метода прогнозирования зависит от многих условий, среди которых важнейшими составляющими являются широта охвата прогнозируемого объекта, дальность прогноза, его многофакторность и др. Многое зависит и от того, какие силы специалистов, ученых-криминологов, практических работников привлекаются для разработки прогноза, какая техническая база для этого используется.

Для получения научно обоснованных краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного криминологических прогнозов используются как общенаучные и частнонаучные методы исследования, практикуемые в нашей стране, так и ряд методов, апробированных в мировой практике.

Первым методом является экстраполяция. Этот метод основывается на перенесении выявленных закономерностей преступности прошедшего периода на определенную перспективу. Он предполагает, что социально-право-

[1] См.: Демидов Ю.Н. Предупреждение органами внутренних дел массовых нарушений общественного по¬рядка в быстроразвивающихся городах: лекция. М., 1994; Демидов Ю.Н. Массовые выступления и беспорядки // Щит и меч. 1991. № 10.

вая система общества в принципе стабильна и что существующие детерминанты преступности будут существовать и продуцировать, воспроизводить преступность и в будущем. В современной России в целом и в субъектах федерации в частности экономическая, социальная, политическая ситуация нестабильна. Существует комплекс объективных предпосылок, вызывающих потребность корректировки проводимых в стране реформ.

В связи с этим возможна большая вероятность увеличения амплитуды в прогнозировании социальной, политической, экономической и др. ситуаций в стране и, соответственно, прогноза негативного воздействия комплекса факторов (экономических, политических, социальных и др.), которые будут подпитывать и детерминировать преступность в ближайшие 3–5 лет. Представляется, что подходить к экстраполяции выявленных тенденций на среднесрочную и долгосрочную перспективу следует с большой осторожностью[1].

Вторым часто применяемым методом является метод экспертных оценок. Суть его состоит в том, что специалисты в определенной области борьбы с преступностью – ученые, практические работники – профессионалы, имеющие богатый опыт и стаж работы, учитывая все составляющие преступности, все факторы, влияющие и обусловливающие преступность, дают оценки развития криминальной ситуации каждый в своей области.

Ценность данного метода состоит в том, что высококвалифицированный эксперт, специалист в своей области, использует и применяет не только официальные источники, но и информацию, заключенную в его богатейшем опыте и профессиональной интуиции.

Третий метод – метод моделирования – устанавливает связи переменных факторов преступности с социальными и демографическими переменными. Влияние различных социальных и демографических факторов на динамику преступности проигрывается теоретически. Прошлое и настоящее никогда не повторяются в будущем целиком и полностью. Выявление и изучение в ходе исследования различных взаимосвязей следует использовать для проецирования возможных процессов криминализации общества. При этом предусматриваются все возможные изменения в общественном развитии, направления уголовной политики, новые виды преступлений (в соответствии с изменениями уголовного закона).

Системный подход и моделирование тесно взаимосвязаны. Моделирование выступает как метод системного исследования объектов. Предпосылкой моделирования является рассмотрение объектов исследования как систем. Соответствие модели оригиналу может помочь расширению знания об объекте.

[1] Демидов В.Н., Згадзай О.Э., Казанцев С.Я., Сафиуллин Н.Х. Прогнозирование преступности: проблемы, возможности, перспективы: монография. Казань, 2003. 187 с.

Метод моделирования как метод научного исследования обладает свойством всеобщности – моделировать можно любые объекты[1].

Модель – это система любой природы, которая может замещать исследуемый объект и давать о нем новую информацию. Логико-математические модели социальных объектов описывают определенные связи и зависимости между явлениями и процессами. Они могут быть выражены в виде систем уравнений, неравенств, показателей корреляций, статистических группировок.

Под моделированием преступности понимается формирование и использование логико-математических моделей в целях описания, объяснения и прогнозирования преступности. Без моделирования преступность как основной объект не может исследоваться конкретно, Преступность как абстракция не поддается непосредственному восприятию.

Не является познавательно ценным и обозначение количества преступлений или подобное отображение преступности, равно как и любой ее части. Простое воспроизведение преступности в виде статистической совокупности не является моделью.

Вместе с тем, поскольку преступность предстает перед исследователем в виде статистической совокупности, постольку научное исследование ее возможно лишь на основе логико-математического моделирования.

Статистическое моделирование является разновидностью логико-математического моделирования. Статистические модели описывают системы на основе результатов их статистических измерений. Использование методов статистического моделирования в криминологии оказывается очень продуктивным.

Статистическое моделирование – наиболее научно обоснованный, точный и эффективный метод изучения преступности. Задачей математических методов в криминологии является построение комплексных формальных моделей социальных процессов и, в частности, преступности, анализ процессов, прогнозирование их развития и управление ими.

В логико-математическом, статистическом моделировании преступность предстает в количественно-формализованной форме. В данном случае отвлекаются от содержания информации, раскрывая формально-логическую сторону явления, его статистическую интерпретацию.

Моделирование преступности предполагает определение ее места в иерархии подобных систем и указание на те системные характеристики, которые свойственны преступности. Характеристики, которые присущи преступности как системе, могут быть представлены в виде следующего списка показателей: интенсивность преступности; динамика; структура; уровень латентно-

[1] Демидов В.Н., Згадзай О.Э., Казанцев С.Я., Сафиуллин Н.Х. Криминологическое прогнозирование: анализ, методы и моделирование: монография. Казань, 2001. 200 с.

сти; активность преступных явлений; степень общественной опасности совершенных преступлений; степень организованности преступлений.

Основным признаком преступности следует признать общественную опасность, проявляющуюся в интенсивности и динамике преступности, представленных комплексами соответствующих показателей.

Моделирование преступности непосредственно связано с ее измерением. Проблема измерения является одной из наиболее методологически важных и сложных. Математические методы и методы моделирования невозможно применять без измерения качественных признаков.

Развитие системного подхода, моделирования, использование информационных технологий и расширение сферы использования математических методов взаимосвязаны. В данном случае речь идет о расширении области применения логико-математических моделей.

Основу использования математической модели составляют существующие методики соотнесения факторов преступности (социальных, политических, экономических, статистических и др.), которые дают возможность выявлять и показывать зависимость между прошлым, настоящим и будущим преступности. Изучаются два блока факторов, обусловливающих или влияющих на преступность – внутренние и внешние. Внутренние факторы – это те происходящие в обществе явления и процессы, которые непосредственно влияют на преступность, например, определенное количество лиц с так называемым «отклоняющимся поведением» (алкоголики, наркоманы, токсикоманы, проститутки и т.д.). Внешние – это факторы политические, социальные, экономические, организационно-управленческие, культурные, правоохранительные. Должны учитываться и вектор системы социального контроля, и проводимая в государстве уголовная политика, и деятельность всей системы органов правоохраны.

Метод математического моделирования получил определенное применение и развитие в отечественной криминологии, что позволило ввести в криминологические исследования методики количественного анализа и точного расчета. Правильно построенные и проверенные на объективном эмпирическом материале криминологические модели дают возможность охарактеризовать влияние на динамику и состояние преступности различных социальных и демографических факторов[1].

Четвертый метод криминологического прогнозирования – это широкий системный анализ и системный прогноз. Выявляются и обобщаются социальные, экономические, политические, демографические и иные факторы, обусловливающие в настоящее время преступность. В этом методе учитываются

[1] Гаврилов О.А. Применение в юридической науке математических методов // Сов. государство и право. 1980. № 2. С. 43, 44; Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. М., 1973.

научно-техническое развитие общества, урбанизация, степень автомобилизации страны, эмиграция и иммиграция и т.д. Важен анализ и экономических факторов: стоимость жизни, уровень безработицы, инфляция в сфере денежного обращения, свертывание промышленного производства продукции, смена типа экономического уклада, обнищание наиболее представительных слоев и групп населения, появление узкого слоя населения со сверхвысокими доходами (в большей степени противоправного происхождения).

После обобщения и выявления направлений влияния всего спектра факторов возможен прогноз относительно развития криминальной ситуации в будущем.

Как уже отмечалось, важно в криминологии и индивидуальное прогнозирование. Поэтому одной из неотложных и важнейших задач криминологической науки становится совершенствование методик индивидуального прогнозирования[1]. Проблема заключается в том, чтобы бороться не только с преступностью как явлением, но и с каждым отдельным преступлением как индивидуальным человеческим поступком[2]. На основе различных факторов, поддающихся количественному измерению, могут быть с определенным успехом сформулированы выводы относительно будущего развития преступности как явления. В отношении же индивидуальных поступков в силу различной, трудно поддающейся учету роли субъективных факторов возможности для успешного прогнозирования гораздо более ограничены[3]. Но это не снимает с повестки дня проблему индивидуального прогнозирования. Такое прогнозирование особенно необходимо для организации индивидуальной профилактики и антиобщественного преступного поведения[4].

Видный немецкий криминолог Ганс Иоахим Шнайдер, изучая проблему криминологического прогнозирования, верно заметил, что «индивидуальные и коллективные прогнозы преступности, так же как и индивидуальные и коллективные прогнозы виктимизации, должны тесно соприкасаться друг с другом. Они могут дополнять и корректировать друг друга. Прогноз преступности – это непрерывный творческий процесс познания, в котором должны учитываться возможные в будущем социальные и психические процессы и который должен быть нацелен на преодоление отрицательного прогноза с помощью действенных мер профилактики и воспитания. Для успешного использования очень важно, чтобы были разработаны действенные меры предотвращения преступности и воспитания правонарушителей»[5].

[1] Звирбуль В.К. Наука и борьба с преступностью // Социалистическая законность. 1971. № 4. С. 82.
[2] Аванесов Г.А. Криминология. М.: Академия МВД СССР, 1984. С. 320.
[3] Вермеш Миклош. Основные проблемы криминологии / пер. с венгр. М., 1978. С. 249.
[4] Аванесов Г.А. Криминология. М.: Академия МВД СССР, 1984. С. 320.
[5] Шнайдер Г.И. Криминология / пер. с нем. М.: Прогресс-Универс, 1994. С. 201.

Заканчивая рассмотрение проблем криминологического прогнозирования, следует отметить важность подобной деятельности для практики предупреждения преступности. Это связано с тем, что криминологический прогноз ложится в основу планирования предупреждения преступности. Чем он точнее, достоверней, тем более конкретными и адресными будут планируемые предупредительные мероприятия и, в итоге, выше результативность предупредительной деятельности в целом.

§ 4. Планирование борьбы с преступностью

Криминологическое прогнозирование является основой для дальнейшей деятельности, а именно – планирования борьбы с преступностью. Под планом понимается заранее намеченная система мероприятий, предусматривающая определенный порядок, последовательность и сроки выполнения работ, ответственных исполнителей[1].

Криминологическое планирование или, как еще его называют, криминологическое программирование заключается в определении путей и средств борьбы с преступностью. Как отмечают криминологи, криминологическое планирование представляет разработку целей и задач борьбы с преступностью, направлений, путей и средств решения этих задач, их нормативного, информационного, организационного, методического, ресурсного обеспечения на определенный период[2].

Рассматривая соотношение криминологического прогнозирования и планирования, следует отметить, что прогнозирование выступает в основном как предплановая деятельность, определяющая, что может произойти и при каких условиях, в то время как планирование намечает, что должно произойти, кому и что для этого нужно сделать. Прогноз носит вероятностный характер, план – обязательный, директивный.

Особенностью соотношения прогнозирования и планирования является то, что при условии достоверности анализируемых данных, правильного выбора методов прогнозирования, планирования конкретных и выполнимых мероприятий, своевременной их реализации прогноз преступности не должен оправдаться.

Цель криминологического планирования состоит в следующем:

1) в реализации конкретных задач, поставленных государством перед соответствующими правоохранительными органами и общественными организациями;

2) в обеспечении планомерного функционирования и развития этих органов и организаций;

[1] Солопанов Ю.В. Криминологическое прогнозирование и планировании борьбы с преступностью: лекция. М., 1983. С. 33

[2] Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998. С. 222.

3) в устранении препятствий, которые мешают эффективной организации управления в сфере борьбы с преступностью.

Главной задачей криминологического планирования является координация усилий соответствующих государственных органов и общественных организаций для достижения целей борьбы с преступностью на том или ином временном периоде.

Криминологическое планирование реализуется в форме управленческих документов – планов. Под планами подразумеваются соответствующим образом оформленные управленческие решения, предусматривающие комплекс мероприятий, направленных на достижение целей и решение задач в определенный период времени, содержащий сроки исполнения, перечень исполнителей, а также иные положения, конкретизирующие порядок исполнения таких мероприятий[1].

Существуют различные виды планов по срокам планирования:

- краткосрочные;
- среднесрочные;
- долгосрочные.

Сроки у этих планов по времени совпадают со сроками прогнозирования преступности. В краткосрочном планировании выделяют оперативное планирование (на сутки, декаду, месяц). Чем короче срок планировании, тем детальнее и конкретнее планируемые мероприятия.

По масштабу выделяют планы:

- государственные;
- региональные;
- местные.

По целевой направленности составу участников планируемых мероприятий выделяют планы:

- комплексные;
- ведомственные;
- межведомственные.

По предмету планирования:

- направленные на борьбу со всей преступностью в целом;
- на борьбу с отдельными видами преступлений.

При осуществлении планирования необходимо иметь в виду следующие требования:

1) преемственность планов, т.е. сведение в единую систему текущих краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных планов;

[1] Приказ МВД РФ № 890 от 26.09.2012 г. «Об организации планирования в органах внутренних дел»// www. mvd.ru.

2) координация планов сверху донизу по уровням и между разделами плана (или планов);

3) учет постоянно происходящих изменений;

4) широкое использование криминологических прогнозов.

Как правило, планы предупреждения или борьбы с преступностью включают в себя следующие разделы:

- организационные мероприятия;
- борьба с пьянством и алкоголизмом;
- предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних;
- предупреждение рецидивной преступности;
- предупреждение преступлений на улицах и в общественных местах;
- проблемы правовой пропаганды и некоторые другие.

В качестве примера государственного межведомственного плана предупреждения преступности можно назвать Государственную программу Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»[1], рассчитанную на период до 2020 года. Ее основными задачами являются повышение качества и результативности противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности, обеспечение общественной безопасности и безопасности дорожного движения, а также повышение доверия к органам внутренних дел Российской Федерации со стороны населения[2].

Обеспечение планов предупреждения преступности определяется путем проведения организационных мер и контроля за его выполнением.

К числу организационных мер, обеспечивающих выполнение плана, следует отнести:

- доведение до сведения всех субъектов предупредительной деятельности заданий планов;
- обеспечение информацией о состоянии и тенденциях преступности в регионе;
- координацию действий всех субъектов предупреждения;
- моральное и материальное стимулирование как отдельных исполнителей, так и коллективов в целом.

Контроль осуществляется путем анализа:

а) статистических данных о преступности;

б) степени распространения правонарушений, на нейтрализацию которых были направлены запланированные мероприятия;

[1] Утв. Постановлением Правительства РФ № 345 от 15.04.2014 г // www.consultant.ru (Дата обращения 1.09.2017 г.).
[2] Утв. Постановлением Правительства РФ № 345 от 15.04.2014 г // www.consultant.ru (Дата обращения 1.09.2017 г.).

в) своевременности проведения этих мероприятий;

г) полноты привлечения всех субъектов для реализации плана.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что планирование борьбы с преступностью является важнейшим направлением государственной деятельности, основывающимся на криминологических прогнозах состояния преступности в стране или ее отдельных регионах. Чем точнее, объективнее будет прогноз состояния преступности, чем конкретнее и своевременнее планируемые предупредительные мероприятия, тем выше окажется результативность борьбы с преступностью.

Вопросы для самоконтроля:

1. Понятие криминологического прогнозирования.
2. Виды, сроки криминологических прогнозов.
3. Методы криминологического прогнозирования.
4. Цели, задачи криминологического прогнозирования.
5. Понятие планирования борьбы с преступностью, его цели, задачи, виды.

Литература

Демидов В.Н. Криминологическое прогнозирование: анализ, методы и моделирование: монография / В.Н. Демидов, О.Э. Згадзай, С.Я. Казанцев, Н.Х. Сафиуллин. - Казань, 2001. – 200 с.

Демидов В.Н. Криминологическое прогнозирование: теория и практика: монография / В.Н. Демидов, О.Э. Згадзай, С.Я. Казанцев, Н.Х. Сафиуллин. - Казань, 2004. – 212 с.

Демидов В.Н. Прогнозирование в криминологии: учебное пособие / В.Н. Демидов, О.Э. Згадзай, С.Я. Казанцев, Н.Х. Сафиуллин. - Казань, 2004. – 194 с.

Варыгин А.Н., Громов В.Г., Шляпникова О.В. Криминология и профилактика преступлений: учебное пособие. - Саратов: СЮИ МВД РФ, 2000. – 128 с.

Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. – 528 с.

Шалагин А.Е. Прогнозирование, планирование и программирование в криминологии // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (23 июня 2017 г.): в 2 т. / под общ. ред. С.А. Буткевича. – Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2017. – Т. II. – С. 113-117.

Глава X
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

§ 1. Понятие и приоритетные направления предупреждения преступности

Преступность является актуальной проблемой современного общества, поскольку затрагивает все сферы жизнедеятельности человека. Как свидетельствует история, преступность – это неискоренимое общественно опасное социально-негативное явление[1]. На сегодняшний день одной из важнейших и приоритетных задач, стоящих перед государством и обществом, является предупреждение преступности и удержание ее на низком (некритичном) уровне. В научной литературе существуют различные подходы к определению понятия предупреждения преступности.

Предупреждение преступности В.Е. Эминовым определяется как «многоуровневая система мер и осуществляющих их субъектов, направленная на: 1) выявление в структуре населения групп повышенного криминального риска и снижение этого риска; 2) выявление лиц, поведение которых указывает на реальную возможность совершения преступлений, и оказание на них сдерживающего и корректирующего воздействия, а в случае необходимости – и на ближайшее окружение; 3) выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин преступности, отдельных ее видов, а также способствующих им условий; 4) выявление и устранение ситуаций на определенных территориях или определенной среде, непосредственно мотивирующих или провоцирующих совершение преступлений»[2].

В учебнике «Криминология» Г.М. Миньковский дает следующее определение предупреждению преступности – это «многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на выявление, ослабление, устранение или нейтрализацию причин и условий преступности, отдельных видов преступлений и конкретных деяний, а также удержание от перехода или возврата на преступный путь людей, условия жизни которых указывают на такую возможность»[3].

В.В. Лунеев рассматривал предупреждение преступности как «совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, проводимых право-

[1] Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. С.91-95.
[2] Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма, 2009. С.287-317.
[3] Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и В.В. Лунеева. М.: Волтерс Клувер, 2004. С.185.

охранительными и иными государственными органами и общественными организациями, а также отдельными гражданами, направленных на предотвращение уголовно наказуемых деяний в семье, в школе, общественных местах, на производстве, в городе, в области, стране, направленных на минимизацию причин, порождающих преступность»[1].

Под предупреждением преступности Ю.М. Антонян понимает «воздействие на причины преступности, выявление преступников и оказание на них предупредительного, исправительного воздействия»[2]. А.Н. Подчерняев указывал, что «предупреждение преступности – это комплекс мер по профилактике преступлений, то есть по недопущению совершения уголовно наказуемых (противоправных) деяний»[3].

А.Ю. Решетников и О.Р. Афанасьева с предупреждением преступности связывают «сложную систему воздействия на антиобщественные деяния, направленную на устранение, уменьшение или нейтрализацию криминогенных факторов, способствующих как совершению отдельных видов преступлений, так и преступности в целом, а также оказание предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением»[4].

По мнению Р.В. Шагиевой, предупреждение преступлений в широком понимании – это «криминологическая категория, обозначающая исторически сложившуюся систему преодоления субъективных и объективных предпосылок этих негативных явлений, реализуемого путем целенаправленной деятельности всех институтов общества по устранению, уменьшению и нейтрализации факторов, детерминирующих существование преступности и совершение преступлений». Предупреждение преступлений в узком, прикладном значении, представляет собой «деятельность, направленную на недопущение их совершения путем выявления и устранения причин преступлений, условий, способствующих их совершению, оказания предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением»[5].

Ю.Ф. Гладырь определял предупреждение преступности как «антикриминальную деятельность, направленную на поддержание правопорядка в обществе. Данная система включает в себя различные мероприятия, осу-

[1] Лунеев В.В. Криминология: учебник для академического бакалавриата / М.: Юрайт, 2019. С.279-280.
[2] Антонян Ю.М. Криминология: учебник для академического бакалавриата /– 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. С.135.
[3] Подчерняев А.Н. Предупреждение преступности как приоритетное направление деятельности органов внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 2 (75). С.90-93.
[4] Криминология: учеб. пособие для вузов/ А.Ю. Решетников, О.Р. Афанасьева. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. С.73-74.
[5] Криминология: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.И. Авдийского, Л.А. Букалеровой. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. С.100.

ществляемые государственными и негосударственными субъектами профилактики путем выявления, устранения или нейтрализации причин и условий преступности, в целях обеспечения упреждающего воздействия на криминогенные факторы и криминально опасные ситуации»[1].

Согласно Федеральному закону от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» предупреждение преступлений представляет собой совокупность мер правового, организационного, социального, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих преступности, а также на оказание воспитательно-исправительного воздействия на лиц в целях недопущения совершения новых преступлений[2].

Таким образом, предупреждение преступности представляет собой многоуровневую систему или комплекс взаимосвязанных государственных и общественных мер организационно-правового характера, направленных на выявление и устранение причин и условий преступности, оказание предупредительно-профилактического и исправительно-воспитательного воздействия на криминально активную часть населения, сокращение преступности и установление социального контроля в данной сфере[3].

Глобальные изменения в политической, социальной, экономической и духовной сферах, произошедшие за последние десятилетия в России, помимо положительных результатов, явились причиной появления новых видов угроз для человека и государства, связанных с развитием процессов криминализации населения и усложнением социальной модели общества.

К приоритетным направлениям предупреждения преступности на современном этапе относится противодействие:

а) преступлениям экстремистской и террористической направленности;

б) коррупционным преступлениям;

в) преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

г) преступлениям, совершаемым несовершеннолетними;

д) преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств;

е) преступлениям, совершаемым мигрантами;

---

[1] Гладырь Ю.Ф. Система предупреждения преступлений: история развития и современное состояние: автореф. дис. … канд.юрид.наук. СПб., 2005. С. 5.

[2] Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I), ст. 3851.

[3] Шалагин А.Е. О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений // Вестник экономики, права и социологии. 2014. №2. С.156.

ж) преступлениям против государственной власти и управления;

з) преступлениям против жизни и здоровья, общественного порядка и общественной нравственности;

и) преступлениям, совершаемым гражданами, находящимися в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического, токсического и иных форм).

к) преступлениям против собственности и порядка осуществления экономической деятельности;

л) преступлениям, совершаемым лицами, освободившимися из мест лишения свободы, профессиональной и организованной преступности[1].

Реализация данных направлений предупреждения преступности основывается на общепризнанных принципах: законности[2]; приоритета прав и законных интересов человека и гражданина[3]; компетентности, обеспечения системности и единства подходов при осуществлении предупредительной деятельности; ответственности субъектов профилактики правонарушений; последовательности, объективности, открытости, непрерывности, достаточности, своевременности и научной обоснованности принимаемых мер[4].

К задачам предупреждения преступности относятся: предотвращение преступлений; выявление и устранение криминогенных факторов, порождающих преступность; применение мер воздействия на осужденных в целях их исправления[5].

Кроме того, предупреждение преступлений имеет следующие уровни (стадии):

1) Профилактика – совокупность специальных мер, направленных на выявление лиц, склонных к совершению преступлений, а также причин и условий возникновения и распространения отдельных видов (форм) преступной деятельности, минимизацию криминогенных факторов.

2) Предотвращение преступлений – направлено на недопущение совершения преступлений на этапе их планирования и приготовления.

3) Пресечение преступлений – деятельность правоохранительных органов, направленная на недопущение окончания преступного деяния, то есть предупреждение общественно опасных последствий совершаемого

[1] Волеводз, А.Г. Система профилактики правонарушений в Российской Федерации: обсуждаем проект федерального закона // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 4(8). С.10.

[2] Задоян А.А. Принципы предупреждения преступности // Уголовное право. 2011. №6. С.89-93.

[3] Панов С.Л., Ревягин А.В. Принципы предупреждения преступности // Законодательство и практика. 2015. №2 (35). С.56-59.

[4] Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.

[5] Решетников, А. Ю. Криминология : учебное пособие для вузов / А. Ю. Решетников, О.Р. Афанасьева. 2-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2018. С.74.

преступления. Пресечение осуществляется преимущественно на стадии покушения или подготовки к тяжкому и особо тяжкому преступлению.

Острой и актуальной является борьба с терроризмом, представляющим значительную опасность для интересов личности, общества и государства безопасности конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности страны[1]. Противодействие экстремистской и террористической деятельности должно быть комплексным, ориентированным на их предупреждение, выявление, пресечение, с последующим вынесением строгого наказания.

В комплексе мер профилактического характера приоритетное значение имеет работа с ранее судимыми лицами, отбывавшими наказание в местах лишения свободы, предрасположенными к совершению правонарушений и находящимися на профилактических учетах[2]. Действенным средством воздействия на таких лиц является институт административного надзора[3].

Стоит отметить такой эффективный инструмент предупреждения преступности как использование поддержки граждан в повседневной деятельности органов исполнительной власти, являющийся важным фактором, влияющим на результативность профилактической деятельности. Участие инициативных и сознательных граждан в деятельности по предупреждению преступности осуществляется при активной поддержке специализированных субъектов предупреждения преступности на основании соблюдения принципов добровольности[4] и стимулирования[5].

Важной составляющей предупреждения преступности является виктимологическая профилактика, которая представляет собой «специализированное целенаправленное воздействие на лиц с аморальным и неправомерным поведением, а также на факторы, детерминирующие виктимность. Виктимологическая политика осуществляется на правовой основе и направлена на повышение уровня общественной безопасности, снижение виктимоопасности территорий и объектов, возмещение причиненного имущественного и морального ущерба, защиту жертв преступлений[6].

---

[1] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

[2] Артемьев Н.С., Бурчихин А.Н. Причины и условия рецидивной преступности и основные меры ее предупреждения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5.С.110-114.

[3] Ягодин Р.С., Волков П.А., Демченко Н.В. Проблемы противодействия рецидивной преступности // Ленинградский юридический журнал. 2016. №1 (43). С.153-158.

[4] Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. М. : Юрайт, 2018. С.146.

[5] Приказ МВД России от 06.06.2018 № 356 «Об утверждении Положения о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших» [электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304893/. Дата обращения: 09.11.2018.

[6] Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: автореф. дис. … докт.юрид.наук. М.,2006. С.43.

Эффективность предупреждения и противодействия преступности находится в зависимости от мер, направленных на борьбу с алкоголизмом, наркоманией, игроманией, бродяжничеством, проституцией и другими социально-негативными явлениями в обществе[1].

Предупреждение преступности предполагает последовательную реализацию мер правового, экономического, политического, воспитательного и нравственного характера, которая будет способствовать своевременному реагированию на противоправные (асоциальные) поступки, минимизации криминогенных факторов, а также стабилизации оперативной обстановки[2].

§ 2. Объекты и субъекты предупреждения преступлений

Предупреждение преступлений представляет собой сложный процесс, направленный на нейтрализацию или устранение криминогенных факторов, порождающих противоправное поведение в обществе. Приоритетным направлением в предупреждении преступлений выступает охранительная функция государства, включающая в себя превентивные механизмы воздействия на лиц, деятельность которых носит асоциальный (противоправный) характер. В криминологии принято выделять объекты и субъекты предупреждения преступлений.

В отечественной криминологии сформировались полярные позиции относительно объекта предупреждения преступлений. Так, по мнению Г.А. Аванесова, целесообразно выделять общий объект предупредительного воздействия (социальные группы, негативное социальное окружение и др.) и индивидуальный объект предупредительного воздействия (личность человека)[3].

По мнению А.И. Долговой, объект предупредительного воздействия представлен внешними для преступности обстоятельства; внутренними процессами преступной жизни, способствующими воспроизводимому криминальной активности; процессами взаимодействия преступности и общества[4].

Позиция Ю.В. Новиковой состоит в том, что объект предупредительного воздействия составляют явления и процессы, выступающие в качестве причин и условий отдельных видов преступности и места концентрации этих явлений и процессов[5].

[1] Косарева Л.В., Макогон И.В. Приоритетные направления предупреждения преступности как основы антикриминальной политики государства // Мир науки и образования. 2017. № 1 (9). С.6.

[2] Шалагин А.Е. О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений // Вестник экономики, права и социологии. 2014. №2. С.156.

[3] Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 444 - 445.

[4] Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2005. С. 438.

[5] Новикова Ю.В. Понятие «криминогенный объект» и его место в структуре криминологической характеристики преступности (преступлений) // Российский следователь. 2015. N 23. С. 34.

Таким образом, в качестве объектов предупреждения преступлений целесообразно рассматривать лиц:

1. готовящихся совершить преступления и правонарушения;

2. покушающихся на совершение преступления и правонарушения;

3. высказывающих намерения совершить противоправные деяния;

4. причины и условия, способствующие совершению преступлений и правонарушений.

В криминологии к субъектам предупредительной деятельности относятся:

1.Общество является ключевым субъектом профилактики, поскольку именно оно вырабатывает нравственные и культурные нормы, регулирующие его жизнедеятельность[1]. По мнению Я.И. Гилинского, именно воздействие общества на криминогенные факторы приводит к минимизации преступности и профилактике социально-негативных явлений, обусловливающих противоправное поведение[2].

2. Государство в лице органов исполнительной власти, которые реализуют властно-распорядительные полномочия в целях повышения качества жизни общества и обеспечения его безопасности. Предупреждение преступлений выступает приоритетным направлением в уголовной политике, состоящим из комплекса взаимосвязанных мероприятий, проводимых государственными и общественными органами для нейтрализации (устранения) причин и условий преступности[3].

3. Трудовые коллективы обладают возможностью воздействия на социально активное поведение их членов, применяя в качестве инструментария меры поощрительного, воспитательного и дисциплинарного характера.

4. Учебные коллективы также выступают субъектами предупреждения преступности (осуществляя мероприятия, направленные на формирование в среде обучающихся стойкого неприятия антиобщественных взглядов, криминальной субкультуры и преступного образа жизни).

А.И. Долгова справедливо отмечает, что предупредительная деятельность государства напрямую соприкасается с экономической, социальной политикой, а также тесно взаимосвязана с нравственной системой ценностей в обществе[4].

В научной литературе имеется точка зрения, согласно которой к субъектам профилактики правонарушений в пределах своей компетенции относятся: федеральные органы государственной власти, органы государ-

[1] Антонян Ю.М. Криминология. М., 2018. С.140.
[2] Гилинский Я.И. Девиантология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 455.
[3] Сальников В. П. Криминология: словарь. СПб., 1999. С. 109.
[4] Долгова А. И. Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 29.

ственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления и их должностные лица, Генеральная прокуратура РФ, Следственный комитет РФ, юридические и физические лица[1].

К основным функциям субъектов предупреждения преступности относятся:

- мониторинг и систематический анализ информации о преступности и взаимосвязанных с ней процессах;

- организация статистического учета, социологических и иных сведений о виктимизации и криминализации общества;

- реализация мер предупреждения и социального контроля за преступностью;

- прогнозирование преступности и составление программ по ее минимизации.

Субъекты предупреждения преступлений состоят из специализированных и неспециализированных участников профилактики.

К специализированным органам предупреждения преступности относятся: Правительственная комиссия по профилактике правонарушений, Федеральная служба безопасности, Совет Безопасности РФ, суды, прокуратура, органы внутренних дел, налоговая и таможенная службы и т.д.

Одним из основных субъектов предупреждения преступности является полиция (органы внутренних дел). К приоритетным направлениям органов внутренних дел по предупреждению правонарушений относятся:

а) решение вопросов миграционной политики, проверка объектов жилого сектора, контроль за пребыванием иностранных граждан, выявление фактов нарушения миграционного законодательства;

б) регулярное проведение комплексных оперативно-профилактических мероприятий «Условник», «Надзор», «Превентив», «Арсенал», «Мак», «Подросток» и др.;

в) взаимодействие субъектов системы профилактики и снижение подростково-молодежной преступности, семейного насилия, безнадзорности детей;

г) укрепление правопорядка и обеспечение безопасности граждан в общественных местах, стабилизация дорожно-транспортной ситуации;

д) гармонизация межконфессиональных и межэтнических отношений, профилактика экстремистских проявлений, перекрытие каналов финансовой поддержки радикалистов и террористов;

е) противодействие распространению детской порнографии, занятия проституцией и иными формами антисоциального поведения;

ж) выявление и пресечение преступлений коррупционной направленности;

[1] Ахмедшина, Н.В. О законодательных основах профилактики правонарушений в Российской Федерации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 4(8). С.18.

з) сосредоточение усилий на борьбе с мошенничествами, в том числе совершаемыми с использованием информационных технологий; своевременное реагирование на появление новых криминальных угроз[1];

и) повышение эффективности работы по противостоянию организованной, профессиональной и рецидивной преступности;

к) пресечение и предотвращение преступлений с использованием компьютерных технологий, в том числе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; защита от несанкционированного доступа к персональным данным[2].

К неспециализированным субъектам относятся физические и юридические лица, иные организации, участвующие в предупреждении административных правонарушений и преступлений во время реализации своих прав и обязанностей, полномочий. Таковыми являются граждане, трудовые коллективы, средства массовой информации, общественные и религиозные организации.

§ 3. Правовые основы предупреждения преступлений

Предупреждение преступлений требует наличия комплекса эффективных и своевременных мер, выступающих в качестве барьера на пути распространения социально-негативных явлений. Одним из инструментов достижения государством своих правоохранительных целей является его правовая система.

Ключевым субъектом, формирующим законодательные основы предупредительной деятельности, выступают органы государственной власти. Их деятельность связана с созданием правовых условий, способствующих поддержанию и функционированию общепринятых социальных институтов, формированию мер по воспитанию новых поколений в духе соблюдения закона, нравственных норм традиций.

Нормативные правовые акты принимаются на следующих уровнях:

1. ***На общегосударственном уровне*** – целенаправленное формирование законодательных механизмов, регулирующих систему предупреждения преступлений в стране (Федеральный закон от 23.06.2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[3]; Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»[4]; «Концепция

[1] Овчинский В.С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. С.117.

[2] Криминология: учебник для аспирантов / под ред. И.М. Мацкевича. М.: Норма: ИНФРА. М, 2017. С.340.

[3] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 г. №182-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26. ст. 3851.

[4] О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. 05 октября 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2; Собрание законодательства РФ. 2015. № 41, ч. II. Ст. 5639.

общественной безопасности в Российской Федерации»[1]), а также разработку и реализацию государственных программ по предупреждению отдельных наиболее опасных видов преступлений («Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.»[2]; «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы»[3]).

2. ***На уровне федеральных округов*** – возможность осуществления предупредительных мер на данных территориях. Предупредительные меры представляет собой систему организационных механизмов по консолидации властно-распорядительных полномочий в вопросах минимизации и предупреждения правонарушений. (К примеру, в Приволжском федеральном округе аппаратом Полномочного представителя Президента РФ реализуются такие проекты, как «КаДетство», «Зарница Поволжья», «Туриада», «iВолга», «Гвардеец» и др., направленные на интеллектуальное, культурное, физическое, нравственное развитие молодого поколения, его патриотическое воспитание, адаптацию к жизни в обществе, подготовку несовершеннолетних граждан к служению Отечества.

3. ***На уровне субъектов федерации*** – комплекс мер по предупреждению преступности и профилактики преступлений силами и средствами, находящимися в распоряжении региональных властей, где важную роль играет возможность применения конкретных законодательных барьеров на пути распространения негативных социальных явлений, получивших распространение в отдельном субъекте федерации. К таковым стоит отнести: Закон Республики Татарстан от 11.01.2017 г. № 3-ЗРТ «О профилактике правонарушений в Республике Татарстан»[4]; Закон Республики Татарстан от 29.10.2009 г. № 50-ЗРТ (ред. от 07.05.2016 г.) «О профилактике наркомании и токсикомании»[5] и т.п.;

4. ***На уровене муниципальных образований*** – реализация власти на местах. Предполагает наличие единого системного подхода к обеспечению общественной безопасности и правопорядка на территории муниципалитета. Деятельность муниципальных образований находится в тесном взаимодействии с органами исполнительной власти субъектов федерации. Так, к перспективным направлениям в данной сфере относится аппаратно-про-

[1] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
[3] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[4] О профилактике правонарушений в Республике Татарстан: закон РТ от 11 января 2017 № 3-ЗРТ // Собрание законодательства Республики Татарстан. 2017. №4. Ст.0137.
[5] О профилактике наркомании и токсикомании: закон РТ от 29 октября 2009 № 50-ЗРТ (ред. от 30.06.2018) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2009. № 9-10. Ст. 788.

граммный комплекс «Безопасный город»[1], реализуемый в рамках Распоряжения Правительства РФ на территории муниципальных образований.

Важно отметить, что совершенствование правовых механизмов включает в себя мероприятия, направленные на подготовку и принятие необходимых нормативных актов, а также внесение изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты, регламентирующие предупреждение и противодействие преступности.

К правовым основам предупреждения преступлений относятся:

а) правовые меры в сфере обеспечения общественной безопасности;

Указанные меры включают в себя комплекс нормативных правовых актов, представленных в виде федеральных конституционных или федеральных законов, направленных на регулирование общественных отношений в сфере охраны общественного порядка и обеспечения законности.

К таковым в наибольшей степени относятся кодифицированные нормативные правовые акты, очерчивающие круг запрещенных деяний под угрозой применения санкций в отношении лиц, нарушающих данный запрет. При этом сущность законодательного разграничения деяний состоит в установлении государственно-правового режима в отношении наиболее важных общественных отношений, требующих обеспечения правовой защиты и осуществления на этой основе правоохранительной функции государства;

б) законодательные барьеры на пути финансирования преступной деятельности.

К основным направлениям оптимизации правовых механизмов по выявлению и устранению источников пополнения финансовых ресурсов преступных организации относятся: противодействие поступлению материальных ресурсов из зарубежных фондов и некоммерческих организаций; противодействие использованию современных виртуальных денежных суррогатов в сети Интернет; прямого финансирования с использованием аффилированных организаций и физических лиц и др.

К нормативным правовым актам, регулирующим указанную сферу, относятся:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ (в ред. от 28.12.2016) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[2], установивший организационные и правовые механизмы внутреннего финансового контроля и

[1] Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город: распоряжение Правительства РФ от 03.12.2014 № 2446-р (ред. от 05.04.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07 августа 2001 № 115-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. №33, ч. I. Ст.3418.

идентификации клиентов организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом;

2. Федеральный закон от 08.06.2015 г. № 140-ФЗ (в ред. от 05.04.2016) «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1], установивший требования об обязательном получении информации о целях установления и предполагаемом характере деловых отношений клиентов с финансовой организацией, осуществляющей операции с денежными средствами и иным имуществом, определении целей финансово-хозяйственной деятельности, финансового положения и деловой репутации клиентов, а также принятии обоснованных и доступных мер по определению источников происхождения денежных средств и (или) иного имущества клиентов;

3. Указ Президента РФ от 18.11.2015 г. № 562 «О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма»[2], устанавливающий механизмы по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества, принадлежащих организации или физическому лицу, в отношении которых имеются достаточные основания подозревать их к причастности террористической деятельности (в том числе финансированию терроризма);

в) нормативные правовые акты, направленные на противодействие идеологии криминальной среды. Преступность чутко реагирует на возникающие перспективы дальнейшего развития общества, особенно в условиях информационного развития, что приводит к качественным изменениям отдельных негативных социальных явлений путем распространения криминальной субкультуры посредством сети «Интернет»;

г) правовые механизмы ресоциализации лиц, осужденных за совершение преступлений. К основным нормативным правовым актам в данной сфере относятся:

- Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года[3], которая предусматривает расширение сферы применения уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, формирование условий, исключающих распространение в обществе криминальной субкультуры, создание системы регламентированных стиму-

[1] О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 08 июня 2015 № 140-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства РФ. 2015. №24. Ст.3367.

[2] О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма : Указ Президента РФ от 18 ноября 2015 № 562 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 47. Ст. 6576.

[3] Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

лов правопослушного поведения ранее осужденных, разработку системы новых исправительных технологий работы с осужденными, основанных на достижениях психологии и медицины, педагогики и права;

- приказ Минюста России от 20.05.2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (ред. от 15.08.2016)[1], определившей порядок организации и проведения мероприятий по профилактике правонарушений среди осужденных, подозреваемых и обвиняемых, отбывающих наказание и содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы.

Основной целью профилактической работы является недопущение правонарушений со стороны лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, посредством системы профилактических мероприятий, связанных с выявлением лиц, имеющих намерение совершить правонарушение, и принятием к ним соответствующих превентивных мер.

§ 4. Общесоциальное предупреждение преступности

В теории криминологии существует множество терминов, которыми обозначают процесс реагирования на преступность: «предупреждение преступности», «профилактика преступности», «контроль преступности», «борьба с преступностью». Профилактика преступлений представляет собой наиболее гуманное средство поддержания правопорядка, обеспечение защиты общества и государства от преступных посягательств. Она выступает эффективным средством противодействия преступности, в связи с ограниченными средствами воздействия уголовного наказания.

В теории криминологии мнения о соотношении и содержании понятий «противодействие», «предупреждение», «профилактика», «борьба с преступностью» различны[2]. Так, ряд авторов данные термины считают синонимами[3]. Другие полагают, что понятия «профилактика», «предотвращение», «пресечение» и «предупреждение» не могут быть тождественны друг другу[4].

[1] О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 25.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

[2] Антонян Ю.М. Криминология: избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 142.

[3] Криминология: учебник для вузов / под ред. д.ю.н., профессора А. И. Долговой. М.: НОРМА, 2001. С. 261-262; Криминология: учебник для юридических вузов / Под ред. В. Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. С. 235-236.

[4] Аванесов Г.А. и др. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»; / под ред. Г.А. Аванесова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 283; Криминология и профилактика преступлений: учебник / Г.А. Аванесов и др.; под ред. А.И. Алексеева. М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1989. С. 221; Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: монография. М., 2001. С. 12.

Предупреждение преступности в теории криминологии определяется как категория, направленная на преодоление объективных и субъективных предпосылок негативных причин, реализуемая путем ведения деятельности всех институтов общества по устранению, уменьшению, нейтрализации детерминант преступности[1]; воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на нейтрализацию факторов преступности с целью недопущения вовлечения в преступную деятельность новых лиц, расширения криминализации общественных отношений[2]; деятельность общества и государства, основная цель которой – удержание социально терпимого уровня путем нейтрализации или устранения причин, порождающих негативное явление[3]; многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности[4]; деятельность, основная задача которой снижение количества совершаемых преступлений и их общественной опасности путем устранения, ослабления, нейтрализации причин и условий совершения общественно опасного деяния, а также совокупность превентивных мер[5].

Основная цель предупредительной деятельности – это разработка и осуществление системы целенаправленных мер. Отмечается, что «при формировании системы предупреждения преступности должны использоваться не только качественно новые параметры, но и глубокий, всесторонний научный анализ существующих проблем предупредительного воздействия»[6].

Целями общего предупреждения преступности в современных условиях следует считать сдерживание негативных тенденций преступности, снижение общественной опасности ее наиболее тяжких разновидностей, сокращение отдельных видов и групп преступлений, повышение правосознания населения, формирование его антикриминального общественного мнения, улучшение криминологической обстановки на определенной территории, объекте, обеспечение социально приемлемого уровня криминологической безопасности.

Ч. Беккария говорит о том, что «лучше предупреждать преступления, чем карать за них. Это составляет цель любого хорошего законодательства…»[7]. На заседании Конгресса ООН, состоявшемся в Вене 10-17 апреля 2000 г., было закреплено положение, согласно которому предупреждение преступности –

[1] Криминология: учебник для юридических вузов / под ред. В.Д. Малкова. М., 2011. С. 119.
[2] Криминология: учебник для юридических вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2007. С. 435.
[3] Криминология: учебник для юридических вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. СПб., 1999. С. 235.
[4] Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977. С.30.
[5] Криминология: учебное пособие / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. М., 2007. С. 188.
[6] Гармаш А.М. Предупреждение преступности в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. … докт. юрид. наук, М. 2012. С.4.
[7] Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 230.

первоочередная задача на национальном и глобальном уровнях. А.Н. Кузнецов утверждает: «Предотвращение преступления – задача первостепенная по сравнению с раскрытием уже совершенного противоправного деяния»[1].

Общее предупреждение преступлений реализуется в рамках общества в целом, отдельных регионов, а также в отношении различных социальных групп и коллективов и преследует цель мобилизовать членов общества на борьбу с теми явлениями социальной действительности, которые при определенных условиях создают возможность перехода индивидов на антиобщественные позиции[2].

Так, предупреждение преступности предполагает «систему мер политического, социально-экономического, информационно-пропагандистского, организационного, правового и иного характера, осуществляемых государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями и направленных на нейтрализацию криминальных процессов в обществе, сдерживание преступности и сокращение темпов ее роста»[3]. Главной целью выступает задача по минимизации влияния на сферы жизнедеятельности, реализации государственных реформ и программ, основная направленность которых – поддержание национальной безопасности и обеспечение нормального уровня жизни граждан.

Стоит отметить Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», который в п. 2 ст. 2 определяет профилактику правонарушений как «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения». А также в ст. 6 «Основные направления профилактики правонарушений» выделяет в качестве приоритетных направлений защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств и обеспечение экономической безопасности[4].

Анализ предупредительной системы мер может быть произведен по следующим параметрам: этапы развития, уровень, содержание, направленность, механизм воздействия и т.д. При этом основная направленность предупредительных мер – это коррекция поведения лиц, совершивших преступление, воздействие на причины и условия его совершения.

[1] Избранные лекции по криминологии / под ред. Г.В. Алексеева. Саратов, 2015. С. 11.
[2] Малков В.Д. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. М., 2006. С. 70-71.
[3] Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2013. С. 6.
[4] Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3851.

Государство обладает многими рычагами воздействия на реализацию политики, направленной на предупреждение преступлений. В частности, речь идет о правовом воспитании, социальной профилактике, криминологической и виктимологической профилактике, уголовно-правовом предупреждении[1].

Меры общего предупреждения преступности обладают широким диапазоном воздействия на широкий круг причин и условий совершения преступлений, а также видов и групп. На общесоциальном уровне наиболее ярко выражен многоаспектный, комплексный характер предупреждения преступности. Стоит отметить влияние общей профилактики на широкий спектр сфер жизнедеятельности. Например, для экономической сферы характерны контроль за распределением собственности, финансовой системы, развитие производства на основе современных технологий и иные аспекты. В социальной сфере данное направление раскрывается в минимизации последствий социального расслоения общества, последствий безработицы, укреплении устоев и т.д. В.В. Лунеев отмечает, что «между тенденциями социально-экономического развития и динамикой преступности, к сожалению, нет скорых, жестких и прямых корреляций»[2]. В политической сфере профилактика раскрывается в вопросах организации и укрепления ветвей власти, реализация политической воли противостояния социально негативным явлениям и процессам в условиях многопартийности. Профилактика в культурно-нравственно сфере представляет собой неотъемлемый элемент противостояния преступности, а также иным криминогенным процессам в вышеупомянутых сферах. В правовой сфере общее предупреждение преступлений можно увидеть в регулировании разнообразных общественных отношений, регламентированных нормативными правовыми актами[3].

Необходимо отметить, что в теории криминологии объектом предупреждения преступлений выступают общественные явления, процессы, протекающие во всех сферах жизнедеятельности, оказывающие влияние на формирование преступности и личность преступника, обладающую характеристиками, позволяющими усмотреть склонность к противоправному поведению.

Объектом общего предупреждения выступают криминогенные явления и детерминанты преступности.

Общее предупреждение преступности призвано оказывать воздействие на следующие явления и процессы общественной жизни (объекты):

– преступность, виды и группы преступлений;

[1] Кузнецов А.Н. Избранные лекции по криминологии / под ред. Г.В. Алексеева. Саратов, 2015. С. 319.
[2] Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. СПб., 2004. № 1. С. 5.
[3] Криминология: учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. М., 2001. С. 284-285.

– причины преступности, видов и групп преступлений;
– условия, способствующие либо облегчающие совершение преступлений;
– криминогенные группы населения;
– виктимогенные группы населения;
– правовое сознание населения;
– общественное мнение граждан.

Необходимо затронуть вопрос, связанный с субъектами общего предупреждения преступности. К ним относят общество и государство в целом, а также институты гражданского общества. Общее предупреждение преступности связано с целенаправленным воздействием субъектов этой деятельности на недостатки криминогенного характера в организации и управлении социальными общностями, государственными органами и общественными организациями[1].

Общесоциальная профилактика оказывает опосредованное влияние на преступность, и осуществляется субъектами, для которых функция предупреждения преступности не является главной или профессиональной. Данная профилактика проводится в жизнь с помощью государственных планов (программ) развития в вышеуказанных сферах жизнедеятельности государства и общества[2].

К основным функциям общей профилактики преступлений можно отнести следующие:

– изучение статистических материалов, характеризующих преступность, ее виды, группы преступлений;

– проведение специальных криминологических исследований с целью выявления особенностей и тенденций преступности, ее отдельных видов, их реального состояния, оценки уровня латентности;

– изучение влияния негативных проявлений общественно-политических, экономических, социальных, демографических и иных процессов различных исторических этапов развития общества на преступность с целью выявления криминогенных факторов, причин и условий, влияющих на формирование антиобщественных взглядов, криминальной мотивации отдельных слоев населения;

– изучение и обобщение сведений о причинах и условиях, способствующих негативным тенденциям преступности, о фактах ее проявления и реальном состоянии, о практике и опыте профилактической деятельности, содержащихся в материалах средств массовой информации, письмах и заявлениях граждан;

– планирование, программирование и осуществление мер, направленных на устранение, нейтрализацию либо ослабление действия выявленных причин и условий видов и групп преступлений, проведение мероприятий

[1] Шульга В.И. Криминология: Общая и Особенная части: конспект лекций. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. С. 48.
[2] Курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2010. С. 86-87.

по активизации деятельности субъектов предупреждения преступлений в наиболее значимых направлениях;

– проведение правовой пропаганды, использование иных форм воздействия на население с целью повышения его активности в противодействии преступным проявлениям, снижении криминальной пораженности отдельных его слоев и групп;

– криминологическая экспертиза проектов законодательных и нормативных актов в экономической, демографической, социальной и иных сферах;

– изучение и формирование объективного общественного мнения о криминологической обстановке и деятельности по предупреждению преступлений;

– контроль за реализацией мер общей профилактики преступлений;

– оценка эффективности общепрофилактической деятельности;

– выявление, обобщение и внедрение в практику форм и методов общепрофилактической деятельности, обеспечивающих ее совершенствование.

Общая профилактика преступлений включает в себя формы деятельности, направленные на такое управление социальными процессами, которое снижает возможность проявления предпосылок антиобщественного поведения. Суть заключается в том, что осуществление мер общей профилактики преследует цель мобилизовать членов общества на борьбу с теми явлениями социальной действительности, которые при определенных условиях создают возможность перехода индивидов на антиобщественные позиции.

Общее предупреждение преступлений может быть эффективным лишь тогда, когда оно сочетается с другими средствами предупредительного воздействия (масштабность, всеохватывающий и разносторонний характер, комплексность, взаимозависимость, непрерывность, радикальность) и комплексным воздействием.

§ 5. Индивидуальное предупреждение преступлений

Исследуя причинную цепочку преступного поведения, необходимо отметить личность преступника как основное и неотъемлемое звено, на которое направлено предупредительное воздействие.

Основная цель индивидуального предупреждения – позитивная коррекция личности, влекущая изменение ее поведения от антиобщественного к законопослушному.

Достижение этой цели требует решения ряда конкретных задач. К ним относятся:

– выявление лиц, чье поведение свидетельствует о реальной возможности совершения преступлений;

– изучение этих лиц и источников отрицательного воздействия на них;

– прогнозирование индивидуального поведения;

– планирование мер индивидуальной профилактики;

– позитивное корректирующее воздействие.

В теории криминологии индивидуальное предупреждение преступлений имеет разноплановые определения, например, всего воздействие на тех лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, и влияние на них социальной среды[1]; это деятельность государственных и образованных в соответствии с законом негосударственных органов, организаций и их представителей по выявлению лиц, от которых, судя по объективно установленным данным, можно ожидать совершения преступлений, и оказанию на них и окружающую их социальную микросреду позитивного корректирующего воздействия[2]; непосредственная воспитательная работа с конкретным лицом, когда его поведение свидетельствует о реальной возможности перехода на преступный путь[3]; выявление лиц, склонных к совершению преступлений, изучение их, оказание на них положительного воздействия с целью недопущения совершения преступлений[4]; деятельность государственных и негосударственных органов, организаций и их представителей по выявлению лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений, и оказанию на них и окружающую их социальную микросреду позитивного корректирующего воздействия[5].

Анализируя представленные определения, необходимо отметить, что в них выделяется непосредственный объект индивидуального предупреждения преступлений, к которому относят конкретных лиц и окружающую микросреду (условия, обстоятельства, ситуации, способствующие или обуславливающие совершение преступления). При более детальном рассмотрении объектов индивидуального предупреждения преступного поведения можно выделить:

– антиобщественное поведение лица, образ жизни, дающий основания полагать о возможности совершения им преступного поведения;

– криминологически значимые личностные характеристики, психофизические особенности человека, определяющие его поведение;

– непосредственные условия неблагоприятного формирования и жизнедеятельности личности (бытовое окружение, микросоциальных группах, в сферах труда, учебы, досуга и т.д.);

[1] Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 287-289.
[2] Васильчикова Н.В., Кухарук В.В. Криминология. Конспект лекций. М., 2009. С. 56.
[3] Криминология: учебник для вузов / под общей ред. В.Д. Малкова. – М.: Юрайт, 2017. С. 1123.
[4] Давыдов Я.В.. Криминология: конспект лекций. М., 2006. С. 44.
[5] Гоголева А. Я. Понятие профилактики и борьбы с преступностью // Молодой ученый. — 2014. №6.1. С. 3-7. URL https://moluch.ru/archive/65/10456/ (дата обращения: 14.09.2018).

– элементы неблагоприятной жизненной ситуации, которые объективно имеют криминогенный характер и существуют достаточно продолжительное время[1].

К субъектам индивидуальной профилактики относят сотрудников государственных правоохранительных органов, работников иных государственных органов и учреждений; родителей и лиц, их заменяющих; отдельных граждан.

Для обеспечения эффективности индивидуального предупреждения преступного поведения важно соблюдать следующие требования:

1. Своевременность. Несвоевременное выявление причин и условий совершения преступления, а также принятие мер воздействия к указанным лицам и их окружению представляется основой для формирования привычки и установок по отношению к антиобщественному поведению, значительно увеличивает вероятность совершения лицом преступного деяния.

2. Последовательность. Индивидуальное воздействие должно быть таким, чтобы его интенсивность последовательно нарастала или убывала в зависимости от результатов.

3. Реальность. Меры воздействия объективно должны соответствовать возможностям их реализации.

4. Законность. Индивидуальное предупреждение строится на базе строгого соблюдения законодательства, прав, свобод, законных интересов граждан, которые могут ограничиваться только в той мере, в какой это диктуется и допускается законом[2].

Индивидуальная профилактика осуществляется в следующих основных формах: воздействие на причины и условия (предписание прокурора, представление следователя, частное определение суда и т.д.); воздействие на личность конкретного правонарушителя (программы индивидуальной коррекции правонарушающего поведения).

При изучении рассматриваемой темы особое внимание уделяется мерам индивидуального предупреждения преступлений и административных правонарушений, направленных на устранение либо исправление криминологически значимых личностных характеристик, а также формирование устойчивых качеств личности, обеспечивающих неуклонное соблюдение социальных норм и правил общественной морали.

В теории криминологии выделяют следующие уровни индивидуальной профилактики преступлений:

- ранняя;
- непосредственная;

[1] Васильчикова Н.В., Кухарук В.В. Криминология. Конспект лекций. М., 2009. С. 58-59.
[2] Личность преступника и профилактика преступлений: монография / под. ред. Ю.М. Антоняна. М., 2016. С. 156-157.

- пенитенциарная;

- постпенитенциарная.

1. Характеризуя раннюю профилактику, необходимо отметить, что ее основная цель – это выявление источников антиобщественного влияния на личность и анализ поведения до/после их влияния. Перечень мер, направленных на раннюю индивидуальную профилактику, в большей части ориентирована на меры диагностики и коррекции:

- реализация учебно-воспитательных, психологических мероприятий, направленных на формирование в личности нравственных начал, уважения и признания прав и свобод других лиц;

- изучение условий формирования, развития личности, а также его ближайшего окружения, с возможностью нахождения лица, обладающего авторитетом и желающего выступать в роли «наставника»;

- осуществление профилактических и коррекционных бесед, направленных на последовательное развитие мотивационной сферы личности, а также ее дальнейший анализ;

- психиатрическое (психологическое) обследование в случае подозрения у лица наличия психического заболевания, а также проведение психотерапевтической и психокоррекционной работы;

- выявление и устранение антиобщественных привычек, потребностей, наклонностей, которые могут стать источником совершения как противоправных, так и преступных деяний[1].

2. Непосредственная профилактика применяется при констатации в поведении лица негативных составляющих (интересов, привычек и т.д.), дающих основание полагать, что они представляют основу мотивации совершения преступлений (правонарушений). Основная задача данного вида профилактики – сдерживание лица от дальнейшего совершения преступлений (правонарушений) и перехода на профессиональный преступный путь.

3. Профилактика на этапе преступного поведения (пенитенциарная, постпенитенциарная). Данный вид профилактики выражается в определении причин и условий процесса формирования криминализации личности, а также возможности совершения ею в ближайшее время преступлений (правонарушений), а также выработка мер по сдерживанию преступного поведения (разъяснение правовых последствий преступлений (правонару-

[1] Ануфрієв М.І, Венедиктов В.С., Негодченко О.В., Соболєв В.О, Шкарупа В.К. Соціологічно-правові аспекти зміцнення службової дисципліни в органах внутрішніх справ України. Дніпропетровськ, 2000. С. 85; Punch M. Rotten barrels: systemic origins of corruption // Strategieen voor corruptie-beheersing bij de politie / Ed. by Kolthoff E.W. Arnhem, 1994; HMIC. Police Integrity: Securing and maintaining public confidence: Report of Her Majesty's Inspectorate of Constabulary. London, 1999.

шений), демонстрация мер воздействия (совершение преступления влечет за собой применение юридических мер воздействия).

4. Профилактика рецидива. Меры индивидуальной профилактики рецидива делят на процессуальные, пенитенциарные и постпенитенциарные. Специфика данного профилактического направления связана с особенностями объекта воздействия – лица, осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, или вернувшиеся из исправительных учреждений. Задача данной профилактики идентична с предыдущим этапом и проводится в зависимости от характера поведения профилактируемого лица. Среди мер профилактики выделяют:

- проведение воспитательной работы, заключающейся в планомерной деятельности всех субъектов профилактики и способствующей достижению цели исправления и успешной социальной адаптации после отбытия наказания;

- постановка на профилактический учет в органах внутренних дел с последующим проведением индивидуальной профилактической работы лиц, склонных к совершению административных правонарушений и преступлений;

- осуществление административного надзора, основная цель которого – предупреждение совершения лицами, ранее судимыми, новых преступлений и правонарушений путем оказания на них индивидуального профилактического воздействия.

Применение индивидуальных профилактических и предупредительных мероприятий обоснованно при зарождающихся криминогенных качествах в личности и их проявлений, и направлены на недопустимость совершения лицом социально-негативных последствий такого поведения, т.е. работают на опережение.

В случае закрепления криминогенных элементов в сознании личности и желании совершения преступления (правонарушения) необходимо непосредственное предупредительное воздействие, направленное на недопущение реализации конкретным лицом замышленного или готовящегося уголовно наказуемого деяния, склонения к добровольному отказу от его совершения.

При осуществлении индивидуального предупредительного воздействия необходимо выделить основной процесс комплексного воздействия, реализуемого в несколько этапов:

1. Подготовительный – выявление и изучение лиц с антиобщественными установками и ориентациями, а также элементов микросреды, оказывающих на них отрицательное влияние.

2. Непосредственный – комплекс мероприятий по организации, планированию и непосредственному практически-преобразовательному воздействию на личность и окружающую ее среду.

3. Заключительный – анализ и проверка результатов проведенных профилактических мероприятий, намечаются новые цели и задачи по закреплению достигнутого.

При реализации мер, направленных на индивидуальное предупреждение преступного поведения, применяется система различных методов, обеспечивающих позитивную коррекцию личностных характеристик, социальной микросреды лица и процессов их взаимодействия. Выделяются следующие методы индивидуального предупредительного воздействия на личность: убеждение, оказание помощи, принуждение, разобщение и переориентация.

Метод убеждения – комплекс воспитательных, разъяснительных мероприятий, осуществляемых в целях изменения антиобщественной направленности личности и закрепления ее положительной социальной ориентации. К формам реализации метода убеждения относятся: индивидуальные и коллективные беседы, обсуждение поведения лица, установление над ним шефства, стимулирование участия в общественно полезной деятельности.

Метод оказания помощи – возможность устранения причин и условий совершения преступлений (правонарушений), в числе которых трудоустройство лица, организация досуга, получение документов (например, паспорта) и т.д.

Метод принуждения – реализуется путем применения различных мер воздействия, основная цель которого – недопущение совершения лицом, находящимся под контролем, противоправных действий.

Метод разобщения – проведение профилактики преступного поведения в неформальной группе (исключение или ограничение общения и совместная деятельность членов группы).

Метод переориентации – изменение содержания деятельности и общения участников группы при сохранении ее основного состава.

Методы разобщения и переориентации следует дополнить социальным контролем за деятельностью профилактируемых лиц, ранее входивших в преступную группу, чтобы не допустить возрождения преступной группы на новой основе.

При осуществлении индивидуального предупреждения преступлений (правонарушений) необходимо учитывать ряд особенностей:

1. Индивидуальные особенности лиц, в отношении которых осуществляется предупредительное воздействие, изучение которых дает возможность выработки действенной программы социального оздоровления личности.

2. Систематичность, комплексность, непрерывность и преемственность воспитательных мероприятий, сочетающих в себе методы убеждения, принуждения, целенаправленности, направленной на получение качественного результата (исправление личности, минимизация криминогенных значимых качеств).

Индивидуальное профилактическое воздействие может осуществляться в следующих формах: а) профилактическая беседа; б) объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; в) постановка лиц на профилактический учет; г) внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения; д) осуществление профилактического надзора; е) реализация мер социальной адаптации, ресоциализации и социальной реабилитации; ж) помощь лицам, пострадавшим от преступлений или подверженным риску стать таковыми и др.

§ 6. Оперативно-розыскное предупреждение преступлений

В настоящее время понятие «предупреждение преступлений органами внутренних дел» сформулировано в Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006г. №19.

В разделе «Общие положения» данной Инструкции оно определяется как «…деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказание профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением»[1].

Многие годы в научных кругах шла дискуссия о содержательном соотношении понятий «предотвращение», «предупреждение» и «профилактика» преступлений. Некоторые ученые предлагали использовать такие термины как взаимозаменяющие[2]. В то же время следует отметить, что в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в качестве задачи ОРД используется термин «предупреждение преступлений».

Лучше всего сущность оперативно-розыскного предупреждения преступлений отразил в своих работах В.М. Атмажитов. Он определял оперативно-розыскное предупреждение как «основанную на законах и подзаконных нормативных актах деятельность органов внутренних дел по применению оперативно-розыскных сил, средств и методов с целью недопущения возможных, замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также покушений на них»[3].

[1] п. 1 Приложения №1 к Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19.
[2] Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева. М.: Издательство МГУ, 1994. С. 156; Криминология: учебник / под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой и Г. М. Миньковского. М.: Юрид. лит., 1988. С. 161 и др.
[3] Основы оперативно-розыскной тактики: общая часть / под ред. В. М. Атмажитова. М., 1986, С. 208 – 232; Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: учбник / под ред. В. М. Атмажитова. М., 1991. С. 386 – 387.

Основной целью оперативно-розыскного предупреждения преступлений является *недопущение* преступления. Данные положения, хотя они были сформулированы еще в 80-х годах прошлого столетия, полностью согласуются с законодательством и вышеуказанной специальной Инструкцией о деятельности ОВД по предупреждению преступлений.

Фундаментальные положения, разработанные в теории ОРД и других отраслях научных знаний[1], позволяют говорить, что *сущность оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (оперативно-розыскное предупреждение преступлений) заключается в осуществлении комплекса оперативно-розыскных мер, основанных на нормативных правовых актах, путем использования имеющихся сил, средств, мероприятий, методов и форм в целях недопущения возможных, замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также покушений на них.*

Основные силы (субъекты) ОВД (на всех уровнях), участвующие в этой работе, с учетом их возможностей по оперативно-розыскному предупреждению преступлений нужно разделить на следующие группы:

1) сотрудники оперативных подразделений ОВД;

2) сотрудники других неоперативных подразделений ОВД;

3) лица, оказывающие содействие ОВД.

Организаторами деятельности в органах внутренних дел по оперативно-розыскному предупреждению преступлений являются руководители ОВД и их оперативных подразделений.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что в большинстве ОВД оперативно-розыскному предупреждению уделяется внимание, как правило, только при проведении специальных оперативно-профилактических мероприятий.

В тех случаях, когда идет речь о применении оперативно-розыскных мер исключительно в целях выявления причин и условий, способствующих совершению преступлений[2], их проведению должен предшествовать анализ руководителями ОВД всей имеющейся информации. Это дает возможность на плановой основе определить основные направления поиска данных, представляющих оперативный интерес в рассматриваемой сфере, принимать соответствующие решения, а также выделить необходимые силы и средства. Для этого необходимо организовать концентрацию всей информации, поступающей из различных оперативных и иных источников

[1] Существенный вклад в развитие основ деятельности по оперативно-розыскному предупреждению преступлений внесли Г. А. Аванесов, Ю. М. Антонян, В. М. Атмажитов, Ю. С. Блинов, Н.П. Водько, С. С. Галахов, К. К. Горяинов, Д. В. Гребельский, В. П. Козаченко, И. П., Кувалдин, В.Д Ларичев, А. Г. Лекарь, В. А. Лукашов, Б. Г. Морохин, В. Н. Омелин, Г. К. Синилов и др.

[2] Далее в качестве синонима «причин и условий, способствующих совершению преступления», применяется термин «обстоятельства, способствующие совершению преступлений».

по преступлениям у сотрудников оперативных подразделений, которые отвечают за борьбу с отдельными видами преступлений, в информационных банках оперативно-розыскной информации и специально создаваемых информационных массивах (например, в ИСОД МВД России).

Особую роль в концентрации необходимой информации и ее анализе в целях определения основных направлений поиска сведений об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, должны занимать дела оперативного учета. Такие дела имеются в ОВД различного уровня (федерального, межрегионального, регионального, районного). Кроме этого, изучению подлежат деятельность временных структур, созданных в целях борьбы с отдельными видами преступлений, уголовные дела, материалы контрольно-ревизионных проверок, рейдов, оперативных осмотров, а в ряде случаев материалы, связанные с правонарушениями и опубликованные в средствах массовой информации.

Значительный вклад в оперативно-розыскное предупреждение преступлений должны вносить и сотрудники других (неоперативных) подразделений. В процессе повседневной деятельности они общаются с большим количеством людей, посещают предприятия, учреждения, организации, квартиры граждан, что дает им возможность получить первичную информацию о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений.

Руководитель ОВД должен привлекать данные подразделения для проверки и дополнения сведений по оперативно-розыскному предупреждению, поступивших ранее из негласных и других источников. Эту работу необходимо осуществлять на основе четкого взаимодействия и координации деятельности всех подразделений ОВД.

Важное место в рассматриваемом предупреждении должны занимать лица, оказывающие содействие ОВД. Находясь в непосредственном контакте с правонарушителями и их связями, они получают информацию не только об обстоятельствах, которые способствуют достижению преступного результата, но и о замыслах конкретных лиц, искусственно создаваемых ими условиях, которые те намереваются использовать для совершения правонарушений.

Лица, оказывающие содействие, по своей инициативе или по поручению оперуполномоченных активно и непосредственно могут психологически воздействовать на окружающих лиц, влиять на изменение обстановки с целью затруднения противоправных действий преступников, способствовать предотвращению и пресечению преступлений. Существенная роль таким лицам должна отводиться в последующем контроле за эффективностью принятых мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению противоправных деяний.

Важная роль в недопущении указанных преступлений должна отводиться *общей профилактике* преступлений – выявлению и устранению обстоятельств, способствующих их совершению[1].

Проведенные исследования, а также изучение уголовных дел и дел оперативного учета показали, что основными обстоятельствами, способствующими совершению преступлений и затрудняющими оперативное выявление лиц, их совершающих, являются:

- рост цен;

- применение судами чрезмерно мягкого наказания в отношении лиц, занимающихся совершением преступлений, что в конечном итоге теряет свою профилактическую цель. Проведенное нами изучение правоприменительной практики свидетельствует, что многие преступники получают условные сроки наказания, а в некоторых случаях – небольшие штрафы;

- ненадлежащее исполнение служебных обязанностей работниками различных охранных организаций и несвоевременное сообщение о фактах выявленных правонарушений в органы внутренних дел;

- низкое качество системы учета товарно-материальных ценностей на предприятиях;

- несовершенство системы охранной сигнализации;

- низкое качество предпринимаемых гражданами мер по устранению факторов, способствующих совершению преступлений;

- появление новых способов совершения преступлений (с использованием интернет ресурсов, специальных технических средств и др.).

В целях общей профилактики преступлений на региональном уровне в последние годы создаются специальные межведомственные рабочие группы для выявления, пресечения отдельных видов преступлений[2], проводятся совещания с заинтересованными организациями на федеральном и региональном уровнях по исполнению поручений Президента и Правительства РФ[3], связанные с оперативно-розыскной профилактикой пра-

[1] Об этом говорится во многих работах ученых в сфере ОРД и криминалистики. См. например: Организация оперативно-розыскной деятельности (по линии уголовного розыска): учебник / под ред. проф. В. М. Атмажитова. М.: Академия управления МВД России, 2015. С. 72; Бобуа З. Б. Расследование и предупреждение краж, совершаемых в сфере промышленного производства (электронный ресурс): дис…. канд. юрид. наук: 12.00.09. М.: РГБ, 2003. (Из фондов Российской Государственной библиотеки) // http: // diss.rsl.ru /diss /03/0324/030324043.pdf – С114; Криминалистика: учебник / под ред. Р. С. Белкина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. С. 965.

[2] См., например, совместный приказ ГУМВД России Краснодарскому краю и следственного управления Следственного комитета России по Краснодарскому краю от 14.07.2015 г. № 69/1010 «О создании межведомственной рабочей группы по организации взаимодействия по выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с нарушениями законодательства в сфере ТЭК».

[3] Например, совещания по исполнению поручения Президента РФ от 18.05.2015 г. № Пр-981 и Председателя Правительства РФ от 28.05.2015 г. № ДМ-П13-3539 «О предотвращении на внутреннем рынке некачественного и контрафактного моторного топлива».

вонарушений. Кроме того по инициативе ОВД регионального уровня в отдельных регионах России проводятся координационные совещания по борьбе с преступлениями, где обсуждаются вопросы, связанные с принятием профилактических мер сотрудниками оперативных подразделений.

Руководителям ОВД необходимо организовать работу подчиненных по общей оперативно-розыскной профилактике преступлений, включающую следующие этапы:

1) выявление и накопление первичной информации о причинах и условиях, способствующих совершению преступлений;

2) проверка и дополнение первичных сведений о выявленных причинах и условиях, способствующих их совершению;

3) принятие в пределах компетенции оперативно-розыскных и иных мер в целях устранения обстоятельств, способствующих совершению данных преступлений. Направление информационных писем, представлений по их устранению в соответствующие организации;

4) осуществление оперативно-розыскного контроля за эффективностью применяемых мер по предупреждению правонарушений.

Успех *общепрофилактической работы* может быть обеспечен на всех упомянутых этапах путем использования всего комплекса сил, средств, методов и форм оперативно-розыскной деятельности, имеющихся в распоряжении ОВД.

Учитывая, что на работу в охранные предприятия и службы безопасности приходят не всегда подготовленные и проверенные люди, руководителям оперативных подразделений совместно с другими подразделениями ОВД необходимо разработать рекомендации по обеспечению безопасности данных объектов, организовать предварительную проверку лиц, которые претендуют на замещение материально ответственных должностей, а также на должности сотрудников служб безопасности. В этих целях предлагается разрабатывать методические рекомендации о действиях сотрудников ОВД и сотрудников охранных предприятий при обеспечении безопасности различных объектов.

Основной задачей этих рекомендаций должно являться повышение уровня теоретических знаний и практических навыков сотрудников оперативных подразделений, руководителей заинтересованных организаций и специалистов службы безопасности по своевременному обнаружению лиц, подготавливающих совершение преступлений, принятию к ним мер, предусмотренных нормативными правовыми актами.

В ходе предупреждения преступлений наряду с оценкой деятельности сотрудников полиции руководителям ОВД и их оперативных подразделений нужно инициировать проведение совместных с руководителями заинтересованных организаций совещаний по рассмотрению вопросов,

связанных с эффективностью работы служб безопасности, частных охранных предприятий (ЧОП), предлагать использование новых технологий по защите от преступных посягательств.

Можно говорить о том, что общепрофилактические меры, осуществляемые ОВД на объектах, представляющих оперативный интерес по предупреждению преступлений, должны предусматривать:

определение принципов и режимов оперативного обслуживания таких объектов на основе анализа оперативной обстановки (использование содействия граждан, оптимальное закрепление оперативных сотрудников за конкретными из них);

повышение эффективности использования средств сигнализации и связи;

межведомственные проверки организаций;

организацию руководителями ОВД проведения комплексных и целевых оперативно-профилактических операций по декриминализации отдельных направлений работы;

проведение совместных с заинтересованными организациями мероприятий по техническому укреплению мест сосредоточения материальных ценностей.

Основной причиной совершения преступлений является противоправная ориентация («установка») лиц, их совершающих, которая обусловливается их сознанием и условиями нравственного воспитания.

При осуществлении индивидуальной профилактики необходимо иметь сведения о лицах, которые в силу определенных обстоятельств могут совершить правонарушения (лица, ведущие «паразитический» образ жизни, ранее судимые, состоящие на специальном учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных и др.).

Побудительные механизмы всех корыстных преступников имеют общую основу – устойчивость корыстных побуждений[1]. В связи с этим руководителям ОВД и их оперативных подразделений необходимо организовать работу с учетом следующих *этапов индивидуальной профилактики* данных преступлений:

1) выявление и постановка на оперативный учет лиц, от которых в силу их антиобщественного поведения можно ожидать совершения правонарушений;

2) наблюдение за поведением поставленных на учет, осуществление комплекса оперативно-розыскных мероприятий и иных мер в отношении указанных лиц, направленных на то, чтобы не допустить с их стороны совершения преступлений;

3) анализ и оценка эффективности применяемых мер, при необходимости их корректировка;

[1] Еникеев М.И. Юридическая психология: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 75.

4) принятие решения о снятии с учета или дальнейшей, более тщательной проверке профилактируемых лиц.

Лица, судимые за тяжкие и особо тяжкие преступления; освобожденные из мест лишения свободы; находящиеся под административным надзором, на период его установления; условно осужденные и условно-досрочно освобожденные, должны браться на учет в рамках заведения дел оперативного учета в соответствии с действующими ведомственными нормативными правовыми актами. Иных лиц, представляющих оперативный интерес, необходимо также учитывать в специальных делах, заведенных в рамках борьбы с такими видами правонарушений.

К последней категории относятся, прежде всего: ранее судимые за подобные преступления; допускающие административные правонарушения, связанные с деятельностью объектов первоочередной заинтересованности; материально ответственные лица, у которых были выявлены недостачи или растраты товарно-материальных ценностей; иные лица, попадавшие в поле зрения охранных структур.

В процессе установления профилактического наблюдения необходимо выявлять все антиобщественные поступки, особенности личности и взглядов указанных лиц, влияние, оказываемое на них со стороны других граждан. В связи с этим нужно отметить возможности сотрудников ЭБиПК, которые в рамках своей компетенции имеют возможность выявлять факты нарушений в экономической сфере.

Руководители ОВД и оперативных подразделений в рамках индивидуальной профилактики после выявления указанных лиц должны организовать: проведение специальных бесед, направленных на недопущение совершения преступлений; получение письменных объяснений о совершенных правонарушениях; фотографирование и занесение в специальные информационные банки данных лиц, представляющих оперативный интерес; привлечение к административной ответственности при наличии оснований; создание условий по устранению негативного влияния отдельных граждан на профилактируемого, а также затрудняющих совершение ими преступлений.

Итоги работы сотрудников ОВД по общей и индивидуальной профилактике нужно ежеквартально обсуждать на оперативных совещаниях при руководителях территориальных ОВД.

Проводимые мероприятия по индивидуальному воздействию не всегда дают положительные результаты в силу стойкости антиобщественных взглядов, а также вредного влияния окружения. Поэтому существует необходимость выявлять преступные замыслы конкретных лиц по совершению правонарушений *(предотвращать замышляемые преступления)*.

Одной из важнейших задач предотвращения преступлений является выявление лиц, их замышляющих[1]. Нельзя отрицать общественную опасность лица, преступный умысел которого обнаружен. Возникновение и обнаружение умысла является начальной, исходной стадией развития преступления[2].

Лица, намеревающиеся совершить преступление, особенно впервые, нередко советуются с людьми, имеющими такой оный, ранее судимыми по данным преступлениям, о возможности его совершения на отдельных объектах.

Следует отметить, что важным источником получения такой информации являются результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий. Сведения о преступных замыслах могут содержаться в сообщениях лиц, оказывающих содействие, высказываниях отдельных граждан, излагаться в частных записях, интернет-переписке, социальных сетях. В то же время умысел на возможное совершение рассматриваемых преступлений если не выражается напрямую, то поступки человека, манера поведения, реакция на внешние обстоятельства обычно свидетельствуют об этом.

Особое внимание руководители ОВД, их оперативных подразделений должны уделять проблеме проверки рассматриваемых замыслов с точки зрения того, насколько они реальны. Необходимо осуществлять проверку путем сбора дополнительных сведений, сопоставления фактов обнаружения орудий преступления и других предметов, которые могут указывать на возможность совершения правонарушения.

Наряду с проведением спецбесед и других мероприятий в отношении лиц, замышляющих преступление, нужно использовать возможности психологического воздействия через лиц, оказывающих содействие.

Проведенные учеными в последние годы исследования позволили сгруппировать применяемые в ОВД меры по предупреждению преступлений в отношении профилактируемых по степени интенсивности их использования следующим образом.

Меры убеждения применялись в 20% случаях от числа всех проводимых оперативными сотрудниками мероприятий. Среди этих мер наибольшее значение имеют: проведение совместно с другими заинтересованными министерствами и ведомствами общепрофилактических мероприятий (на уровне города, района), убеждающих профилактируемых лиц и иных граждан в силе законов (рейды, комплексные проверки силами государственных организаций, контрольно-ревизионными подразделениями) – 60,2%; индивидуально-разъяснительная работа оперативного сотрудника

[1] Морохин Б. Г. Предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений: монография. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 7.

[2] Морохин Б. Г. Предотвращение преступлений органами внутренних дел (по материалам аппаратов уголовного розыска): дис. … канд. юрид. наук. М., 1964. С. 242, 246.

с лицами, на которых наложено административное или дисциплинарное взыскание – 14,6%.

Меры принуждения – в 80 % в общем количестве индивидуально – профилактических мероприятий. Среди них наибольшее значение имеют: привлечение лиц к гражданско-правовой, административно-правовой либо к дисциплинарной ответственности – 40,6 %; отстранение лиц от занимаемой должности либо недопущение к распоряжению денежными и материальными ценностями – 20,3 %[1].

Чем раньше выявлен преступный замысел, тем выше будет эффективность принимаемых ОВД мер. Так, если оно на основе такого замысла приступило к подысканию соучастников, пытается достать орудия для совершения преступлений, осуществить поиск и изучение объекта посягательства, возможно удержать такого человека от преступления и оказать на него воспитательное воздействие, не прибегая к карательным мерам.

Лица, приступившие уже к приготовлению преступлений, во многих случаях подыскивают сообщников, так как некоторые преступления совершить в одиночку довольно трудно, а в ряде случаев просто невозможно (например, при краже нефти путем врезки: кто-то должен держать шланг и следить за наполнением цистерны, а кто-то закрывать задвижку или кран на врезке, осуществлять другие действия). Кроме этого, приготовление к некоторым преступлениям включает в себя подыскание или приспособление орудий и средств его совершения, укрывателей, сбытчиков и других пособников.

Для оперативно-розыскного предупреждения преступлений важнейшее значение будет иметь анализ ранее совершенных подобных правонарушений. Заслуживает внимание в этом отношении мнение Д. В. Косова, который утверждает, что совершенное и выявленное преступление должно стать объектом определенного анализа с точки зрения криминалистической его характеристики, где отдельные, еще не полученные данные могут быть заменены версиями[2]. Такие версии будут относиться преимущественно к личности преступника, используемому орудию: его пол, возраст, профессия, физические данные, автотранспорт, приспособления

[1] Такие данные приводятся в исследовании работы оперативных подразделений ОВД по предупреждению отдельных преступлений. Например: Шишкин В.В. Особенности индивидуальной профилактики предотвращения преступлений подразделениями БЭП в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений на предприятиях нефтегазовой промышленности // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями: материалы научно-практической конференции, посвященной празднованию 70-летия подразделений экономической безопасности МВД России / под общ. ред. А. Г. Хабибуллина. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2008. С. 43-54.

[2] Косов Д.В. Криминалистические методы предотвращения рецидива преступлений // Российский следователь. 2007. №16. С. 6.

для совершения преступления и т.п. Они будут пополняться в процессе раскрытия правонарушения.

Получив информацию *о подготовке* к совершению преступления, нужно осуществить комплекс мероприятий, направленных на недопущение достижения преступного результата. Весь комплекс таких мероприятий следует разделить на две группы: создание условий, затрудняющих подготовку к реализации преступного замысла и индивидуальное воздействие с целью склонения лица к отказу от совершения преступления.

К созданию условий, затрудняющих подготовку реализации преступного замысла относятся следующие действия: выявление и устранение недостатков в охране объекта посягательства, его техническое укрепление путем проведения рабочих встреч с руководителями соответствующих юридических лиц; через лиц, оказывающих содействие, могут быть внесены изменения в конструкцию орудий преступления, без которых достижение преступного результата становится невозможным; проведение мероприятий по разобщению формирующихся преступных групп для совершения преступлений и др.

В тех случаях, когда имеются основания полагать, что в приготовительных действиях уже содержится состав преступления, требуется дать им юридическую оценку.

К индивидуальному воздействию на лиц, готовящих совершение преступлений, следует отнести меры по привлечению их к административной или уголовной ответственности (например, за приготовление или покушение к тяжкому или особо тяжкому преступлению).

Информация о противоправных действиях выявляется в процессе организации руководителями ОВД, их оперативных подразделений: проведения поисковой деятельности по выявлению лиц и фактов, представляющих оперативный интерес; ведения дел оперативного учета; организации оперативного наблюдения за лицами; применения, прежде всего, таких оперативно-розыскных мероприятий, как опрос, наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

В целях обнаружения и задержания лиц, покушающихся на преступления, сотрудники оперативных подразделений должны планировать применение личного сыска в местах и в часы наиболее вероятного их совершения; вносить предложения руководителям ОВД о расстановке постов и определении маршрутов патрулей ППС, ГИБДД с учетом таких обстоятельств.

Получив информацию о планируемом преступлении, необходимо выяснить: его место и время, характеристику объекта преступного посягательства; планируемый способ преступных действий; данные, характеризующие лиц, готовящихся его совершить.

Руководители территориальных ОВД, их оперативных подразделений, оперативных подразделений центрального аппарата МВД России должны организовать задержание правонарушителей скоординированными действиями всех задействованных сотрудников полиции. Последовательность действий при этом необходимо определять с учетом следующих факторов: наличия сведений о местах сбора и путях следования правонарушителей, объекте посягательства; характеристики личности преступников; наличия достаточных оснований для доказывания их вины, сил и средств для успешного задержания, документирования и доказывания преступной деятельности.

Для пресечения реализации преступных замыслов указанными руководителями должны приниматься меры по быстрому реагированию и использованию имеющихся в ОВД сил и средств на основе типовых планов действий при поступлении сигнала о начале преступления. Такие действия необходимо планировать совместно с заинтересованными в их недопущении организациями.

Важное место при предупреждении преступлений занимает проведение оперативно-профилактических мероприятий, когда все силы ОВД используются комплексно, осуществляется взаимодействие с другими государственными и частными организациями. В рамках проведения таких мероприятий руководители ОВД нацеливают личный состав на выявление причин и условий совершения преступлений путем организации проверок на контрольных постах полиции; совместно с частными охранными структурами изучается оперативная обстановка и проводятся совместные действия по выявлению обстоятельств, способствующих совершению конкретных преступлений.

В настоящее время необходимо разрабатывать и внедрять в практику меры предупреждения преступлений в зависимости от их характера, отдавать приоритет предупреждению перед количественными показателями раскрытия преступлений.

В процессе работы по предупреждению преступлений руководителям территориальных ОВД нужно обеспечить наиболее оптимальное сочетание оперативно-розыскных и иных мероприятий, определять ответственных за их проведение, а также контроль за их выполнением, что в конечном итоге позволяет достичь положительных результатов в решении задачи в данном направлении.

Занимаясь выявлением причин и условий, способствующих совершению преступлений, сотрудники оперативных подразделений должны учитывать недостатки в организации трудового и бытового устройства лиц, освобожденных из мест лишения свободы, уволенных работников, трудовых мигрантов, недочеты в организации быта и досуга молодых людей,

факты злоупотребления отдельных лиц должностными полномочиями. Своевременное выявление негативных обстоятельств дает возможность принять по ним необходимые меры для нейтрализации факторов, способствующих совершению преступлений.

Вопросы для самоконтроля:

1. Дайте определение следующих понятий: «предупреждение преступности», «профилактика противоправного поведения», «выявление и пресечение преступлений», «противодействие преступности».
2. Назовите объекты и субъекты предупреждения преступлений.
3. Перечислите основные нормативные правовые акты в сфере предупреждения преступлений.
4. Что относится к мерам общесоциального предупреждения преступлений?
5. Систематизируйте меры индивидуальной профилактики преступлений.
6. Что собой представляет оперативно-розыскное предупреждение преступлений?

Литература:

Антонян Ю.М. Криминология: учебник. - М.: Юрайт, 2018. – 388 с.

Лунеев В.В. Криминология: учебник. - М.: Юрайт, 2018. – 686 с.

Клейменов М.П. Криминология: учебник. - М.: Норма, Инфра-М, 2017. – 432 с.

Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология: учебник и практикум. - М.: Юрайт, 2018. – 277 с.

Криминология: учебное пособие / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. - СПб.: Питер, 2018. – 304 с.

Криминология: учебник / под общ. ред. В.И. Гладких. - М.: ЮСТИЦИЯ, 2017. – 422 с.

Шалагин А.Е. Актуальные направления профилактической деятельности органов внутренних дел на современном этапе // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. - № 2 – С.44-48.

Глава XI
ЗАРУБЕЖНАЯ КРИМИНОЛОГИЯ (ГЕНЕЗИС КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ)

§ 1. Криминологическая теория: понятие, типы, критерии оценки

Для многих людей, в том числе и студентов, курсантов, термин «теория» звучит нередко как абстрактная идея, имеющая весьма слабое и опосредованное отношение к реальной жизни. Очевидно, что не всем «грызущим гранит науки» с легкостью поддаются теории и абстрактное мышление в целом.

Большинство из нас в повседневной жизни, действительно, имеет дело с фактами. Факты – «упрямая вещь», они реальны и более понятны, чем любая теоретическая конструкция, которая, как считают скептики, нужна лишь для «умственной гимнастики». Социальных теорий много, и они, по их мнению, лишь гипотетически и отчасти определяют ту или иную модель реального поведения человека.

Теории преступного поведения – не исключение: для многих они малопонятны и трудно применимы на практике. Это, увы, распространенное, но весьма превратное представление о теориях в целом и криминологических теориях в частности. Ответ на вопрос, почему одни люди (их большинство) приспосабливаются, а другие (их меньшинство) отклоняются от уголовно-правовых норм, имеет не только умозрительный, но и в не меньшей мере практический смысл. Он является неотъемлемой частью любого проекта по осуществлению социализации и социального контроля. Отсюда создание и применение криминологических теорий, позволяющих лучше моделировать преступность, способствуют оптимизации механизмов социального контроля и практик правоприменения над ее различными проявлениями.

В мировой и отечественной криминологии накоплен громадный теоретический опыт по моделированию преступности. Эффективная теория помогает «расшифровать» казуальную сторону многих «трудных» для понимания делинквентных форм поведения и преступных карьер. Кроме того, теория создает предпосылки для понимания и объяснения природы новых, еще недостаточно изученных примеров преступного поведения и иных отклонений. Криминологические теории дают ответы на самые важные вопросы о природе преступного поведения. Главные среди них: «Почему одни люди нарушают уголовно-правовые нормы, а другие – нет?»; «Каким образом?»; «Почему одни люди, имея возможность, совершают преступления, а другие, с такими же возможностями, не преступают закон? Почему одни личности склонны выстраивать криминальную карьеру,

а другие, один раз оступившись, навсегда отказываются от криминальной перспективы?». Теоретическое знание позволяет понять, отчего существуют определенные различия в уровнях преступного поведения в разных социальных группах и общностях[1].

Существует много интерпретаций понятия «теория». Весьма убедительное определение теории было выдвинуто известным современным американским криминологом Доном Готтфредсоном. Готтфредсон считает, что «теории состоят из серии взаимосвязанных суждений, которые позволяют: описать, объяснить, предсказать события из определенного класса и, в конечном счете, управлять ими»[2]. Следовательно, можно сказать, что криминологическая теория – это набор упорядоченных и взаимосвязанных положений, позволяющих описать, объяснить, спрогнозировать характеристики и детерминанты феноменов преступности, которые необходимы для разработки мер противодействия.

Криминолог Кеннет Р.Ховер выделяет четыре основные способа использования теории в социальных науках:

• обеспечение образцами (patterns) для интерпретации эмпирических данных;

• связь одного исследования с другим;

• создание методологической рамки (frameworks), в пределах которой понятия и переменные приобретают специальное значение;

• качественная интерпретация полученных научных результатов.

Фактически любая линия поведения, ведущая к преступлению как самому социально опасному виду девиантности, может быть описана той или иной теорией преступности или группой теорий. Криминологические теории и эмпирические исследования преступности, проведенные в определенной методологической рамке, создают основу для описания казуальных моделей ее детерминации, процессов конструирования/деконструирования некоторых видов делинквентности, а также обоснования способов социального контроля, в рамках которых государство и общество реагируют на факты криминального поведения. Таким образом, теоретическое знание в вопросах понимания и объяснения преступности актуально не только для ученых, но и для всех тех, кто участвует в работе институтов формального (полиция, судебная и пенитенциарная система) и неформального (семья, религия, система образования, масс-медиа, community) социального контроля.

[1] Например, с точки зрения гендерных различий, мужчины значительно чаще, чем женщины, становятся участниками криминальных актов. В полиэтнических и поликультурных обществах уровень преступности заметно выше, чем в обществах этнически однородных с одной доминирующей культурой. В Японии, как известно, уровень преступности существенно ниже в удельных показателях, чем в США и наиболее развитых европейских странах.

[2] Schmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey.,1999. P.110.

Криминологических теорий много. Они различаются по разным основаниям. Теории преступности можно разделять по *временному* критерию: ранние (теория атавизма, психопатическая теория, теория аномии Э.Дюркгейма), поздние (бионейропсихология, биопсихологическая теория криминальности, теория аномии/напряжения Р.Мертона). В классификациях в качестве основания иногда используют *методологический* критерий (метафизические, позитивистские, непозитивиские теории). Типологизация теорий преступности может опираться на *парадигмальный* критерий. Так, собственно социологические теории преступности можно отнести к органико-структурно-функционалистским, конфликтно-радикальным, социально-бихевиористско-психологическим. Криминолог-неопозитивист Рональд Айкерс, опираясь на подобный критерий, предлагает различать теории преступности структурные (теория дифференциальной ассоциации, теория фрустрации статуса) и процессуальные (теория «драматизации зла», теория реинтегративного стыда). Структурные теории показывают, что соотношение преступлений среди групп, общностей и классов определяется изменениями в социально-культурной структуре общества. Процессуальные теории утверждают, что люди совершают преступления, потому что они имеют определенный прошлый опыт делинквентности, пережили определенные события и приобрели специфические личные качества и реакции на те или иные криминальные ситуации.

Ален Лиска в рамках неопозитивизма, обобщая опыт теоретического синтеза в 1980-е годы, выделяет концептуальную и пропозициональную интеграцию в теоретической криминологии. Криминолог-постмодернист Грег Барак в своих ранних работах рассматривает уже три уровня группировки позитивистских интегративных теорий: микромодели (микросоциальные процессы), макромодели (макросоциальные структуры), микро-макро или смешанные модели[1]. Современные криминологи-постмодернисты выделяют на парадигмальном основании эмпирически обоснованные позитивистские (модернистские) и постэмпирические (постмодернистские) теории преступности.

В ряде новейших критических работ постмодернистов широко используется выделение не одной теории, а группы относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского анализа преступности. Среди них: конститутивная, феминистская, критическая, культуральная, реалистическая, топологическая, анархическая, интегративная криминологии. В первом десятилетии нового века в работах Г. Барака интегративные криминологические теории (теоретические

[1] Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon,1998. P.193-199.

перспективы) подразделяются на модернистские, постмодернистские и гибридные (смешанные) – пост-постмодернистские[1].

Весьма распространенной, ставшей классической для учебных работ является типологизация теорий преступности, которая позволяет интегрировать некоторые из перечисленных выше подходов на основе *междисциплинарного* критерия. В зарубежных и отечественных источниках таким принято считать подход, основанный на выделении антропо-биологических, психологических и собственно социологических теорий преступного поведения.

В антропо-биологических теориях объяснительные модели преступного поведения выстраиваются в рамках доминирования антропологических, биологических, биохимических и генетических факторов.

В психологических теориях детерминация преступности описывается психологическими переменными, связанными с психологическими травмами, нейропсихологическим дисфункциями, комплексами неполноценности, стадиями психосексуального развития личности, фрустрацией, агрессивными побуждениями или эффектами социального научения. Причем современные теории, созданные в рамках антропоцентризма, не исключают вторичного влияния социокультурных и иных структурных факторов на генезис девиантного поведения.

Социологические теории преступности рассматривают природу преступности полипарадигмально с учетом анализа структурного (структурно-функционального, социокультурного, конфликтологического), процессуального (интеракционистского, феноменологического, конструкционистского), модернистского, постмодернистского контекстов. В постмодернистской криминологии преступность определяется контекстуально и как поведенческая практика, и как рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях.

Разделение теоретического наследия в мировой криминологии на антропо-биологические, психологические и собственно социологические теории достаточно условно, поскольку многие категории в анализе природы преступного поведения коррелируют и дополняют друг друга. Например, понятия структуры и процесса взаимозависимы и частично совпадают, между биологией и психологией в природе девиантного поведения человека также немало общего. Социальный контроль трудно отделить от преступности – это дополняющие друг друга категории, поскольку чрез-

[1] Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage,2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak integrative htm; Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.

мерное давление негативных уголовно-правовых санкций нередко порождает стигматизацию девианта и, как следствие, рецидивизм и криминальную карьеру. Биологические корреляты, как правило, рассматриваются с учетом социальных и психологических переменных.

Основные критерии оценки теории. Наибольшее число криминологических теорий создано в рамках позитивизма и неопозитивизма. В настоящее время с ростом поликонцептуальности, полипарадигмальности и методологического плюрализма в теоретическом соревновании переосмысливаются старые и выдвигаются новые критерии оценки теории.

Многообразие подходов и теоретических конструкций провоцирует научные дискуссии. Положения некоторых из них подвергаются критике, поскольку носят достаточно противоречивый и не вполне обоснованный характер. Ряд теорий критикуют за субъективизм, идеологизацию в оценке факторов преступности или низкую практическую ценность подхода.

Разумеется, важно, чтобы теория была ценностно нейтральной. Вместе с тем ряд из них несет существенную идеологическую нагрузку. Так, в неомарксистских теориях конфликта, радикальной криминологии этот контекст очевиден, поскольку он обусловлен идеологической критикой капитализма.

В оценке теории следует избегать ориентации на авторитетное, субъективное мнение, идеологические или личные пристрастия. При этом возникает закономерный вопрос: «Как оценить, как выяснить, какая теория наиболее адекватно моделирует природу делинквентности и ее детерминанты?».

Криминологическая, как, впрочем, и любая другая теория, должна оцениваться только по научным критериям. Ключевым из них, следуя позитивистской логике, является критерий эмпирической обоснованности. Он позволяет оценить теорию (подтвердить или опровергнуть ее) тщательно собранными фактами из опыта, практики. Кроме того, теория должна соответствовать критериям логической последовательности и непротиворечивости, доказуемости, области применения, практической пользы. Рассмотрим их более детально.

Критерий эмпирической обоснованности. Это наиболее важный оценочный критерий теории. Он означает, что теория верна, если ее положения подтверждаются на практике. Впрочем, абсолютно верных теорий в социальных науках нет и быть не может, поскольку знание – категория релятивная. Поэтому ключевым является ответ на вопрос о том, в какой степени теория эмпирически обоснована, обеспечивают ли собранные эмпирические факты ее слабую или сильную поддержку, как сопоставляется эмпирическая обоснованность данной теории и других теорий преступности.

В качестве примера рассмотрим обоснованность теории устрашения, на которую ориентируются многие практики в сфере отечественного правопри-

менения (классический подход). В соответствии с постулатами этой теории преступники не должны совершать рецидив после освобождения из мест лишения свободы, если они были подвержены суровой уголовной репрессии. Однако рецидивная преступность в России, по оценкам Я.И. Гилинского, в постсоветский период составляет 20-28%[1]. По данным МВД России, при общем снижении объема преступности количество рецидивных преступлений в 2010 году возросло на 40%. В итоге каждое третье преступление совершено лицами, имеющими судимость[2]. Таким образом, тюремное заключение, как мера наказания, позитивно корректирует поведение лишь некоторой части делинквентов. Следовательно, теория устрашения недостаточно обоснована опытом.

Эмпирическая обоснованность не означает, что теория должна однозначно определять переменные, которые всегда вызывают совершение криминального действия. Как известно, традиционное линейное понимание причинности предполагает, что фактор X должен производить эффект Y. Иначе говоря, фактор X должен быть и «необходимым», и «достаточным» условием одновременно, чтобы вызвать поведение Y. Однако ни одна теория преступного поведения не может гарантировать набор объяснительных переменных, которые выступают одновременно и необходимыми, и достаточными условиями детерминации делинквентности.

Для оценки эмпирической обоснованности криминологических теорий современные исследователи исходят из вероятностного нелинейного понимания причинности, в соответствии с которым присутствие фактора X делает наступление криминального события Y более вероятным. Иными словами, вариации в преступном поведении определенным образом соотносятся с вариациями в объяснительных переменных, определенных теорией. Комплекс переменных теоретической модели лишь с некоторой (большей или меньшей) вероятностью предопределяет криминальность как результирующую функцию. Причем чем сильнее взаимосвязь исходных переменных и преступного поведения, тем больше эмпирическая обоснованность теории.

Интерпретируя взаимосвязь между исходными переменными и функцией как причинную в вероятностном значении, необходимо оценить ее направленность, поскольку при наличии обратных связей независимые и зависимые переменные могут меняться местами. Например, теория может постулировать, что трудный подросток вовлечен в делинквентное поведение в результате связей и дружбы с представителями местной молодежной

[1] Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений», 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.С.435.

[2] Петров И. В России резко выросло количество рецидивных преступлений// RBCDAILY от 30.03.2011 url: http://www.rbcdaily.ru/2011/03/30/focus/562949979958708.

преступной группы. Ассоциация между преступным поведением одного человека и делинквентностью группы его друзей может служить доказательством в поддержку теории. Однако может существовать и обратная связь. Индивид сам встает на путь преступлений и затем ищет себе молодых союзников по преступному ремеслу. Следовательно, результирующая делинквентность подростка может быть одновременно и зависимой, и независимой переменной, как результат его предыдущего преступного опыта.

Таким образом, вероятностное понимание причинности в криминологии позволяет считать, что различные факторы (генетические, психологические, структурные, социокультурные) лишь влияют и ограничивают действия девианта. При этом они оставляют ему место для индивидуального выбора преступного или иного отклоняющегося поведения, который в итоге не может быть однозначно предсказан.

Логическая последовательность и непротиворечивость. Одной из важнейших характеристик научной теории является безусловное соответствие ее положений универсальным требованиям логики: четко определенные понятия, логически выстроенные суждения, непротиворечивые и последовательные положения и выводы. Так, например, если теория утверждает, что преступники биологически неполноценны, и это объясняет их отклоняющееся поведение, то она не может опираться на утверждение, что социализация личности в семье является основой делинквентности.

Доказуемость. Научная теория должна быть доказана объективными и стабильными фактами, свидетельствами. Если теория не может быть проверена эмпирическим путем, то она не имеет научной ценности. Доказуемость теории – это степень, по которой она может быть подтверждена или опровергнута соответствующими эмпирическими данными. Она должна быть открыта для эмпирической проверки, для конкуренции, для анализа свидетельств, которые подтверждают или опровергают ее гипотезы.

Впрочем, теория преступности может быть и недоказуема, если ее положения содержат тавтологию. Утверждение тавтологично, если является истинным по определению или создает замкнутый круг рассуждений. Например, тавтологией является следующее суждение. Автор теории определяет слабое самообладание как неспособность воздержаться от преступления, а затем выдвигает гипотезу, в соответствии с которой слабое самообладание есть причина нарушения закона.

Теория может быть недоказуема, если суждения настолько несовершенны, что любое спорное эмпирическое свидетельство может быть интерпретировано или переинтерпретировано за или против теории. Теория также может быть недоказуема, если ее понятия не имеют отношения к измеряемым на практике

фактам и событиям. Даже нетавтологичная теория не может быть доказана, если невозможно найти фактологию, которая объективно соответствовала бы используемым в ней понятиям. Например, гипотеза утверждает, что люди совершают преступления потому, что они подвержены влиянию козней неких незримых злых духов. При этом нет фактов, способных подтвердить, есть ли эти злые силы на самом деле в природе или нет, ответственны они за преступление или нет. В этом случае теорию доказать невозможно.

Область применения. Теория преступности может иметь весьма ограниченную или достаточно широкую сферу применения. Например, теория, описывающая феноменологию высокотехнологичных преступлений хакеров и фрикеров, достаточно хорошо обоснована, но ограничена сферой преступности. При этом в области преступности «синих воротничков» она может быть совершенно непригодной. Лучшей считается та теория, которая моделирует наиболее широкий набор деликтов. Если объяснительная модель описывает большое число преступлений с помощью нескольких кратких, но емких положений, то она является более предпочтительной, чем та, которая выдвигает много концептов и суждений, но они «работают» лишь относительно небольшого числа деликтов.

Практическая польза. Ценность криминологической теории может быть оценена ее пользой в совершенствовании и обеспечении формального и неформального социального контроля над преступным поведением. Чем качественнее теория объясняет природу преступности, тем лучше на ее основе можно разработать меры и пути разрешения этой сложной социальной проблемы.

Все известные теории преступности выдвигают положения, которые используются в практике правоприменения и социального контроля. Выбор ориентиров в уголовной политике и рекомендации законодателям для внесения изменений в УК, другие законодательные акты должны быть основаны на эффективной криминологической теории. В таком случае и практика правоприменения будут иметь добротное научное обоснование. В этом и состоит истинная ценность и практическая польза криминологических теорий.

Первые десятилетия XXI века, продолжая эпоху постмодерна, открывают новые образы «ультрасовременного капитализма», который формирует новые формы преступности и «новый мировой порядок». В глобальном мире увеличивается армия «исключенных» из социальных перспектив, а значит, усиливается социальное неравенство и растет социальная база для всех проявлений преступности и негативной девиантности. Криминализация и девиантизация социума, как и социальное доминирование, базируется уже не только на эксплуатации человеческого труда и социальном неравенстве, но и на технологических нововведениях: управление и манипуляции людьми

средствами high-tech приобретают все более скрытый и целенаправленный характер. В новых механизмах создания преступности, а также социального контроля над ее проявлениями все более значительную роль играют Интернет, электронные масс медиа, новые технологии, изменения в культуре «большого общества» и его субкультурах. На криминальное поведение оказывают взаимосвязанное влияние многочисленные структурные, процессуальные переменные, технологические и культурные детерминанты, а также факторы интерсубъективности, пересекающиеся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей.

Различные проявления преступности в области семейного, гендерного насилия, социального неблагополучия в среде молодежи и несовершеннолетних, в контексте религиозных и межэтнических отношений, в сфере экономики, политики и управления, в киберпространстве требуют новых подходов к их осмыслению, а также освоения «старых» и новых криминологических знаний, необходимых для совершенствования системы социального контроля. Новая криминальная реальность XXI века, несомненно, стимулирует интерес к изучению криминологической теории.

Современная наука о преступности широко опирается на правовые, социологические, психологические, биологические знания и достижения других наук об обществе и человеке. Однако фундаментальные социоцентрические работы зарубежных ученых еще весьма скромно представлены в русскоязычных переводах и учебных изданиях. Студентам и преподавателям доступны, пожалуй, лишь коллективный учебник «Криминология» под редакцией Дж.Ф. Шели (2003), а также книга Р. Блэкборна «Психология криминального поведения» (2004).

Определенный опыт систематизации классических позитивистских, непозитивистских, критических, в том числе постмодернистских криминологических теорий, созданных зарубежными и отечественными исследователями, накоплен российскими криминологами и социологами (А.И. Долгова, С.М. Иншаков, Я.И. Гилинский, Д.А. Шестаков, А.Л. Салагаев, А.Л. Сморгунова, В.А. Бачинин, Т.В. Шипунова, Ю.Ю. Комлев и другие). Тем не менее, сложившаяся гносеологическая ситуация вызывает необходимость еще раз «разобраться» с темой генезиса структурированных криминологических знаний как в форме классических, позитивистских, так и непозитивистских теорий и относительно новых интегративных концепций в виде теоретических перспектив, сформированных на пути, пролегающем от эпохи модерн к постмодерну в мировой науке о преступности.

Обзор интегративных криминологических теорий, представленный в данной главе, является отличительной особенностью учебного текста. Он составлен по данным качественного контент-анализа авторских переводов

ряда фундаментальных зарубежных криминологических работ, выполненных впервые[1]. Более детально тот или иной аспект теорий преступности и сами теории представлены в ряде научных изданий, не всегда доступных тем, кто интересуется и изучает криминологию в юридических вузах МВД России[2].

§ 2. Позитивистская парадигма в криминологии

Становление криминологической теории, как известно, связывают с выходом в 1761 году книги Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», в которой излагаются ставшие классическими взгляды на преступность как результат рационального выбора девианта, Беккариа первым дал сокрушительную оценку современной ему итальянской юстиции, особенно тех судей, которые накладывали произвольные и чрезмерные наказания на подсудимых. Цель наказания, по мысли гуманиста, должна состоять не в жестокости мести, а в сдерживании, предупреждении преступного поведения. Он полагал в духе времени, что люди оценивают свои поступки рационально, осознавая боль и похвалу. Согласно Беккариа, сама боязнь неотвратимости наказания заставит людей вести законопослушный образ жизни. При этом он требовал, чтобы мера наказания в большей степени исходила из того вреда, которое преступное деяние причиняет обществу, а не потерпевшему.

Под влиянием идей Просвещения Ч. Бекариа, И. Бентам, Д. Говард, П. Фейербах и другие правоведы-теоретики привнесли в криминологическую теорию и юридическую практику идеи приоритета превенции преступлений над жестокостью репрессии, неотвратимости наказания и его гуманизации. Однако умозрительный, метафизический подход классиков определенно ограничивал эвристический потенциал классической криминологии в объяснении преступного поведения. Тем не менее, принципиальные положения классиков в различных вариациях нашли отражение и составляют основу современного уголовного законодательства многих стран мира. Так, неоклассицизм в форме концепции сдерживания преступности угрозой и примером

[1] See: Akers R. Criminological Theories. Los Angeles,1997; Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y-L.: Garland Publishing,Inc.,1997; Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking. 3-rd ed. Oxford University Press,1998; Schmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey, 1999; Barak G.Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998; Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefeld Publishers Inc., 2009.

[2] Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд.дом АЛЕФ-ПРЕСС,2014; Современная девиантология: методология, теория, практика: монография / под редакцией Ю.А. Клейберга и Kwati S. Darty. London: UK Academy of Education,2016; Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2016; Комлев Ю.Ю. Генезис зарубежных теорий преступности: от позитивистских моделей к пост-постмодернистскому синтезу криминологических знаний // Криминология: вчера, сегодня завтра. 2017. №1. – С.53-61.

уголовного наказания получил развитие в США и других англоязычных странах в 60-70-е годы XX века в рамках направлений социального контроля по моделям «закон и порядок», «защита индивидуальных прав»[1].

Позитивистская криминология. Начиная со второй половины XIX и в течение всего XX века, в эпоху модерна активно развивается позитивистская, а затем и неопозитивистская парадигма в криминологии. Исследователи-позитивисты в поисках объективного, надежного знания о преступности в отличие от классической школы опираются на принципы эмпиризма (*наглядность, объективность, доказательность, проверяемость, причинность, ценностная нейтральность, практическая польза*). В качестве фундамента научного знания они считают поверяемый нейтральный опыт, а познавательно ценной формой знания о преступности – ее эмпирическое описание.

В эпоху модерна создаются многочисленные позитивистские теории преступности, формируются предпосылки для конкуренции научных школ и направлений в криминологии.

На основе биологического позитивизма и индивидоцентризма со второй половины XIX века до 60-х годов XX усилиями итальянской, британской и американской антропологических школ (Ч. Ломброзо, Р. Гарофало, Э.Ферри, Ч. Горинг, Э. Хутен, Э. Кречмер, У. Шелдон, Ш. Глюк, Э. Глюк, Й. Ланге, Ф. Штумпфль, У. Шелдон, П. Джейкобс и другие) формируется *антропо-биологическое направление в криминологии*. В этот период проводится множество статистических наблюдений, совершенствуется инструментарий эмпирических исследований преступного поведения.

Современные биокриминологические, социобиологические теории, генетические объяснения преступного поведения далеко превосходят ранние антропобиологические теории преступности. Это работы существенно большей теоретической сложности и методологической чистоты. Акцент в биокриминологических исследованиях преступного поведения все больше смещается в сторону обстоятельного изучения генов, мозга, центральной и автономной нервных систем, гормонального баланса, метаболизма, физиологических и биологических процессов в организме человека.

Более поздние, созданные на рубеже XXI века биокриминологические теории (теория делинквентности С. Медника, теория возбуждения Л. Эллиса, гармональная теория Д. Ольвеуса, теория «дефектного гена», нейропсихологическая модель мужской делинквентности Т. Моффитт, социобиология Э. Уилсона и другие) еще больше внимания уделяют оценке роли генетических факторов, нейрохимических, неврологических, гормональных и других

[1] Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.26.

процессов в мозге человека, а также взаимодействию этих факторов-условий с внешними социально-средовыми и индивидуальными переменными[1]. Они указывают на относительный и более сложный, нелинейный характер генетических и иных биологических детерминант делинквентности.

Вокруг новых биосоциальных и генетических теорий делинквентности все еще много споров относительно их эмпирической обоснованности, использования выборочных совокупностей и статистических процедур. К настоящему времени биологические объяснения преступности все еще имеют недостаточную эмпирическую поддержку. В основном теории генетиков дают описание факторов мужской агрессивности и насильственного поведения. При этом преступления «белых воротничков», киберпреступления не находят объяснения в рамках генетических теорий. Большинство современных биокриминологов утверждают, что они взяли курс на изучение криминального поведения в комплексе как результата взаимодействия биологических начал человека с индивидуальными факторами и социальной средой его окружения.

Основной постулат биокриминологии XXI века гласит, что преступное поведение может быть вызвано генетическими и другими биологическими факторами, но их потенциальные возможности имеют различную вероятность фактической реализации в зависимости от социальной среды. Тем самым биологические детерминанты преступного поведения не рассматриваются в современной науке о преступности как константы. Наследственные признаки лишь определяют путь, ориентацию, по которым индивид девиантно отвечает на факторы социальной среды. Словом, биология человека – это первая ступень в причинном анализе преступного поведения, который невозможен без учета влияния психологических и социологических переменных.

Психологию криминального поведения в рамках биологического позитивизма развивают теоретические работы: Х. Клекли, З. Фрейда, К. Лоренса, Э. Эриксона, Э. Фромма, Д. Долларда, Р. Волтерса, С. Хэллека, Дж. Уотсона, А. Бандуры, Г. Айзенка и других. Ранние психиатрические подходы (психопатическая теория Х. Клекли) концентрируются на том, что психопат не чувствует вину или позор, не может учиться на опыте, эгоистичен, импульсивен, несдержан, и если его подвергнуть нервному расстройству, то он становится агрессивным, совершает преступление, поскольку не в состоянии контролировать свои побуждения и поступки.

Фрейдистские объяснения преступного поведения, как известно, сосредоточены на проблемах психосексуального формирования личности, начиная с раннего детства. Как в юности, так и зрелом возрасте, неврозы, психозы, агрессия и

[1] Более подробно см.: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд.дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014.

криминальное поведение проистекают, по существу, от одних и тех же иррациональных импульсов. Подавляемая вина, чувства безнадежности или беспомощности, конфликт продолжают быть «истинными» психологическими причинами криминальных деликтов. Преступное поведение интерпретируется психоаналитиками как результат кризиса идентичности (Э. Эриксон) или злокачественной агрессии, возникшей по теории деструктивности Э. Фромма при взаимодействии социальных условий и экзистенциональных потребностей человека.

В целом теоретики психологии криминального поведения концентрируются на изучении проблем в психике человека (агрессия, комплексы неполноценности, сбои психосексуального развития, фрустрация, психотравмы, нейропсихологические дисфункции), на эффектах подражания и социального научения. С помощью психологических теорий удается во многом понять поведение социопатов, маньяков, серийных сексуальных насильников и убийц, антисоциальных личностей. Большинство отечественных и зарубежных исследователей признают, что психологические особенности личности и мотивы ее поступков оказывают существенное влияние на преступность и другие проявления негативной девиантности. Тем не менее, нельзя исчерпывающе объяснить сущность преступного поведения только с помощью психологических теорий.

Психологические знания находят широкое применение в теории профессионального преступного типа и преступного подражания Г. Тарда, в теории нейтрализации Г. Сайкса и Д. Матзы, а бихевиоризм и теория социального научения А. Бандуры значительное влияние оказывают на работы Э. Сатерленда (теория дифференциальной ассоциации) и Р. Айкерса (теория социального научения).

Социологический позитивизм в криминологии бурно развивается после выхода в свет фундаментальных работ О. Конта, А. Кетле, К. Маркса, Г. Спенсера. Вторая половина XIX века знаменательна появлением ранних социоцентрических теорий криминального поведения позитивистов А. Кетле, В. Бонгера, Г. Тарда и Э. Дюркгейма. Так, Адольф Кетле, опираясь на социологический позитивизм и статистический метод, доказывает, что преступность – объективное и закономерное социальное явление. Карл Маркс, оперируя открытиями Кетле, а затем Ф. Энгельс и В. Бонгер рассматривают преступность с идеологических позиций как объективное и закономерное социальное явление — форму социального протеста угнетенных масс, которое имеет классовый, исторически преходящий характер.

Выдающийся вклад в развитие криминологической науки вносит Эмиль Дюркгейм – создатель *теории аномии*. Занимаясь поиском интегрирующих начал социальной жизни, Дюркгейм приходит к объективистскому пониманию общества как социальной системы sui generis, состоящей

из социальных фактов, продуктом которой выступает отдельный человек с его как нормативным, так и криминальным поведением.

Под аномией Дюркгейм понимает такое состояние социума, при котором отсутствует четкая непротиворечивая регуляция поведения индивидов и образуется нормативный вакуум, когда старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились[1]. По мысли Дюркгейма, аномия – результат стремительных социальных изменений. В аномийном обществе наблюдается нарушение «коллективного порядка», происходит всплеск преступности, суицидов и других проявлений девиантности. Дюркгейм доказывает, что уровень преступлений значительно ниже в обществах, где наблюдается социальная солидарность и сплоченность.

Функционалист Э. Дюркгейм, развивая взгляды А. Кетле и А. Герри, позитивистски обосновывает парадоксальный, на первый взгляд, тезис о том, что преступность функциональна, что это – нормальная особенность общественной жизни: «Нет никакого другого феномена, который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления»[2]. Дюркгейм «нормализует» преступность, рассматривая ее как объективное, функциональное, закономерное, нормальное социальное явление.

Ценность теоретического наследия Э. Дюркгейма состоит в том, что оно позволило криминологам осознать утопичность представлений о полном искоренении преступности и других проявлений девиантности. Его последователи в уголовно-правовой и криминологической науке, в практике правоприменения ставят реалистичные задачи по изучению и осуществлению эффективного социального контроля над преступностью, развитию его форм, совершенствованию уголовного законодательства с несомненным приоритетом мер социально-правовой превенции над репрессией.

В XX веке криминологи-позитивисты трактуют преступность в объективистской традиции Дюркгейма, занимаясь поиском ее социальных, экономических, культурных, антропологических, психологических детерминант. Дюркгеймовское понимание преступности фактически предопределило модель социального контроля в Западном мире, нацеленного не на борьбу, а на противодействие преступности (социальный контроль) с целью снижения ее масштабов и угроз до социально приемлемого уровня.

Позитивизм и договорная теория, в соответствии с которой закон выражает общественный консенсус относительно базовых ценностей общества определяют развитие криминологии как науки в ходе всего XX века – эпохи модерн. Основы теории договора были разработаны с начала

[1] Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер.с франц. М.:Мысль,1994. С.16.
[2] Дюркгейм Э. Норма и патология // Рубеж: Альманах социальных исследований.1992. № 2. С.82.

двадцатого столетия Э. Дюркгеймом, У. Самнером, Э. Россом, М. Вебером. Договорную, или согласительную, модель закона в США детализировали социологи права Р. Михаловски и Р. Паунд[1].

В советской стране, где культивировалось «единственно верное учение», сложилось классовое понимание преступности, которое опиралось на догматизированный марксизм. Борьба с преступностью как «родимым пятном капитализма» предполагала ее окончательное искоренение по мере построения эгалитарного общества. Идеологизированные трактовки преступности как формы социального протеста угнетенных масс, которая имеет классовый, исторически преходящий характер, сыграли роковую роль в организации и оценке работы отечественной правоохранительной системы. Поскольку искоренить преступность не удавалось, то на практике происходила статистическая симуляция успехов в борьбе с преступностью (искусственный рост раскрываемости, снижение уровня преступности), что породило пресловутую «палочную систему», полностью отказаться от рецидивов которой не удается и в современной России.

Большую часть XX века в рамках позитивистской науки на основе объективного знания, верифицированного опытом, зарубежные и отечественные криминологи были заняты поиском и объяснением причин преступности, разработкой предложений по совершенствованию уголовного законодательства, правоохранительной и пенитенциарной системы.

Позитивистская парадигма в криминологии получила наибольшее развитие в США в работах криминологов Первой Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджесс, У. Томас, Ф. Знанецкий, К. Шоу, Г. Маккей и другие). В 20-30-е годы прошлого века криминологи-позитивисты изучали различные социальные проблемы американских городов (дезорганизацию, географию и экологию в контексте распределения преступности, проституцию, бродяжничество, маргинализацию). Как исследователи, они применяли широкий круг эмпирических методов: статистический, картографический, формализованные опросы, неформализованные этнографические интервью, контент-анализ архивных материалов полиции и биографий переселенцев, прямое наблюдение.

Криминологи Чикаго сумели преодолеть описательность и статистическую ориентацию своих европейских предшественников в методологии социального анализа преступности и девиантности. В результате были созданы новые криминологические теории – *концепции социальной дезорганизации* и *городской экологии*. Теоретики Первой Чикагской школы рассматривали город как живой социальный организм. Они концептуализировали понятие «социальная дезорганизация» как уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов

[1] Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey,1999. P.362-363.

группы. Криминологи доказали, что в условиях социальной дезорганизации культурные ценности, нормы и социальные связи разрушаются, становятся противоречивыми, что ведет к ослаблению неформального социального контроля на уровне общины. Это и является важнейшей причиной преступности и девиантности в урбанизированной среде, заселенной мигрантами.

Эмпирически обоснованные теоретические результаты получили широкое признание научной общественности и дали старт первым программам борьбы с преступностью («Чикагский проект»), преодоления бедности и безработицы. В последующем основные положения теории социальной дезорганизации были творчески использованы криминологами-позитивистами Ф. Трэшером, У. Уайтом, Л. Яблонским, Д. Шортом при изучении преступных групп (шаек) несовершеннолетних, рост которых постоянно происходил уже во второй половине XX века в городских кварталах американских мегаполисов.

В конце 30-х годов прошлого столетия Эдвин Сатерленд создал позитивистскую *теорию дифференциальной ассоциации (связи)*, которая стала одной из первых и весьма удачных попыток сочетания психологических и социологических принципов в объяснении преступного поведения. Смысл дифференциальной ассоциации криминолог концептуализировал в следующих положениях:

1. Преступному поведению обучаются.

2. Преступному поведению обучаются во взаимодействии с другими людьми в процессе коммуникации.

3. Основная часть обучения преступному поведению происходит внутри тесно связанных между собой социальных групп.

4. В процессе обучения преступному поведению осваиваются: техника совершения преступлений (иногда очень сложная, иногда простая), специфические мотивы преступного поведения, потребности, установки, отношения.

5. Специфические мотивы и потребности совершения преступления осваиваются в ходе обучения, исходя из определения норм уголовного законодательств как «благоприятных» или «неблагоприятных».

6. Индивид становится делинквентным из-за преобладания определений, благоприятных с точки зрения нарушения закона, над неблагоприятными определениями.

7. Дифференциальные ассоциации могут изменяться по частоте, продолжительности, очередности и интенсивности.

8. Процесс обучения преступному поведению по ассоциации с криминальными и антикриминальными паттернами включает в себя все механизмы, которые используются в любом другом виде научения.

9. Преступное поведение – это выражение основных потребностей и

ценностей, однако оно этим не объясняется, поскольку некриминальное поведение – это выражение тех же основных потребностей и ценностей[1].

Как видим, основная идея теории Сатерленда состоит в том, что люди обучаются преступности и девиантности. Мотивы и ценности преступного мира воспринимаются в ходе индивидуального общения, коммуникации с преступниками. При этом отношение к закону, частота и продолжительность контактов с представителями криминальных групп, проститутками, торговцами наркотиков оказывают решающее влияние на интенсивность освоения норм отклоняющегося поведения.

Ученик Сатерленда Д. Крэсси, затем Д. Глейзер и Р. Айкерс развили и дополнили теоретические положения теории дифференциальной связи, сформировав социологическую теорию научения преступности[2].

Механизмы научения преступному поведению были уточнены Э. Берджессом и Р. Акерсом в 1966 году и представлены в виде закона «усиления дифференциальной ассоциации» преступного поведения, суть которого в том, что индивид выберет путь преступлений, а не законопослушание, в случае если он получит при криминальном выборе большее вознаграждение.

Наиболее интенсивное развитие позитивистской криминологии происходит в рамках структурно-функционального подхода. В середине прошлого века Робертом Мертоном создается *социоструктурная теории аномии/напряжения*, которую затем Альберт Коэн развивает в 1955 году.

Р. Мертон под влиянием взглядов Э. Дюркгейма пришел к убеждению, что некоторые социальные структуры способствуют преступности и девиантности отдельных членов общества. Подобно Дюркгейму, в нарушении «социального кодекса» он увидел «нормальную реакцию нормальных людей на ненормальные условия»[3]. Дюркгейм связывал аномию с разрушением или ослаблением нормативной регуляции индивидуального поведения в условиях быстрых социальных изменений. Мертон определил аномию применительно к условиям стабильного индустриального общества – как рассогласование, разрыв между социокультурными целями личности (группы), одобряемыми в обществе (материальный успех, престиж), и возможностями их достижения законными, институализированными средствами.

Аномия в индустриальном мире – результат «особого структурного разлада культуры», постоянный фактор напряжения в социальной системе, в нормах и ценностях которой сделан сильный акцент на достижении целей

[1] Akers R. Criminological theories: introduction and evolution. 2nd. ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997.P. 60-61.
[2] См.подробнее: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.107-116.
[3] Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 299.

материального успеха. Достижения богатства имеют при капитализме в высшей степени символическое значение, поскольку «система культурных ценностей превозносит, фактически превыше всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом».[1] Однако социальная структура индустриального общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к социально одобряемым законным средствам достижения материального успеха для большей части людей из низшего класса. Эта ситуация воспроизводит постоянное напряжение в обществе, поскольку фрустрированные индивиды не в состоянии получить желаемое законным путем.

Анализируя способы преодоления аномической фрустрации, Мертон предложил свою типологию из 5 типов адаптивного поведения личности (конформизм, инновaторство, ритуализм, ретретизм и ребелизм (бунтарство)). В таблице 1 показана приемлемость или недопустимость определяемых культурой целей и институализированных средств их достижения. Знак (+) означает принятие, (–) – отказ, (+–) – отступление или отказ с заменой старых целей и средств на их новые стандарты.

Таблица 4

	Определяемые культурой цели	Институализированные средства
I. Конформизм	+	+
II. Инновaторство	+	–
III. Ритуализм	–	+
IV. Ретретизм	–	–
V. Ребелизм (Бунтарство)	+ –	+ –

Конформизм – наиболее распространенный и обычный тип ролевой адаптации личности. Он характерен принятием социально одобряемых целей и социально доступных, институализированных средств их достижения. К девиантным, часто криминальным, то есть неадекватным по целям или способам приспособления личности к требованиям общества, относятся четыре типа статусно-ролевой адаптации: инновaторство, ритуализм, ретретизм и ребелизм (бунтарство).

Инновaторство состоит в принятии социально одобряемых целей с отказом от институализированных способов их достижения и внедрении новых приемов незаконного приспособления, в том числе криминальных: краж, разбоев, рэкета, беловоротничковой преступности. Преступление рассматривается утилитарно, как способ достижения богатства.

[1] Мертон Р. Социальная структура и аномия // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С.98.

Ритуализм проявляется в том, что социально одобряемые цели подменяются или игнорируются как находящиеся за пределами достижимого, однако подчинение нравам, ритуалам продолжает поддерживаться с использованием институализированных средств. Ритуалы в этом случае выступают основой ролевой адаптации. Примером ритуализма является поведение махрового казнокрада, который ритуально выглядит безупречно, но уже давно перепутал «государственный карман» со своим собственным.

Ретретизм состоит в пораженчестве, самоустранении, квиентизме, бегстве от действительности. Ретретист, хотя номинально и находится в обществе, но, строго говоря, не принадлежит ему, так как не приемлет ни социально одобряемых целей, ни институализированных средств их достижения. Он уходит от борьбы за достижение социально одобряемого положения и материального успеха. К ретретистам относятся: хронические алкоголики и наркоманы, бродяги и бомжи, сектанты.

Реббелизм имеет место в случаях, когда происходит отступление или отказ от принятых целей и средств их достижения одновременно с попытками создать новые идеалы, цели и средства их реализации. Освобождение от общепринятых стандартов, как правило, является результатом неудачи или ограниченности перспектив, что подвигает бунтарей к попыткам ввести «новый социальный порядок». К этой категории Мертон относит мятежников и революционеров всех мастей.

Таким образом, Р. Мертону принадлежит честь не только создания оригинальной теории аномии, но и существенного развития криминологической теории с позиций функционализма и социоструктурного подхода.

А. Коэн модифицировал социоструктурную теорию аномии/напряжения Р. Мертона с использованием субкультурного подхода и создал криминологическую *теорию фрустрации статуса*. В теории Коэна основная цель успеха состоит не столько в деньгах, сколько в достижении статуса представителя среднего класса, с соответствующими атрибутами, такими как: финансовое благополучие, репутация, стиль жизни. А. Коэн уточняет, что общество рекламирует стратегию повышения социального статуса, затрудняя процесс его достижения выходцам из беднейших слоев.

Статус считается достигнутым, если выполняются определенные стандарты в культуре потребления (одежда, услуги и т.п.), в поведении (участие в школьных мероприятиях), во взглядах (внимание к старшим, интерес к учебе, благовоспитанность). Юные представители среднего класса получают соответствующее воспитание и поддержку родителей, школы и отвечают соответствующим стандартам, получая одобрение и статус. Парни из низшего класса не всегда усваивают культурные образцы благопо-

лучной среды. У них нет коммуникативных и социальных навыков, чтобы отвечать критериям и ценностям культуры среднего класса. В результате отсутствия перспективы законными средствами достичь желаемого статуса подростки из низшего класса подвергаются депривации. В поисках престижного социального положения, социального идеала неимущая, депривированная молодежь, испытывая унижение, вынуждена совершать деликты и иные девиантные поступки. Следовательно, делинквентность, по Коэну, – результат фрустрации статуса, а причина напряжения состоит в неспособности реализовать свои возможности и получить желанный в американском обществе статус представителя среднего класса.

В середине прошлого века в рамках социоструктурного подхода были созданы криминологические теории конфликта культур, теории субкультуры (Т. Селлин, У. Миллер, Ф. Ферракути, М. Вольфганг и др.)[1].

Торстен Селлин в рамках *теории конфликта культур* обратил внимание на то, что конфликты между нормами «культурных кодексов» возникают в случае, если эти кодексы сталкиваются на границе соприкосновения культур, когда мигрируют члены определенной культурной группы[2].

Действительно, ценностные ориентации большинства мигрантов существенно отличаются от тех, которые поддерживает культура «большого общества», что неизбежно приводит к первичным конфликтам на почве несоответствия норм поведения и других культурных императивов. Конфликты норм поведения продуцируют различные проявления преступности и насилия. Селлин приводит пример дикого по американским меркам преступления в Нью-Джерси. Мигрант – отец итальянского семейства убивает семнадцатилетнего американца, соблазнителя своей дочери, чтобы восстановить и сохранить «честь семьи» в соответствии с традиционными сицилийскими представлениями. Когда происходит задержание, сицилиец выражает неподдельное удивление по поводу своего ареста офицеру полиции, поскольку, как он считает, его действия полностью соответствовали традиционной для него культурной норме[3].

Вторичные конфликты, по Селлину, возникают тогда, когда сталкиваются малые культуры или субкультуры внутри одной доминирующей или первичной культуры. Нормы уголовного закона в западном мире соответствуют ценностям культуры среднего класса. Однако они входят в конфликт с культурными нормами обитателей переходных зон и гетто внутри городов или представителей низшего класса, что и порождает преступность. Теория

[1] См. подробнее: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2014. С.116-123.
[2] Sellin T. The conflict of conduct norm // Kelly D. Deviant Behavior: a text-reader in the sociological of deviance. 5th ed. Los Angeles,1996. P. 72.
[3] Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey,1999. P.281.

Т. Селлина достаточно полно описывает всплеск преступности мигрантов в современной Европе, где рушатся идеалы мильтикультурализма под натиском нелегальных переселенцев-мусульман из беднейших стран Азии и Африки.

Франко Ферракути и Марвин Вольфганг в рамках *концепции субкультуры насилия* обратили внимание на то, что некоторые молодежные субкультуры имеют явно насильственный характер, поскольку построены вокруг ценностей, способствующих агрессивному и насильственному поведению. Основное положение теории Ферракути и Вольфганга состоит в том, что насильственное поведение является формой адаптации к определенным проблемам и жизненным обстоятельствам, которая осваивается по мере научения в рамках субкультурной среды, подчеркивающей преимущества насилия над другими формами поведенческого приспособления[1].

В субкультурах насилия символическими средствами (с помощью песен, ритуалов, историй) прославляется принуждение, владение оружием, поведение по модели «мачо». Эти субкультурные нормы поддерживают быстрый и решительный силовой ответ носителя идентичности «мачо» на оскорбление, с тем чтобы он мог сохранить свой престиж внутри группы. Субкультура насилия рассматривает противоборство как основное средство в урегулировании отношений между членами группы. Для носителей этой субкультуры насилие и агрессия – атрибуты образа жизни. Теория Ферракути и Вольфганга превосходно объясняет феномены преступности и насилия в среде значительной части современных афроамериканцев из низшего класса, а также маргинальной молодежи российских мегаполисов.

Культурологический дискурс, теории конфликта культур, субкультуры оказали существенное влияние на развитие криминологической мысли, в частности, теории аномии/напряжения. Наиболее заметно логика субкультурного подхода выражена в теории фрустрации статуса А. Коэна, в теории дифференциальных возможностей Р. Клоуорда и Л. Олина, при этом некоторые исследователи относят их не столько к аномическим, сколько субкультурным теориям преступности (Р. Агнью).

Ретроспективный анализ развития социоструктурных теорий преступности показывает, что позитивистская научная мысль развивалась в эпоху модерна в направлении поликонцептуальности и методологического плюрализма с постоянным состязанием различных теоретических направлений и перспектив изучения и описания феномена преступности. Анализ причинности в объяснении деликтов – важнейшая заслуга криминологов-позитивистов, создателей социоструктурных теорий. Однофакторный подход позволял выделить причины и условия преступности в рамках од-

[1] Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey,1999. P.285.

ного класса, например, в случае абсолютизации антропо-биологических данных человека или его социально-классовой принадлежности. Многофакторный подход сложился позднее, как реакция на ограниченность однофакторных моделей. В его рамках отклонения в поведении не могут быть обусловлены одним, хотя и очень важным комплексом причин, а зависят от ряда разнородных и потому теоретически не связных факторов.

Таким образом, позитивистская криминология в XX веке развивается от однофакторных к многофакторным казуальным моделям криминального поведения. В результате позитивисты разработали оценочные критерии теорий: эмпирическая обоснованность, логическая последовательность и непротиворечивость, доказуемость, область применения, практическая польза. В эпоху модерна сложились и основные классификации теорий преступности. Тем не менее, большинство социоструктурных теорий преступности, создание которых выпадает на эпоху модерн, являются монотеориями. Они ориентированы на определенную парадигму и класс криминальных проявлений, хотя и оперируют рядом факторов детерминации.

§ 3. От интеракционизма к феноменологии и конструктивизму

На развитие теоретической криминологии в эпоху модерна существенное влияние оказали криминологи-интеракционисты – создатели процессуальных теорий преступности, по типологии Р. Айкерса.

Символический интеракционизм (Дж. Мид, Г. Блумер), как известно, основывается на интерпретациях человеческого поведения по значимым символам, несущим важную социальную информацию. В основе методологии символического интеракционизма лежит позитивистский тезис о единстве научного метода, применяемого единообразно как в естественных, так и социальных науках. Вместе с тем интеракционисты отказываются от операциональных концептов позитивистов в пользу не столь четко определенных, но более содержательных неформализованных понятий. В целом они ориентируются на так называемую мягкую исследовательскую технику (изучение личных документов, кейс-стади, включенное наблюдение), которые предполагают необходимость понимания, постижения субъективных состояний и смыслов криминального поведения на уровне индивида.

В итоге представители криминологического интеракционизма ищут компромиссы в методологии, пытаясь совместить строгую научность со спецификой гуманистического видения преступности и других социальных проблем.

Интеракционистская перспектива анализа преступности получает развитие в XX веке в работах Ф. Танненбаума, затем Э. Лемерта, Г. Беккера, Э. Шура Ф. Зака, Дж. Брайтуайта. В ее рамках создаются различные

варианты теории стигматизации («драматизация зла», теории лейблов, наклеивания ярлыков и реинтегративного стыда).

Теория стигмы концептуализируется в двух основных положениях: во-первых, криминальное поведение следует интерпретировать не как нарушение правовой нормы, признак предрасположенности индивида или качество социального действия, а как результат его символического определения, наклеивания девиантного ярлыка в результате социальной реакции; во-вторых, «клеймение» при определенных условиях, если не прямо, то косвенно порождает и усиливает вторичную преступность. В этом смысле криминальное поведение есть ответ индивида на стигматизацию посредством чрезмерного социального контроля, в ходе которого формируются девиантная идентичность и криминальная карьера.

После Второй мировой войны в Чикагском университете произошла смена поколений ученых, и в конце 1950 – 1970-х годов И. Гофман, Э. Фредсон под влиянием идей интеракциониста Г. Блумера продолжили изучение преступности в рамках процессуального подхода. В итоге стала формироваться Вторая Чикагская школа в криминологии, но уже не столько в методологических рамках позитивизма, сколько с использованием framework сначала символического интеракционизма, а затем и феноменологии.

Ирвин Гофман в работе «Представление себя другим в повседневной жизни» (1959) разработал положения *драматургической теории преступности*. Он писал, что поведение людей, в том числе отнесенное к норме или девиантности, преступности, можно объяснить формами организации повседневного опыта и общения. В рамках драматургического подхода социальный мир воспринимается как драма не в смысле метафоры, а как теоретическая позиция. Гофман, будучи последовательным интеракционистом, социальное взаимодействие трактовал как процесс, формируемый образом театральной постановки с заранее заданными функциональными позициями, которые в ходе его реализации постоянно подвергаются переинтепретации. Криминолог полагал, что поведение в ролевом измерении более или менее эффектно, если оно состоит из управляемых впечатлений, а носители ролей посредством вербальных и невербальных коммуникаций определяют ситуации, в которые они вовлечены.

Подобным образом поступают преступники, мошенники и авантюристы, когда разыгрывают «представление» перед своими жертвами. Так, преступники-насильники, управляя процессом впечатлений, последовательно «нагоняют» на своих жертв страх и ужас, и если «представление» проходит успешно, то цели задуманной криминальной драмы реализуются ими в полной мере.

Феноменологический подход и конструктивизм в криминологии. Основу феноменологического подхода составляют философские работы Э. Гус-

серля и А. Шюца. Детальная разработка основных категорий в феноменологической перспективе была выполнена П. Бергером и Т. Лукманом в работе «Социальное конструирование реальности» (1966).

Феноменологи считают предметом своего исследования «мир человеческой повседневности», обыденные представления (о добре и зле, судьбе и загробной жизни, о норме и патологии и т. п.). Интерсубъективные значения обыденных представлений образуют, с их точки зрения, сущность человеческой деятельности. В «мире человеческой повседневности» люди выступают, с одной стороны, в качестве конструкторов социальной реальности, с другой стороны, их сдерживают созданные их предшественниками социальные и культурные структуры[1].

В феноменологии изменилось представление о практике: она перестала быть синонимом материального производства. Феноменологами она интерпретируется как механизм реализации человеческого бытия, в состав которого входят формы, средства и, собственно, процесс накопления, закрепления и воспроизводства социального опыта, социальная связь между людьми и экзистенциональная готовность людей «проживать» бытие[2].

В соответствии с феноменологическим подходом люди интерпретируют в свете предыдущих практик накопленных знаний все события, с которыми сталкиваются в мире человеческой повседневности. Так, если перед вами человек в униформе, со знаком или жезлом, то, вероятнее всего, опыт подскажет вам, что он – полицейский. Однако эта интерпретация может быть и неправильной. Униформу мог одеть актер, сотрудник службы безопасности и даже преступник.

Феноменологический взгляд на социальную реальность, таким образом, позволяет рассматривать ее во всех проявлениях как социальную конструкцию.

Анализ интерсубъективных значений определяет объективный смысл поведения всех индивидов, в том числе и преступников. Процесс социализации позволяет каждому человеку накопить фонд значений, необходимый для успешного взаимодействия с другими людьми в повседневной жизни. Без социально полученных опыта и знаний, которые позволяют интерпретировать мир значений, жизнь была бы полна опасностей в феноменологическом смысле. Криминальная или девиантная социализация также создает фонд значений и смыслов, принятых в «преступном мире». Он обеспечивает преступников готовой системой значений. Восприятие делинквентами преступного мира является механизмом, посредством которого жизнь в преступной среде обретает вполне понятный и постижимый смысл. Преступник интерпретирует в свете своего предыдущего субъективно понимаемого опыта все события, связанные с систематическим нарушением

[1] Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule Breaking. 3-rd ed. Oxford University Press, 1998. P.212-217.
[2] Downes D., Rock P. Understanding Deviance. 3-rd ed. Oxford: University press, 1998.P.210-234.

уголовно-правовых норм. Определение преступного есть сложившийся в пространстве жизненного мира образ правонарушения. Феноменология и право открывают мир значений, который тематизируется активностью действующего, понимающего и говорящего субъекта. Так, анализируя уголовное право как систему норм, феноменолог представляет себе его как сложившийся в пространстве жизненного мира образ, который представляет собой синтез теоретических конструктов и социальных практик.

Феноменологическая редукция позволяет криминологам рассматривать нормы права, криминальное поведение, преступность в целом как релятивные социальные конструкции – результат социально-коммуникативного процесса.

Криминологи-конструктивисты С. Генри и Д. Милованович в работе «Конститутивная криминология» (1996) развили и радикализировали основные положения конструкционистского подхода. С точки зрения конститутивной криминологии, нет такой вещи, как преступление в смысле объективной социальной реальности. Для Генри и Миловановича и преступление, и социальный контроль над ним есть социальные конструкции.

Преступное поведение и сама система социального контроля существуют постольку, поскольку это продукты «дискурсивных практик» среди преступников, жертв преступлений, контролеров (полицейских, тюремных надзирателей), криминологов. Часть агентов дискурса разыгрывают преступные образцы, другие участники коммуникативного взаимодействия стремятся соответствовать стандартам социального контроля над делинквентностью, третьи пытаются исследовать или судить о преступности[1]. Конструктивистский и феноменологический дискурс в криминологии, наряду с конструктивистами Генри и Миловановичем, поддержали П. Филмер, М. Филипсон, Д. Уолш и криминологи-постмодернисты.

Криминологи феноменологической ориентации, конструктивисты первыми поставили под сомнение основной постулат позитивизма о том, что социальные структуры, все общественные явления, в том числе и преступления, представляют собой объективную реальность, не зависящую от идей, мнений, стереотипов, сознания и поведения включенных в них индивидов. Они радикально изменили направление поиска в сторону изучения интерсубъективности и жизненного мира, опыта индивида, реакции познающего и действующего субъекта на его собственное криминальное поведение.

Феноменологическая перспектива анализа в теоретической криминологии отклоняет традиционный для позитивистской науки поиск причин преступности. Ее сторонники предлагают ответить на вопрос: как агенты

[1] Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company,1997. P. 176-177.

социального взаимодействия участвуют в конструировании того, что называется делинквентным поведением.

Преступность и контроль над ней в рамках феноменологии не могут быть отделены от всеобщего структурного и культурного контекстов, в которых они продуцируются в ходе дискурса. Это положение феноменологов также активно противостоит традиционной позитивистской криминологии, которая вырывает из социального и культурного контекстов преступность и контроль над ней, анализируя их раздельно.

Таким образом, основной постулат феноменологической криминологии и конструктивизма состоит в том, что уголовно-правовые нормы, преступность и девиантность носят сконструированный, контекстуальный характер.

§ 4. Конфликтологический подход, радикально-критическая и феминистская криминология

До 1960-х и даже 70-х годов в мировой криминологии доминируют позитивистская парадигма и консенсусный подход, в соответствии с которыми закон выражает общественное согласие относительно базовых ценностей и норм. Однако в условиях роста гетерогенности, социального неравенства и конфликтов в западных обществах второй половины XX века договорная модель закона утратила свои прежние позиции: потеряла многих своих сторонников в криминологии. Усилившаяся критика консенсусной модели привела к ренессансу конфликтологического подхода в науке о преступности, в основе которого лежали классические работы К. Маркса, В. Бонгера, Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа.

Криминологическая теория конфликта, как известно, исходит из предположения, что в гетерогенном обществе нет и не может быть единства и согласия в отношении его базовых ценностей. Экономически сильная социальная группа или класс определяют содержание уголовного закона на основе приоритета системы своих ценностей, который и задает юридически оформленные стандарты поведения. Закон и полиция защищают интересы тех, кто имеет экономическую и политическую власть. Если представители менее сильных групп действуют в соответствии с внутригрупповыми ценностями, идущими в разрез с законом, то это путь к преступности. Отсюда конфликтологический подход применим как к объяснению закона и уголовного правосудия, так и делинквентного поведения.

Конфликтологический подход в американской и британской критической криминологии 60-х, 70-х годов прошлого столетия был реализован не только в теории законотворчества, но и радикально-критических теориях преступного поведения.

В США первыми представителями критической, но немарксистской традиции, стали Георг Волд и Остин Терк. Разработку неомарксистского направле-

ния в 70-е годы предприняли американцы Уильям Чемблисс и Роберт Сейдман. Важным стартовым рубежом на этом пути стали и книги британских авторов Яна Тэйлора, Пола Уолтона и Джока Янга «Новая криминология» (1973) и «Критическая криминология» (1975). В этих работах анализируются радикальные подходы к пониманию преступности, дается острая, критическая оценка капиталистической системе. Правонарушитель рассматривается как ее жертва, а преступность выступает, в конечном счете, следствием классового неравенства.

В дискуссиях об использовании эвристического потенциала конфликтологического подхода криминологи часто ссылаются на К. Маркса и В. Бонгера, но не меньший взнос в его разработку внес Г. Зиммель, рассматривавший конфликтное взаимодействие как фундаментальный социальный процесс. Его главным последователем в криминологии второй половины XX века был Джордж Георг Волд, который в работе «Теоретическая криминология» (1958) описал социальный конфликт как «универсальную форму взаимодействия»[1]. Криминолог обосновал положение о том, что групповые конфликты объясняют не только природу уголовного закона и правосудия, но и преступного поведения.

Волд считал, что индивид, прежде всего, принадлежит к определенной социальной группе, связан с нею общими ценностями, нормами и статусно-ролевыми характеристиками. Между группами существуют различия в целях и интересах, что приводит к противоборству между ними за более высокое положение в социальной иерархии. Группы, выигравшие соперничество, получают возможность осуществлять квалификацию социального поведения своих оппонентов вплоть до определения его как преступного, используя законодательную и исполнительную власть.

По Волду, весь политический процесс создания закона, его нарушения и правоприменения – прямое отражение укоренившихся фундаментальных конфликтов между заинтересованными группами. Те, кто имеет законодательное большинство, приобретают контроль над законотворчеством и полицией. Именно они решают, кто вероятнее всего будет привлечен к суду за нарушение закона.

Волд придавал особое значение конфликту среди более или менее организованных и заинтересованных групп. Он исключал импульсивные, иррациональные акты преступной природы, которые не связаны с групповым противостоянием. Позицию Волда поддержал Томас Бернард (1986), дополнив ее своими аргументами. Волд и Бернард впоследствии предложили «унифицированную конфликтную теорию» для объяснения и преступного поведения и уголовного закона, опираясь на исходный посыл Волда о «несоизмеримых и противоречивых наборах ценностей и интересов» между конфликтующими группами.

[1] Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey,1999. P.366.

После выхода работ Г. Волда, Остин Терк, а затем Уильям Чемблисс реализовали конфликтологический подход в криминологической теории. Они утверждали, что теоретики слишком долго занималась поисками причин преступного поведения, поэтому их внимание должно быть сосредоточено на объяснении уголовного закона. Согласно Терку, центральная задача теории состоит не в том, чтобы выяснить причины преступного поведения, а в том, чтобы объяснить процесс, в ходе которого отклоняющееся поведение формально определяется как преступное.

Основные положения своей теории О. Терк изложил в книге «Преступность и законный порядок»(1969). Терк отверг идею формирования криминальной карьеры с социально-психологических позиций, как это отчасти делали Э. Сатерленд, И. Най и другие криминологи. Подобно некоторым сторонникам теории стигматизации, он рассматривал криминализацию как обретение статуса в рамках взаимодействия между теми, кто создает уголовное право, интерпретирует и применяет его нормы (законодатели, полиция, судебная система). Терку было важно выяснить, каким образом люди могут быть подвергнуты криминализации, приобретая статус преступника.

Анализируя правосудие и политическую систему американского общества, исследователь пришел к радикальному выводу, что криминализация – следствие социального конфликта между теми, кто обладает и не обладает политической властью. Причем, чем больше политические различия между власть имущими и подвластными группами, тем больше вероятность противостояния между ними и возможность криминализации оппонентов.

В концепции криминализации Терка преступность есть отражение борьбы за власть, в ходе которой влиятельным социальным группам удается закрепить определенные ценности в нормах права. Поэтому нарушение существующих законов подпадает под дефиницию уголовно наказуемого деяния. Следовательно, определение официальной властью индивида как преступника и есть содержание процесса криминализации. Функционалист Нейл Смелзер лаконично поясняет это положение следующим образом: «Полиция в первую очередь применяет законы, направленные против бедняков и не причастных к власти, тех, кого можно подавлять, не встречая сопротивления»[1].

В американской криминологии 1970-х годов возросло влияние неомарксизма. У. Чемблисс, Р. Куиннии, Э. Платт и другие теоретики перешли на более радикальные, критические позиции, разделяя основные идеи К. Маркса. Согласно марксистской теории, капиталистическое общество состоит из социальных классов: капиталистов, владеющих средствами производства и контролирующих власть, а также не имущего пролетариата,

[1] Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс,1994. С.215.

отстраненного от власти, но обладающего гипотетическим правом выбора. Монополия капиталистов на средства производства дает им возможность формировать государственную власть.

Политические силы, выражающие интересы капитала, определяют гражданское и уголовное законодательство, регулируют судопроизводство. Подавленный капиталистической системой пролетариат не имеет возможности изменить ситуацию, ограничить эксплуатацию и защитить себя от притеснений. У капиталистов и пролетариата антагонистические классовые интересы. Данная ситуация останется неизменной до тех пор, пока классовые конфликты не приведут к революции и не будет свергнута власть и экономика капиталистов.

Конфликтологи Волд, Бернард, Терк, с одной стороны, и неомарксисты Чемблиз, Куиннии, Платт солидарны относительно того, что при «развитом капитализме» в руках правящих групп или классов сконцентрирована вся экономическая и политическая власть.

Уильям Чемблисс и Роберт Сейдман, как сторонники структуралистского направления в неомарксизме, опубликовали работу «Закон, порядок и власть» (1971). Этот труд представляет собой некое подобие моста, соединяющего позиции теоретиков конфликта, развивающих подход Зиммеля и сторонников Маркса. Чемблисс и Сейдман показывают, что капиталисты как доминирующая группа с помощью применения правовых норм обеспечивают себе гарантированное превосходство и привилегии.

В 1975 году структуралист Чемблисс в работе «К политэкономии преступности», анализируя капиталистическую систему, широко использует понятия, заимствованные из марксистской теории: социальный класс, классовые интересы, классовый конфликт. С их помощью Чемблисс обнажает классовую природу капитализма, считая ее основным фактором глубоко укоренившейся преступности. Кроме того, он раскрывает несправедливость и нечестность легальной власти. Чемблисс показывает, что представители господствующего класса капиталистов нарушают уголовный закон не реже рабочих, но при этом избегают наказания. Селективность правосудия объясняется ученым не тем, что высокопоставленные делинквенты умны или имеют индивидуальные способности скрываться от полиции, а тем, что Фемида выражает интересы господствующей элиты. Уголовное законодательство, которое создают и применяют ее клевреты, преследует тех, кто не принадлежит к капиталистическому классу[1].

Сущность вопроса по Чемблису не в том, кто и что совершает, а в том, кто на кого может навесить ярлык криминального действия. Основанием этого социально–политического процесса является «структура обществен-

[1] Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.371.

ных отношений, детерминируемая политической экономией»[1]. Следовательно, преступные действия, совершаемые в интересах господствующего класса, не подвергаются уголовному преследованию, в отличие от тех, которые им не служат. Как это неомарксистское утверждение криминолога актуально звучит для оценки тотальной коррумпированности и делинквентности бизнес-класса и высших клерков в современной России!

Классическая марксистская теория утверждает, что изменение общественного строя и улучшение положения пролетариата могут произойти только интенсивным путем с помощью революционного насилия. Неомарксисты отходят от этой позиции и выступают в пользу реформ и других «неинтенсивных» мер при построении демократического социализма.

Теория преступности Р. Куинни. Весьма значительный вклад в конфликтологический дискурс в криминологии вносит Ричард Куинни – типичный представитель инстументального неомарксизма. В своей книге «Социальная реальность и преступление» (1975). Он радикально-критически оценивает рыночный капитализм, считая, как и Чемблисс, что его социально–классовая структура является общей причиной современной преступности. При этом Куинни еще более радикально подчеркивает роль политического конфликта между классом капиталистов и пролетариатом в формировании и функционировании уголовного законодательства, в объяснении преступности и других форм девиантности.

Вся реальная власть, по Куинни, всецело принадлежит правящему классу, главные цели которого состоят в ее удержании и поддержке буржуазного общественного устройства, в том числе с помощью системы обеспечения правопорядка. Капиталисты, преследуя эти цели, отстаивают интересы, прямо противоположные интересам пролетариата, растаптывая при этом продекларированные либеральные права и свободы. Поэтому основное противоречие между реальностью угнетения масс и демократическими идеалами свободы и равенства ввергает буржуазную элиту в «кризис законности»[2].

Р. Куинни рассматривает уголовный закон как полностью подконтрольное средство (инструмент) государственной власти, используемое классом капиталистов для подавления рабочего класса и народных масс. Между тем сторонники структуралистского направления в неомарксизме (У. Чемблисс, Д. Гринберг) считают, что государство не полностью контролируется правящей элитой, и закон не всегда является инструментом для осуществления ее интересов. Они полагают, что в современном мире

[1] Chambliss W. Toward a political economy of crime // Rubington E., Weinberg M.S.(eds.), The study of social problem: seven perspectives. N.Y.,2003. P. 241.
[2] Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company,1997. P. 162.

принимаются законы, направленные и против капиталистов. Более того, сама элита не является монолитной группой, свободной от конфликтов.

При капитализме уголовное законодательство и пенитенциарная система выстроены, согласно Куинни, не для контроля над преступностью и обеспечения благосостояния общества, а ради подчинения народных масс. Например, лишение свободы установлено не сколько в качестве основного наказания для осужденных преступников, столько в качестве средства «перекачивания» в места лишения свободы излишней (не занятой на рынке) рабочей силы. Этот избыток рабочей силы вне пенитенциарной системы представляет потенциальную угрозу классу капиталистов, если пролетарии смогут организоваться и примкнуть к революционному движению.

Таким образом, по Куинни, система законодательства, уголовного правосудия, пенитенциарная система – это инструменты, служащие «развитому капитализму» не для того, чтобы защищать общество и его граждан от преступности, а для того, чтобы подавлять трудовой народ, обеспечивая господство класса капиталистов.

По оценке британского криминолога неомарксиста Яна Тейлора, преступление – это существенное следствие эксплуатации и угнетения рабочего класса капитализмом. Большинство преступников, вышедших из рабочего класса, вынуждены совершать преступления из-за необходимости в выживании, деликты других квалифицируются как мятеж или политические преступления. Р.Михаловски (1985) рассматривает корыстные уголовные и бытовые преступления как преступления по причине бессилия выходцев из среды пролетариата приспособиться к рыночным условиям.

Куинни разделяет такие взгляды на специфику преступного поведения, но при этом он существенно расширяет палитру преступных деяний. К деликтам, совершаемым рабочими с целью выживания или протеста, он добавляет преступления, характерные для правящего класса, которые тоже являются результатом капиталистической системы. Так, класс капиталистов фактически безнаказанно совершает экономические преступления с целью накопления капитала. Это финансовые спекуляции и манипуляции с ценами; загрязнение окружающей среды; правительственные преступления, совершаемые выбранными и назначенными должностными лицами (коррупция); репрессии правоохранительных органов «во имя закона», обычно направленные против тех, кто обвиняется в его нарушении (насилие и жестокость по отношению к представителям низших социальных слоев – признанный атрибут полиции в капиталистических странах). Все они служат обеспечению господства буржуазии.

В работе «Класс, государство и преступность», вышедшей в 1980 году, Р. Куинни структурировал оригинальную типологию преступного поведения.

«Преступность приспособления» в виде краж, грабежей, убийств и изнасилований распространена в среде рабочих, пострадавших от капиталистической системы. «Преступность сопротивления» включает бессознательную протестную реакцию рабочих на эксплуатацию. Правящему капиталистическому классу и тем, кто его обслуживает (менеджеры и «белые воротнички»), характерна «преступность доминирования и подавления».

В другой своей книге «Критика узаконенного порядка: контроль преступности в капиталистическом обществе» (1994) Куинни подчеркивает, что противозаконное поведение власть предержащих во многом не пресекается правосудием. В сфере экономики, управления и контроля это касается, в частности, таких деликтов, как: сокрытие доходов от налогообложения, обман потребителей, коррупция и злоупотребление политической властью. Причем по отношению к люмпенизированным слоям населения уголовное преследование за такие преступления распространяется в полной мере.

Конфликтологические, неомарксистские теории преступности имеют важное методологическое и практическое значение, так как они не только указывают на пороки современного капиталистического общества, его системы законотворчества и формального социального контроля, но и радикализируют меры по реформированию общественного строя и противодействию преступности. Неомарксистская криминология выдвинула ряд теоретических обобщений, разоблачающих различные аспекты скрытого социального контроля по подавлению неимущего класса, осуществляемого в капиталистическом обществе. Теоретики инструментального неомарксизма поставили весьма актуальный вопрос о преступности в смысле «артефакта», обратив внимание на безнаказанность «белых воротничков» и элиты, преступников из высших слоев постиндустриального общества.

Как известно, положения и выводы немарксистских и неомарксистских теорий преступности позволили изменить законодательство некоторых развитых стран, повести более эффективную борьбу с коррупцией в среде истеблишмента, бизнес-сообщества, в высших эшелонах власти. В отношении многих высокопоставленных должностных лиц стали проводиться расследования и возбуждаться уголовные дела (например, уголовное разбирательство и отставка президента Никсона в результате уотергейтского скандала, расследование против бывшего федерального канцлера Г. Коля и партии христианских демократов в объединенной Германии и др.). Стало меняться в лучшую сторону отношение правосудия к девиантам – выходцам из низшего класса.

Неомарксистская криминология «проливает» свет на ситуацию с коррупцией в эшелонах власти, на селективность и слабость полицейской и судейской систем. Ее положения весьма актуальны и для анализа должностной

преступности в России. Ведь еще на слуху коррупционные скандалы в Минобороны (дело «Оборонсервиса»), в таможенном ведомстве, в Минсельхозе, Минрегионразвития, Минздравсоцразвития, Минэкономразвития, в «Российских космических системах» при реализации проекта ГЛОНАСС, при подготовке саммита АТЭС, при строительстве космодрома на Дальнем Востоке.

Коррупционные разоблачения федеральных и региональных чиновников достигли в последнее время небывалых масштабов и широкой общественной огласки. Не менее скандальные коррупционные преступления имеют место в региональных и местных структурах власти (в Москве, Санкт–Петербурге, в республиках Кавказа и Поволжья, на юге России). Факты казнокрадства в системе ЖКХ, отопления, водоснабжения, дорожного ремонта и строительства систематически всплывают во всех российских городах и регионах.

В 80-е и 90-е годы прошлого века в академической среде уменьшилось количество криминологических работ, ориентирующихся на инструментальный неомарксизм, и возросла доля публикаций, далеко выходящих за его пределы.

Новые радикальные теории преступности (левый реализм, культуральная криминология, миротворческая криминология, феминизм) составили основу современной критической криминологии. Все они занимают критические позиции по отношению к традиционной позитивистской криминологии (структурным теориям), современному рыночному капитализму западного образца, его системе правотворчества, уголовного судопроизводства и исполнения наказаний.

Левый реализм как направление в критической криминологии сложился в работах британских криминологов Мэтьюза и Джока Янга (1987,1992). В США его популяризацией занимался Уолтер ДеКессереди[1]. Левый реализм возник в значительной степени как реакция на левый идеализм, с тем чтобы дать адекватное определение преступности и предложить пути ее сокращения. Дж. Янг сформулировал концепцию «квадрата преступности», выделив четыре базовых его элемента: государство, общество, преступник и жертва. Именно эти элементы, по Янгу, оперируют в пространстве и времени, продуцируя преступления.

Левые реалисты критикуют позиции левых идеалистов и ортодоксальных марксистов в понимании преступности. Они не рассматривают систему уголовного правосудия, созданную правящим классом, как инструмент для поддержки его гегемонии и подавления народных масс. Левые реалисты не считают, что уголовная юстиция не обеспечивает реальный контроль над преступностью и нуждается в демонтаже. Они исходят из того, что не только среди преступников, но и среди жертв преступлений большинство составляют представители низших классов. При этом не рассма-

[1] Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P. 576.

тривают участников уличной преступности и «белых воротничков», замеченных в криминале, «революционными солдатами в классовой борьбе»[1].

Левые реалисты полагают, что уличная преступность реальна и опасна, особенно для представителей низших классов, тех, кто является жертвой классового неравенства и угнетения. Они предлагают не ослаблять борьбу с преступностью, но вести ее в направлении превенции, снижения сроков заключения и минимального их использования. Левые реалисты предлагают реформировать систему уголовного правосудия, сделать ее более эффективной, снизить репрессивность законодательства при усилении правительственной помощи рабочему классу и беднейшим слоям общества.

В соответствии с левым реализмом, только «социалистические преобразования», в конечном счете, могут существенно ослабить объективные предпосылки преступности, снижая остроту социального неравенства, и обеспечить общественную безопасность при демократическом контроле за работой полиции.

Таким образом, «левые реалисты» признают остроту и реальность проблемы преступности, меняют тональность критики капиталистического общества и его системы уголовного правосудия, выступают последовательно с менее радикальных, но реформаторских позиций.

Левый реализм позволил произвести переоценку некоторых радикальных положений критической криминологии, способствовал продвижению полицейской реформы в Британии и вдохновил на новые исследования и теоретические поиски. Так, Джок Янг во второй половине 90-х годов в работе «Исключенное общество» (1999) для объяснения девиантности и преступности использовал и активно продвигал социологическую теорию дифференцирования людей «inclusive-exclusive» на «включенных» и «исключенных». «Включенные» – это успешные граждане с гарантированной реальностью благополучия, «исключенные» – те, у кого нет перспектив, кто навсегда застрял на обочине современной жизни, пополнив ряды девиантов.

В начале XXI века Янг участвовал в создании нового научного направления – культуральной криминологии, в рамках которого преступность – продукт общества, часть или элемент его культуры. Культуральная криминология сосредоточилась на изучении преступлений и культуры различных неформальных групп (байкеры, скинхеды, художники в стиле граффити и др.). Молодежные группировки, сплоченные вокруг образов, стилей, символических значений и удовольствий, основанных на сопротивлении власти, – объект специальных исследований ее представителей.

Миротворческая криминология. Концептуализация миротворческой криминологии как критического дискурса состоялась в книге «Криминология

[1] Akers.R.L. Criminological Theories: introduction and evalution. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 179.

как миротворчество» (1991). Ее популяризация – заслуга Гарольда Пепински (1917-1998) и Ричарда Куинни. Последователями миротворческого подхода и аболиционизма в Европе стали скандинавские криминологи Т. Матисен, Н. Кристи, голландец Л. Хусман. В основе миротворческой криминологии лежат гуманистические идеи из некоторых религиозных, марксистских, феминистских учений. Христианство, буддизм проповедуют смирение, любовь к ближнему, отказ от насилия, а современная система уголовного правосудия опирается на принципы репрессивного противодействия преступности. Светские подходы к мирному решению проблемы преступности, по Андерсону, опираются на традиции, заложенные Марксом и Ганди.

Пепински и Куинни уподобляют борьбу с преступностью репрессивными средствами военным действиям и считают, что пришло время найти средства примирения преступника и его жертвы, полиции и общества. Представители миротворческой криминологии основательно критикуют систему уголовной юстиции и правосудия, современную пенитенциарную систему, предлагая покончить с преступностью и страданиями на основе религиозных и светских принципов миролюбия, любви к ближнему, отказа от насилия. Миротворческая криминология предлагает меры возвращения и реинтеграции осужденных в общество, с тем чтобы «облегчить страдания и уменьшить масштабы преступности»[1]. На смену политике «войны с преступностью», по их мнению, должна прийти политика «мира с преступностью», поскольку рост насильственной преступности в развитых странах вызван эскалацией насилия со стороны государства. «Миротворцы» и аболиционисты выступают за отказ от института смертной казни и репрессивной полицейской и пенитенциарной системы, выдвигая стратегию уменьшения вреда (harm reduction).

Криминологический феминизм в радикальной теории представлен трудами Ф. Адлер, Р. Саймон, К. Дейли, М. Чесни-Линд, М. Маерс, Д. Клейн. Феминистская криминология опирается на анализ различий по социальному (гендер) и биологическому (секс) полу, а также фундаментальное положение, состоящее в том, что женщины по причине гендерной дискриминации находятся в подчиненном положении и процессе устранения этой зависимости. Защитница прав женщин Харрис считает, что феминизм поднимает вопросы гармонии, заботы, любви, идущие вразрез с правительственной, по сути, мужской властью в ее войне против преступности.

Ранние работы Фреды Адлер «Сестры в преступлении» (1975) и Риты Саймон «Женщина и преступление» (1975) поставили проблему расхождения в уровнях преступности между женщинами и мужчинами. Объяснение

[1] Akers.R.L. Criminological Theories: introduction and evalution. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 182-185.

этого феномена они нашли не в биологических различиях, а в специфике социализации, в приобретении феминной или маскулинной идентичностей[1].

Феминистская теория критикует патриархальный характер дифференциации общества на доминирующие и подчиненные гендерные группы. Привилегированные мужчины управляют, создают правила и следят за их соблюдением. В этой системе женщины находятся в невыгодном положении, поскольку ограничены требованиями гендерных ролей и подвержены более жесткому формальному и неформальному социальному контролю.

Сторонники криминологического феминизма не удовлетворены позитивистскими теориями преступности, поскольку те ориентированы на объяснение преступного поведения только со стороны мужчин. Они считают, что все существующие социоструктурные теории преступности протестированы только на мужских популяциях. Теоретики криминологического феминизма ставят задачу «просеять патриархальные науки» и выработать феминистский подход к преступности и уголовному правосудию. Они считают, что криминологическое знание определяется сегодня жизненным опытом, сформированным только одним гендером (также как одной расой, классом и этносом). И пока в криминологии доминируют мужчины, существующие теории преступности имеют серьезные изъяны «мужского» видения этой проблемы. При этом и предлагаемые меры на криминальные вызовы – тоже «продукт белых, экономически привилегированных мужчин»[2].

Ранние теоретики феминизма видели причину роста женской делинквентности в усвоении женщинами и реализации ими мужских ролей. Так, теория властного контроля предполагала, что патриархальная семейная система создает более делинквентных мальчиков и менее делинквентных девочек. Либеральный феминизм детерминанты преступности вычленял, исходя из специфики гендерной социализации. Женской преступности препятствуют гендерные нормы, более плотный социальный контроль (готовность рисковать поощряется у мальчиков и пресекается у девочек), физическая слабость и уязвимость женщин по сравнению с мужчинами, репродуктивно-сексуальные отличия женщин и мужчин. Феминистские криминологи активно используют тезис о патриархальной природе женской дискриминации, чтобы проанализировать и объяснить изнасилования и другое сексуальное и физическое насилие мужчин над женщинами и женские правонарушения.

Впрочем, феминистская теория преступности все еще формируется: до сих пор нет хорошо развитой и структурированной ее модели. Теоретики феминизма приближаются к решению этой задачи, акцентируя

[1] Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.568-569.
[2] Akers.R. Criminological Theories: introduction and evalution. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 189.

внимание на специфике гендерных и половых ролей, которые недооценивают другие исследователи.

Таким образом, теоретики феминизма при изучении женской преступности и девиантности считают ключевыми факторами специфику социализации и социального контроля, обусловленные гендером, половые различия, возраст, которые другие теории игнорируют. При этом наряду с поло–ролевыми факторами они отводят весьма важную роль в объяснении отклоняющегося поведения женщин фоновой патриархальной структуре, которая пронизывает все стороны жизни современного капиталистического общества.

Феминистская теория объясняет решения уголовного правосудия как отражение мужского превосходства и доминирования путем поддержки патриархальных норм и дискриминации женщин, укрепления их традиционных половых и семейных ролей. Чесни-Линд считает, что с девушками обращаются более строго, чем с юношами, в случае незначительных правонарушений, потому что патриархальная система «сексуализирует» их правонарушения, как угрозу традиционным представлениям о половых ролях. С ее точки зрения, это убедительный пример того, как общество мужского превосходства поддерживает патриархальный контроль над женщинами.

§ 5. Постмодернистская теория преступности

Постмодернизм как особый стиль социологического воображения и теоретизирования, методология реконструкции и познания старых и новых социальных проблем, в том числе преступности и девиантности, – детище второй половины XX века. Философия постмодернизма уходит своими корнями к Ф. Ницше, М. Хайдеггеру, французской социальной мысли конца 1960-х и 1970-х годов прошлого века. Она противопоставляет себя гегельянству, подвергая резкой критике идеи западного рационализма и логоцентризма. Творцы и последователи постмодернизма в обществознании – французские философы Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, итальянский философ Дж. Ваттимо, британский социолог З. Бауман.

Современные исследователи рассматривают постмодернизм многогранно: и как переходную эпоху, и как иной образ жизни, и как новую культуру, и как науку. Постмодернизм как течение в общественной науке отражает транзит социума от эпохи модерна к состоянию постмодерна на фоне ускорения технологических и социальных изменений, его переход от классовой структуры к модели фрагментарного, мозаичного типа. Экономика постмодерна больше ориентирована на производство идей, знаний, информации, на оказание услуг для удовлетворения индивидуальных потребностей и массового консьюмеризма, на производство новых высоких технологий.

Позитивизм – теоретико–методологический мэйнстрим в науке эпохи модерн. Он опирается, как было показано, на убеждение о том, что в мире существуют универсальные вещи, которые могут быть обнаружены через изучение причин и следствий. Модернистская наука рассчитывает на постижение истины с помощью позитивистских знаний и эмпирических методов с целью рационального преобразования несовершенной социальной действительности путем искоренения невежества, развития демократии, обеспечения свобод, правосудия, движения к хорошей, благополучной жизни и процветанию.

Модернизм вселял надежду на решение проблем голода, бедности, преступности. Он со времен О. Конта приравнивал социальные изменения к прогрессу, который увеличивает контроль над природой и обществом. Однако реальность XX века и наступившего XXI с разрушительными войнами, геноцидом, преступностью, социальными и техногенными катастрофами, постоянным ростом неопределенности и рисков в «новом мире» развенчала иллюзии прекраснодушного модернизма.

Применение всеобъемлющих позитивистских социальных теорий и эмпирической методологии, созданных в эпоху модерн, в высокотехнологичном постиндустриальном обществе постмодерна стало не вполне продуктивным. В социальной науке разразился «кризис детерминизма» и причинности. Стала очевидна ограниченность позитивистской теории и методологии для объяснения социальных феноменов в новом быстро меняющемся мире.

Постмодернизм в обществознании возник как реакция, рефлексия на кризис позитивистской науки и практики эпохи модерна, на социальные изменения в поздних индустриальных и постиндустриальных обществах, когда наблюдается обострение многих социальных, техногенных, экологических проблем, когда при резком увеличении неопределенности социальных явлений становятся очевидными их проявления, связанные со случайностью, многовариантностью, альтернативностью. С позиций постмодернизма виртуальная сконструированная социальная реальность (симулякры и симуляции, по Ж. Бодрийяру) детерминирует реальность объективную.

Критический постмодернизм характеризуется интенсивным скептицизмом по отношению к позитивистской науке, возможностям человеческого разума, релятивизацией всех знаний. Он ставит под сомнение эффективность научно–рационалистических теорий, созданных в эпоху модерн, поддерживает плюрализм различных концепций и предлагает замену эмпирически обоснованных теорий постэмпирическими. По сути, постмодернизм представляет собой экстериоризацию той части социального опыта, который не выражен институциональными средствами и структурами современного общества. Он больше имеет дело с феноменологиче-

скими категориями, социальной коммуникацией, дискурсами, делая их центральными понятиями постмодернистского типа мышления.

Для философии и социологии постмодернизма присущи не только новые методологические подходы и методы, но и рефлексивность, способность к самопознанию, пастиш (смешение стилей, заимствованных из различных контекстов). Постмодернистская логика анализа альтернативная позитивистскому мышлению характеризуется как новый тип теоретизирования, открытый не только для рациональных, но и для иррациональных понятий. Теоретики-постмодернисты и эмпирики постмодернистской ориентации широко используют дискурсивный анализ, теорию нелинейных динамических систем, теорию хаоса, теорию катастроф, синергетический и другие подходы[1].

Постмодернистская криминология как критическое научное направление формируется в 80-е, 90-е годы XX и начале XXI века в работах Б. ДиКристина, Э. Янг, Дж. Фэррела, К. Хейворда, Д. Миловановича, Г. Барака Э. Уэллса не как одна теория, а как группа относительно новых или вновь появляющихся теоретических перспектив постмодернистского анализа девиантности и преступности. Среди них: конститутивная, феминистская, критическая, культуральная, реалистическая, топологическая, анархическая, интегративная криминологии.

Криминологи-постмодернисты опираются на положения философии и социологии постмодернизма, на постструктурализм и семиотику, широко используют методологию деконструктивизма. В юридическом контексте, по Ж. Деррида, деконструировать значит «освободить, открыть закон, сделать его более гибким, внутренне доступным пересмотру и улучшению…»[2]. Различные варианты постмодернистской криминологии конструируют и деконструируют социальные и правовые нормы, преступность, девиантность, социальный контроль, рассматривая их в предельно широком социокультурном, интегральном смыслах, то есть контекстуально.

Большинство постмодернистских подходов в криминологии являются деконструкционистскими, поскольку они бросают вызов нередко вполне эффективным теориям преступности, переосмысливают и разоблачают их несостоятельность в новых условиях и выдвигают новые замещающие теоретические конструкции более релевантные обществу постмодерна[3]. Постмодернист Брюс ДиКристина в 1995 году предложил свой оригинальный вариант деконструкционистского подхода под названием «анархическая криминология», которая охватывает альтернативные методы и эпи-

[1] Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y.-L.:Garland Publishing, Inc., 1997.
[2] Цит по: Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2012. С.33.
[3] Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.562.

стомологию, поддерживает символически реконструированные решения социальных и криминальных проблем[1].

Постмодернизм проблематизировал представления о преступности, современном порядке, контроле и власти в обществе. Постмодернистская криминология – это ответ науки на социальные вызовы и перемены в сфере преступности, девиантности и социального контроля, обусловленные переходом общества к эпохе постмодерна. С точки зрения криминологов-постмодернистов, ни социальные науки в целом, ни криминология в частности не содержат никаких основополагающих объяснений или универсальных законов конформного и преступного поведения, а лишь вводят в заблуждение, что требует отказа от позитивистских теоретических моделей или их критического пересмотра.

Криминологи-постмодернисты (П. Мэннинг, С. Генри, Д. Милованович) обращаются к критическому переосмыслению классической позитивистской рациональности, универсальности, объективности не только преступности, но и норм уголовного права. Они отрицают рационализм уголовного права на том основании, что он ограничен коммуникативными возможностями языка. Другая часть критических возражений состоит в неспособности легального формализма к адекватному развитию уголовно-правовой теории и практики в новых быстро меняющихся социальных условиях. Постмодернисты обращают внимание на релятивный и конвенциональный характер норм уголовного права. С их точки зрения, нормы права, как и преступность, не могут быть отделены от всеобщего социоструктурного и культурного контекста, в котором они продуцируются в ходе дискурса.

Кроме того, деконструкционист П. Мэннинг убедительно показывает, что уголовно-правовые нормы релятивны и не могут соответствовать большинству культурных ценностей и ориентировать членов общества постмодерна в связи с ростом миграции, развитием мультикультурализма и иных глобальных процессов. Отсюда делается вывод о том, что сомнительна и ценностная нейтральность, и объективность уголовного законодательства, выстроенного только на позитивистской основе. Д. Милованович также раскрывает релятивизацию правовых норм, научного знания и доказывает, что дискурс в критических правовых исследованиях с его разнообразием в теоретических перспективах все еще остается полем «постоянных поисков теории»[2].

Критика постмодернистами «узких мест» позитивистской криминологии и науки уголовного права – источник для совершенствования норм современного уголовного законодательства, моделей социального контроля над преступностью в обществе постмодерна, быстро меняющем свой облик. Она неслучай-

[1] DiCristina B. Methods in criminology: a philosophical primer. Harrow and Heston.N.Y., 1995.
[2] Barak G.Integrating criminologies. Boston: Allyn& Bacon,1998. P. 176-179.

на, поскольку позитивистское уголовное право, соответствующее ему законодательство в новых социальных условиях реально не обеспечивают должный правопорядок и эффективный социальный контроль над криминалом.

Многие ведущие европейские и американские, российские криминологи эпохи постмодерна Н. Кристи, Т. Матисен, Дж. Альбанезе, Я. Гилинский, Д. Шестаков и другие осознают социальную неэффективность традиционных средств социального контроля в рамках возмездной юстиции (retributive justice) и определяют ситуацию в уголовной политике и практике как «кризис наказания» или полицейского контроля[1]. Неэффективность, считает Я.И. Гилинский, (более того, минусовая, отрицательная эффективность, наличие негативных последствий) наказания хорошо известна[2].

Криминолог–постмодернист феминистского направления Э. Янг в работе «Образ преступления: человек, объявленный вне закона, и криминальные беседы» (1996) переосмыслила криминологические тексты, предлагая «прочесть криминологию не криминологически». Янг проводит дискурсивный анализ, исследует роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения[3]. Она исследует проблематику одиночества в жизни женщин и семьи, поднимает вопросы ответственности родителей за девиантность детей, постмодернистски «прочитывает» и «реконструирует» тему СПИДа.

Другой вариант постмодернистского подхода в криминологии представлен в работе одного из основателей конститутивной криминологии Д. Милованович «Криминология постмодерна» (1997). Милованович использует приложения семиотики и семантики для изучения преступности и реконструкции уголовного закона.

Преступность и контроль над ней рассматриваются криминологом как релятивные социальные конструкты, а также как неопределенные, взаимосвязанные, релятивные, динамические и диалектические явления, продуцированные в ходе социального процесса, в который вовлечены преступник, его жертва и общество.

Таким образом, в понимании постмодернистов преступность конвенциональная, релятивная социальная конструкция – рекурсивная продукция, поскольку люди создают (конструируют) себя и собственный мир через взаимодействие с окружающими в процессе речевой коммуникации. Посредством языка и символических представлений они идентифицируют отличия, определяют

[1] Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. С.404-410; Гилинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Ежегодник уголовного права.СПб., 2014. С42-58.
[2] Гилинский Я.И. Очерки по криминологии. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. С.106.
[3] Young A. Imagining Crime. Textual Outlaws and Criminal Conversations». N.Y.: Sage Publications, 1996.

категории, тем самым участвуют в социальном конструировании преступности и порядка. При этом человек не только формирует действительность, но и сам изменяется под ее влиянием. Отсюда уголовно-правовые нормы, преступность и социальный контроль над ней – это конструкты, результат однообразных действий, которые стали частью исторического и культурного общения, достигшие относительной стабильности в определенном времени и пространстве.

Преступность в рамках постмодернистской криминологии – интегральная часть общества, результат совокупного воздействия всех его элементов, а не их отдельное влияние. Она вызвана социальной структурой и идеологией, разделяющих отношения между людьми в контексте дискурсивных практик по вопросам распределения ответственности друг перед другом во властной иерархии[1]. Следовательно, и преступник, и его жертва – результат неравного распределения и влияния власти, то есть структурированного неравенства.

Развитие современной криминологии в постмодернистской перспективе – реальный факт, позволяющий увидеть новые базовые черты науки о преступности в третьем тысячелетии. Попытку структурировать их сделал американский криминолог–постмодернист Эдвард Уэллс в статье под названием «Объяснение преступности в 2010 году». Будущее криминологии Уэллс сформулировал в следующих утверждениях:

• более эклектичная, чем прежние теории, и более междисциплинарная, то есть менее привязанная к одной теоретической традиции или дисциплине;

• более компаративная и менее ограниченная единственным типом общества или единственной доминантной группой в нем;

• скорее индивидуалистическая, чем коллективистская, более волюнтаризматическая, чем детерминистская;

• ориентированная больше на прикладную, прагматическую направленность;

• нацеленная больше на объяснение преступности «белых воротничков» и элиты;

• более рефлексивная, прибегающая, в том числе, к использованию реконструированных положений из биологических оснований человеческого поведения, теоретических подходов из биологической и медицинской области[2].

§ 6. Интеграция криминологических знаний: теории и перспективы

Первые попытки интегрировать различные подходы в создании теорий социального научения преступности прослеживаются, начиная с работ Э. Сатерленда в его теории дифференциальной ассоциации (1939) и после-

[1] Milovanovic D. Postmodern Criminology. N.Y-L.: Garland Publishing,Inc., 1997.
[2] Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. New Jersey, 1999. P.561.

дующих ее модификациях, предложенных Д. Глейзером (1956) и Р. Айкерсом(1966). Структурные теории напряжения в ходе модификации были дополнены явно выраженным субкультурным подходом, как это произошло с теорией фрустрации статуса А. Коэна (1955). В начале 90-х годов XX века в общей теория напряжения Р. Агнью широко учитывается интегративный эффект когнитивных, поведенческих и эмоциональных составляющих адаптации индивидов к различным типам напряжения в социальной системе[1].

Позитивистские теории преступности в своем построении, начиная с середины XX века, в той или иной мере содержат элементы интегративности.

Одну из любопытных модификаций конфликтологической теории преступности предложил неомарксист структуралистской ориентации Дэвид Гринберг в работе «Делинквенция и возрастная структура общества» (1981). Гринберг, опираясь на базовые положения марксистской криминологии, привлек к своему анализу непротиворечивые положения из теорий социального научения, дифференциальных возможностей, социального контроля.

Как известно, неомарксисты не отрицали того, что социально-психологические процессы, формируемые в рамках социально-классовой структуры, имеют значение в понимании преступности и уголовного правосудия. Характеризуя эти структуры, они уделяли особое внимание организации экономической активности с учетом политических и экономических изменений в обществе. В частности, Д. Гринберг обратил внимание на дифференциацию возможностей и специфическое распределение преступности в классовом обществе по возрастному критерию. Он обнаружил заметные диспропорции доли несовершеннолетних, вовлеченных в преступления, по отношению к числу преступников из других возрастных групп.

Гринберг предположил, что у несовершеннолетних молодых людей из всех классов капиталистического общества закрыт доступ на рынок труда. И если родители, принадлежащие к угнетаемому классу, не могут приобрести подросткам необходимые вещи или продукты, то им приходится самостоятельно решать эту проблему, прибегая к другим, чаше всего незаконным способам заработка. Такой выбор молодые люди психологически оправдывают тем, что в силу возраста цена преступления в этом случае еще не велика: чем моложе, тем меньше риск наказания. И даже когда перед совершеннолетними откроется рынок труда, молодые люди по-прежнему могут прибегать к нелегитимным средствам заработка[2]. Гринберг считал, что делинквентность несовершеннолетних при социализме идет на убыль по сравнению с капиталистическими странами.

[1] См. подробнее: Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: АЛЕФ-ПРЕСС,2014. С.98-139.
[2] Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.170-171.

Состязательность и взаимная критика представителей различных теоретических перспектив в криминологии конца XX века стимулировали дальнейшее развитие теорий преступного поведения на пути теоретической интеграции. Действительно, ни позитивистски выстроенные структурные теории, ни процессуальные теории феноменологической и конструктивисткой ориентации, ни критические концепции, созданные в других теоретических перспективах, не позволяли до конца охватить и выразить все проявления и природу криминальных актов.

Запас знаний и научных исследований в этот период был еще недостаточным, чтобы выделить самостоятельный дискурс теоретической интеграции в рамках более сложных концепций, объясняющих изменения темпов насильственной преступности представителей низшего класса или моделирующих латентную делинквентность в среде «белых воротничков» и буржуазной элиты. Рост числа девиантных проявлений, их дифференциация, а также неспособность системы формального социального контроля в развитых странах Запада и прежде всего в США сбить «волну преступности» во второй четверти прошлого века привели к «кризису наказания».

В новых социальных условиях сложился запрос на разработку интегративной парадигмы в криминологии. Интегративный подход в моделировании природы делинквентности и других форм социального неблагополучия предполагает более полный учет различных сфер человеческой деятельности, синтез причинно-следственных связей, заимствованных из ряда непротиворечивых монотеорий.

Интегративная перспектива анализа преступности стала формироваться со второй половины 70-х, в 80-х годах прошлого века как реакция на ограниченность объяснительных возможностей большого количества позитивистских и непозитивистских монотеорий преступности. Процесс интегративного научного поиска подстегнул развитие альтернативных позитивизму феноменологических и постмодернистских подходов. Дополнительным импульсом к развитию интегративных теорий послужила острая критика позитивистского подхода, объективизма и детерминизма со стороны феноменологической и постмодернистской криминологии.

Первой принято считать теоретическую интеграцию в рамках неопозитивизма, которая отражала интенции уходящей эпохи модерна. Теоретическая интеграция рассматривалась криминологами-позитивистами как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем в каждой исходно взятой теории. В процессе разработки интегративной теории в нее могут как включаться, так и не включаться совместимые (непротиворечивые) суждения и идеи из других теорий[1].

[1] Ibidem. P.205-206.

Интерес к теоретической интеграции на этом этапе развития криминологической науки был вызван и тем, что ее сторонники стремились разработать базовые понятия и принципы, способные обеспечить согласованность положений отдельных теорий и выстроить более комплексные, если не всеобъемлющие, этиологические модели преступности. Так, Джек Гиббс (1989) определил понятие «контроль», а Стивен Месснер и Ричард Розенфельд (1994) идентифицировали концепт «культура» как центральное понятие интегративной теории.

Интегративный подход стал многообещающим в более адекватном комплексном объяснении множественных причинно-следственных связей, продуцирующих преступность. За модернистскими интегративными теориями преступности последовали и постмодернистские модели теоретической интеграции.

Многообразие подходов к теоретической интеграции привело в последствии к формированию гибридных (смешанных) вариантов интеграции, сочетающих положения и методы, созданные в рамках модернизма (позитивистские принципы, факты и ценности эмпиризма) и постмодернизма (постмодернисткий реконструкционизм). В начале XXI века в интегративном дискурсе были заявлены и пост-постмодернистские варианты теоретического синтеза.

В результате на рубеже и в начале XXI века в трудах зарубежных криминологов Р. Айкерса, Дж. Хагэна, Дж. Коулмана, Б. Татума, Б. Вилы, Б.Арриго, Г.Барака и других сложилась интегративная криминология, основные положения которой отрефлексированы и отечественными исследователями (Я.И. Гилинский, Д.А. Шестаков, Т.В. Шипунова, Ю.Ю. Комлев и др.).

Интегративный дискурс стал ответом науки постмодерна на проблемы, с которыми столкнулась традиционная позитивистская криминология как детище эпохи модерн, в условиях глобализации, виртуализации криминальной реальности, ускорения социальных и технологических изменений в «новом» мире, релятивизации знаний о преступности и кризиса детерминизма, «кризиса наказания» и полицейского контроля.

Эйнстэдтер и Генри в 1995 году выделили четыре типа причинности в контексте теоретической интеграции (линейная, множественная, интерактивная, диалектическая)[1].

Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт.

Множественная причинность в ранних интерпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более

[1] Barak G.Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P. 191.

поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления.

Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия, меняясь местами.

Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно. В модернистских интегративных теориях, как правило, подразумевается линейная или множественная причинность. Постмодернистская и пост-постмодернистская интеграция учитывает более сложную связь причины и следствия. Это и множественная интерактивная, и диалектическая причинность.

В конце прошлого столетия был создан на основе неопозитивизма ряд модернистских интегративных теорий преступности. Это работы Говарда Каплана (1975), Рональда Айкерса (1975), Ричарда Куинни (1977), Дэлбета Эллиота (1979), Ричарда Джонсона (1979), Марка Колвина и Джона Паули (1983), Фрэнка Пирсона и Нэйла Уэйнера (1983), Джеймса Уилсона и Ричарда Хернштайна (1985),Томаса Бернарда (1986), Мервина Крона (1986), Родни Старка (1987), Джона Хагэна (1988), Джеймса Коулман (1989), Терэнса Мифа и Роберта Мейера (1994), Беки Татума (1995).

Рональд Айкерс в работе «Криминологические теории: введение и эволюция» (1997) рассматривает три принципиальных способа, с помощью которых можно дать оценку и способствовать развитию теории. Первый заключается в том, чтобы проверить, подтверждаются ли выдвинутые гипотезы в ходе практики и испытания временем. Второй способ состоит в том, чтобы использовать «теоретическое соревнование», то есть выполнить логическое, концептуальное или эмпирическое сравнение двух или более теорий для того, чтобы выяснить, какая модель лучше объясняет девиантное поведение. Третий способ – работа над теоретической интеграцией. Она определяется исследователем как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем в каждой исходно взятой теории. В процессе разработки интегративной теории в нее могут как включаться, так и не включаться совместимые (непротиворечивые) суждения и идеи из других теорий[1].

Для микромоделей существенна роль социальных процессов и личностных характеристик индивидов в объяснении преступного поведения. Так, Джеймс

[1] Akers R. Criminological Theories: introduction and evalution. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 205-206.

Уилсон и Ричард Хернштайн (1985) выдвинули комбинированную гипотезу, в соответствии с которой в природе преступления первостепенное значение имеют социальное научение индивида и его наследственные факторы (импульсивность, низкий интеллект). Эта теоретическая конструкция была нацелена на интегративное моделирование агрессивного, жестокого криминального поведения.

Мервин Д. Крон (1986) в своей сетевой теории предложил более сложную интегративную модель преступного поведения на основе социального обучения, социальных связей и социального контроля в процессе взаимодействия индивидов в форме социальной сети. Крон считал, что чем ниже плотность сети по отношению к плотности населения, тем слабее ограничения против несоответствия нормам и тем выше уровень преступности.

Для макромоделей при прогнозировании преступности существенна роль социоструктурных факторов.

Родни Старк (1987) обосновал структурную теорию преступности с использованием концепта «экология среды обитания». Он объединил влияние ряда средовых (плотность населения, ветхость жилья) и экономических (бедность) факторов на преступность.

Джон Хагэн (1988) выдвинул структурную теорию контроля власти, пола и поведения, где объединил базовые элементы неомарксизма, гендерного анализа и теорий контроля.

Для микро-макромоделей характерно объединение положений из процессных и структурных теорий девиантности. Фрэнк Пирсон и Нэйл Уэйнер (1985) предложили модель интеграции на основе социального обучения с включением пропозиций из теории социальной связи, устрашения и рационального выбора теорий напряжения и использования незаконных возможностей.

Криминологи-позитивисты используют различные основания для типологизации интегративных теорий. Так, Ален Лиска, обобщая опыт теоретического синтеза, в 1980-е годы выделил концептуальную и пропозициональную интеграцию. Концептуальная возникает тогда, когда понятия из одной теории перекрывают в своем значении понятия из других теорий. Пропозициональная интеграция связывает суждения (положения) из различных теорий. К первому типу относятся, например, интегративные теории концептуального поглощения Р. Айкерса и концептуальной интегративной рамки Ф. Пирсона и Н. Уэйнера. Ко второму – интегративная модель напряжения, связи и научения Д. Элиота, интегративные теории М. Крона, Т. Торнберри и других авторов.

Рассмотрим наиболее яркие примеры модернистской концептуальной и пропозициональной интеграции.

Теория концептуального поглощения Р. Айкерса. Р. Айкерс в 1975 году показал, что идеи теории социального научения частично совпадают с по-

ложениями из теорий социальной связи, стигматизации, конфликта и аномии. Позже он предположил, что интеграция может достигаться с помощью концептуального поглощения. Концептуальное поглощение означает абсорбцию понятий из одной теории понятиями другой в тех случаях, когда это позволяет описываемое ими явление. Например, в теории социальной связи концепт «убеждение» относится к обычным моральным убеждениям, которые строго придерживаются виновности. Концепт «убеждение» может быть абсорбирован в теорию социального научения для определения неблагоприятных дефиниций закона, способствующих совершению преступления, и благоприятных, останавливающих перед совершением зла. Айкерс считает, что концепт «приверженность» из теории социальной связи также может быть абсорбирован в теорию социального научения.

Теория концептуальной интегративной рамки Ф. Пирсона и Н. Уэйнера. Удачная попытка концептуальной интеграции была сделана Фрэнком С. Пирсоном и Нейлом А. Уэйнером (1985), в которой они объединили концепты из наиболее важных макро-и микротеорий криминального поведения в одну интегративную рамку. Предложенная модель интеграции выполнена на основе выделения понятий, которые являются общими для разных монотеорий и, в свою очередь, характеризуют эти понятия в рамках общей структуры.

Основой модели Пирсона и Уэйнера является теория социального научения. С ее помощью они установили восемь основных концептуальных положений. Шесть из них ссылаются на предшествующие факторы в процессе научения: 1) выгода (награда/наказание), 2) поведенческие навыки (техника совершения преступления), 3) символы благоприятных возможностей совершения преступления, 4) поведенческие ресурсы, 5) правила целесообразности (дают указания для получения максимальной награды и избегания негативных санкций), 6) правила морали (определяют поведение как плохое или хорошее).

Оставшиеся положения имеют отношение к определению двух обратных связей в механизме социального научения, как результат действия по линии: 7) получение выгоды (приобретение наград и наказаний) и 8) получение информации (знание о поведении, которое могло быть использовано для повторного действия). Позже Пирсон и Уэйнер показали, как принципиальные положения из других наиболее важных теорий могут быть вариациями или подтипами этих восьми основных положений. Например, они полагали, что привязанность к другим (из теории социальной связи) влечет за собой подражание им и то, что эти другие становятся источником позитивной выгоды в форме эмоционального удовлетворения. Концепт приверженности также соответствует концепту выгодных требований. Положения из теорий устрашения и рационального выбора также могут быть отнесены к выгодным требованиям, пра-

вилам целесообразности, знакам благоприятных возможностей, выгодным и информационным приобретениям. Положения из теорий напряжения, использования незаконных возможностей объединяются с концептами выгодных требований, правил целесообразности, знаков благоприятных возможностей. Наконец, Пирсон и Уэйнер добавили в интегративную рамку концепцию макроуровня как социально-структурированный источник производства и распространения выгоды, возможностей, правил целесообразности и морали.

Интегративная модель напряжения, связи и научения Д. Элиота. Дельберт С. Элиот предложил пропозициональную интеграцию на основе теорий напряжения, социальной связи и социального научения. Его интегрированная модель предполагает, что движение в сторону делинквентности начинается с напряжения, возникающего в семье и школе, затем оно подпадает под влияние слабых конвенциональных социальных связей в рамках традиционных структур и, наконец, под воздействием сильных связей с делинквентными сверстниками приводит к девиантному поведению.

Аналогичные построения в 80-е годы предложили А. Лиска (теория «состязания») и Т.Торнберри («интерактивная теория»), М. Крон («сетевая теория»), Ч. Титтл (теория «баланса контроля») и другие[1].

Работа над теоретической интеграций с модернистских позиций продолжилась и в 90-е годы XX столетия. Это труды Джеймса Коулмана, Терэнса Мифа и Роберта Мейера, Бэки Татума.

Интегративная теория беловоротничковой преступности. Джеймс Коулман в работе «Преступная элита» (1989) сформулировал микро-макро-интегративную теорию беловоротничковой преступности, которая объясняет и корпоративные, и профессиональные преступления. С одной стороны, он на микроуровне анализирует психологические побуждения «беззаботных» и «эгоцентричных» «белых воротничков». С другой, на уровне макро выполняет анализ «структуры оппозиции» (законный и незаконный).

Коулман рассматривает также «культуру соревнования», которая может быть проверена этическими нормами, СМИ, символической силой закона. Он определенно подчеркивает роль «техник нейтрализации» в корпоративном мире, которые разрушают этические нормы поведения. Они являются продуктом корпоративной культуры, где эффективная бюрократия порождает своего рода аморальный прагматизм. Он также утверждает, что законные и незаконные оппозиционные стороны дифференцированно распределены согласно рынку и потребностям правовых систем. В пределах крупномасштабных организационных структур это означает, что беловоротничковые преступления

[1] Akers R. Criminological Theories: introduction and evalution. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 214-219.

– продукт ценностей, установленных требованиями рынка и проведения законов в жизнь[1]. В итоге Коулман утверждает, что корпоративная субкультура является существенной в побуждении к профессиональным преступлениям.

Контекстуальная теория. Терэнс Миф и Роберт Мейер в работе «Преступление и его социальный контекст: к интегрированной теории преступников, их жертв и ситуаций»(1994) утверждают, что преступления не могут произойти без особого социального контекста. Они заявляют, что преступления значительно различаются с точки зрения своей социальной экологии и преступной мотивации. Предложенная учеными макро-микромодель учитывает факторы виктимизации, поскольку обычные действия в повседневной жизни нередко создают ситуации, провоцирующие преступления. Однако, прежде всего, Миф и Мейер концентрируются на социальном контексте преступления, который задают следующие структурные факторы: низкий социально-экономический статус, подвижность населения, этническая разнородность и неполные семьи.

Интегративная теория структурного притеснения. Беки Татум в 1995 году предложил микро-макроинтегральную теорию преступности – теорию структурного притеснения. Модель Татума стремится объяснить преступления угнетаемой части населения «структурным притеснением», отношениями между ней и социальным окружением с учетом психологического состояния отчуждения этих людей в трех формах адаптивного поведения – ассимиляции, делинквентности, протестных девиаций. Татум попытался связать структурные условия, восприятие афро-американцев, отчуждение, преступления и девиации, совершаемые в этой среде под давлением «структурного притеснения».

Теория Татума утверждает, что неоколониальная модель притеснений не только объясняет расовые и классовые различия в преступности, но также раскрывает ее историческую ориентацию, объясняет ее отличие от других структурных моделей. В то же самое время эта модель перемещает исследование преступления «от жертв притеснения к эксплуатирующим структурам современного общества»[2].

Критический анализ модернистских интегративных теорий 80-90-х годов выполнен постмодернистами. Так, Г. Барак считает, что модернистские теории ограничены выбором тех или иных интегральных переменных при объяснении преступности[3]. Объяснительный потенциал интегративных теорий неопозитивистов снижен за счет простого объединения непротиворечивых положений или самих монотеорий, поскольку криминальная реальность значительно сложнее ее позитивистских интерпретаций. Первые интегративные теории игнорируют такие типы социального знания, как медиа-дискурсы, текстуальность, культура,

[1] Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P.201-202.
[2] Ibidem. P.208.
[3] Ibidem. P.211.

гендер, участвующие в конструировании криминальной реальности и правосудия. Тем не менее, эти первые работы, выполненные в интегративном ключе, заложили основы позитивистской интегративной криминологии.

Развитие криминологической мысли в эпоху постмодерна характеризуется новыми вехами и, прежде всего, – возникновением *постмодернистской интегративной криминологии*.

Постмодернизм не только проблематизировал представления о преступности, социальном порядке, контроле и власти в обществе, но и способствовал возникновению множества попыток нового непозитивистского синтеза криминологических теорий. Как было показано, постмодернисты исходят из понимания преступности как не вполне определенной, релятивной, динамической социальной конструкции. Проводя дискурсивный анализ и исследуя роль языка, символов и метафор в создании образов преступного поведения, они ставят вопрос о пересмотре, реконструкции традиционных позитивистских моделей криминального поведения.

С точки зрения постмодернистов, на преступное поведение все большее влияние оказывают факторы возраста, пола, расы, класса и других социальных, а также психологических характеристик индивидов, пересекающихся друг с другом в контексте жизненного мира и личного опыта людей как членов различных общностей. И если для криминологов-позитивистов важны, прежде всего, объективные причины преступности, постижение логики совершения преступлений и осуществления социального контроля в новых условиях, то постмодернисты учитывают и интерпретацию субъективных факторов, «чувственных смыслов» при совершении криминальных действий.

Некоторые из них, например Дж. Кац, анализируют моральную привлекательность и эмоциональные аргументы при совершении краж из магазинов, грабежей и вандализма. Сторонники культуральной криминологии, конструируя преступность как продукт культуры (as creative constructs), сосредотачиваются на изучении преступлений, совершаемых представителями субкультурных групп. Этих молодых людей объединяют определенные образы, стили, символические формы, удовольствия, вызванные нередко сопротивлением власти и участием в запрещенных видах деятельности. Неслучайно криминолог-постмодернист Джефф Фэррел заявляет, что «ситуативные удовольствия, разделенные волнением и выплеском адреналина, определяют опыт и значение преступлений для многих из тех, кто причастен к их совершению... Преступность вытекает из моментов криминального гедонизма, а также волнений, связанных с сопротивлением классовому неравенству, со спецификой потребления и гендерных различий»[1].

[1] Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P.217.

Криминальная реальность «ультрасовременного капитализма» в эпоху постмодерна и критика постмодернистами модернистской криминологии, в том числе ее интегративной перспективы в вопросах теории, привели к опыту постмодернистского теоретического синтеза. Над этой проблематикой активно работают, начиная с 90-х годов прошлого века, молодые американские криминологи-постмодернисты Роберт Сэмпсон и Джон Лауб, Брайен Вила, Брюс Арриго, Джеймс Мессершмидт, Грег Барак.

Роберт Дж. Сэмпсон и Джон Х. Лауб, совершенствуя теорию жизненного пути, в 1993 году использовали возможности постмодернистской реконструкции и создали ее интегративную версию. Процесс преступления они представили в виде модели «путей и поворотных моментов в жизни», отображающей социальное (ре) конструирование преступления. Центральная идея теории этих авторов состоит в том, что «преступление и девиация – это результат слабых или нарушенных связей индивидуума с обществом». Сэмпсон и Лауб особо выделили «роль неформальных средств социального контроля, которые зависят от взаимосвязи и структуры связей между людьми и связывают членов общества друг с другом с более широкими социальными институтами, такими как, работа, семья и школа»[1]. Исследователи активно использовали как количественные, так и качественные социологические методы. Анализ объединенных эмпирических данных относительно жизненных историй подтвердил, что стабильность и изменения в поведении людей связаны с институтами занятости и отношениями в семье на протяжении всей взрослой жизни.

Брайен Вила в 1994 году разработал интегративную эволюционно-экологическую теорию понимания преступности. Его теория рассматривает взаимодействия между причинными факторами посредством различных дисциплин. В теоретическом синтезе Вила использует положения эволюционной экологии, проблемно-ориентированный и дисциплинарно-ориентированный подходы к пониманию преступного поведения.

Брюс Арриго в 1995 году рассматривает интеграцию более определенно в рамках постмодернизма как синтез, который касается релятивной, позиционной и предварительной функцией для интерпретации, толкования, поверки и отказа от некоторых дискурсов, а также их выражения для конструирования реальности в расходящихся социальных отношениях. Этот синтез включает разнообразные знания из психоанализа, семиотики, постструктурализма, деконструктивизма, учитывает роль человеческого фактора и социальные изменения. Тем самым постмодернистская интеграция, согласно Арриго, стремится «понять вектор и изменяющиеся пути, кото-

[1] Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P. 186-235.

рыми социальные группы сообщаются, и дают рекомендации по борьбе с преступностью в местные органы власти, правосудия, законотворчества»[1].

Исследования Сэмпсона и Лауба, Вилы и Арриго во многом совместимы не только с постмодернистским подходом Генри и Миловановича, но и со структурной теорией Э.Гидденса, в которой описывается дуальность объективизма и субъективизма, ясно формулируется синтетическая модель интегративной науки о преступности.

На рубеже XXI века появились новые интересные работы в рамках постмодернистского синтеза. Среди них: теория преступности как структурированного действия Джеймса Мессершмидта (1997), в которой автор конструирует преступность с помощью дискурсов и через способы, которыми люди активно формируют свои идентичности (гендерную, классовую, расовую) в тех или иных социальных контекстах и ситуациях.

Интегративный подход Мессершмидта показывает, что преступление – рекурсивная продукция, являющаяся неотъемлемой частью историко-культурных дискурсов, сложившихся в течение длительного времени. Ученый в новой работе «Пол, гетеросексуальность и молодежное насилие: борьба за признание» (2012) развивает положения своей интегративной теории.

Постмодернисты сторонники интегративного подхода в криминологии моделируют как объективные обстоятельства криминального поведения в контексте социальной структуры и социальных изменений, так и влияние субъективных факторов, «чувственных смыслов» при совершении делинквентных действий. Если в модернистских интегративных теориях описывается множественная, в лучшем случае вероятностная причинность, то постмодернистская интеграция уже учитывает более сложную связь причины и следствия в форме множественной интерактивной причинности.

Контент-анализ новых криминологических источников и монографических текстов показывает, что в результате научной состязательности в криминологии начала XXI века развиваются не только модернистские и постмодернистские, но и гибридные (смешанные) *пост-постмодернистские интегративные теории преступности.*

Ярким примером гибридного подхода в научном синтезе является пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний, выполненная криминологом-постмодернистом Грэгом Бараком в работах «Интегративная криминология» (1998), «Криминология: интегративный подход» (2009). В этих трудах теоретическая интеграция предпринимается уже не только на междисциплинарном, но и межпарадигмальном уровнях синтеза.

Свою модель интеграции Барак выстраивает исходя из положений интегративного подхода Дж. Тикосинера или Zetetic-учение как науки, изуча-

[1] Ibidem. P. 226-227.

ющей творческую деятельность. Он использует положения конститутивной теории криминологов феноменолого-конструктивистской ориентации С. Генри и Д. Милошевича, постмодернистской криминологии и теории структурации социолога Э. Гиденса.

Барак прежде всего опирается на философскую идею Тикосинера, которая состоит в объединении всех исследований и знаний в единую гуманитарную науку. Основу его модели составляют также посылы из конститутивной и постмодернистской криминологии. Это положение о релятивном и сконструированном характере преступности. Взаимодействуя друг с другом в процессе коммуникации, жертвы, преступники, полицейские, судьи средствами языка конструируют преступность и контроль над ней как взаимосвязанные, динамические, диалектические явления. Кроме того, он использует тезис о том, что преступное поведение – рекурсивная продукция – однообразные действия, ставшие частью исторического и культурного контекстов, получившие относительную стабильность в определенном временном и пространственном измерениях. В основе подхода Барака и утверждение о том, что преступность и дополняющий ее социальный контроль над ней – результат совокупного воздействия всех объективных (политических, экономических социальных) и субъективных факторов (чувственно-эмоциональных), а не их отдельное влияние.

Предпочтение интеграции криминологических знаний на постмодернистской основе Г.Барак обосновывает тем, что она учитывает как на микро-, так и макроуровне взаимное влияние зависимых и независимых переменных (множественная интерактивная причинность). Барак исходит из того, что моделируемые явления (девиантность, преступность, социальный контроль) сложны и неопределенны, постоянно и достаточно быстро меняются в мире постмодерна.

Согласно Гидденсу, структурные свойства социальных систем не существуют за пределами действия, но хронологически вовлечены в процесс его производства и воспроизводства. Гидденс доказывает, что дебаты между сторонниками количественных и качественных подходов в социологической методологии между теми, кто выступает за макросоциологический анализ, и теми, кто придерживается микросоциологических исследований, определяются дуализмом структуры и действия. Теория структурации утверждает, что такая двойственность ложна и что социальные исследователи должны использовать и количественные, и качественные методы исследования, дополняющие друг друга. Этот тезис позволяет преодолеть дуализм и конфликтность в способах мышления и исследования преступности. Положения теории структурации Гиденса делают интегративную модель Барака открытой к взаимодополняющим подходам и методам, позволяет преодолеть двойственность и конфликтность между модернизмом и постмодернизмом в криминологической теории.

В синтезе, предложенном Г. Бараком, объединяются междисциплинарные, полипарадигмальные знания из а) криминологии о поведении преступника и системы социального контроля, о мерах и последствиях от их применения в форме репрессии; б) социальных и естественных наук, правоведения и культурологии; в) о динамическом взаимодействии между социальной средой (городской экологией) и развитием местной, региональной и глобальной политической экономии. Ученый интегрирует знания из сферы материального мира, связанные с отклонениями и репрессиями, из естественных и социальных наук (юриспруденции, культурологии и человековедения, социальной экологии и политэкономии, позитивистской, феноменологической и постмодернистской криминологии).

Предложенная Бараком интегрально-учредительная структура предусматривает целостную модель преступления и правосудия, включающую прикладные знания классической, позитивистской и непозитивистской критической криминологии. Таким образом, пост-постмодернистский синтез представляет собой объединение в открытую к изменениям и дополнениям систему не только специализированных криминологических знаний, но и смежных с ними дисциплин. Модель Барака предполагает предельно широкий вариант теоретической интеграции в современной науке о преступности.

Открытая интегративная модель Г. Барака позволяет объединить как позитивистские, так и постмодернистские теории преступности. Их взаимодополнение и взаимодействие со знаниями из области культуры, масс-медиа в контексте социальной экологии и развития политической экономии составляют, по мысли ученого, основную идею интегративной пост-постмодернистской криминологии[1].

В работе «Интегративная криминология» (1998) Барак обосновал тезис о том, что теоретическая интеграция – необходимая предпосылка для переустройства криминологии, способ ухода от ведущей карающее-административной формы социального контроля в сторону новой более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и других форм девиантности. Интегративная трансформация, к которой он призвал ученых, включает как «разрушение, так и реконструкцию ритуалов в преступности, в криминологии, системе формального и неформального социального контроля»[2].

Развитие пост-постмодернистского синтеза преступности с объяснением работы системы правосудия в англоязычной литературе закрепилось под названием интегративно-конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции Г. Барака и С. Генри (1999). Эта концепция

[1] Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon,1998. P. 216-232.
[2] Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon,1998. P. 236-255.

моделирует процесс со-конструирования преступности и правосудия. Вид синтеза, предложенный учеными постмодернистами, – попытка соединить пересечение классовых, расовых, гендерных знаний и характеристик с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями. Она связывает анализ культурных практик с изучением преступности, описывает разнообразные тезаурусы, с помощью которых различные люди, потерпевшие от насилия, выстраивают дискурсы с различными организациями уголовной юстиции, осуществляющими власть[1]. В «Энциклопедии преступности и наказания» (2002) Г. Барак пишет, что некоторые из синтетических моделей интегрированного знания в рамках пост-постмодернистского подхода могут сочетать положения современного эмпиризма и постмодернистского реконструкционизма.

Интегративная парадигма – многообещающее направление развития науки о преступности[2]. Именно пост-постмодернистские интегративные теории преступности, по Бараку, будут наиболее перспективными для развития криминологической науки в новом столетии.

В работе «Криминология: интегративный подход» (2009) Барак продолжает развивать свой пост-постмодернистский подход к пониманию природы преступности, но уже в контексте глобализации[3]. Он критически оценивает криминологические теории в исторической ретроспективе, обосновывает интегративное изучение преступности, мер социального контроля над ней, аргументирует предложения по совершенствованию системы уголовного правосудия в глобальном мире.

Среди российских криминологов на пост-постмодернистскую интеграцию Г. Барака отреагировали Д.А. Шестаков и Я.И. Гилинский. Положительно оценивая интегративный криминологический дискурс, его познавательный потенциал в целом, Д.А. Шестаков, в частности, считает, что теоретическая интеграция криминологических теорий существенно осложняется тем, что теории эти рассматривают проблемы преступного поведения на разных уровнях: микроуровень, на котором проистекает поведение отдельного человека, структурно-культурный уровень, уровень преступности в целом как некоего социального феномена… Столь обширная сложная интеграция может вести к чрезмерно значительному отходу от первоначальных формулировок, сделанных различными криминологами»[4].

[1] Интегративные теории, интегративные криминологии // Энциклопедия преступности и наказания (Sage,2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_ integrative _htm.
[2] Интегративные теории, интегративные криминологии //Энциклопедия преступности и наказания (Sage,2002) [Электронный ресурс]. URL: http://critcrim.org/critpapers/barak_ integrative_htm.
[3] Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009.
[4] Шестаков Д.А. Криминология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

Резюмируя, следует еще раз отметить, что новые объяснительные возможности пост-постмодернистской интеграции – результат создания теоретического фрейма как открытой к изменениям и дополнениям системы знаний о преступности, социальном контроле, включая специальную терминологию, а также положения смежных с учением о преступности наук. Ценно, что гибридная модель предполагает предельно широкий охват непротиворечивых и дополняющих друг друга знаний, накопленных как позитивистской, неопозитивистской, так и постмодернистской наукой о преступности и социальном контроле.

Пост-постмодернистский синтез позволяет моделировать диалектическую причинность как множественные интерактивные причинно-следственные взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно на микро-, и макроуровне социальной системы. Пост-постмодернистская интеграция знаний – это путь, который в перспективе позволяет лучше других интегративных подходов учесть взаимосвязь преступности и других проявлений негативной девиантности, социального контроля как сложных, неопределенных, постоянно и достаточно быстро меняющихся феноменов во времени и пространстве ультрасовременного мира, живущего по логике виртуализации в быстро трансформирующемся глобальном мире.

Наряду с новыми объяснительными возможностями по диалектическому описанию причинности в контексте социальных и иных изменений, происходящих в социуме, пост-постмодернистская интегративная теория имеет немалые перспективы по переустройству и совершенствованию уголовного права, правоохранительной и пенитенциарной системы, правосудия. Они видятся на пути реконструкции социально неопасных составов преступлений и ухода от ведущей карающее-административной формы социального контроля в сторону более превентивной социально-демократической формы регуляции отношений в области противодействия преступности и других проявлений негативной девиантности.

Таким образом, пост-постмодернистская интеграция криминологических знаний открывает не только новые объяснительные возможности, но и закладывает перспективу преодоления дуальности и конфликтности в способах мышления, созданных в рамках модернизма и постмодернизма при изучении, описании, реконструкции преступности и социального контроля над ней. Это новый, продуктивный вектор в развитии теоретической криминологии, который представляет немалый интерес и для развития российской науки о преступности.

Вопросы для самоконтроля:

1. Дайте определение криминологической теории и перечислите основные критерии типологизации.
2. Сформулируйте основные положения классической школы в криминологии.
3. Охарактеризуйте антропо-биологическое направление в криминологии.
4. Перечислите психологические теории преступности.
5. Что относится к социологическим теориям преступности?
6. Раскройте предпосылки теоретической интеграции в криминологии.

Литература

Akers R. Criminological theories: introduction and evolution. 2nd. ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. – 272 с.

Schmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. New Jersey.1999. – 395 с.

Barak G. Integrating criminologies. Boston: Allyn & Bacon.1998. – 330 с.

Barak G. Criminology: An Integrated Approach. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc., 2009. – 379 с.

Shmalleger F. Criminology today: an integrative introduction. 2nded.New Jersey,1999. – 624 с.

Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. перераб. и доп. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. – 504 с.

Гилинский Я.И. Очерки по криминологии. СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2015. – 224 с.

Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. -2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд.дом АЛЕФ-ПРЕСС,2014. – 574 с.

Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2016. – 248 с.

Шестаков Д.А. Криминология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 720 с.

Глава XII
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

§ 1. Правовое регулирование международного сотрудничества в сфере предупреждения и противодействия преступности

Фундаментом международной стабильности и безопасности государств всегда было и остается международное сотрудничество, в том числе в сфере противодействия преступности, которая приобрела новые качества, требующие адекватного реагирования, как на национальном, так и международном уровнях.

Современное состояние международного сотрудничества Российской Федерации по противодействию преступности – свидетельство стремления России к международно-правовым стандартам в этой области, укреплению коллективных правовых начал в международных отношениях, становлению полицентричного миропорядка. Подтверждение тому – ратификация и одобрение в период с 2008 - 2018 гг. ряда международных документов[1].

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации[2] являются составной частью ее правовой системы. Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»[3] установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

[1] Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок (заключена в г. Стамбуле, 21.11.1997 г.) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 7. С. 72–85; Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания (заключена в г. Москве 06.03.1998) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 3. С. 20-26; Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (заключена в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 11. Ст. 1274; Конвенция Совета Европы по контрафактной медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения (CETS N 211) (заключена в г. Москве 28.10.2011) // URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2018); Договор между Российской Федерацией и Республикой Колумбией о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Москве 06.04.2010) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 36. Ст. 4821.

[2] Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

[3] О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

Международные договоры являются одним из важнейших средств развития международного сотрудничества, способствуют расширению международных связей с участием государственных и негосударственных организаций, в том числе с участием субъектов национального права. Как отмечают специалисты, необходимость международного сотрудничества обусловлена особым характером транснациональных преступлений, «которые посягают на интересы нескольких государств либо представляют опасность для международного сообщества»[1].

Во второй половине XX в. сотрудничество государств получило документальное закрепление в связи с существенно возрастающим значением для мирного взаимодействия государств. На данном этапе международное сотрудничество стало рассматриваться как составная часть сотрудничества по социальным вопросам[2].

В теории международного права существует несколько мнений относительно цели международного сотрудничества государств. Согласно позиции Т.В. Мельник, «целью международного сотрудничества является достижение единства, согласованности действий государств на основе взаимодействия международного и национального уголовного права»[3]. По мнению А.В. Сорокина, цель международного сотрудничества – «совместное противодействие международной преступности»[4].

Таким образом, следует отметить, что основополагающей целью международного сотрудничества государств является предупреждение и противодействие преступности, главным образом, транснациональной. Очевидно, что международное сотрудничество государств в сфере противодействия преступности значительно расширяется. Тенденция к объединению усилий государств по противодействию все большему количеству преступлений отмечалась учеными и ранее, однако, в последние годы она приобретает глобальный характер.

Следует отметить, что международное сотрудничество в сфере противодействия преступности как деятельность является важной сферой международных отношений, обеспечивает международно-правовой и внутригосударственный порядок, способствует международной и национальной безопасности и направлена на реализацию следующих основных задач:

• организация предупреждения международной преступности;

• осуществление мер непосредственного противодействия преступности;

[1] Алиев В.М. Уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями международного характера: проблемы законотворчества и правоприменения // Российский следователь. 2013.№ 2. С. 20.

[2] Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

[3] Мельник Т.В. Международно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма на универсальном уровне: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 6.

[4] Сорокин А.В. Проблемы интеграции российского уголовного процесса в международное сотрудничество по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С.9.

• обеспечение надлежащего обращения с правонарушителями в соответствии с международными стандартами[1].

Сотрудничество государств в сфере противодействия и предупреждения преступности имеет объективную основу – их тесную взаимосвязь и взаимозависимость, которые влекут качественное изменение самой преступности и совместных мер, применяемых правоохранительными органами государств. Противодействие преступлениям, имеющим транснациональный характер, может быть по-настоящему эффективна только при согласованности действий большинства государств и рациональном сочетании внутригосударственных и международных усилий.

В настоящее время в системе международных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы международного взаимодействия в сфере противодействия преступности, составляют следующие документы: Международные договоры (конвенции) и соглашения, в которых нормы о международном сотрудничестве в сфере противодействия преступности играют субсидиарную роль. Этот тип договоров, как правило, представляют собой конвенции или декларации, то есть носят концептуальный характер, и не столько регулируют, сколько закладывают концептуальные основы и определяют базовые принципы взаимодействия государств в правоохранительной деятельности. Основным таким документом принято считать Всеобщую Декларацию прав человека, провозглашенную резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблей ООН 10 декабря 1948 г. и являющуюся одним из первых документов, принятых в рамках ООН с целью международно-правового содействия обеспечению основных прав и свобод человека[2]. Более того, к данной категории нормативных правовых актов можно также отнести следующие документы: Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10.12.1984 г.); Декларация Организации Объединенных Наций о преступности и общественной безопасности (принята резолюцией 51/60 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1996 г.), Панамская декларация по вопросу о международном сотрудничестве в борьбе с терроризмом и организованной транснациональной преступностью от 2008 г. и ряд других.

Несмотря на то, что данная категория нормативных правовых актов не содержит в себе норм, регулирующих непосредственные вопросы взаимодействия

[1] Кобец П.Н. Международный опыт предупреждения преступности незаконных мигрантов // Paradigmatapoznani. 2014. № 2. С.17.
[2] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

уполномоченных органов договаривающихся государств, образующие ее документы, тем не менее, играют важную роль в существующей системе международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, поскольку закладывают базовые принципы такого сотрудничества и определяют стандарты общепринятых норм, которыми руководствуются договаривающиеся стороны.

К международным договорам и соглашениям, непосредственно регламентирующим вопросы международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, относятся традиционные договоры о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным делам, договоры о выдаче; договоры о передаче осужденных лиц для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются. В структуре этой группы международных договоров выделяют следующие типы соглашений:

1) межгосударственные (договоры высшего уровня, заключаемые от имени государства);

2) межправительственные (соглашения, заключаемые от имени правительства государства);

3) межведомственные (договоры, заключаемые на уровне ведомств и направленные на координацию совместной деятельности, национальных правоохранительных органов договаривающихся государств).

Как отмечают некоторые исследователи, такое разделение имеет не только научно-теоретическое, но и важное практическое значение, так как позволяет субъектам правоохранительной деятельности в процессе правоприменения ориентироваться в приоритетности применения норм того или иного международного соглашения, регламентирующего взаимную правовую помощь или вопросы выдачи[1]. Согласно существующей субординации (иерархии) источников международного права доминирующее положение занимают межгосударственные договоры, затем идут межправительственные и только после них межведомственные соглашения.

При этом, как правило, межгосударственные соглашения закладывают правовую базу и формируют механизмы взаимодействия, а соглашения межправительственного и межведомственного характера регламентируют конкретные процедуры и схемы такого взаимодействия, развивая и конкретизируя положения межгосударственных договоров.

В настоящее время основными многосторонними международными соглашениями, регулирующими вопросы взаимодействия государств в сфере противодействия преступности, а также взаимной правовой помощи по предупреждению преступлений, на региональных уровнях являются:

[1] Лазутин Л.А. Правовая помощь по уголовным делам как комплексное формирование в международном уголовном и уголовно-процессуальном праве: автореф. дис. … на соискание уч. ст. док-ра юрид. наук. Казань, 2008. С.13.

1. Межамериканская конвенция о выдаче от 25.02.1982 г., подписанная 15 государствами Организации американских государств (ОАГ); и Межамериканская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 23.05.1992 г., подписанная 15 государствами Организации американских государств (ОАГ).

2. Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом, принятая 16.05.2008 г. на пятой Конференции министров юстиции франкоязычных стран Африки; Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам Экономического Сообщества Западно-африканских государств от 29.07.1992 г., подписанная 16 государствами - членами Сообщества, Конвенция об экстрадиции Экономического Сообщества Западноафриканских государств от 06.08.1994 г.; Конвенция о судебном сотрудничестве Организации Африканского и Малагасийского Союза от 12.09.1961 г.

3. Соглашение об экстрадиции Лиги арабских стран от 14.09.1952 г.; Договор Лиги арабских стран о сотрудничестве по правовым вопросам от 04.04.1982 г.[1]

4. Конвенция от 27.12.1996 г. об экстрадиции между государствами-членами Европейского Союза; Конвенции ЕС о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 31.05.2000 г.; Протокол о судебной взаимопомощи между Швецией, Данией и Норвегией от 25.06.1957 г.,; Договор об экстрадиции между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией от 1962 г.; Конвенция о выдаче и взаимной правовой помощи по уголовным делам стран Бенилюкс от 27.06.1962 г.

5. Европейская конвенция о выдаче от 13.12.1957 г. с дополнительными протоколами 1975 и 1978 гг.; Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959 г. с дополнительным протоколом 1978 г. Европейская конвенция о выдаче от 13.12.1957 г. [2]

6. Конвенция стран СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г.; Конвенция стран СНГ о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания, подписанная 06.03.1998 г.; Конвенция стран СНГ о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения от 28.03.1997 г.[3]

Стоит отметить, что многосторонние договоры в отношении тех стран, к которым они применяются, имеют преимущество перед положениями двусторонних договоров этих стран.

[1] Официальный сайт Организации Объединенных Наций // URL: http://www.un.org/ru/documents/ (дата обращения: 10.02.2018).

[2] Официальный сайт Европейского Союза // URL: https://europa.eu (дата обращения: 10.02.2018).

[3] Официальный Интернет-портал Содружества Независимых Государств // URL: http://www.e-cis.info (дата обращения: 10.02.2018).

Двусторонние международные договоры в настоящее время являются одним из основных источников нормативно-правового обеспечения международного сотрудничества в сфере противодействия преступности. При этом стоит отметить, что двусторонние международные договоры могут заключаться государствами в развитие положений многосторонних соглашений, участниками которых являются договаривающиеся страны, для конкретизации применения содержащихся в них принципов. В частности, в них могут быть уточнены порядок направления запросов о правовой помощи и сроки их исполнения, основания для отказа в оказании правовой помощи, положения о совпадении концепций (например, двойная юрисдикция, отсутствие срока давности), перечень видов правовой помощи и органы, управомоченные запрашивать правовую помощь.

Отдельную категорию международных договоров составляют межправительственные и межведомственные соглашения. Они заключаются правительствами стран, уполномоченными ведомствами по поручению своих правительств либо без таких поручений. Ратификации органами зако-нодательной власти такие акты не подлежат и, как правило, носят технический характер, регламентируя процедуры взаимодействия по отдельны вопросам.

В качестве примера подобных соглашений могут быть приведены: Соглашение о правовой помощи и сотрудничестве между органами прокуратуры Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Кыргызстан от 8.11.1992 г.; Двусторонние соглашения и меморандумы, заключенные Генеральной прокуратурой РФ с отдельными прокуратурами стран СНГ; Схема взаимодействия по вопросам выдачи лиц, скрывающихся от правосудия, совершивших преступления в государствах Содружества (1966), принятая на встрече министров юстиции стран Содружества (Британского) в Лондоне в 1966 г.

Важно отметить, что межведомственные и межправительственные соглашения занимают подчиненное положение по отношению к межгосударственным договорам и не препятствуют заключению между ее участниками договоров, содержащих дополнительные или альтернативные положения.

Национальное законодательство государств является основой для реализации механизмов международного сотрудничества в сфере противодействия преступности. Именно с использованием процессуального порядка, предусмотренного национальным законодательством запрашиваемой стороны происходит исполнение запросов о правовой помощи, уголовном преследовании, экстрадиции и превенции.

§ 2. Международные правоохранительные организации и их система

Система субъектов международного сотрудничества в сфере противодействия преступности содержится в таких категориях, как интернацио-

нальные организации и общенациональные (государственные) органы и учреждения. Каждая из элементов обладает определенными компетенциями, которые, в свою очередь, учитывают особенности деятельности и специфику взаимосвязи между субъектами[1].

Комплекс транснациональных организаций и их структурных органов, которые наделены специальными полномочиями в области международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, определяется термином «международные правоохранительные организации».

В международном и российском законодательстве не существует нормативных правовых актов, которые бы содержали определение термина «международные правоохранительные организации». В свою очередь, это словосочетание активно используется как на национальном, так и на интернациональном уровнях.

К примеру, в статье 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[2] указывается, что при решении задач ОРД соответствующие органы обязаны выполнять на основе и в порядке, предусмотренных международными договорами России, запросы соответствующих международных правоохранительных организаций, правоохранительных органов и специальных служб иностранных государств. В соответствии со статьей 7 ФЗ № 144 к основаниям для проведения ОРМ отнесены запросы международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами России. Вместе с тем в Доктрине информационной безопасности России[3] указано, что одним из основных направлений международного сотрудничества России в области обеспечения информационной безопасности является предотвращение несанкционированного доступа к информации международных правоохранительных организаций, ведущих борьбу с транснациональной организованной преступностью, международным терроризмом, распространением наркотиков и психотропных веществ, незаконной торговлей оружием и расщепляющимися материалами, а также торговлей людьми. В таком ракурсе данный термин используется и в ряде других нормативных правовых документов и актах.

В свою очередь, в нормативных правовых актах не содержится определения термина и полного перечня международных организаций, которые занимаются противодействием преступности. Однако необходимо отметить, что

[1] Кондратьева А.В. Международно-правовое сотрудничество государств по обеспечению противодействия совершения преступлений в экономической сфере: магистерская дис. Красноярск.: Сиб. ФУ. 2016. С. 25.

[2] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.081995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

[3] Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 //Собрание законодательства РФ. 2016.№ 50.Ст. 7074.

существуют определенные четкие критерии, в соответствии с которыми становится возможным отнести интернациональную организацию или ее соответствующий орган к международным правоохранительным организациям:

1) данные организации наделены соответствующими полномочиями, заключающимися в международном сотрудничестве в сфере противодействия преступности. Следует подчеркнуть, что такая деятельность будет являться для них основной и существенным образом отграничивать от других видов организаций;

2) международные правоохранительные организации осуществляют данную деятельность на основе соглашений между государствами-участниками, которые находят свое выражение в международно-правовых документах (уставах). В соглашениях конкретизируется объем правосубъектности международных правоохранительных организаций. На основании этого ими могут являться только международные межправительственные организации, которые учреждены межгосударственным договором, или соответствующие органы данных организаций, выражающие общую волю объединения государств;

3) в составе международных правоохранительных организаций имеются постоянные органы, которые наделены международной правосубъектностью, достаточной для участия в сотрудничестве;

4) деятельность данных организаций осуществляется в определенных организационно-правовых формах, а также с соблюдением принятых правил и процедур и в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права;

5) соответствующие организации наделены определенными компетенциями по применению мер принуждения в противодействии транснациональным преступлениям и, в исключительных случаях, преступлениям, посягающим на государственный правопорядок страны-участницы, или по координации применения данного вида принуждения;

6) отказ одного из участников данной организации от сотрудничества с международными правоохранительными организациями или с другими странами-участницами влечет за собой международно-правовую ответственность.

С учетом вышеизложенного следует классифицировать международные правоохранительные организации на:

• международные организации по сотрудничеству между правоохранительными органами (транснациональные организации и их органы, участвующие в международном сотрудничестве по предупреждению и противодействию преступности, связанном непосредственно с пресечением преступлений, в том числе и путем проведения ОРМ, а также с оказанием правовой помощи в сфере противодействия преступности);

• органы международного уголовного правосудия или международной уголовной юстиции (транснациональные организации и их органы, отправляющие правосудие по делам о международных преступлениях, осуществляющие уголовное преследование и наказание лиц, виновных в их совершении).

К транснациональным организациям по сотрудничеству между правоохранительными органами относятся:

– Интерпол (Международная организация уголовной полиции);

– Европейская полицейская организация (ЕВРОПОЛ) и некоторые иные органы ЕС, реализующие полномочия в сфере противодействия преступности (Евроюст, ОЛАФ).

Отличительная особенность этих организаций заключается в обеспечении широкого и всестороннего сотрудничества правоохранительных органов участников соответствующих организаций в сфере противодействия преступности, особенность деятельности которых предопределяется целями их создания и деятельности, а именно:

◦ привлечение к ответственности и наказание лиц, виновных в совершении наиболее тяжких международных преступлений;

◦ защита от международных преступлений всего человечества в целом;

◦ предупреждение международных преступлений.

Международные правоохранительные организации не подчинены друг другу. Они не могут диктовать, навязывать волю друг другу, взаимодействие международных правоохранительных организаций, строятся на координационной основе. Однако равноправие международных правоохранительных организаций ввиду наличия у них разного объема полномочий носит ограниченный и относительный характер. Эта ограниченность и относительность означает, что такие организации не могут быть приравнены к государствам - основным суверенным участникам международных отношений и субъектам международного права, между которыми действует принцип суверенного равенства. Этот принцип не распространяется на международные правоохранительные организации, т.к. они суверенитетом не обладают.

Различные международные правоохранительные организации не наделены одинаковыми правами и обязанностями для осуществления международного сотрудничества в сфере противодействия преступности. Именно в силу этого их роль в системе этого сотрудничества не характеризуется равноправием с иными его участниками - государствами и национальными правоохранительными органами, действующими от имени государств. Последнее обстоятельство важно учитывать для сбалансированного подхода к правовому регулированию и организации взаимодействия внутригосударственных правоохранительных органов и международных правоохранительных организаций.

§ 3. Совершенствование деятельности ОВД в укреплении международного сотрудничества

Необходимо отметить, что результативная деятельность в сфере противодействия преступности должна осуществляться совместными усилиями всех стран мира. В большинстве случаев это связано со специфическими характеристиками преступлений, которые носят интернациональный характер.

Ведущую роль в системе субъектов сотрудничества занимают правоохранительные органы России, включая ОВД. Данные органы в своей компетенции развивают различные направления деятельности, в том числе касающихся вопросов укрепления международного сотрудничества в сфере противодействия преступности. К примеру, объем сотрудничества государств-участников СНГ в сфере противодействия преступности достаточно обширен, сотрудничество осуществляется как на межправительственном, так и на межведомственном уровнях[1].

Так, в условиях реформирования правоохранительной системы нашей страны проблема обеспечения ОВД и Национальной гвардии Российской Федерации конституционных прав и свобод человека и гражданина порождает потребность в создании универсальных механизмов взаимодействия с правоохранительными органами других государств.

В последнее время в мире актуальны вопросы взаимодействия правоохранительных органов различных стран на основе создания конституционных, правовых, организационных форм накопления межгосударственных инициатив в сфере правообеспечения; комплексного подхода к формированию механизмов претворения в национальную методику деятельности правоохранительных структур международного опыта в сфере противодействия преступности.

Анализ юридической науки взаимодействия органов внутренних дел России с иностранными полицейскими организациями и органами определяет круг субъектов-взаимодействия, детально раскрывающую структуру, форму, содержание названного вида деятельности, а также позволяет изучить природу функционирования элементов этого взаимодействия, состоящую в совместных и согласованных действиях стран-участниц, оказывающих друг другу помощь и решающих общую задачу.

Во взаимоотношениях между органами внутренних дел России с иностранными полицейскими организациями и органами применяются различные формы взаимодействия, такие как:

1) обмен имеющимися процессуальными и оперативными данными о лице, совершившем преступление, или о самом преступлении;

[1] Кобец П.Н. Основы международного сотрудничества правоохранительных органов российской федерации по предупреждению преступности // Инновационная наука. 2016. №7. С. 102-104.

2) проведение совместных, заранее обговоренных ОРМ;

3) экстрадиция, то есть выдача лиц, совершивших преступление, другому государству;

4) международный розыск лиц, совершивших преступление;

5) выполнение отдельных поручений по запросам иностранными полицейскими органов, осуществляющих международное сотрудничество с ОВД России;

6) осуществление совместных превентивных мер, направленных на предупреждение совершения преступлений[1].

Взаимодействие в контексте сотрудничества на международном уровне осуществляется с субъектами ОВД России, следственными органами и органами дознания. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечено, что международное сотрудничество в указанной сфере осуществляется при взаимодополнении сложных факторов сохранения государственного суверенитета, недопустимости вмешательства во внутренние государственные дела, компромиссных договоренностях и соглашениях, которые ведут к самоограничениям, нарушению суверенитета государств, соблюдению конституционных прав и свобод человека и гражданина, гарантированных национальными конституциями и международно-правовыми актами[2].

Взаимодействие органов внутренних дел России с иностранными полицейскими организациями и органами непосредственно имеет отношение к конституционным основам государственной власти в Российской Федерации в вопросе правообеспечения. В статье 18 Конституции РФ определено, что путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества и общепризнанными принципами и нормами международного права непосредственно обеспечиваются национальные интересы и безопасность России.

Необходимо отметить, что взаимодействие в указанной сфере как самостоятельное явление имеет свою нормативно-правовую базу, которая условно делится на две части. Первую часть составляют международно-правовые документы и акты по предоставлению правовой помощи[3]. Вторая часть связана с самим взаимодействием систем правоохранительных структур, в частности ОВД (полиции) каждого государства и формулированием механизма совместного противодействия преступности[4]. Однако

[1] Каламкарян Р.А. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник / М.: Юрайт, 2018. С. 135.

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СЗ РФ. 2016. N 1 (часть II). Ст. 212.

[3] Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (заключена в г. Страсбурге 20.04.1959) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 9. С. 51-59.

[4] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2002. № 2(41). С. 82-130.

данный вид деятельности трактуется как система специфических отношений, содержащие в себе согласованную политику, информационную, научно-исследовательскую, организационно-управленческую, правоприменительную деятельность полицейских организаций разных государств в сфере противодействия преступности.

Таким образом, в рамках совершенствования деятельности правоохранительных органов в укреплении международного сотрудничества, ОВД следует прорабатывать конвенционные и ведомственные элементы правовых взаимоотношений, а также взаимодействовать в сфере совместной и организационно-правовой работы. К ним необходимо относить:

1) многосторонние универсальные конвенции (договоры, соглашения), которые содержат общие нормы и институты об ответственности за международные преступления и правонарушения;

2) многосторонние целевые конвенции (договоры, соглашения), в которых находятся нормы и институты относительно ответственности за отдельные преступления;

3) многосторонние региональные конвенции (договоры, соглашения), которые носят предметный характер (например, Европейская конвенция о выдаче правонарушителей 1957 года с Дополнительными протоколами к ней 1975 года и 1978 года[1]);

4) двусторонние ведомственные договоры (соглашения) о предоставлении правовой помощи в криминальных делах, о выдаче правонарушителей, о борьбе с отдельными видами преступлений, другие формы взаимодействия между полицейскими ведомствами нескольких стран.

В целом, система международного сотрудничества в сфере предупреждения и противодействия преступности – это многогранная деятельность всех полицейских структур различных государств. Информационное взаимодействие ОВД с полицейскими организациями СНГ, других государств мира является лишь частью этого координированного и комплементарного феномена. На полицейские организации всех стран накладывается главнейшая задача, связанная с противодействием международной преступности и сотрудничеством с другими правоохранительными организациями, перед которыми стоят тождественные цели, но масштаб взаимодействия не позволяет решить стратегические задачи предупреждения преступности.

Отдельное место в данной сфере занимают члены Интерпола (Международной организации уголовной полиции), Генеральный секретариат Ин-

[1] Европейская Конвенция о выдаче ETS № 024 (Париж, 13 декабря 1957 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 23. Ст. 2348

терпола и Европейская полицейская организация (Европол)[1]. Остро стоит вопрос о необходимости расширения взаимодействия системы правоохранительных структур России с Интерполом путем подключения их к информационным системам пограничных, миграционных и таможенных служб[2].

Решением данного вопроса станет осуществление комплекса мер по совершенствованию международного обмена информацией о тяжких и особо тяжких преступлениях и оказанию содействия в выполнении запросов иностранных правоохранительных организаций и органов в соответствии с международными договорами России[3].

Таким образом, развитие и воплощение основ взаимодействия ОВД с иностранными полицейскими организациями и органами осуществляются в контексте предупреждения и противодействия преступности, и достижение поставленных целей обеспечивается выполнением следующих задач:

- дальнейшее консолидирование международного сотрудничества государств – членов мирового сообщества в целях противодействия преступности и выработка мер по их предупреждению;

- повышение эффективности взаимодействия с иностранными правоохранительными организациями и органами;

- развитие правовой базы участия в международном сотрудничестве;

- совершенствование организации и координационных механизмов взаимодействия с иностранными правоохранительными организациями;

- совершенствование сбора, анализа и использования международного опыта, применяемого на современном этапе;

- развитие информационно-технического обеспечения противодействия международной преступности на основе современных информационных технологий и телекоммуникационных систем.

Реализация данных задач в практической деятельности органов внутренних дел с иностранными правоохранительными организациями и органами поможет вывести процесс взаимодействия на качественно иной уровень, что, в конечном счете, значительно улучшит состояние профилактики, противодействия, раскрытия и расследования преступлений в Российской Федерации и мире в целом.

В заключение хотелось бы отметить, что наиболее эффективными формами практической деятельности правоохранительных органов в рамках

[1] Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола: Приказ МВД России № 786, Минюста России № 310, ФСБ России № 470, ФСО России № 454, ФСКН России № 333, ФТС России № 971 от 06.10.2006 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006 . № 47.

[2] Готчина Л.В. Международное законодательство в сфере предупреждения наркопреступлений, совершаемых несовершеннолетними, молодежью и в отношении них // Lex Russica, М.: 2014. № 5. С. 465.

[3] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть IV). Ст. 2188.

международного сотрудничества государств являются участие в создании и гармонизации международного законодательства в сфере противодействия преступности; проведение рабочих встреч с представителями правоохранительных органов зарубежных стран, участие в международных конференциях и совещаниях; обмен оперативной информацией; исполнение запросов общего и конфиденциального характера; проведение совместных оперативно-розыскных и профилактических мероприятий, а также широкомасштабных целевых специальных операций; розыск лиц, находящихся в межгосударственном розыске, их экстрадиция или депортация.

Вопросы для самоконтроля:

1. Раскройте основные цели международного сотрудничества в сфере противодействия преступности.
2. В чем заключаются основные направления международного сотрудничества в борьбе с преступностью?
3. Покажите систему нормативных правовых актов в сфере международного сотрудничества, отражающих проблемы предупреждения и противодействия преступности.
4. Отразите особенность международно-правового регулирования в области противодействия терроризму, незаконной миграции и транснациональной преступности.

Литература:

Готчина Л.В. Международное законодательство в сфере предупреждения наркопреступлений, совершаемых несовершеннолетними, молодежью и в отношении них // Lex Russica. – 2014. - № 5. – С.594-606.

Каламкарян Р.А. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник. - М.: Юрайт, 2018. – 349 с.

Кобец П.Н. Основы международного сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации по предупреждению преступности // Инновационная наука. - 2016. - С. 102-104.

Ларина Е.С., Овчинский В.С. Криминал будущего уже здесь. – М.: Книжный мир, 2018. – 512 с.

Овчинский В.С. Мафия: новые мировые тенденции. – М.: Книжный мир, 2016. – 384 с.

Сорокин А.В. Проблемы интеграции российского уголовного процесса в международное сотрудничество по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М, 2010. – 29 с.

Заключение

В учебнике были рассмотрены основные проблемы современной криминологической науки, общие вопросы криминологии, ее место и роль в системе юридических знаний. Изучение Общей части криминологии как учебной дисциплины предполагает усвоение довольно сложных теоретических положений. Исходя из этого, при создании данного учебника сделан акцент на знание будущими юристами основных теоретических положений криминологической науки, причин и условий преступности, основных характеристик преступности, личности преступника, механизма преступного поведения, криминальной виктимологии, криминологического прогнозирования и планирования, предупреждения преступности. Также авторы обращались к достижениям других наук, таким как уголовное право, социология, психология, поскольку они помогают криминологии в разработке и совершенствовании приемов и средств противодействия преступности.

Знание криминологии способствует развитию профессиональной культуры сотрудника полиции, следователя, прокурора, судьи, адвоката. Без понимания природы преступности невозможно эффективно с ней бороться, что представляет собой основную цель в деятельности любого сотрудника правоохранительных органов, это способствует выработке и совершенствованию деловых и интеллектуальных качеств, определяющих гражданскую позицию, правосознание, чувство долга перед обществом (государством), формирует понимание значимости выбранной профессии. Усвоение актуальных вопросов криминологии способствует умению выявлять обстоятельства, способствующие преступности, планировать и осуществлять деятельность по предупреждению преступлений и иных правонарушений; своевременно предупреждать готовящиеся преступления; совершенствовать работу по выявлению преступлений; учитывать особенности личности преступников и совершаемых ими противоправных деяний; правильно определять меры профилактики, коррекции и исправления правонарушителей.

В учебнике в доступном и систематизированном виде изложены основные положения криминологической науки, представлены основные направления современной криминологии и актуальные исследования в этой области. Учебник предназначен для обучающихся в юридических вузах, однако может быть интересен и практическим сотрудникам правоохранительных органов, поскольку изложенные в нем теоретические положения, позволят более четко представлять современные тенденции преступности, ее качественные и количественные характеристики, особенности личности преступника и жертвы преступного посягательства, криминогенные детерминанты, методы предупреждения и противодействия преступным проявлениям.

Исследование преступности в современных условиях представляется сложным познавательным процессом, который реализуется как на экспериментальных площадках, в практической деятельности правоохранительных органов, так и в учебном процессе. Все это требует новых идей, переосмысления устаревших подходов, определения перспективных научных направлений.

Существенный вклад в развитие отечественной криминологии внесли такие корифеи науки, как Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Н.И. Ветров, Б.В. Волженкин, Л.Д. Гаухман, Я.И. Гилинский, А.И. Гуров, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, Д.А. Корецкий, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, С.Я. Лебедев, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, И.М. Мацкевич, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло, Д.В. Ривман, А.Б. Сахаров, О.В. Старков, В.С. Устинов, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов и др. В свою очередь, они подготовили немало молодых ученых, которые достойно представляют российскую криминологическую школу в мировом масштабе. При этом стоит отметить, что глубина многих теоретических и прикладных разработок в последние годы возросла, что в немалой степени вызвано общим совершенствованием законодательства и практики его применения.

Все больше заявляют о себе актуальные научные направления, такие как ювенология, террология, криминофамилистика, криминальная армалогия, криминопенология, наркокриминология, энвайронментальная криминология. Но и сама преступность не стоит на месте. Она проявляет себя в новых качественных формах и видах (преступления в сфере информационных технологий, социальные мошенничества, совершенствуются способы легализации доходов, полученных преступным путем и проч.). В такой ситуации развитие отечественной криминологической мысли представляется необходимым условием дальнейшего развития всей системы предупреждения и противодействия преступности.

Список рекомендуемой литературы для углубленного изучения курса «Криминология»

а) нормативные правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации. - М.: Проспект, 2019.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. - М.: Эксмо, 2019.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. - М.: Эксмо, 2019.

4. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: закон РФ от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. - № 26. – (Ч.1). – Ст. 3851 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: закон РФ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 7.06.17 г.) // СЗ РФ. - 1999. - № 26. – Ст. 3177 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

6. О противодействии экстремистской деятельности: закон РФ от 25.07. 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 23.11.15 г.) // СЗ РФ. – 2002. - № 30. – Ст. 3031; 2007. - № 31. – Ст. 4008 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

7. О противодействии терроризму: закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35 – ФЗ (в ред. от 06.07.16 г.) // СЗ РФ. – 2006. - № 11. – Ст. 1146 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

8. О противодействии коррупции: закон РФ от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 03.04.17 г.) // СЗ РФ. – 2008. - № 52 (ч. 1). – Ст. 6228 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

9. О деятельности ОВД по предупреждению преступлений: приказ МВД РФ от 17.01.06 г. № 19 (в ред. 20.01.16 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

б) учебная литература:

1. Антонян Ю.М. Криминология: учебник / Ю.М. Антонян. - М.: Юрайт, 2018. – 388 с.

2. Афанасьева О.Р. Криминология и предупреждение преступлений: учебник и практикум / О.Р. Афанасьева, М.В. Гончарова, В.И. Шиян. – М.: Юрайт, 2018. – 360 с.

3. Долгова А.И. Криминология: краткие учебные курсы / А.И. Долгова. – М.: Норма: Инфра-М, 2016. – 368 с.

4. Дроздов В.Ю. Криминология: учебник / В.Ю. Дроздов, Н.Б. Хлыстова - М.: КНОРУС, 2019. – 210 с.

5. Жариков Ю.С. Криминология: учебник / Ю.С. Жариков, В.П. Ревин, В.Д. Малков, В.В. Ревина. – М.: Юрайт, 2018. – Т. 1. – 242 с.

6. Лунеев В.В. Криминология: учебник / В.В. Лунеев. – М.: Юрайт, 2018. – 686 с.

7. Клейменов М.П. Криминология: учебник / М.П. Клейменов. – М.: Норма, Инфра-М, 2017. – 400 с.

7. Козаченко И.Я. Криминология: учебник и практикум / И.Я. Козаченко, К.В. Корсаков. – М.: Юрайт, 2018. – 277 с.

8. Комлев Ю.Ю. Теории преступности: учебное пособие / Ю.Ю. Комлев. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – 107 с.

9. Криминология: учебник для академического бакалавриата / под ред. В.И. Авдийского, Л.А. Букалеровой. – М.: Юрайт, 2018. – 301 с.

10. Криминология. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. О.С. Капинус. – М.: Юрайт, 2018. – 303 с.

11. Криминология: учебное пособие / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. – СПб.: Питер, 2018. – 304 с.

12. Криминология: учебник / отв. ред. В.Е. Эминов. – М.: Проспект, 2019. – 368 с.

13. Криминология: учебник / под общ. ред. В.И. Гладких. – М.: 2017. – 422 с.

14. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник / С.В. Троицкий [и др.]; отв. ред. Р.А. Каламкарян. – М.: Юрайт, 2018. – 349 с.

15. Решетников А.Ю. Криминология: учебное пособие для вузов / А.Ю. Решетников, О.Р. Афанасьева. – М.: Юрайт, 2018. – 166 с.

в) специальная литература:

1. Авдийский В.И. Организация предупреждения правонарушений в сфере экономики / В.И. Авдийский, Ю.В. Трунцевский. – М.: Юрайт, 2018. - 272 с.

2. Антонян Ю.М. Личность убийцы: монография / Ю.М. Антонян, Б.Г. Бовин. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 232 с.

3. Антонян Ю.М. Преступность в истории человечества: монография / Ю.М. Антонян, О.Ю. Звизжова. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2015. – 208 с.

4. Антонян Ю.М. Наука криминология: монография / Ю.М. Антонян. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 376 с.

5. Антонян Ю.М. Мотивация преступного поведения: монография / Ю.М. Антонян. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 376 с.

6. Гилинский Я.И. Очерки по криминологии / Я.И. Гилинский. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 140 с.

7. Гилинский Я.И. Социальное насилие / Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетейя, 2017. – 212 с.

8. Клейменов М.П. Нераскрытая преступность: монография / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2015. – 208 с.

9. Ларина Е.С. Криминал будущего уже здесь / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. – М.: Книжный мир, 2018. – 512 с.

10. Личность преступника и профилактика преступлений: монография / Ю.М. Антонян, Е.А. Антонян, О.Р. Афанасьева [и др.]; под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Проспект, 2017. – 224 с.

11. Личностные характеристики преступников: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. – 311 с.

12. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность: монография / В.В. Лунеев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 272 с.

13. Овчинский В.С. Технологии будущего против криминала / В.С. Овчинский. – М.: Книжный мир, 2017. – 288 с.

14. Романовский Г.Б. Занимательная биокриминология: монография / Г.Б. Романовский. – М.: Проспект, 2018. – 200 с.

15. Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона / Д.А. Шестаков. - СПб.: Юридический центр, 2015. – 92 с.

16. Шестаков Д.А. Суждение о преступности и вокруг нее / Д.А. Шестаков. – СПб.: Юридический центр, 2015. – 84 с.

17. Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: Избранное / Д.А. Шестаков. – СПб.: Юридический центр, 2015. – 432 с.

18. Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ: монография / В.Е. Эминов. – М.: Норма: Инфра-М, 2015. – 128 с.

Сведения об авторах

1. *Зиннуров Фоат Канафиевич* (научный редактор) – доктор педагогических наук, доцент, начальник Казанского юридического института МВД России (предисловие, § 3 гл. II).

2. *Шалагин Антон Евгеньевич* (ответственный редактор от авторского коллектива) – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России (предисловие, введение, заключение, библиография, § 1 гл. III, § 1, 4, 5 гл. X).

3. *Абдулганеев Ренат Рафаилович* – кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России (§ 2, 3 гл. X).

4. *Артюшина Ольга Викторовна* – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права (§ 2, 3, 4, 5 гл. III).

5. *Битшева Альбина Владимировна* – преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России (введение, заключение, библиография).

6. *Варыгин Александр Николаевич* – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии (§1, 5 гл. V; гл. IX).

7. *Гарафутдинов Марат Рафикович* – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по учебной работе) (§ 1 гл. XII).

8. *Гончарова Мария Витальевна* – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник НИЦ № 1 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (§ 2,3,4 гл. V).

9. *Гумаров Ильнур Асгатович* – кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Казанского юридического института МВД России (§ 6 гл. X).

10. *Глухова Анна Анатольевна* – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России (гл. VI).

11. *Гребенкин Михаил Юрьевич* – старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России (гл. II).

12. *Гусарова Мария Викторовна* – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России (гл. IV).

13. *Демидова-Петрова Елизавета Викторовна* – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполни-

тельного права Казанского юридического института МВД России (§1, 5 гл. V; гл. IX).

14. *Жуковская Ирина Викторовна* – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России (гл. VII).

15. *Идиятуллов Алмаз Дамирович* – адъюнкт Казанского юридического института МВД России (§1 гл. X).

16. *Кабанов Павел Александрович* – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России (гл. I; гл. VIII).

17. *Комлев Николай Юрьевич* – кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России (гл. XII).

18. *Комлев Юрий Юрьевич* – доктор социологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России (гл. XI).

19. *Кормильцева Светлана Олеговна* – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России (§ 4,5 гл. X).

20. *Куликов Роман Сергеевич* – кандидат педагогических наук, начальник кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России (§3 гл. XII).

21. *Ларичев Василий Дмитриевич* – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник НИЦ № 3 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (гл. VII).

22. *Миронов Сергей Николаевич* – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе) (§ 3 гл. X).

23. *Хафизова Альбина Мансуровна* – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России (§ 2 гл. II).

24. *Чанышева Гульнара Габдулхаковна* - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России (гл. VIII).

25. *Шляхтин Евгений Павлович* – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности Казанского юридического института МВД России (§ 6 гл. X).

Учебное издание

КРИМИНОЛОГИЯ
ОБЩАЯ ЧАСТЬ

Учебник

Научный редактор – доктор педагогических наук,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел
Российской Федерации,
начальник Казанского юридического института МВД России,
генерал-майор полиции
Ф.К. Зиннуров

Ответственный редактор –
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Казанского юридического института МВД России
полковник полиции
А.Е. Шалагин

Корректоры: О.Н. Хрусталева,
Н.А. Климанова

Формат 60х90 1/16 Подписано в печать 04.12.2019
Усл. печ. л. 35,8 Тираж 200 экз.

Типография КЮИ МВД России
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130